ISSN 1994-3725

Научный журнал

ВЕСТНИК
Тверского Государственного Университета

Серия: ФИЛОЛОГИЯ

№ 1, 2019

ВЕСТНИК ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ **№ 1 (60), 2019**

Научный журнал *Основан в 2004 г.*

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство ПИ № ФС 77-61036 от 5 марта 2015 г.)

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

Заслуженный деятель науки РФ, д-р филол. н., проф. А. А. Залевская *(главный редактор)*;
канд. филол. н., доц. И. В. Гладилина *(зам. главного редактора)*;
к. филол. н., доц. М. В. Оборина *(отв. секретарь)*;
д-р филол. н., доц. И. С. Бороздина (Курск); д-р филол. н., проф. Е. Н. Брызгалова;
д-р филол. н., проф. В. В. Волков; д-р филол. н., доц. Н. С. Гегелова (Москва);
д-р филол. н., проф. А. В. Гулин (Москва); д-р филол. н., проф. Н. В. Дмитрюк (Казахстан);
д-р филол. н., проф. Ю. В. Доманский (Москва); д-р филол. н., проф. Н. Ю. Желтова;
д-р филол. н., проф. Ц. Иванова (Болгария); д-р филол. н., проф. Н. О. Золотова;
д-р филол. н., проф. И. В. Карташова; д-р филол. н., проф. Н. Ф. Крюкова;
д-р филол. н., проф. Н. И. Курганова (Минск, Беларусь);
д-р филол. н., проф. В. А. Миловидов; д-р филол. н., проф. С. В. Мкртычян;
д-р филол. н., проф. Б. Я. Мисонжников (Санкт-Петербург);
д-р филол. н. Н. В. Мохамед (Австрия); д-р филол. н., проф. Е. Ю. Мягкова (Курск);
д-р филол. н., проф. С. Ю. Николаева; д-р филол. н., проф. Л. Н. Скаковская;
д-р филол. н., доц. С. А. Чугунова (Брянск)

Адрес редакции:

Россия, 170100, Тверь, ул. Желябова, 33, к. 207
Тел.: 8 (4822) 34-46-56

Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.

© Тверской государственный университет, 2019

VESTNIK TVGU

SERIES: PHILOLOGY No. 1 (60), 2019

Scientific Journal *Founded in 2004*

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications
PI № ФС 77-61036 from March 5, 2015.

Translated Title
HERALD OF TVER STATE UNIVERSITY. SERIES: PHILOLOGY

Founder
FEDERAL STATE BUDGET EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION "TVER STATE UNIVERSITY"

Editorial Board of the Series:
Dr. of Philology, Prof., Honoured Scientist of RF A. A. Zalevskaya *(Editor-on-Chief)*;
Candidate of Philology, Assoc. Prof. I. V. Gladilina *(Deputy Editor-in-Chief)*;
Candidate of Philology, Assoc. Prof. M. V. Oborina *(Executive Secretary)*;
Dr. of Philology, Assoc. Prof. I. S. Borozdina (Kursk); Dr. of Philology, Prof. E. N. Bryzgalova;
Dr. of Philology, Prof. V. V. Volkov; Dr. of Philology, Assoc. Prof. N. S. Gegelova (Moskow);
Dr. of Philology, Prof. A. V. Gulin (Moskow); Dr. of Philology, Prof. N. V. Dmitryuk (Kazakhstan);
Dr. of Philology, Prof. Yu. V. Domansky (Moskow); Dr. of Philology, Prof. N. Yu. Zheltova (Tambov);
Dr. of Philology, Prof. Z. Ivanova (Bulgaria); Dr. of Philology, Assoc. Prof. N. O. Zolotova;
Dr. of Philology, Prof. I. V. Kartashova; Dr. of Philology, Prof. N. F. Kryukova;
Dr. of Philology, Assoc. Prof. N. I. Kurganova (Minsk, Byelarus);
Dr. of Philology, Prof. V. A. Milovidov; Dr. of Philology, Assoc. Prof. S. V. Mkrtychyan;
Dr. of Philology, Prof. B. Ya. Misonzhnikov (St-Petersburg);
Dr. of Philology N. V. Mokhamed (Austria); Dr of Philology, Prof. E. Yu. Myagkova (Kursk);
Dr. of Philology, Prof. S. Yu. Nikolaeva; Dr. of Philology, Prof. L. N. Skakovskaya;
Dr. of Philology, Assoc. Prof. S. A. Chugunova (Bryansk)

Editorial Office:
Russia, 170100, Tver, 33 Zhelyabov str., office 207
Phone: 8(4822)34-46-56

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced without the written permission of the publisher.

© Tver State University, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Васильева С. А. Образ героя в «Рассказе о Сергее Петровиче» Л. Андреева 7
Казанцева И. А. Роль публицистичности в современном неореализме (на примере произведений С. Шаргунова) 12
Карандашова О. С. Истоки русской литературной сказки 17
Кихней Л. Г., Афанасьева О. В. Англо-американские жанровые подтексты в «Нефритовых четках» Б. Акунина 22
Королева В. В. Интертекстуальность как прием в творчестве Э. Т. А. Гофмана 28
Меркушов С. Ф. Фронтальное присутствие категории абсурда в русской литературе XX века 35
Николаева С. Ю. Ф. И. Тютчев и И. С. Тургенев в восприятии Л. Н. Толстого (книга «Круг чтения») 41
Редькин В. А. Особенности идиостиля поэзии Михаила Суворова 51
Халиуллин К. Р. Человек буянящий: разгульное поведение в первой трети XIX века и литературный контекст (лирика Д. В. Давыдова, «Выстрел» А. С. Пушкина) 62

ЛИНГВИСТИКА

Волков В. В., Волкова Н. В., Гладилина И. В. Русский менталитет и европейская идентичность. Лингвистический и лингвоментальный аспекты 69
Ганжина И. М., Габлина Т. В. Переосмысление значений слов с индоевропейскими корнями в тверских говорах 81
Корзина Н. А. К вопросу о жанровом статусе «толкового словаря Живого великорусского языка» в. И. Даля 87
Лекова П. А. Речевой портрет современного дагестанского меню: ономастический аспект 97
Мирзоева В. М., Аксенова Е. Д., Кузнецова А. А., Мирзоева Е. З. О семантической дифференциации сложносочиненных предложений с сочетанием *(а) между тем* (на материале текстов оториноларингологии) 104

ЖУРНАЛИСТИКА И РЕКЛАМА

Антонов-Овсеенко А. А., Романкина Е. А. Бюджеты медиа-пространства: еще раз о специфике национального тренда к сокращению печатных СМИ 109
Брызгалова Е. Н., Иванова И. Е. Прецедентность как авторская стратегия (на материале современной колумнистики) 114
Бушев А. Б. Глобальный медиадискурс о брекзите 122
Бычкова М. Б. Современный видеоблог: причины популярности и жанровое многообразие 127
Овчарова О. Г. Государства современного мира: гендерный статус (на примере представления глобальных рейтингов в массовой коммуникации) 132

Скаковская Л. Н., Мальцева А. А. Оценка степени распространенности русскоязычного контента на официальных сайтах вузов и научных организаций стран СНГ 141

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ. ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

Бабаева А. А., Гегелова Н. С. Продвижение вуза в социальных сетях 145
Белова Т. В. Молодость и старость в цикле «Тёмные аллеи» И. А. Бунина 149
Бородина Е. Ю. Полисемические связи славянизмов и церковнославянизмов в поэтическом идиолекте (лексемы *подвиг* и *подвиг* бытия в лирике П. А. Вяземского) 153
Власова О. Б. Изучение неизменяемых омонимов в русской и иностранной аудитории 159
Выржиковская И. В., Федоренко С. Е. Языковые средства выражения сострадания как одного из составляющих нравственности 165
Гнездилова Е. В. Античный миф как основа эстетической концепции Жана Кокто 171
Частных В. В. До А. Н. Варламова: литературные портреты и исследования о шести писателях. Опыт краткой библиографии 179

ГОЛОСА МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Атаянц Г. Р. Путешествие В. Л. Дедлова (Кигна) как опыт самоидентификации 187
Вихрова Е. Ю. Феномен юродства в неореализме (на примере произведений А. Варламова и С. Шаргунова) 191
Воронцова Е. Е. Своеобразие историзма в творчестве В. Я. Шишкова и С. Н. Сергеева-Ценского (на материале романов «Емельян Пугачев» и «Севастопольская страда») 195
Громова Т. А. Проблема экологии в произведениях В. И. Крюкова и В. Я. Шишкова 201
Дивакова Е. А. Фольклорные мотивы в рассказе М. Г. Петрова «Гуси» 206
Жукова Е. С. Роль толерантного отношения к осужденным в рамках социальной реабилитации 210
Лаврикова Д. В. Коммуникативные стратегии в процессе создания бренда Тверского региона 215
Николаева Я. С. Взаимодействие литературы и фольклора в романе Е. Никитиной «А что вы хотели от Бабы-яги» 220
Ратникова О. С. Функция интертекста в романе-антиутопии Дж. Барнса «Англия, Англия» 226

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Петров А. А. In memoriam. Валентина Георгиевна Шомина (Назарова) 231

CONTENTS

LITERARY STUDIES

Vasilyeva S.A. The image of the hero in the L. Andreev's "Story about Sergey Petrovich" **7**
Kazantseva I. A. The role of publicity in modern neorealism (on the example of Shargunov's works) 12
Karandashova O.S. The origins of Russian literary fairy tale 17
Kikhney L. G., Afanasyeva O. V. English and American genre subtext in the "Greenstone Rosary" by B. Akunin 22
Koroleva V. V. Intertextuality as a technique in the works of E. T. A. Hoffmann 28
Merkushov S. F. Frontal presence of the category of the absurd in the Russian literature of the twentieth century 35
Nikolaeva S. Yu. F. I. Tyutchev and I. S. Turgenev in the perception of L. N. Tolstoy (the book "Reading Circle") 41
Redkin V. A. Features of idiostyle of the poetry of Mikhail Suvorov 51
Khaliullin K. R. A browling man: dissipated behavior in the first half of the XIXth century and the literary context (Denis Davidov's lurics and Alexander Pushkin's "The Shot") 62

LINGUISTICS

Volkov V. V., Volkova N. V., Gladilina I. V. Russian mentality and European identity. The linguistic and linguo-mental aspects 69
Ganzhina I. M., Gablina T. V. Rethinking the meanings of words with Indo-European roots in the Tver dialects 81
Korzina N. A. To the question of the genre status of "The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language" by V. I. Dal 87
Lekova P. A. The verbal portrait of the modern Daghestani menu: onomastik study 97
Mirzoeva V. M., Aksenova E. D., Kuznetsova A. A., Mirzoeva E. Z. About the semantic differentiation of complex sentences with *(а) между тем* (based on otorhinolaryngological texts) 104

JOURNALISM AND ADVERTISING

Antonov-Ovseenko A. A., Romankina E. A. Media space budgets: once again about the specifity of national trend to reduce of the print media 109
Bryzgalova E. N., Ivanova I. E. Precedent as an author's strategy (on the material of modern columnism) 114
Boushev A. B. Brexit discourse in global media 122
Bychkova M. B. Modern video blog: the reasons of its popularity and genre multiplicity 127
Ovcharova O. G. States of modern world: gender status (on the example of the submission of global ratings in mass communication) 132

Skakovskaya L. N., Maltseva A. A. Evaluation of the distribution of the Russian language content on the official sites of universities and scientific organizations of the CIS countries 141

RESEARCH RECORDS AND REPORTS. TEACHING PROBLEMS

Babaeva A. A., Gegelova N. S. A university promotion in social networks 145
Belova T. V. The youth and the old age in the collection of short stories "Dark Alleys" by Ivan A. Bunin 149
Borodina E. Yu. Polysemic relations of Slavicisms and Church Slavicisms in poetical idiolect (lexemes *подвиг* and *подвиг бытия* in P. A. Vyazemsky's lyrics) 153
Vlasova O. B. The study of the invariant homonyms in Russian and foreign audience 159
Vyrzhikovskaya I. V., Fedorenko S. Y. Language means of expression of sympathy as a component of morale 165
Gnezdilova E. V. Antique myth as a basis of Jean Cocto's aesthetic concept 171
Chastnykh V. V. Before A. N. Varlamov: literary portraits and studies of six writers. Concise bibliography 179

YOUNG RESEARCHERS

Atayants G. R. Travelling of V. L.Dedlov (Kign) as a self-identification experience 187
Vikhrova E. Y. The fool's phenomenon in neorealism (on the example of works by Alexey Varlamov and Sergey Shargunov) 191
Vorontsova E. E. The originality of historicism in the works by V. Ya. Shishkov and S. N. Sergeev-Tsensky (based on the novels "Emelyan Pugachev" and "Sevastopolskaya Strada") 195
Gromova T. A. The theme of ecology in the works of V. I. Kryukov and V. Y. Shishkov 201
Divakova E. A. Folklore motives in Michael Petrov's story "Geese" 206
Zhukova E. S. The role of tolerant relations to condemned within the framework of social rehabilitation 210
Lavrikova D. V. Communication strategy in the process of creating a brand of the Tver region 215
Nikolaeva Ya. S. Interaction of literature and folklore in the novel by E. Nikitina "What did you Want from Baba Yaga" 220
Ratnikova O. S. Intertextuality in the novel "England, England" by J. Barnes 226

ACADEMIC LIFE

Petrov A. A. In memoriam. Valentina Georgievna Shomina (Nazarova) 231

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1-3

ОБРАЗ ГЕРОЯ В «РАССКАЗЕ О СЕРГЕЕ ПЕТРОВИЧЕ» Л. АНДРЕЕВА

С. А. Васильева

Тверской государственный университет
кафедра истории и теории литературы

Рассматривается типологическая связь героя «Рассказа о Сергее Петровиче» Л. Н. Андреева с образами «маленького человека» в «Шинели» Н.В. Гоголя и «Бедных людях» Ф. М. Достоевского. После романа Достоевского «Преступление и наказание» мировоззрение «маленького человека» усложняется, в идеях Сергея Петровича прослеживаются параллели с рассуждениями Раскольникова.
Ключевые слова: *Л. Н. Андреев, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, образ «маленького человека».*

Главный герой «Рассказа о Сергее Петровиче» Л. Н. Андреева – студент, намеревающийся после окончания университета поступить в акцизное ведомство и стать честным, исполнительным, трудолюбивым чиновником. Он осознает, что через тридцать лет остановится на средней ступеньке лестницы повышений, «разбитый годами, нуждою и болезнями» [1, с. 326]. На тридцатилетнем юбилее его службы «будут говориться речи, и он будет слушать их и плакать от умиления, как плакал его отец, и целоваться с такими же, как и он, старенькими, седенькими, изгрызанными жизнью бывшими и будущими юбилярами» [Там же, с. 236]. Столь унылая картина была обусловлена заурядностью Сергея Петровича: он был как все, а впереди его ждала такая же заурядная жизнь мелкого чиновника.

И. С. Скоропанова справедливо относит героя Андреева к типу «маленького человека», ставя его между героями Пушкина, Гоголя, Достоевского, с одной стороны, и Соллогуба, Леонова, Зощенко – с другой [6], хотя и не обозначает черты, которые он наследует от своих предшественников. Тем не менее Сергей Петрович, как и Макар Алексеевич Девушкин («Бедные люди» Ф. М. Достоевского), осознавал свою генетическую связь с «маленькими людьми», однако, как и Девушкин, критически отозвавшийся о «Шинели» Н. В. Гоголя, не хотел эту связь признавать: «Правдивыми ему казались русские романы, но больно было читать их при мысли, что он один из таких же маленьких, источенных жизнью людей, о каких пишутся эти толстые и унылые книги» [1, с. 229]. Книги о «маленьком» человеке были написаны сильными людьми, они пытались показать, какой он «жалкий, никуда не годный и никому не нужный, они не смеются и не издеваются над ним, – нет, они стараются изобразить его горе так жалко, чтобы люди плакали, а радость так, чтобы смеялись» [Там же, с. 237].

Одна из ключевых характеристик «маленького человека» в русской литературе XIX в. – бедность. У Макара Девушкина она осложняется «амбицией», желанием эту бедность скрыть, он стремится быть ничем не хуже других. Сергей Петрович тоже был беден. Бедность героя Андреева напоминает убогий быт Акакия

Акакиевича Башмачкина («Шинель» Н. В. Гоголя) и Девушкина, с «Бедными людьми» совпадает даже такая деталь, как постоянный чад из кухни по утрам. Однако отличительной чертой Сергея Петровича была все-таки безликость, у него единственного в классе не было прозвища, заурядна была внешность. А самое главное – он был неумен и *ограничен* (слово с этим корнем встречается в рассказе шесть раз). В сравнении с этим «другие маленькие фактики – отсутствие талантов, слабая грудь, неловкость, безденежье – казались неважными». Безденежье, бедность оказываются для «маленького человека» рубежа веков на втором плане.

В первом же абзаце Андреев подчеркивает ограниченность способностей главного героя: «Сергей Петрович плохо знал немецкий язык, по-гимназически, и с переводом ему было много труда». Книгу Ницше «Так сказал Заратустра» его друг Новиков не успел перевести до конца, но герой «вполне удовлетворялся прочитанным», заучив наизусть многие отрывки на немецком языке, поскольку в переводе афоризмы, в его представлении, становились слишком просты и понятны, а на иностранном языке приобретали глубину и загадочность. Андреев, опираясь на созданный предшественниками образ «маленького человека», расширяет и углубляет его значение. Он уходит от одной из основных характеристик этого типа – бедности, она остается, но не является главенствующей. Основной становится ограниченность героя.

Надо отметить, что здесь проявляется и другое отличие героя от, например, Башмачкина: «Удивительно то, что, хотя у него и со способностями не густо, он абсолютно адекватно воспринимает себя, мир, себя в этом мире; в этом смысле Акакия Акакиевича можно считать самым гармоничным образом в галерее гоголевских образов» [5, с. 79]. Сергей Петрович как раз из-за своей заурядности и испытывает муки: обычно жизнь его «текла, плоская, мелкая и тусклая, как болотный ручей» [1, с. 231], но иногда он «с ужасом сознавал, что он все тот же мелкий, ничтожный человек; тогда он по целым ночам мечтал о самоубийстве, пока злая и требовательная ненависть к себе и к своей доле не сменялась мирною и кроткою жалостью» [Там же].

Все изменила в жизни Сергея Петровича книга Ницше «Что сказал Заратустра». Для героя это было «видение сверхчеловека, того непостижимого, но человечного существа, которое осуществило все заложенные в него возможности и полноправно владеет силою, счастьем и свободою» [Там же, с. 233]. Раньше, когда он читал биографии известных людей, он не мог преодолеть «печальных размышлений о незадавшейся жизни»: «чем больше узнавал он великих людей, тем меньше становился сам» [Там же, с. 230]. Мечта стать сверхчеловеком меняет героя. Здесь на скромные «амбиции» Макара Девушкина накладываются рассуждения Раскольникова о двух разрядах, на которые делятся люди. Сергей Петрович до чтения Ницше вполне подходил к первому разряду людей, который обозначил Раскольников: «первый разряд, то есть материал, говоря вообще, люди по натуре своей консервативные, чинные, живут в послушании и любят быть послушными», «они и обязаны быть послушными, потому что это их назначение, и тут ничего унизительного для них нет» [3, с. 248], Однако жить заурядно жизнью как раз и не хочет герой Андреева, это и вызывает у него протест, он не желает быть одним из многих. Ведь и Раскольников хотел быть исключительным, потому что «первый разряд всегда – господин настоящего, второй разряд – господин будущего. Первые сохраняют мир и приумножают его численно; вторые двигают мир и ведут его к цели» [Там же].

В ярком свете видения сверхчеловека собственная жизни казалась Сергею Петровичу похожей на коридор, сзади – безрадостное детство, впереди такое же без-

радостное будущее, тот же коридор, лишенный дверей, через которые можно было бы выйти на яркий свет. А в самом коридоре героя окружали не живые люди, а такие же, как и он, серые тени. Появилось желание самому стать сильным и свободным. Однажды, выпив, он назвал всех «идиотами, а себя сверхчеловеком» [1, с. 234]. Раскольников совершает преступление как «бунт против божественного миропорядка, самовозношение сильной личности», это «гордыня человекобожества» [4, с. 358]. И если Девушкин мечтал быть «как все», ничем не выделяться, то Сергей Петрович, подобно Раскольникову, хотел стать исключительным человеком.

Герою не хватило силы, чтобы сломать свою жизнь, заняться тем, что ему действительно нравится, от чего он получает удовольствие, – простой и грубой работой. Так поступали люди сильные и смелые, а он чувствовал себя робким и управляемым. И здесь проявляется еще одно отличие от Башмачкина, которому повезло с умением «абсолютно точно угадать свое предназначение, полюбить именно то, к чему предназначен, ни на йоту не превысить своих возможностей» [5, с. 81]. Если Гоголь изображает «невзрачного, робкого, безобидного, но и самодостаточного человека» [Там же, с. 82], то Сергей Петрович мучился от осознания своей ничтожности, он мечтал, что появится свободное *я*, которое «не зависит ни от слабого мозга, ни от вялого сердца» [1, с. 238]. Только на короткое время, когда он не смог совершить самоубийство в первый раз, Сергей Петрович ощутил, что счастье – это сама жизнь.

Имена Ницще и Сергея Петровича Андреев ставит рядом в первой же строке своего рассказа: великий философ и «маленький» ограниченный человек. Закономерно, что попытка осмыслить творение Ницше оказалась для Сергея Петровича непосильной задачей. В сущности, в рассказе Андреева тип «маленького человека» соединяется с типом «нового человека». Сергей Петрович примеряет на себя роль Раскольникова, правда, сразу понимает, что и это ему не по силам. Читая в газетах о людях, совершающих преступления, он всякий раз думал: «А я бы не мог». Но и Раскольникова перед преступлением преследовали подобные мысли: «Господи! Ведь я все же равно не решусь! Я ведь не вытерплю, не вытерплю...» [3, с. 58]. Однако Раскольников все-таки совершает преступление, а Сергей Петрович такую возможность даже не рассматривает.

А.В. Богданов отмечает, что уже в первом сборнике Андреева появляются «кошмары жизни», «которые хотя и зарождались в среде Башмачкиных, но проникали в каждую душу, не признавая социальных перегородок. Страх за судьбу маленького человека, жалость к нему перерастали в страх за себя: уродливое общественное устройство лишь скрывало истинную первопричину зла. Оно, по Андрееву, в самой природе, наделившей несчастнейшее свое создание разумом – но достаточным только для того, чтобы осознать свою конечность, свою беззащитность и ненужность» [2, с. 12]. Ответ, как все-таки вырваться из этих серых будней, Сергею Петровичу подсказали слова Заратустры: «Если жизнь не удается тебе, если ядовитый червь пожирает твое сердце, знай, что удастся смерть» [1, с. 244]. Робкая попытка Башмачкина добиться справедливости, пьяный дебош Девушкина (визит к офицеру) были «бунтом». Герой Андреева, мечтающий стать сильной личностью, решает выбиться из этих серых будней даже ценой собственной смерти. Это тоже своеобразный «бунт» «маленького человека»: «Раз нельзя победить – нужно умереть. И Сергей Петрович решил умереть и думал, что смерть его будет победою» [Там же]. Только это «бунт» окончательный, после которого уже ничто нельзя исправить. Но это и единственная возможность хоть как-то изменить порядок вещей, которую нашел Сергей Петрович. Впервые в жизни герой почувствовал гордость за себя («я не трус»).

Вторично решившись на самоубийство, Сергей Петрович осознал в себе «смелое, свободное и бессмертное человеческое я», читавшие же его письмо к Новикову сочли это «бредом мании величия» [Там же, с. 251]. «Бунт» маленьких людей сопровождался неким «безумием», так было с Девушкиным, с Башмачкиным. Но «начавшееся безумие» Сергея Петровича сопоставимо и с состоянием Раскольникова, который чувствовал «лихорадку, озноб» [3, с. 65], после преступления он «плохо <...> помнил себя» [Там же, с. 84] и думал, что его «ум помрачен» [Там же, с. 87]. Раскольников, находясь в болезненном лихорадочном состоянии, автоматически выполнял ту программу, которую себе наметил. «Начавшееся безумие» Сергея Петровича сравнивали также с состоянием «умственной тупости, схожей с гипнотическим сном, когда над волею безраздельно господствует своя или чужая идея» [1, с. 246]. Разница в том, что Раскольников, относивший себя к разряду особенных людей, решился на убийство другого человека, а Сергей Петрович, тоже осознававший свои действия как «преступление», но не смевший замахнуться на *поступок*, смог решиться только на убийство самого себя.

Сергей Петрович наследует черты «маленького человека». Андреев опирается на Гоголя и Достоевского, но и полемизирует с ними. Достоевский углубляет психологический мир Девушкина по сравнению с Башмачкиным, Андреев углубляет психологический мир Сергея Петровича уже по сравнению с Девушкиным. Бедность как основная характеристика «маленького человека» исчерпана. После Раскольникова, одержимого идеей сверхчеловека, тип «маленького человека» усложняется. На рубеже XIX–XX вв. на мировоззрение «маленького человека» накладывается учение Ницше.

Список литературы

1. Андреев Л. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. М. : Худож. лит., 1990. 639 с.
2. Богданов А. В. Между стеной и бездной. Леонид Андреев и его творчество // Андреев Л. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М. : Худ. лит., 1990. С. 5–43.
3. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд.-во, 1985. 526 с.
4. Мочульский К. В. Достоевский Жизнь и творчество // Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М. : Республика, 1995. С. 219–249.
5. Никишов Ю. М. Святогор: Гоголь и его «Мертвые души». Тверь : Научная книга, 2006. 418 с.
6. Скоропанова И. С. «Маленький человек»: приговор или проблема? (По «Рассказу о Сергее Петровиче» Леонида Андреева) [Электронный ресурс] // Docplayer. URL: http://docplayer.ru/52342147-Malenkiy-chelovek-prigovor-ili-problema-po-rasskazu-o-sergee-petroviche-leonida-andreeva.html (дата обращения: 01.02.2019).

THE IMAGE OF THE HERO IN THE L. ANDREEV'S "STORY ABOUT SERGEY PETROVICH"

S.A. Vasilyeva

Tver State University
the Department of History and Theory of Literature

The typological connection of the hero from the "Story about Sergey Petrovich" by L. N. Andreev with the images of the "small person" in "The Overcoat" by N. V. Gogol

and “Poor People” by F.M. Dostoevsky is analysed. After Dostoevsky’s novel “Crime and Punishment” the world outlook of the “small person” becomes more complicated, and the parallels of Sergei Petrovich’s ideas with Raskolnikov’s arguments can be traced.

***Keywords**: L.N. Andreev, N.V. Gogol, F.M. Dostoevsky, the image of the “small person”.*

Об авторе:

ВАСИЛЬЕВА Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170033, г. Тверь, ул. Желябова, 33); e-mail: rabota165@rambler.ru.

About the author:

VASILYEVA Svetlana Anatolyevna – Doctor of Philology, Professor at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: rabota165@rambler.ru.

УДК 821.161.1

РОЛЬ ПУБЛИЦИСТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НЕОРЕАЛИЗМЕ (на примере произведений С. Шаргунова)

И. А. Казанцева

Тверской государственный университет,
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

Статья посвящена характеристике современного состояния неореализма. На материале публицистики С. Шаргунова автор доказывает, что востребованность метода объясняется усилением публицистического начала. Взаимодействие журналистских и литературных способов отражения реальности, очеркового начала и художественного вымысла позволяет воплотить типическое и пробудить в читателе сопереживание.

Ключевые слова: *жанр, журналистика, публицистика, литература, неореализм.*

Сегодня можно считать свершимся фактом реабилитацию реализма. На очередном витке своего развития среди соперничающих художественных стратегий реалистическая вновь занимает лидирующее положение. Из трёх различных векторов развития реализма, наблюдавшихся в нулевые [2, с. 45], в наши дни (не только в силу поколенческой общности) наиболее активно на литературном пространстве представлена группа авторов, чьи произведения даже при декларируемой дистанцированности (например, Р. Сенчин и С. Шаргунов) можно объединить сходным отношением к факту и представлению повествователя – автора – героя. В завершающемся втором десятилетии XXI века уже нельзя сказать, что их реализм близок к натурализму, что они описывают «новую реальность» «без идеализации, без символики, без обобщения» [1]. Стиль неореалистов, к которому принадлежат Р. Сенчин, С. Шаргунов, З. Прилепин, Д. Гуцко, Г. Садулаев, А. Рубанов и другие, характеризуется взаимодействием публицистического и художественного начал. Личность повествователя – объект рефлексии автора. Стремление к точному воспроизведению важнейших текущих личных и общественных событий реализовано в смещении фокуса внимания от другого к себе, лишь затем к общезначимому. Одновременно у большинства неореалистов первый не просто организует сюжет, но должен проявить себя в активном действии. Исключение составляют герои Р. Сенчина. Не случайно позиция автора, проявившаяся в оценке «Обители» З. Прилепина, сведена к документированию хорошо известного материала. Публицистичность как принципиальный выбор в художественном методе всех этих авторов определяет заметный вектор развития современной литературы. Наиболее последовательны в этом писатели-журналисты З. Прилепин и С. Шаргунов. В публицистике Шаргунова обрели прописку и были обкатаны образы и стилевые приёмы, дающие возможность автору творить ткань его сюжетов и создавать калейдоскоп лиц, ставших обобщением вневременного.

Для писателей, подобных Шаргунову, важна укоренённость в почве, необходимая тем больше, чем в более интеллектуальной среде воспитывался и формировался писатель. Цельность обретается благодаря верности факту и совестливости, которая для автора есть сопричастность божественному замыслу о человеке. В жанре биографии для ЖЗЛ «Катаев. Погоня за вечной весной» [10], удостоенной

премии «Большая книга – 2017» и премии Правительства РФ в области культуры за 2018 год, Шаргунов не просто воскрешает для современного читателя образ почти забытого писателя «не второго ряда» (по мнению автора), но восстанавливает культурную традицию, часть опоры, на которой должна выстроиться сегодняшняя реальность. Аналогично несколькими годами раньше З. Прилепин стремился закрепить в сознании новых поколений образ Л. Леонова [7]. Для обоих авторов было важно, по словам С. Шаргунова, «честно давать факты, показывать сложность времени» [5]. Целостность творящего сознания важна для собирания всех актуальных событий сегодняшнего дня в общий образ российской действительности и человека.

Публикации С. Шаргунова на портале «Свободная пресса», главным редактором которого он является [6], – собирание образов журналиста, депутата, писателя в целостное авторское начало, основа которого в верности фактам через показ сложности времени. Форма, в которой воплощается сказанное, – краткие публикации-отчёты по депутатским запросам. Все материалы содержат реальную картину сегодняшних страданий «маленького человека» при общем отсутствии тотальной критики и нигилизма в адрес виновников. Отражение действительности в подобном аспекте достигается через показ проблем, требующих немедленного вмешательства власти, общества, неравнодушного человека. Освещение реальности сочетается с утверждением таких качеств современных «маленьких» людей, как способность к самоорганизации («Зоны затопления», «Учитель-атлант и небо захолустья»), неравнодушие («Сельская школа – ни крыши, ни пола», «Главный праздник неравнодушия», созидательная деятельность («История-отдушина»). Тематика публикаций совпадает с маршрутами С. Шаргунова-депутата. Вступиться за разоряемые библиотеки («Национальный иммунитет»), защитить многодетные семьи («Защита многодетной»), восстановить школы (Научные открытия или школьные закрытия?», «По ком звонит последний звонок?»), сохранить разрушаемые памятники культуры («Светлое и тёмное») – таков неполный перечень объектов действий журналиста. Всё, что попадает под пресловутую «оптимизацию», в центре интересов публициста и депутата. Выход слова в деятельность – это инициирование законов, связанных с защитой «падших» и оступившихся. Депутатская деятельность С. Шаргунова, обращение к президенту во время прямой линии повлияли на появление законов, облегчающих получение гражданства РФ, положение заключённых, смягчающих ответственность за лайки и репосты.

В телепублицистике Шаргунова (программа «12» на телеканале «Россия 24», например) продолжается этот разговор, подытоживается деятельность по защите прав граждан общества. В основе целостного образа автора – религиозное основание, евангельская заповедь о любви к ближнему (лейтмотив итогового выпуска программы «12» – «Защищая других – защищаешь себя») [4]. Так от общественно-политической и публицистической деятельности остаётся шаг до большой литературы. И наиболее удачны, на наш взгляд, те произведения Шаргунова, в которых через актуальную проблематику явно просвечивают типы людей, не отдельные словесные детали, заставляющие замолчать удивлённо, поддавшись обаянию слова, но те произведения, в которых основу составляет точно и метко найденный образ, созданный на грани между вымыслом и реальностью. Подлинность подобного вымышленного образа обретается через сакральное отношение к слову, протягивающему нити родства из глубины веков от прадеда к правнуку, от древнего человека к сегодняшнему. В первом случае имеем в виду «Ура!», «1993», «Птичий грипп», а во втором – «Книгу без фотографий», «Свои».

Верность факту, активность героя, минимальная дистанцированность повествователя – автора – героя, иерархия ценностей, в основании которой Бог и его

ипостась «Слово», жалость и родственное чувство по отношению к маленькому человеку, который становится «своим» не только в силу кровного родства или близости позиций («Полоса», «Аусвайс» в «Своих»). Все эти признаки оформляются в усиленное очерковое начало, эссеистическую тональность, репортажную беглость и выпуклость зарисованных ситуаций.

Великая традиция в слове и образе не позволяет литературным произведениям остановиться на уровне бытописательства. В этом проявляются закономерности неореалистической стратегии, которые на рубеже XX–XXI веков дают основания оглянуться на манифесты и художественную практику писателей рубежа XIX–XX веков. В многочисленных исследованиях неореализма [3] обратим внимание на выделяемую во всех работах сквозную общую черту писателей-неореалистов – стремление выйти за границы натурализма. Как писал Н.А. Струве, «существуют разного рода реализмы по степени охвата реальности <…>. И только высший реализм обнимает бытие во всей его полноте, от повседневных деталей до надмирных законов жизни» [9, с. 267]. В публицистике С. Шаргунова есть твёрдые основания, которые позволяют определить источники этого выхода. Одна из статей названа «В защиту божественной трансляции» [4]. В научных и критических публикациях, интервью с писателями разных поколений и направлений есть повторяющаяся в разных ситуациях трансляция этого основания: интервью с Ю. Бондаревым «Жизнь – это обжигающая секунда» [6], интервью с А. Прохановым «Певец боевых колесниц» [Там же], интервью с Д. Граниным «Человек состоит из разных людей» [Там же]. И не литературный обобщенный «маленький человек», честно исполняющий любое дело созидания, встаёт со страниц публицистики.

Где заканчивается публицистика и начинается литература, обыденное переходит в сакральное, актуальное перерастает в вечное, факт становится символом, достоверность и вымысел равно апеллируют к читателю о доверии? На все эти вопросы нужны ответы, поскольку попытки исследователей выработать единые атрибутивные признаки метода не завершены, следствием этого остаются существенные отличия в оценке фактов и персоналий современного литературного процесса. Так, например, А. А. Серова [8] отказывает творчеству С. Шаргунова в принадлежности к неореализму. Мировоззрение автора зиждется на столпе веры, которая признаётся не столько как следование догматам и их знание, а как модель поведения, основанная на любви к человеку, на сострадании к нему, на готовности прощать. Верность факту, правда обобщения допускают вымысел, который позволяет зримо выстроить скрепы между событиями, героями и элементами композиции произведения (фамильная ложка, бабушкин гребень). Факты биографии служат выстраиванию художественной реальности, ведущей к пониманию общих закономерностей человеческого существования.

Публицистика в форме статей-отчётов по депутатским запросам содержит подлинные истории, они дают симптоматику сегодняшнего состояния общества и человека в нём. Из реальных событий вырастают художественные тексты («Полоса», «Аусвайс»), герои которых узнаваемы, но уже лишены «временности». При этом в текстах зафиксированы реалии времени (оптимизация в «Полосе», разрушение промышленности в «Русских на руинах», превращение служащего в придаток власти в «Аусвайсе»; унификация человека, ставшего частью информационного продукта «Человек из массовки»). Точность слова, свойственная публицистике, в художественных текстах соединяется с его многозначностью. Оно возникает в своей первозданной чистоте, рождая парадоксальные образы, созданные из обыденных деталей. В эссе «Страсть к чистому снегу» развёрнут образ неподкупного светлого человека с тихим словом В.Г. Распутина, ставшего одной из величин, питающих традицию. В.Г. Распу-

тин, возникающий в романе Р. Сенчина «Зона затопления», – художественный образ, переданный через восприятие литературного персонажа, для которого писателя заместило повторяющееся слово «старик». В оценке и показе С. Шаргунова усталость надломленного смертью дочери отца спрятана в глубине. Здесь доминирует найденный журналистом светлый образ, перешедший в эссе и определивший характеристику героя, – «чистый снег», которого писателю не хватало в Сибири.

Как депутат С. Шаргунов курирует сибирские регионы, именно здесь есть основания того типа характера, что стал центром его литературных произведений (преодоление обстоятельств, собирание пространств, действие вопреки). Всё это способствовало созиданию и формированию культурной национальной основы. В «Независимой газете» в статье «Развивать – значит сохранять» [4] из личного переживания и детали, иконы, подаренной семье Анастасией Цветаевой, зримым и близким становится и музей, созданный её отцом. Автор не выступает против модернизации музейного пространства в XXI веке, но он защищает бережное отношение к объектам культуры, те же вдумчивость и серьёзность, что в сохранении иконы как носительницы духа народа.

Проявление авторской активной позиции в борьбе за сохранение школ, за возвращение в школьные программы сочинения, – для подобных культуросберегающих целей С. Шаргунов входит в «Общество русской словесности», в редакционный совет «Учительской газеты», проводит уроки литературы в школах России. Борьба за культуру и сохранение чтения – в основе нравственного кода человека. И его литературный герой вбирает в себя прежде всего подобные основные черты современника. Для художественных произведений Шаргунова типичен герой, оказавшийся в гуще политических событий. Так, 13-летний герой убегает к Белому дому в Москве 1993-го года, писатель едет в Цхинвал, на Донбасс, когда там происходят острые события. Герои Шаргунова («Ура!», «1993») своим активным действием противостоят распаду, безосновательному нигилизму. Минимальная дистанция между автором, повествователем и героем, особенно в «ранней мемуаристике», позволяет вглядеться не только в себя, свое прошлое и свое поколение, но собрать составляющие русского характера и культуры. Отсюда глубоко личное эссе «Мой батюшка», за каждым образом которого и отец, и сын, и внук, и страна не только в личном и историческом измерении, но и во вневременном, вечном. И возникает глубинный образ «Родины-внучки». В «Своих» и в «Книге без фотографий» самые значительные страницы посвящены эмоциональной связи, решённой через знаковую деталь, символический поступок (гребешок, кольцо, Драгоценное озеро).

Другой путь сближения публицистики и литературы – в архетипических библейских образах, после трансформации включённых в публицистический контекст («Избиение жрецов» [Там же], «Человек огня» [Там же], «Ироды» [6]). Восстановление традиции через преодоление поколенческого разрыва выстраивается благодаря сквозным образам, закреплённым культурой. Небо, в котором «звезда с звездою говорит»; «Русь уходящая» недописанная П. Кориным, становится «Русью не уходящей» [Там же] в статье в защиту уникальной Пулковской обсерватории. Так факт соединяется с образом, актуальное становится вечным – фундаментом культуры. Заложенные камнями продухи в хрущёвке, ставшей непригодной для жизни, вырастают в «историю-отдушину» [Там же], в бытовом просвечивает идеальный корень. От единичного к общему создаётся образ под влиянием литературной традиции.

Неореалистическая стратегия оказывается наиболее адекватной для сохранения реалий современности и передачи того, что за гранью реальности. Таким об-

разом, публицистическое начало, актуализирующее события, становится влиятельным фактором в развитии современных художественных стратегий.

Список литературы

1. Бондаренко В. Новый реализм // Завтра. 2003. № 34 (509). 20 августа. С. 7.
2. Казанцева И. А. Неореализм в современной русской прозе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 1. С. 45–49.
3. Казанцева И. А. Христианские и антихристианские мотивы в неореализме и постмодернизме // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX–XXI вв. : в 3 т. Т. 3 (ч. 2). СПб. : Петрополис, 2018. С. 196–221.
4. Официальный сайт С. Шаргунова [Электронный ресурс]. URL: https://shargunov.com/ (дата обращения: 21.12.2018).
5. Парсуна: авторская программа В. Легойды на ТК «Спас» [Электронный ресурс] // Сергей Шаргунов в программе «Парсуна». URL: https://foma.ru/sergey-shargunov-v-programme-parsuna-polnyiy-tekst-video.html (дата обращения: 12.12.2018).
6. Портал «Свободная пресса» [Электронный ресурс]. URL: https://svpressa.ru/authors/sergey-shargunov/ (дата обращения: 5.01.2019).
7. Прилепин З. Л. Леонов: «Игра его была огромна». М. : Мол. гвардия, 2010. 566 с.
8. Серова А. А. Новый реализм как художественное течение в русской литературе XXI века : дис. … канд. филол. н. : 10.01.01 / А. А. Серова ; Нижегородский гос. ун-т. Н. Новгород, 2015. 290 с.
9. Струве Н. А. Православие и культура. М. : Христианское изд-во, 1992. 337 с.
10. Шаргунов С. В. Катаев. Погоня за вечной весной. М. : Мол. гвардия, 2016. 704 с.

THE ROLE OF PUBLICITY IN MODERN NEOREALISM (ON THE EXAMPLE OF SHARGUNOV'S WORKS)

I. A. Kazantseva

Tver State University
Department of Journalism, Advertisement and Public Relations

The article is devoted to the characteristics of modern tendencies in realism. The author proves the fact that the popularity of the method is accounted for by the strengthening of its publicity component. The interaction of journalistic and literary methods of depicting reality, as well as the combination of fiction with the non-fictional, lead to the possibility of realization of the typical, as well as to arousing compassion in the reader.
Keywords: *journalism, genre, publicism, realism, literature.*

Об авторе:

КАЗАНЦЕВА Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: irina10768@mail.ru.

About the author:

KAZANTSEVA Irina Aleksandrovna – Doctor of Filology, Professor at the Department of Journalism, Advertisement and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Szhelyabov str., 33), e-mail: irina10768@mail.ru.

УДК 821.161.1-34

ИСТОКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

О. С. Карандашова

Тверской государственный университет
кафедра истории и теории литературы

Статья посвящена вопросу о зарождении литературной сказки в русской литературе. Рассматривается преемственность литературной сказки по отношению к фольклорной, вместе с тем подчеркивается ее специфика как особого жанра литературы. Особое внимание уделяется сказкам Екатерины II – «Сказке о царевиче Хлоре» и «Сказке о царевиче Февее» – как, по сути, первым литературным сказкам в истории словесного искусства в России.

Ключевые слова: *детская литература, литературная сказка, русская литература XVIII века, Екатерина II, классицизм, эпоха Просвещения, фольклорные традиции.*

Литературная сказка – совершенно уникальный жанр художественной литературы (это подчеркивают все литературоведы, занимающиеся историей и теорией сказки [10; 11; 14]). Уникален он уже потому, что оказывается интересным как для детского, так и для взрослого читателя, каждый из которых находит что-то свое в одном и том же произведении. А значит, в самой сказке заложена многофункциональность и разноплановость. По определению Л. Ю. Брауде, «литературная сказка – авторское художественно прозаическое или поэтическое произведение, основанное либо на фольклорных источниках, либо придуманное самим писателем, но в любом случае подчиненное его воле; произведение преимущественно фантастическое, рисующее чудесные приключения вымышленных или традиционных сказочных героев и в некоторых случаях ориентированное на детей; произведение, в котором волшебство, чудо играет роль сюжетообразующего фактора, помогает охарактеризовать персонажи» [2, с. 6–7]. Своими корнями литературная сказка уходит в фольклор. Реликты народной сказки сохранились в большинстве литературных сказках, включая современные. Важно, что литературная сказка – это жанр, соединяющий в себе черты индивидуального, авторского творчества с использованием в разной степени некоторых фольклорных канонов (образных, сюжетно-композиционных, стилистических).

Жанр сказки имеет богатую историю: из устных народных сказаний, привнесенных извне переводов авантюрных романов, попавших в Россию в XVII веке, сказка перешла в особый, самобытный литературный жанр, появившийся в XVIII веке и необычайно развившийся к 1830-м годам. Первыми литературными сказками в России явились две сказки, написанные императрицей Екатериной II – «Сказка о царевиче Хлоре» (1781 г.) и «Сказка о царевиче Февее» (1782 г.). Созданы они были ею для своих внуков, воспитанием которых она тщательно занималась, будущих монархов – Александра и Константина. Во время правления Екатерины II сказка получила новую жизнь, новый этап своего развития. Это было связано не в последнюю очередь с тем, что просвещенная императрица, хорошо разбиравшаяся

в европейской философии и литературе, проявила интерес к сказочному жанру. В первой половине XVIII века народные сказки не были популярны среди образованных кругов русского общества. Известны, в частности, резко отрицательные отзывы о «мужицкой» сказке поэта Антиоха Кантемира [12]. Екатерина II, желавшая стать истинно русской государыней, сыграла в данном случае заметную роль для обращения к фольклору как к культурным истокам, подавая в этом отношении пример своим подданным. Известно, что Екатерина была хорошо знакома с русским фольклором, под впечатлением от коего написала «Выбранные российские пословицы», значительная часть которых была сочинена самой императрицей по аналогии с народными образцами. (Долгое время господствовало представление о враждебности просветителей по отношению к фольклору. Мотивировалось это тем, что борьба за прогресс и культуру кажется несовместимой с пристрастием к тому, что, так или иначе, органически связано с некультурными массами. Несомненно, представление об отрицательном отношении просветителей к фольклору является легендой, которая противоречит фактам. На это обратил внимание еще В. Е. Гусев, писавший что если критическое отношение некоторых просветителей к фольклору постоянно подчеркивается исследователями, то горячая симпатия целого ряда деятелей Просвещения к творчеству народных масс, в сущности, замалчивается, что приводит сплошь и рядом к односторонним характеристикам просветительского фольклоризма [3]. Условием объективного изучения проблемы является рассмотрение реального отношения просветителей к народному творчеству, их стремления понять и разгадать национальный русский характер и исследование произведений эпохи Просвещения. В этом отношении следует отметить, что Екатерина II, пытавшаяся понять свой народ, которым она правила, кроме прочего, изучала русский фольклор, хотела вникнуть в специфику русской культуры и понять русский национальный характер.)

По примеру народных Екатерина пишет и свои сказки: о царевиче Хлоре и о царевиче Февее (о фольклорных традициях в сказках Екатерины II см. в ранее опубликованных работах [8; 9]). Сказки Екатерины были хорошо известны и популярны в свое время не только потому, что написаны императрицей, но и потому, что вполне соответствовали идеалам Просвещения [7]. В них говорится о воспитании идеальной личности, обладающей высокими морально-нравственными и интеллектуальными достоинствами, умеющей подчинить разуму свои чувства и желания. Отсюда характерные для эпохи Просвещения особенности: утверждение идеала простого, здорового, активного образа жизни, соблюдения умеренности во всем, стремления к совершенствованию, добродетели; прямолинейное противопоставление похвальных и дурных качеств; использование говорящих имен: *Рассудок, Правда, Честность, Брюзга*.

Сюжет первой сказки (1781 г.) прост: юный царевич Хлор, сын легендарного князя Кия, был похищен киргизским ханом. Для «узнания его дарований» [5, с. 120] хан посылает царевича сыскать «цветок розу без шипов, что не колется». В ходе поисков такой розы, символа добродетели, Хлор встречается с множеством препятствий и соблазнов: «льстивыми людьми», «веселящимися людьми», людьми, «проводящими время в забавах», «пьяношатающимися в безобразии», рыночными торговцами, обругавшими его. Последним препятствием становится гора с крутой и каменистой тропинкой, ведущей к конечной цели путешествия – «Храму Розы без шипов». Когда царевич Хлор начал подниматься на крутую гору к «Храму Розы без шипов», ему попались «навстречу старик и старуха в белом платье» и протянули посохи свои для лучшей опоры при восхождении. Эти персонажи в сказке названы

Честностью и Правдой. Еще одним положительным героем является учитель, объясняющий царевичу значение понятия «розы без шипов» как символа добродетели. В «Сказке о царевиче Хлоре» уже в самом начале пути ребенок оказывается перед выбором направления на перекрестке дорог, где ему рекомендуется идти «по прямой дороге, по которой не все ходят, хотя она пригожее других», она «называется благорасположенных душ и младенчества».

Вторая сказка Екатерины – «Сказка о царевиче Февее» (1782 г.) – сложнее для детского восприятия, так как имеет не столь простой и занимательный сюжет и в большей степени, чем первая, назидательна. По сути, она представляет собой ряд нравоучительных историй, связанных с воспитанием. В «Сказке о царевиче Февее» Екатерина подробнейшим образом описывает идеал человека, давая характеристику юному Февею: «Царевич имел доброе сердце, был жалостлив, щедр, послушлив, благодарен, почтителен к родителям и приставникам своим; он был учтив, приветлив и с доброхотством ко всем людям, не спорлив, не упрям, не боязлив, повиновался всегда и везде истине и здравому смыслу, любил говорить и слушать правду, лжи же гнушался, даже и в шутку не употреблял». В данном случае буквально дается перечень добродетелей, долженствующих иметь место у просвещенного, по мнению автора, человека. По-видимому, внушение этих идеалов и было основной целью Екатерины при написании сказки. «Все происходит как должно, никаких “вдруг” быть не может. Все описания в сказках служат положительными примерами <…>. Даже испытания <…> даны в идеально-должностном представлении» [4, с. 88].

Сказки Екатерины «О царевиче Хлоре» и «О царевиче Февее» имеют назидательный, нравоучительный характер, обычно завуалированный в аллегорических образах. Поэтому дидактический смысл их прочитывается только при понимании читателем определенных значений. По мнению Б. Хеллмана, «обе аллегорические сказки созданы в духе классицизма и лишены каких-либо особых национальных черт; кроме того, их нравственные уроки представлены в абстрактной форме» [13, с. 15]. Заметим, что аллегорические произведения – одна из примет литературного направления – классицизма, идеалом которого был человек разумный, а образцами культуры – античность и ее эстетические каноны. Аллегорические сказки сродни басне или сказке о животных. За фантастическими сюжетами или образами прочитываются назидания, мораль, дидактика (о взглядах императрицы на воспитание см. в ранее опубликованной работе: [6]). Так и в сказках Екатерины благодаря фантастическому вымыслу «обыкновенная и натуральная идея», то есть жизненная правда, выражается сильнее, чем, если бы повествование велось без фантастики. Обе сказки – философские произведения с аллегориями, нравоучениями, спрятанными под фантастикой. Чудесное, лежащее в основе литературной сказки, так же как и фольклорной, имеет ряд отличий. Во-первых, оно нередко находится в тесном взаимодействии с элементами реального мира, включая мелочи быта, картины природы и т. п. Во-вторых, часто фантастические персонажи в литературной сказке являются не только выражением добрых или злых начал в мире, но и выявляют закономерности социальной жизни, общественных идей, а порой претворяются в глубокие философские символы.

В начале каждой сказки автор сообщает о месте действия, о социальном облике героев, отходя от принципа фольклорной сказки неопределенности места и времени. Это уже черты литературной сказки. Впоследствии в литературных сказках начала XIX века этот прием станет достаточно распространенным. Так же будут позднее поступать, например, В.Ф. Одоевский в сказке «Городок в табакерке», Антоний Погорельский в сказке «Черная курица, или Подземные жители» и другие пи-

сатели, в произведениях которых действие уже происходит во вполне конкретном, реально существующем месте и в исторически конкретное время. А в дальнейшем это станет вообще традицией – поселять героев сказок в обычную обстановку, среди обычных людей. Но новатором в таком сплетении фольклорных традиций и литературного начала в сказке для детей выступила Екатерина.

В конце XVIII века было издано довольно большое количество сборников, популяризовавших в России распространенные в фольклоре сказочные сюжеты (например, «Лекарство от задумчивости и бессонницы, или Настоящие русские сказки» (1786), «Повествователь русских сказок» (1787), «Сказки русские, содержащие в себе десять различных сказок» (1787), «Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок» (1795) и др.). Народная сказка является для литературной сказки первичным материалом, источником, наряду с преданием, пословицей и другими фольклорными жанрами. Л. Ю. Брауде между народной и литературной сказкой выделяет как промежуточный этап фиксированные фольклористами записи народных сказок, говоря, что они обращаются к другой, чем народная сказка, более обширной аудитории, ко всем грамотным, в том числе и к детям; существуют (за редким исключением) на литературном языке, а не на диалекте; как правило, более пространны, так как их не надо запоминать; отражают личность собирателей, их социальное мировоззрение; филологическую подготовку, художественные вкусы [1, с. 234]. Записанная собирателями сказка имеет двойственный характер: с одной стороны – это фольклорный и даже этнографический документ; с другой – порождение письменной литературы, как бы первая стадия проникновения в нее народной сказки. Сохраняя безусловную преемственность по отношению к народной сказке, литературная сказка отличается тем, что это продукт фантазии автора, а значит, ей присущ особый авторский стиль, индивидуальность писателя, его идея, мысль. Кроме того, литературная сказка как литературный жанр (роман, повесть, новелла и т. п.) впитывает черты доминирующего в данный момент литературного течения, тем самым является носителем мировоззрения и эстетики своего времени. В ее основе – наряду с элементами фольклора – лежат реалии современной жизни. Поэтому литературная сказка сочетает элементы действительности с фантастикой.

Список литературы

1. Брауде Л. Ю. К истории понятия «литературная сказка» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1977. № 3. С. 226–234.
2. Брауде Л. Ю. Скандинавская литературная сказка. М. : Наука, 1979. 208 с.
3. Гусев В. Е. Проблемы фольклора в истории эстетики. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 203 с.
4. Детская литература : учебник / И. Н. Арзамасцева, С. А. Николаева. М. : Академия, 2005. 576 с.
5. Екатерина II. Сочинения. М. : Современник, 1990. 557 с.
6. Карандашова О. С. Взгляды Екатерины II на воспитание в сказках для детей // Детская литература и воспитание. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2004. С. 113–118.
7. Карандашова О. С. Идеи Просвещения в сказках Екатерины II для детей («Сказка о царевиче Хлоре», «Сказка о царевиче Февее») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2005. № 3. С. 4–11.
8. Карандашова О. С. Традиции и новаторство сказок Екатерины II для детей // Проблемы изучения русской литературы XVIII века : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 13. СПб. ; Самара: Изд-во «НТЦ», 2007. С. 172–181.

9. Карандашова О. С. Фольклорные традиции и черты литературности в сказках Екатерины II для детей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. С. 116–124.
10. Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск : Гос. изд-во Карел. АССР, 1959. 504 с.
11. Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX века: история, классификация, поэтика. М. : Флинта : Наука, 2003. 312 с.
12. Сементковский Р. И. Антиох Кантемир. Его жизнь и литературная деятельность. СПб. : Общественная польза, 1893. 96 с.
13. Хеллман Б. Сказка и быль: История русской детской литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 560 с.
14. Цикушева И. В. Жанровые особенности литературной сказки (на материале русской и английской литературы) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2008. № 2. С. 21–24.

THE ORIGINS OF RUSSIAN LITERARY FAIRY TALE

O. S. Karandashova

Tver State University
the Department of History and Theory of Literature

The article is devoted to the question of the origins of the literary fairy tale in the Russian literature. The succession of the literary fairy tale in relation to the folklore is considered. At the same time, its characteristics as of a special literary genre is emphasized. Special attention is paid to the fairy tales of Catherine II – "The Tale of Tsarevich Chlorine" and "The Tale of Tsarevich Fevee" – as the first literary fairy tales in the history of the verbal art in Russia.
Keywords: *children's literature, the literary fairy tale, Russian literature of the XVIII century, Catherine II, classicism, the Enlightenment, folklore traditions.*

Об авторах:

КАРАНДАШОВА Ольга Святославовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Karandashova.OS@tversu.ru.

About the authors:

KARANDASHOVA Olga Svyatoslavovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str. 33), e-mail: Karandashova.OS@tversu.ru.

УДК 82-1

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ЖАНРОВЫЕ ПОДТЕКСТЫ В «НЕФРИТОВЫХ ЧЕТКАХ» Б. АКУНИНА

[1]Л. Г. Кихней, [2]О. В. Афанасьева

[1]Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова
кафедра истории журналистики и литературы

[2]Московский информационно-технологический университет –
Московский архитектурно-строительный институт
кафедра иностранных языков

Статья посвящена вопросам проявлений ядерных и периферийных черт жанров классического детектива. Выделены основные черты так называемого английского и американского детектива, показано их проявление в рамках сборника «Нефритовые четки».
***Ключевые слова**: жанр, подтекст, Акунин, классический детектив.*

Детективные романы, повести и рассказы Б. Акунина представляют собой обращение к традициям классического детектива, переосмысленным и соединенным в духе современной литературы. Ю. В. Пономарева определяет их как «новые детективы», отмечая, что «“Новому детективу”, с одной стороны, присущи черты классического детективного романа, с другой стороны, этот жанр специфичен индивидуальными атрибутами, привносимыми автором» [8, с. 5]

Классический детектив принято связывать, прежде всего, с английской и американской традицией, воплощенной в произведениях Э. По, А. Конан Дойла, А. Кристи и других авторов. Н. Н. Кириленко, определяя понятие «классического детектива», выделяет в нем творческую составляющую: «…преступник в классическом детективе относится к своему преступлению как к акту искусства, а сыщик к расследованию как к творчеству. И с этим связан *игровой* аспект…» [6, с. 24]. Такое понимание детектива согласуется с посвящением, предваряющим все произведения «фандоринской» серии: «Памяти XIX столетия, когда литература была великой, вера в прогресс безграничной, а преступления совершались и раскрывались с изяществом и вкусом» [2, с. 3].

Обращение к традициям классического детектива предполагает использование в качестве основного инструмента разгадывания детективной загадки недюжинный разум сыщика – зачастую не являющегося профессиональным полицейским, при этом наделенного остротой ума, способностью к наблюдению и исключительной эрудицией. Сложившийся канон классического детектива предполагает несколько типовых клише, к которым следует отнести:

1) рядом с сыщиком, человеком неординарных умственных способностей, зачастую находится друг и/или помощник (иногда выполняющий также роль рассказчика), который, постоянно находясь рядом с ведущим расследование и наблюдая те же самые факты и улики, тем не менее до последнего не догадывается, кто именно является преступником;

2) позиция «недогадливого помощника» (доктора Уотсона, капитана Гастингса и прочих) призвана заместить позицию читателя: в классическом детективе основной интригой является поиск ответа на вопрос «кто преступник», и читатель, наряду с ассистентом главного героя, до последнего момента не должен догадываться, кто именно совершил преступление;

3) в большинстве детективов заранее очерчен круг подозреваемых лиц, обычно включающий в себя пять-шесть героев, и читатель пытается угадать или вычислить, кто из них является преступником. В крупных детективных формах выявляющиеся обстоятельства и происходящие после преступления события часто меняют фокус внимания: читатель (наряду с персонажами) подозревает то одного, то другого героя в совершении преступления, а ответ на интересующий его вопрос обычно дается в самом конце произведения;

4) в большинстве детективных произведений присутствует финальная сцена, в которой расследовавший преступление рассказывает героям, кто является преступником. Часто в ходе своей речи детектив рассказывает о том, как продвигалось его расследование, как он периодически был во власти ложной гипотезы, но наконец выяснил, кто же является преступником. Как правило, сам преступник присутствует среди собравшихся персонажей и предпринимает после этого выступления сыщика некоторые действия, окончательно его изобличающие;

5) в корпусе текстов, посвященных великим сыщикам, как правило, упоминается об их способности раскрывать преступления с помощью одной только силы мысли, без необходимости присутствовать на месте преступления, задавать вопросы и пр. Это подчеркивает отличия сыщика-любителя от сыщика-«профессионала» – полицейского, которому в рамках классического детектива зачастую приписываются ограниченность и стереотипное мышление.

На раннем этапе развития классического детектива, во второй половине XIX столетия, преждевременно было бы говорить о расхождении английской и американской традиции: считающийся родоначальником жанра детектива Эдгар Аллан По был американским писателем, и Артура Конан Дойла обвиняли во вторичности образа Холмса, который, впрочем, стал намного популярнее Огюста Дюпена и превратился в символ классического детектива [6, с. 22]. В то же время в первой половине XX столетия детектив обогащается новыми жанровыми особенностями: Ю.В. Пономарева обращает внимание на отделение в 1930-х годах в американской литературе такого жанра, как «остросюжетный детектив» [8, с. 26], позднее ставшего основой жанра «боевика». Для этого жанра, наряду с обращением к детективной интриге и напряженным поискам преступника, характерно некоторое смещение акцентов: от интеллектуальной работы сыщика автор перемещает фокус внимания на сюжетную динамику: погони, перестрелки, сопротивление преступника и пр. Зачастую интрига сфокусирована не на поиске преступника из закрытого набора подозреваемых лиц, а на желании / возможности поймать этого преступника, и детектив делится на две практически равноценные части, которые можно условно назвать «поиск» и «погоня». Этот жанр был развит в американской литературе Эрлом Стэнли Гарднером, Рексом Стаутом, Реймондом Чандлером и др.

Жанр детектива, таким образом, диверсифицируется и делится на поджанры. Мы рассматриваем литературный жанр как некий способ осмысления сферы внешнего и внутреннего бытия и ее художественной организации в некоторое типическое целое – модель, форму. Всякий жанр, по словам М.М. Бахтина, – это «особый тип строить и завершать целое, притом <…> существенно тематически завершать,

а не условно-композиционно кончать» [7, с. 175–176]. В связи с этим жанр можно определить как некоторую культурную универсалию, своего рода «категориальную сетку», в рамках которой происходит осмысление бытия и отражение процессов, происходящих в сознании.

При этом каждый жанр обладает «полевой» структурой, сходной с типовым представлением семантического или лексико-грамматического поля, имеющего ядро и периферию. В центре жанра как динамической системы оказывается базовый («ядерный») компонент. В сущности, именно он конституирует тот или иной жанр. Для детективного произведения таким ядерным признаком будет описание преступления (преступлений) и поиск / поимка преступника (преступников). Не каждое произведение, в котором происходит преступление, – детектив, но в каждом детективе непременно происходит преступление. Наряду с доминантными признаками в жанре существуют периферийные, вспомогательные признаки. Они тоже чрезвычайно важны, ибо сочетание «ядра» с разным набором периферийных признаков (как правило, культурно и исторически обусловленных) дает те или иные жанровые модификации. В случае перехода вспомогательных компонентов в доминантные, а периферийных – в «ядерные» мы будем наблюдать разного рода жанровые трансформации. Трансформация такого рода привела к расщеплению жанра детектива на «английский детектив», в котором основной акцент сделан на разгадывании интеллектуальной загадки, и «американский детектив», в котором акцент смещен на физическую активность сыщиков и поимку преступника.

Детективные рассказы Б. Акунина, вошедшие в сборник «Нефритовые четки», представляют собой образцы постмодернистской игры с читателем, в то же время вписывающейся в каноны массовой литературы. Ю. В. Пономарева, однозначно атрибутируя «фандоринский» цикл как массовую литературу, отмечает, что «массовая литература санкционирует изменчивость литературных моделей, оживление заурядной обстановки и некоторую индивидуализацию персонажей, но кардинальное обновление, возможности свободного и самостоятельного мироосмысления для неё недопустимы. При всем историческом непостоянстве жанрово-тематических норм сам алгоритм подготовки эталона (формулы, образца, множимой копии) не должен прерываться, поскольку в противном случае едва ли можно будет причислить данный текст к массовой литературе» [8, с. 26].

Ядерные и периферийные черты жанра классического детектива в рассказах из сборника «Нефритовые четки» коррелируют с подробно разобранными К.Ф. Герейхановой интертекстуальными чертами рассказов [4]. Помимо многочисленных явных и скрытых отсылок к текстам известных авторов детективных произведений, Б. Акунин прибегает к использованию знаковых черт жанра, восходящих прежде всего к английскому детективу. Сборник включает десять рассказов и повестей, и в девяти из них (во всех, кроме рассказа «Одна десятая процента») преступник неизвестен, а Эраст Петрович Фандорин прилагает как интеллектуальные, так и физические усилия, чтобы его поймать. Рассказы «Сигумо», «Table-talk 1882 года», «Из жизни щепок», «Скарпея Баскаковых» и «Чаепитие в Бристоле» предполагают ограниченный круг подозреваемых, в повести «Перед концом света» этот круг постепенно сужается по мере раскрытия новых смертей.

Далее, в ряде произведений из «Нефритовых четок» у Фандорина присутствует «ассистент», не понимающий его хода мысли, причем в большинстве случаев эта типичная роль достается не сквозному герою «фандоринского корпуса», другу и сподвижнику Фандорина Масахиро Сибате, а другим героям. Так, в «Скарпее

Баскаковых» эту роль выполняет Анисий Тюльпанов, секретарь и помощник Фандорина. В повести «Долина мечты» эту роль выполняет Уошингтон Рид, в «Перед концом света» Фандорина-Кузнецова сопровождает целый ряд героев, вовлеченных в расследование, а в завершающей книгу «Узнице башни» помощник становится биографом Фандорина, беря уроки у доктора Уотсона.

Мотив беспомощности и ограниченности полиции, ведущей официальное расследование, присутствует в «Из жизни щепок», «Скарпее Баскаковых», «Нефритовых четках», «Одной десятой процента», «Чаепитии в Бристоле», «Долине мечты» и «Узнице башни». В большинстве перечисленных произведений этот момент упоминается вскользь: герои отказываются обращаться в своем расследовании к полицейским, считая их бесполезными и нерасторопными. В «Нефритовых четках» околоточный Небаба сам становится невольным провокатором преступления, поскольку сообщает графу Хруцкому о найденных в лавке антиквара Пряхина четках:

«– Но каким образом вы узнали, что мне удалось н-найти четки? Утром я обнаружил немудрящий пряхинский тайник, а уже вечером вы попытались меня убить.

Небаба ни с того ни с сего закашлялся, да так старательно, что Фандорин сразу же повернулся к околоточному.

– Вы? Это вы ему сказали? Но з-зачем? Хотели проверить у специалиста, насколько ценны четки? Что, сразу из лавки отправились к графу?» [2, с. 61]

В рассказе «Из жизни щепок» рассудительный и осторожный в своих оценках Фандорин противопоставлен энергичному Зосиму Ванюхину – опытному сыщику, который, тем не менее, направился по ложному следу, подозревая кого-либо из семьи фон Маков.

Характерный для классического детектива перебор персонажей, каждый из которых потенциально мог бы быть преступником, поскольку имел для этого как мотив, так и возможность, представлен в «Сигумо», «Из жизни щепок», «Скарпее Баскаковых», «Чаепитии в Бристоле» и «Перед концом света». Финальная сцена, в ходе которой все действующие лица собираются и выслушивают выкладки детектива, присутствует в рассказе «Из жизни щепок». При этом истинный убийца, как во множестве детективов Агаты Кристи («Таинственное происшествие в Стайлз», «Убийство леди Эдгвейр» и пр.) выдает себя после разоблачения: «Еще через секунду опомнившиеся унтер-офицеры уже выкручивали убийце руки, а он рычал, рвался и даже пробовал кусаться. Воющего, извивающегося, его вынесли за дверь на руках. Следователь и журналист помогали полицейским» [Там же, с. 38].

В «Нефритовых четках» присутствует также и разгадывание детективной загадки «на расстоянии»: в рассказе «Table-talk 1882 года» Эраст Петрович в светском салоне предполагает жуткую разгадку случая, произошедшего за шесть лет до времени действия рассказа. История исчезновения княжны Каракиной также предполагает ограниченный круг подозреваемых лиц, как в классическом английском детективе. Присутствует подобная сцена и в рассказе «Чаепитие в Бристоле» – при этом способности к разгадыванию детективного случая проявляет мисс Палмер, не уступающая Эрасту Фандорину в проницательности и сообразительности.

В «Нефритовых четках» присутствует отсылка и к чертам американского детектива – в повести «Долина Мечты», действие которой происходит в Америке. Ритм событий этой повести отличается от неспешного ритма других рассказов: Эраст Петрович преследует преступников, попадает в бесконечные перестрелки, фреймы ситуации меняются практически каждую страницу. «Долина Мечты» де-

монстрирует типичный американский вид детектива с его динамикой, и именно в этом произведении главенствует не интеллектуальное «разматывание клубка», а динамика ловли преступника. Более того, за счет использования образа Безголового Всадника «Долина Мечты» отсылает как к «Легенде о Сонной Лощине» Вашингтона Ирвинга, так и к «Всаднику без головы» Майн Рида, – в повести Акунина присутствует мистическая интрига (впрочем, находящая впоследствии вполне земное объяснение), создающая межтекстовый диалог с двумя произведениями классической американской литературы.

Сборник «Нефритовые четки» представляет собой сложный полижанровый текст, задуманный как набор парафразисов к различным образцам классического детектива. Борис Акунин в рецензии на книгу Элизабет Джордж «Расплата кровью» назвал себя «ушибленным британским классическим детективом» [1, с. 3], что отчасти отражается на жанровых подтекстах не только «Нефритовых четок», но и всего фандоринского корпуса текстов: в нем гораздо больше жанровых черт именно британского детектива, отсылающего к Агате Кристи и Артуру Конан Дойлу. В меньшей степени «фандоринский корпус» характеризуется чертами американского детектива – остросюжетного триллера, в котором акцентировано внимание в большей степени на динамике сюжета, а не на интеллектуальном поиске сыщика, разгадывающего криминальные головоломки.

Список литературы

1. Акунин Б. // Джордж Э. Расплата кровью. М.: Эксмо, 2008. 419 с.
2. Акунин Б. Нефритовые четки. М.: Захаров, 2016. 276 с.
3. Герейханова К.Ф. Интертекстуальные стратегии в сборнике «Нефритовые четки» Бориса Акунина: дис. … канд. филол. н. : 10.01.01 / К.Ф. Герейханова; Рос. ун-т дружбы народов. М., 2018. 200 с.
4. Кихней Л.Г. К семиотике интертекстуальных мотивов в песнях Высоцкого: случай «Охоты на волков» // Владимир Высоцкий: исследования и материалы. 2011–2012. Воронеж: ЭХО, 2012. С. 11–28.
5. Кихней Л.Г. О механизме жанрового моделирования лирики: авторская установка и «память жанра» // Метаморфозы жанра: материалы VIII междунар. науч. конференции «Художественный текст и культура». Владимир: Владимирский гос. ун-т, 2010. С. 204–217.
6. Кириленко Н.Н. Детектив: логика и игра // Новый филологический вестник. 2009. № 2(9). С. 27–47.
7. Медведев П.Н. [Бахтин М.М.] Формальный метод в литературоведении. Л.: Прибой, 1928. 232 с.
8. Пономарева Ю.В. Жанровое своеобразие произведений Б. Акунина: дис. … канд. филол. н.: 10.01.01 / Ю.В. Пономарева; Тверской гос. ун-т. Тверь, 2018. 157 с.

ENGLISH AND AMERICAN GENRE SUBTEXT IN THE “GREENSTONE ROSARY” BY B. AKUNIN

[1]L. G. Kikhney, [2]O. V. Afanasyeva

[1]Institute of International Law and Economics named after A. S. Griboyedov
Department of Journalism History and Literature

[2]Moscow Information-Technological University –
Moscow Institute of Architecture and Construction
Department of Foreign Languages

The article is devoted to the questions of the manifestation of the core and peripheral characteristics of the classic detective genre. There are shown the basic characteristics of the English and American detective novel, as well as their reemergence in the collection of the short stories “Greenstone Rosary” by B. Akunin.
Keywords: *genre, subtext, B. Akunin, classical detective.*

Об авторах:

КИХНЕЙ Любовь Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова (111024, Москва, ш. Энтузиастов, 21), e-mail: lgkihney@yandex.ru.

АФАНАСЬЕВА Оксана Васильевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, МИТУ-МАСИ (Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт) (109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 2), e-mail: oxana4u2014@yandex.ru.

About the authors:

KIHNEY Lyubov Gennadevna – Doctor of Philology, Professor at the Department of History of Journalism and Literature of the Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboyedov (111024, Moscow, Enthusiastov shosse, 21), e-mail: lgkihney@yandex.ru.

AFANASYEVA Oksana Vasilevna. – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, Moscow Information-Technological University – Moscow Institute of Architecture and Construction (109316, Moscow, Volgogradsky Pr., d. 2), e-mail: oxana4u2014@yandex.ru.

УДК 821.112.2-3

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ПРИЕМ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. Т. А. ГОФМАНА

В. В. Королева

Владимирский государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В статье исследуется проблема интертекстуальности у Э. Т. А. Гофмана. Игра с общеизвестными образами и сюжетами («Взаимосвязь вещей», «Дон Жуан») является одним из ведущих принципов его творчества. Уникальным приемом гофмановской интертекстуальности становится литературное двоемирие («Разбойники», «Эликсиры дьявола»), когда текст «чужого» художественного произведения проходит через сознание героев и начинает ими управлять, воссоздавая литературный сюжет в реальном мире.

Ключевые слова: *Гофман, интертекстуальность, цитатность, диалогизм, «чужой текст», литературное двоемирие.*

Э. Т. А. Гофман – немецкий романтик, который вошел в историю мировой литературы как писатель, обладающий безграничной фантазией и неповторимым стилем. Успех Гофмана во многом был обусловлен его умением создавать на основе уже существующих сюжетов и образов свой, воображаемый мир, который складывался в его произведениях благодаря литературной интерпретации готового слова или художественного образа, созданного в живописной, музыкальной, мифологической и театральной культуре. По словам Е. И. Корниловой, «Гофман предстает создателем некой страны, целого воображаемого мира, причудливого, изящного, притягательного мира театрально-художественной условности» [6]. Один из Серапионовцев, Сильвестр, предваряя новеллу «Взаимосвязь вещей», так характеризует стиль Гофмана: «Канва моей повести <…> сплетена на этот раз из нескольких, совершенно различных нитей, и потому вам предстоит решить, насколько мне удалось их соединить для составления одного целого» [4, т. 4(2), с. 347].

В современном литературоведении такой принцип построения текста, по определению Ю. Кристевой, называется интертекстуальностью [7] и в своей основе восходит к понятию «диалога между текстами» М. М. Бахтина [1]. Интертекстуальность характеризуется диалогическим взаимодействием одного текста с другим [2], в результате чего происходит превращение общепринятого смысла произведения в заданный автором. У Гофмана нашли воплощение разные варианты интертекстуальности. В одних произведениях он использует цитатность как интертекст, в других вступает в диалог с автором, образы или сюжет которого он заимствует, и ни одно произведение немецкого романтика не обходится без аллюзий на популярные во времена Гофмана литературные произведения.

Гофман рассматривает «чужие» тексты не как материал для переработки, а как своего оппонента, видит за ними личность автора, с которым активно вступает в диалог, в результате чего рождается новый мир гофмановских произведений. Е. А. Жиндеева и Л. В. Максимова полагают, что «“чужое” слово способствует акту-

ализации “другой”, “второй” реальности, с которой соотносится собственно авторский сюжет» [5, с. 17]. Действие в авторском тексте может происходить в другом художественном времени и пространстве, однако «между двумя художественными плоскостями всегда обнаруживается множество общих элементов (сходства в системе действующих лиц, сюжетных линиях, образах-символах и др.), в совокупности обеспечивающих внутреннюю целостность произведения» [Там же].

Гофман в своих произведениях не только не скрывал аллюзий и намеков из других источников, но и сознательно использовал их, преображая и обыгрывая по-своему. Игра с общеизвестными образами и сюжетами становится одним из ведущих принципов его творчества. Теория игры в мировоззрении романтизма была одной из ключевых и в своей основе имела теорию игры, созданную Шиллером, который утверждал: «Человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает человеком лишь тогда, когда играет» [10, т. 6, с. 241]. По словам Ф.И. Федорова: «Через игру с ее импровизацией совершается разрушение “конечности”, “формы”, замкнутости. В игре, в клоунаде каждый “конечный” предмет обретает ореол первозданной неоформленности, детскости, радости, свободы. Игра – это разрыв реальных, канонических отношений и создание новых ценностей. Оппозиция “реальность – игра” – это оппозиция “канон – творчество”, “несвобода – свобода”» [9, с. 32]. В результате такой игры с текстом у Гофмана формируется новый принцип творчества – переход из реального мира в мир сверхреальный.

Интертекстуальность как особенность творчества Гофмана уже отмечалась в литературоведении в работе Е.Н. Корниловой «“Параллельные миры” и техника интертекстуальности в сонатно-симфонической прозе Гофмана» [6]. Однако автор делает акцент преимущественно на музыкальную интертекстуальность в произведениях немецкого романтика. В центре нашего внимания – интертекстуальность как вариант двоемирия у Гофмана, когда сюжет другого произведения вклинивается в гофмановское повествование и становится его неотъемлемой частью. Этот интертекст может проявлять себя как литературная пародия, когда Гофман разрушает литературные стереотипы своего времени, создавая общеизвестные сюжеты перевернутыми. В этом случае предметом его критики преимущественно становятся просветительские сюжеты, которые он осуждает за ограниченность, считая их слишком очевидными и надуманными. Другим вариантом воплощения интертекста у Гофмана является попытка «чужого» текста вмешиваться в судьбы героев, управлять их поступками, что, по мнению Гофмана, разрушает уникальный мир нового текста. Гофман же, создавая свои сюжеты, ставил перед собой цель создать миры, в которых жизнь выражена в более совершенной форме, что ему удалось как никому другому.

Ярким примером пародийной интертекстуальности в произведениях Гофмана является история, приключившаяся с героем новеллы «Взаимосвязь вещей», где Гофман воссоздает эпизод с девушкой Миньоной из романа Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера». Вильгельм – главный герой романа Гете – встречает бродячую циркачку по имени Миньона, которая сторонится людей и одевается как мальчик. Хозяин избивает ее и заставляет танцевать за деньги. Гофман использует только один из эпизодов гетевского романа, где Миньона танцует с яйцами, чтобы показать, как литературные стереотипы влияют на читателя. «Чужой» текст вклинивается в мир реальный и несет разочарование героям. Сравним. У Гете: «Миньона завязала себе глаза, подала знак и, словно заведенный механизм, начала двигаться под музыку, подчеркивая кастаньетами такт и напев. Ловко, легко, быстро и четко

выполняла она танцевальные па. Так смело и решительно вонзалась носком между яйцами и рядом с ними, что казалось, вот-вот она либо раздавит одно, либо в стремительном повороте отшвырнет другое» [3, т. 7, с. 92–93]. У Гофмана: «В центе круга, между девяти яиц, которые лежали кучками по три, девушка с повязкой на глазах танцевала фанданго, сопровождая свой танец игрой на тамбурине <…>. Ее фигурка, как и каждое движение, были само очарование и изящество. <…> Она решительно и твердо ставила ногу вплотную в кучке яиц» [4, т. 4(2) , с. 350].

Увидев танец девушки, герой Гофмана – Людвиг попадает под влияние гетевского текста и ассоциирует себя с Вильгельмом Мастером, желая ее спасти от жестокого хозяина. Происходит пересечение мира реального повествования с миром «чужого» текста (интертекстуальным). Однако действительность оказывается иной: девушку зовут вовсе не Миньона, а Эвариста, и ее сопровождает не жестокий хозяин, от которого Вильгельм ее спасает, а отец, который любит ее и всегда щедр с ней. Это заблуждение оборачивается для героя разочарованием: лже-Миньона обманывает ожидания Людвига и вместо несчастной Миньоны оказывается воровкой, которая крадет у его друга Эвариста перстень с драгоценными камнями.

Другим примером вмешательства «чужого» текста в сюжет повествования является новелла «Повелитель блох», где автор использует другой прием интертекстуальности – цитацию, которая подается в ироническом контексте. Гофман обличает произвол чиновников, которые готовы в любых, самых безобидных словах найти доказательства вины в преступлении. Тайный советник Кнаррпанти читает дневник Перегринуса Тиса с заметками к роману И. В. Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера», опере В. А. Моцарта «Похищение из Сераля» и к другим произведениям: «Есть что-то высокое и прекрасное в этом Похищении». Далее: «Но ту я похитил, что краше всех!» Далее: «Я похитил у него эту Марианну, эту Филину, эту Миньону!» Далее: «Я люблю эти похищения». Далее: «Юлию во что бы то ни стало должно было похитить, и это действительно случилось, так как я заставил замаскированных людей напасть на нее и утащить во время одинокой прогулки в лесу» [4, т. 5, с. 424–425]. Кнаррпанти проецирует личностное восприятие произведений литературы, записанное Перегринусом Тисом, на мир реальный и опирается на эти факты для обвинения невиновного в преступлении, которого не было.

В большей степени интертекстуальное двоемирие, основанное на роковом вмешательстве «чужого» текста в судьбы героев, проявляется в новелле Гофмана «Разбойники», которая целиком строится на этом приеме. Сюжет новеллы Гофмана, расстановка персонажей, место и время действия восходят к шиллеровской трагедии «Разбойники», фабула которой присутствует в одноименной новелле Гофмана как интертекст. Очевидное сходство сюжета и постоянные намеки героев Гофмана на то, что они чувствуют себя как часть трагедии Шиллера, красноречиво говорят о том, что немецкий романтик сознательно вступает в полемику с Ф. Шиллером. Тексты находятся в диалогическом взаимодействии, и «чужой» текст вмешивается в мир гофмановских героев, жизнь которых развивается как по сюжету драмы Ф. Шиллера.

Для Гофмана в этой новелле важным моментом является театральный характер «чужого» текста. Как известно, Гофман всегда был увлечен театром, поэтому пытался использовать театральные приемы в прозе. Неповторимый синтетизм в новелле Гофмана появляется благодаря единству драмы, прозы, сценографии и монтажа (как приема построения сюжета). Стойкое присутствие театрального элемента в произведениях Гофмана отмечает и Л. А. Мишина. Она считает, что этот принцип

является одним особенностей стиля Гофмана, поэтому определяет роман «Эликсиры дьявола» как театр-роман [8, с. 911]. В качестве самостоятельного пласта внутри гофмановского произведения она выделяет цикл своеобразных спектаклей, связанных с образами потешных чудаков, которые привносят в роман ироническое начало. Такое построение жизни по театральным моделям и активное присутствие в повседневности игрового и артистического начала Л.А. Мишина называет «театральностью в жизни» [Там же, с. 913].

В «Разбойниках» Гофмана «театральность в жизни» также находит воплощение. Сюжет новеллы построен как спектакль, состоящий из трех частей (актов): первый акт – события, свидетелями которого стали Виллибальд и Гартман, второй – письмо Гартмана Виллибальду, в котором сообщается о происшедшем в замке после того, как два друга его покинули, и третий акт – письмо Виллибальда Гартману с рассказом о судьбе Амалии. Кроме того, в диалогах героев между шиллеровским текстом в речи героев проскальзывают высказывания о сущности своей роли или о театральности в целом. Например, старый граф рассуждает: «Если <…> роль сама по себе интересна и дает возможность проявить талант, как обыкновенно и случается в ролях злодеев, я бы не мог и не стал возражать» [4, т. 6, с. 55].

Рассказчики в новелле Гофмана – два друга Виллибальд и Гартман – в самом начале повествования замечают, что они стали свидетелями присутствия шиллеровского сюжета в реальности: «Мы с тобой обеими ногами увязли в “Разбойниках” Шиллера. Местом действия является старый замок в Чехии, – следовательно, с декорациями все в порядке. В качестве действующих лиц выступают: Максимилиан, владетельный граф; Франц, его сын; Амалия, его племянница. Ну вот! А Карл, вероятно, атаман напавших на нас разбойников. Я чрезвычайно рад столкнуться, наконец, в реальной жизни с событиями, заставившими Шиллера написать эту трагедию» [Там же, с. 53]. Они указывают и на свою функцию в данной истории: роль хора, рассказчика. Все происходящее воспринимается ими как театральная постановка: есть место действия, декорации и персонажи, которые играют отведенную им роль, с той лишь разницей, что весь этот спектакль разворачивается в реальном мире.

Все участники шиллеровского сюжета чувствуют себя обреченными играть роль, которая им навязывается, поэтому они так болезненно реагируют на сходство происходящего с трагедией Ф. Шиллера. Например, намек старому графу случайными свидетелями происходящего на сходство персонажей и места действия реального мира с шиллеровским сюжетом вызывает у него страх: «Лицо графа страшно побледнело, и он зашатался, так что едва мог сидеть на месте» [Там же, с. 55]. Трагизм ситуации усиливается, когда становится понятно, что герои у Гофмана, несмотря на одинаковые имена и сходную расстановку персонажей с трагедией Шиллера, имеют совсем другой характер, который не соответствует той роли, которую им предписывает литературный сюжет шиллеровской драмы. У Гофмана Карл – разбойник и прожигатель жизни. Его главная цель – получить наследство. Характер Карла идет вразрез с шиллеровским вариантом, у которого он – благородный и смелый молодой человек.

Франц же у Гофмана, в отличие от шиллеровского прототипа, – добрый, преданный своей семье. Он искренне и безответно любит Амалию. Эта любовь, как рок, преследует его: «Я с той же страстью, с таким же безумием, с каким Амалия любит порочного братца, люблю ее. <…> Я решил, что смогу подавить в себе эту губительную страсть, отдавшись всем земным наслаждениям. <…> Смертельный

яд отравлял меня изнутри» [Там же, с. 58]. Франц говорит о своей неспособности забыть Амалию. Чувство к ней охватывает его, как болезнь. Он знает, к чему может привести эта порочная любовь, но этот другой мир – мир шиллеровского сюжета – сильнее воли героев, он управляет не только их поступками, но и чувствами; это злой, аномальный мир, который сводит с ума. Речь Франца тоже отличается противоречивостью и содержит оговорки, обнажая безуспешные попытки борьбы со своей ролью: «Да, я и есть Франц! И хочу им быть!» [Там же, с. 56]. Но тут же добавляет: «Я вынужден быть им, я…» [Там же]. Франц чувствует, что другой мир все больше набирает силу, вмешиваясь в судьбу реальных людей: «Вы правы! Трагедия, почти столь же ужасная, как та, о которой вам напомнили услышанные здесь имена, вероятно, будет вскоре поставлена в стенах нашего дома. Да, я Франц, которого ненавидит Амалия. Но <…> я не то чудовище. <…> Я всего лишь несчастный, раздавленный неумолимым роком и идущий навстречу самой мучительной смерти» [Там же].

Мир «чужого» литературного произведения (интертекст) навязывается героям, они страдают от его фатализма, хотят избежать его. Неслучайно Амалия умоляет одного из гостей увезти ее из замка: «Но тогда, – радостно воскликнула графиня, – вырвите меня из этих обстоятельств, в которых я ежедневно, ежечасно умираю мучительной смертью. <…> Я поеду с вами…» [Там же, с. 60]. Франц тоже мечтает отказаться от своей судьбоносной роли: «Я вырвусь отсюда… Теперь всюду говорят о предстоящей войне, и я отправлюсь на войну…» [Там же]. Или: «Я знаю свое безумие и не могу вырваться из ужасного положения, которое губит меня и в то же время заставляет ее любить» [Там же].

В итоге героям Гофмана так и не удается противостоять миру «чужого» текста, трагедия которого вклинивается в их реальность. Валлибальд напишет об этом: «Когда-то ты сказал мне, что мы находимся среди “Разбойников” Шиллера, и эта мысль, казавшаяся простою шуткой, привела в движение маятник разрушительного механизма, увлекшего с собою и меня настолько, что я чувствую его гибельную силу» [Там же, с. 77–78]. И, хотя финал гофмановской новеллы несколько отличается, общий сюжет шиллеровского текста соблюден: погибают все участники трагедии, кроме Франца и Амалии. Францу удается избежать своей участи, отказавшись от своей роли, своего имени, которое несет в себе трагический рок (контекст). А Амалия сходит с ума, оставшись навсегда под влиянием отведенной ей роли, которая в ее сознании опять проигрывается и от которой она пытается избавиться. Об этом свидетельствуют ее приступы с мольбами о помощи к окружающим («Спаси, спаси меня!» [Там же, с. 77]). Ей удается остаться в живых вопреки роли благодаря бутафорскому кинжалу, который использует Карл в финале шиллеровской трагедии: «…но, что мой Карл убил меня своими руками, это злобная клевета. Он только сделал вид, что убивает, дабы успокоить беснующуюся свору. И приставил к моей груди не настоящий, а театральный кинжал» [Там же]. Ее смерть становится только буффонадой.

Подобное вмешательство «чужого» текста в сюжет гофмановского произведения мы встречаем также в «Эликсирах дьявола». Одна из главных героинь романа – набожная девушка Аврелия – находится под влиянием романа М. Г. Льюиса «Монах», сюжет которого настолько проникает в ее сознание, что она начинает ассоциировать себя с героиней Льюиса: «В комнате брата увидела я на столе незнакомую книгу; я раскрыла ее, то был переведенный с английского роман “Монах”! Ледяным ужасом потрясла меня мысль о том, что мой тайный возлюбленный – тоже

монах [4, т. 2, с. 194]. Читая роман Льюиса, Аврелия проецирует его сюжет на себя и тем самым смешивает реальный мир с интертекстуальным, проживая его сюжет сначала в процессе чтения, а затем в реальности: «Что-то подсказывало, будто книга меня вразумит. Я взяла книгу с собой, начала читать и увлеклась причудливым повествованием <…> я предположила, что мой неизвестный – тоже подданный дьявола, вот он меня и совращает. И все-таки я не могла избыть любви к монаху, вселившемуся в меня. Теперь я знала, что бывает богопротивная любовь. <…> Частенько я вся трепетала, когда мужчина приближался ко мне; мне все думалось, это тот монах, сейчас он схватит меня, утащит, и я пропала» [Там же, с. 195]. Ей нравилось представлять себя на месте героини из романа «Монах», поэтому не удивительно, что Аврелия влюбляется в Медардуса еще задолго до реальной встречи с ним: «Мне представился монах в романе, и почудилось, будто этим-то Медардусом я и одержима, люблю и страшусь его. <…> Но напрасно пыталась я освободить мою душу от наваждения; беззащитная девочка не могла противостоять греховной любви к служителю Божьему» [Там же].

Гофман использует прием интертекстуальности и в новелле «Дон Жуан», но в другой интерпретации: мир реальный противопоставлен не столько миру «чужого» художественного произведения, сколько роли из этого произведения. Актриса, играющая Донну Анну, до такой степени вживается в роль, что проживает ее как реальность, что становится для нее роковым и фатальным. Тем самым Гофман размышляет о проблеме взаимодействия роли и актера. Как известно, Гофман всегда осуждал филистерское отношение к искусству. Для него истинным являлся только тот художник, который всецело отдавал себя творчеству. Именно такой он рисует актрису, играющую роль Донны Анны. Она живет в мире музыки, а роль проживает как свою жизнь, не отделяя ее от себя. Она даже называет себя именем героини: «Несчастная Анна, настали самые страшные для тебя минуты» [4, т. 1, с. 87]. Актриса среди множества окружающих ее людей только в рассказчике чувствует родственную душу: «Но ты <…> ты меня понял, ибо я знаю – тебе тоже открылась чудесная романтическая страна, где царят нежные чары звуков» [Там же]. В восприятии Анны рассказчик ассоциируется с самим Моцартом: «Да… то, что я пела, был ты, а твои мелодии – это я» [Там же].

Таким образом, Гофман активно использует в своем творчестве интертекстуальность, основанную на аллюзиях, цитации и диалогизме, с помощью которых он создает свой особый мир произведений и тем самым вступает в полемику с автором заимствованного образа или сюжета. Уникальным приемом гофмановской интертекстуальности является создание особого типа двоемирия – литературного, когда текст «чужого» художественного произведения проходит через сознание героев и начинает ими управлять, воссоздавая литературный сюжет в реальном мире. Этот прием станет одним из способов построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодерна.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. М. : Рус. словари, 1997. С. 159–206.
2. Беззера П. А. К соотношению «интертекстуальности» и «диалогизма» // Новый филологический вестник. 2007. Т. 4. Вып. 3. С. 5–7.
3. Гете И. В. Собр. соч. : в 10 т. Т.10. М. : Худож. лит., 1980. 526 с.
4. Гофман Э. Т. А. Собр. соч. : в 6 т. М.: Худож. лит., 1991–1999.

5. Жиндеева Е. А., Максимова Л. В. Авторская стратегическая оппозиция «своего» и «чужого» слова в пространственно-временной организации художественного повествования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1(55): в 2 ч. Ч. 2. С. 15–18.
6. Корнилова Е. Н. «Параллельные миры» и техника интертекстуальности в сонатно-симфонической прозе Гофмана [Электронный ресурс] // Сайт профессора Е. Н. Корниловой. URL: http://www.journ1-2worldlit.com/node/56 (дата обращения: 21.02.2019).
7. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М. : Прогресс, 2000. С. 427–457.
8. Мишина Л. А. Роман Э. Т. А. Гофмана «Эликсиры сатаны» как «рассказываемый театр» // Вестник Нижегородского университета. 2010. № 4 (2). С. 911–914.
9. Федоров Ф. И. Сборник Э.Т.А. Гофмана как структура: «Фантазии в манере Калло» // Контекст. Литературно-теоретические исследования. М. : ИМЛИ РАН, 2003. С. 23–61.
10. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Шиллер Ф. Собр. соч. : в 6 т. Т. 6. М. : Гослитиздат, 1959. 792 с.

INTERTEXTUALITY AS A TECHNIQUE IN THE WORKS OF E. T. A. HOFFMANN

V. V. Koroleva

Vladimir State University
the Department of Journalism, Advertising and Public Relations

The article investigates the problem of intertextuality in the works of E. T. A. Hoffman. The game with well-known images and plots (“The relationship of things”, “Don Juan”) is one of the leading principles of his works. The unique technique of Hoffmann’s intertextuality is the creation of two interrelated fictional worlds (“Robbers”, “Elixirs of the devil”), when the text of an “alien” work permeates the consciousness of the characters and begins to control them, recreating a literary plot in the real world.
Keywords*: Hoffman, intertextuality, quoting, allusions, dialogism, the “alien text”, literary two-worlds.*

Об авторе:
КОРОЛЕВА Вера Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Владимирского государственного университета (600000, Владимир, ул. Горького, 87), e-mail: queenvera@yandex.ru.

About the author:
KOROLEVA Vera Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Vladimir State University (600000, Vladimir, Gorkogo str., 87), e-mail: queenvera@yandex.ru.

УДК 82.161.1

ФРОНТАЛЬНОЕ ПРИСУТСТВИЕ КАТЕГОРИИ АБСУРДА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

С. Ф. Меркушов

Тверской государственный университет
центр русского языка и культуры

Активизация экстремальных и синтетических форм в различных сферах искусства обычно связывается с переломными, кризисными этапами развития истории и культуры. Следовательно, абсурд в литературе в качестве такой категории может являться своего рода откликом на обострение присущего данной эпохе перманентного кризиса. В этой связи масштабность присутствия и выраженности категории абсурда в отечественной литературе (в частности XX в.) несомненна.
Ключевые слова: *абсурд, русская литература XX века, кризис.*

Абсурд перманентно присутствует на любом этапе исторического и культурного развития человечества, не будучи привязан к конкретной эпохе или культурным фрагментам. В то же время, согласно справедливому мнению О. Д. Буреиной, имеющему под собой известные и важные источники (в первую очередь, книга М. Эсслина «Театр абсурда» [12]), феномен абсурда сопряжен с «кризисом культуры» и проблемой его интерпретации» [1, с. 26]. Культурные и исторические кризисные фазы характеризуются тем, что абсурд как структурная онтологическая предпосылка выходит на поверхность сознания, а его элементы, коренящиеся в самом человеческом бытии и мироустройстве в целом, становятся особенно явными (например, XVII в., отмеченный мятежами и восстаниями, или кризис 60-х гг. XIX в., обусловленный в первую очередь отменой крепостного права). Абсурд в искусстве отвечает абсурдности бытия и наиболее ярко проявляет себя в кризисные для него моменты. В XX веке события Первой мировой и гражданской войны, а также революции 1917 г. (1914–1922), голод 1932–1933 гг., Великая Отечественная война, кризис 1980-х и перестройка, кризис 1994 г., дефолт 1998 г. были подчеркнуто ознаменованы усилением как собственно абсурдных и экзистенциальных тенденций в литературе, так и интересом читателей и исследователей к творчеству русских футуристов, дадаистов, ничевоков, ОБЭРИУтов и т. п., где стихия абсурда весьма осязаема. Подчеркнем, что внешний кризис, кризис реальности естественным образом провоцирует кризис сознания, как общего, национального, так и частного, индивидуального.

Заметим в этой связи, что кризис миропорядка и культуры нередко сопряжен с разного рода бунтарством, в нашем случае с бунтарством в литературе. Абсурд появляется там, где есть мятеж против устоявшегося, закоснелого, консервативного, конформистского. Поэтому он наиболее явлен в авангардистской прозе, поэзии, драматургии, где провозглашается отсутствие или производится разрушение всякого рода норм, начиная с социальных и заканчивая бытийными, метафизическими. Однако очевидно и то, что заметные элементы абсурда есть в произведениях, не относимых к литературному авангарду.

О.Д. Буренина считает, что, являясь артефактом, характерным для художественной культуры вообще и особенно отчетливо выражающимся в ней в переломные эпохи, на российской почве «абсурд становится наиболее ярким феноменом художественной культуры первой половины двадцатого столетия, основополагающим ее признаком и доминантой мышления» именно начиная с эпохи символизма [2, с. 35]. В своей диссертации исследователь подробно рассматривает рецепцию абсурда в произведениях «старших символистов» (К. Д. Бальмонт, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, Н. Минский, Ф. К. Сологуб и др.) и «младших символистов» (Вяч. Иванов, А. А. Блок, А. Белый и др.), а также ряда других писателей и поэтов, ориентированных на представителей символистского направления [Там же]. Отмечается, что природа абсурда и идея абсурдности бытия хорошо понималась символистами и это понимание воплощалось в особого рода «отрефлектированном “сдвиге”» в самой системе символизма. Этот «сдвиг» обусловливает «аномальность» и «неправильность» текстов по отношению к каноническим жанрам, «появляется целый ряд произведений, репрезентирующих разного рода аномалии: культурные, поведенческие, телесные и т. д.» [Там же, с. 21].

Период 1910-х гг. замечателен бурным развитием русского футуризма, императивом которого становится «бунт теории против смысла» [10, с. 127]. Анархизм мировоззрения, отрицание традиций и революция в области слова, формирование «заумного языка», эксперименты в области строфики, ритмики, рифмы – основные компоненты стратегии футуристов, использующих для ее реализации различные формы абсурда (А. Е. Кручёных, И. М. Зданевич, Велимир Хлебников, В. В. Маяковский).

Более глубинный характер носит абсурд ОБЭРИУтов («чинарей»), обыкновенно считающихся родоначальниками отечественной литературы абсурда (с точки зрения теоретического обоснования терминологического инструментария, сопровождающего категорию абсурда). Бессмыслицы футуристов и чинарей отличаются друг от друга не просто спецификой поэтических конструкций и других формальных элементов текста. К примеру, анализ стихотворений А. И. Введенского предполагает выход на металексический уровень, а затем попытку их интерпретации методами, исключающими чисто филологические. Добраться до смысла поэзии А. И. Введенского возможно путем трактовки так называемых импликатур-иероглифов [4, с. 20], которые репрезентируют эфемерность ее бессмыслицы.

Идея утраты смысла искусства, в частности поэзии, прослеживается в манифестах и творчестве ничевоков, причем их эксперименты, по мнению О. В. Вдовиченко, являются во многом предтечей абсурдистских опытов ОБЭРИУтов [3, с. 14–15]. С точки зрения О. В. Вдовиченко, отдельные повествовательные особенности писателей реалистической традиции (исследователь называет имена М. А. Булгакова, М. М. Зощенко, Тэффи, А. Т. Аверченко) также могли явиться источником нарративных находок чинарей.

Абсурд в антиутопиях 1920-х гг. создается за счет новаций в сюжетообразующей, образной и жанрово-стилистической сферах (построение противоречивой, иллюзорной реальности «вне смысла»; актуализация представлений об антиномичной сущности человека (рассогласованность разума и чувств), антитетической рецепции исторических процессов в их экзистенциальных аспектах (конфликт восприятия свободы и несвободы, проблематика взаимосвязей «природы-культуры-цивилизации»), деконструкция или трансформация языка и мира, использование комически-сатирической нарративной формы (Е. И. Замятин «Мы», А. П. Платонов «Чевенгур», «Котлован», М. А. Булгаков «Роковые яйца»).

В литературе русского зарубежья категория абсурда весьма рельефно эксплицировалась в творчестве В. В. Набокова. Оно проникнуто, подобно произведениям иных представителей абсурдистики эмигрантской литературы (особенно «Аполлон Безобразов» и «Домой с небес» Б. Ю. Поплавского, сочетающие элементы поэтики сюрреализма и абсурдизма), особого рода трагикомической рефлексией, предполагающей использование приемов иронической маски, «абсурда под видом нормы» [7, с. 54], чередованием многочисленных типов игры с читателем (языковой, интертекстуальной, игры с символами).

Абсурд как значимый компонент формально-содержательной структуры текста содержится в произведениях Н. Р. Эрдмана, Ю. К. Олеши, А. Б. Мариенгофа, С. Д. Кржижановского, А. П. Платонова, М. А. Булгакова, К. К. Вагинова, Л. И. Добычина, Е. Л. Шварца, И. Ильфа и Е. Петрова. Балаганная метафоризация и нарративная (театральная, кинематографическая, цирковая) визуализация (Ю.К. Олеша «Зависть», К. К. Вагинов «Труды и дни Свистонова», Л. И. Добычин «Город Эн»), деметафоризация, доведенные до абсурда приемы пародирования, игры (понятия «псевдо» (псевдоинтеллегенция, псевдописатели, псевдоученые, псевдореволюционеры и т. п.), дворянские имена и имена литераторов, разного рода клише (И. Ильф и Е. Петров «Золотой теленок», «12 стульев», Н. Р. Эрдман «Самоубийца», М. А. Булгаков «Собачье сердце», А. Б. Мариенгоф «Циники») сближают произведения названных авторов с абсурдистикой.

Незаметно, на первый взгляд, проникает категория абсурда в литературу социалистического реализма, и прежде всего в творчество М. Горького. Так, В. Е. Головчинер подтверждает наличие точек соприкосновения между драмой М. Горького и драмой абсурда, которую исследователь считает своеобразной модификацией эпической драмы «по состоянию “сознания” составляющих его индивидов, по характеру их мыслительной деятельности и поведения, поражающ<ей> воображение каскадом фрагментов-нелепостей происходящего, по своей драматургической природе» [5, с. 26], родоначальником которой считает выдающегося советского писателя.

Для эмигрантских и неофициальных прозаических текстов эпох оттепели и застоя, совершенно различных по форме и содержанию, свойственны жанрово-стилевой синкретизм, комизм посредством представления современных проблем на фоне гротескных, эксцентрических, сверхъестественных, фантастических ситуаций (А. Д. Синявский «Любимов», В. П. Аксенов «Затоваренная бочкотара»), широта охвата изображения; в них сатирически воссоздается политическая и социальная действительность (А. А. Зиновьев «Зияющие высоты»), реалистически – ад и абсурд лагерной реальности (В.Т. Шаламов «Колымские рассказы») и т. д.

Через релятивизм лирики, выражающийся в игнорировании «требуемого», «приличествуемого» как выработанной системой аксиомой в пользу вечно продолжающегося, не заканчивающегося процесса поиска и саморазвития (О. Е. Григорьев), скупость, но многоликость тропов, склонность к эксперименту, тяготение к конкретной детали, игре, гротеску, иронии, патетике (И. С. Холин, Г. В. Сапгир), приверженность авангардизму и определенная механистичность, гипертрофия отдельных композиционных и лексико-грамматических приемов (И. А. Бродский), критика номенклатурного абсурда абсурдистскими средствами – гротеск, оксюморон, антитеза, гиперболизация, архетипизация явлений (В. С. Высоцкий), – открывается абсурд в неофициальной и эмигрантской поэзии.

Конец XX века ознаменован в российской истории многочисленными переломными тенденциями на фоне основного – политического (и сопряженного с ним

мировоззренческого) кризиса, связанного с процессом распада СССР. Специфика переломного времени заката СССР нашла свое отражение в произведениях, авторы которых стремились исследовать новое положение человека в быту, в обществе, в культуре, в природе, отталкиваясь не только от дихотомических социальных ценностей кризисной социалистической эпохи или от традиционных представлений о человеке, о социальной истории, о природе, но от их экзистенциального содержания.

Проза 1980-х гг. таких писателей, как В. Г. Сорокин, В. О. Пелевин, Е. А. Попов, В. А. Пьецух, В. А. Шаров, Т. Н. Толстая, Л. С. Петрушевская и др., воплощает обрывочность видимого мира, иллюзорность и критичность всех прежних состояний и положений советского человека, как будто стабилизировавшегося в предшествующей реальности, призрачность представлений о мире с выходом на метафизический план абсурда, материализованный в произведениях Ю.В. Мамлеева.

Необходимо указать на стремительное развитие в эпоху перестройки рок-культуры, конкретнее – рок-поэзии, источником образов для которой во многом являлся абсурд в различных своих ипостасях: и абсурд окружающей действительности (П. Мамонов), и абсурд ОБЭРИУ и футуризма (Е. Летов, О. Гаркуша, Д. Озерский), и абсурд фольклорный, балаганный и лубочный (А. Панов), и абсурд коанов и мондо дзэн-буддизма (Б. Гребенщиков).

Распад СССР, подобно Октябрьскому перевороту в свое время, явился причиной перелицовки самих оснований человеческого быта и бытия, трансформации привычного порядка и изменения правил. Такие изменения влекли за собой кризис устоявшейся картины мира, связанный с утратой коммунистических идеалов; нравственный и ценностный кризис общества, детерминированный смещением традиционных бинарных схем и понятий.

«Ощущение хаоса» для части интеллигенции не только определило мировоззренческий субстрат, но и приняло форму художественных исканий времени, модернизировало рецепцию и индикацию искусства. Об этом свидетельствует формирование в 1990-е гг. постмодернистского типа сознания с установками на новизну принципов литературного творчества, опиравшейся теперь на глобальное понимание условности мироустройства, относительности представлений о реальности и ее субъекте.

Ввиду подобных трансформаций категория абсурда 1990-х гг. в некоторых своих проявлениях начинает характеризоваться всеобъемлющим выходом за рамки не просто форм традиционного понимания письма, но и достаточно авангардистского даже для искушенного читателя творчества. Литературные произведения, публиковавшиеся, в частности, в «Митином журнале» – альманахе и издательстве, изначально представляли собой, по словам основателя и главного редактора Д. Волчека, чтение для узкого круга «ценителей нетрадиционной литературы» [6, с. 190]. «Митин журнал» ориентирован на весьма новаторские, порой сверхавангардистские произведения, иногда абсолютно не вписывающиеся в рамки официальной литературы. Между тем их можно отнести к гипернатуралистической абсурдистике: так или иначе их авторы (Я. Могутин, Е. Простоспичкин, К. Решетников (Шиш Брянский), позднее – И. Масодов, М. Климова и др.) все же последовательно реализуют многие принципы и приемы как отечественного, так и зарубежного абсурда в том или ином, чаще гипертрофированном, виде (Д. Хармс, О. Е. Григорьев, У. Берроуз). Изображение немотивированного насилия у И. Масодова, к примеру, помимо очевидной функциональности, связанной с деконструкцией детского фольклора, на наш взгляд, обусловлено, как и у Д. Хармса, эстетикой «черного юмора», харак-

терной для постмодернизма, в том числе и открывающей онтологические аспекты понимания текста.

С нашей точки зрения, базисная составляющая абсурда XX в., как ни парадоксально, заключается прежде всего в стремлении к преодолению разного рода кризисных тенденций, в стремлении к взаимопроникновению жанров, образов, смыслов, а тем самым к воплощению художественной целостности в культуре и литературе. Философы, занимавшиеся проблемами соотнесенности кризисов культуры и цивилизации, культуры и науки, культуры и мировоззрения, вопросами поиска путей форсирования кризисных ситуаций, так или иначе приходили к пониманию необходимости объединения, синтеза, кардинального поворота от укоренившегося в западном мире синдрома всеохватной отдельности, личностной фрагментации. Нарушение непременного требования связи между «внешним» прогрессом и духовным развитием человека (см.: [11]), стирание из памяти людей восприятия культуры как объединяющего метаязыка (см.: [8]), разложение моральных и духовных ценностей, обусловленное культивацией культурного упадка (см.: [9]) ведут к трансформации культуры в суррогат, увеличивающий взаимную тотальную разобщенность и отчуждение. Потому в литературе категория абсурда заметнее проявляет себя в алогизмах и «отклонениях» ОБЭРИУтов, в разорванности, дискретности и девиациях постмодернистов и т. д., однако отечественные авторы не отказываются при этом от исканий высшего порядка: Истины, Абсолюта, Единого. Реализуемый в художественных произведениях абсурда выход за пределы стереотипов восприятия, глубинный сдвиг в сознании индивида выражается как раз в синтетизме. Через «негативное подобие синтеза» [2, с. 36] происходит органически цельное смыслопорождение.

Список литературы

1. Буренина О. Что такое абсурд, или По следам Мартина Эсслина // Абсурд и вокруг : сб. статей. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 7–75.
2. Буренина-Петрова О. Д. Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века : автореф. дис. … докт. филол. н. : 10.01.08 / О. Д. Буренина-Петрова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2005. 40 с.
3. Вдовиченко О. В. Культурфилософский контекст абсурда в художественном сознании России рубежа XX–XXI вв. : на материале творчества В. Пелевина, Д. Липскерова : автореф. дис. … канд. культурологии : 24.00.01 / О. В. Вдовиченко ; Мордовский гос. ун-т. Саранск, 2009. 170 с.
4. Герасимова А. Об Александре Введенском // Введенский А. Всё. М. : ОГИ, 2013. 760 с.
5. Головчинер В. Е. Открытия М. Горького в контексте драматургических исканий эпохи. К 100-летию создания пьесы «На дне» // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2004. № 3 (40). С. 20–26.
6. Иванов Б. В бытность Петербурга Ленинградом. О ленинградском самиздате // Новое литературное обозрение. 1996. № 14. С. 188–199.
7. Пчелинцева М. А. Формы выражения комической рефлексии русских писателей-эмигрантов // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та, 2011. № 10 (64). С. 53–56.
8. Флоренский П. А. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Правда, 1990. 448 с.
9. Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. Статьи по истории культуры. М. : Прогресс – Традиция, 1997. 416 с.

10. Чернорицкая О. Л. Поэтика абсурда в аспекте литературно-художественной методологии : дис. … канд. филол. н. : 10.01.08 / О. Л. Чернорицкая ; Литературный ин-т им. А.М. Горького. М., 2001. 206 с.
11. Швейцер А. Культура и этика. М. : Прогресс, 1973. 343 с.
12. Esslin M. The Theatre of the Absurd. N. Y., 1961. 357 p.

FRONTAL PRESENCE OF THE CATEGORY OF THE ABSURD IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE TWENTIETH CENTURY

S. F. Merkushov

Tver State University
the Center of Russian Language and Culture

Activation of extreme and synthetic forms in various spheres of art is usually associated with critical, crisis stages in the development of history and culture. Consequently, absurdity in literature can be viewed upon as a kind of a response to the aggravation of the permanent crisis inherent to this era. In this regard, the scale of the presence and severity of the absurdity in the Russian literature (of the twentieth century, in particular) is undeniable.
Keywords*: absurdity, Russian literature of the twentieth century, crisis.*

Об авторе:
МЕРКУШОВ Станислав Федорович – кандидат филологических наук, главный специалист Центра русского языка и культуры Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: rusc2007@yandex.ru.

About the author:
MERKUSHOV Stanislav Fedorovich – Candidate of Philology, Main Specialist of the Center of Russian Language and Culture, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: rusc2007@yandex.ru.

УДК 821.161.1-3

Ф. И. ТЮТЧЕВ И И. С. ТУРГЕНЕВ В ВОСПРИЯТИИ Л. Н. ТОЛСТОГО (КНИГА «КРУГ ЧТЕНИЯ»)

С. Ю. Николаева

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье рассматривается диалогическая природа литературного и редакторского творчества Л. Н. Толстого позднего периода, анализируются особенности толстовской интерпретации произведений Тютчева и Тургенева при включении их в книгу «Круг чтения», делается вывод о «прикровенности» христианско-этической идеи у Толстого и ее погруженности в подтекст, а также о необходимости применения к наследию позднего Толстого термина «духовный реализм».
***Ключевые слова**: Л. Толстой, Ф. Тютчев, И. Тургенев, художественный метод, тип творчества, реализм, романтизм, духовный реализм, христианско-этическая идея, редактирование, восприятие, тип книги, «Круг чтения».*

Известен миф о «монологической» природе творчества Л. Н. Толстого, который настолько глубоко перерабатывал и осваивал (почти «присваивал») используемые им литературные источники, что они либо полностью «растворялись» в толстовском тексте и не опознавались читателем (как, например, в «Войне и мире»), либо интерпретировались «вопреки» авторской воле их создателей, подчинялись собственно толстовской концепции, тогда как художественная концепция произведения-источника фактически игнорировалась или разрушалась (такова, по общему признанию, судьба чеховской «Душечки» при включении рассказа в «Круг чтения»). Однако применительно к «Кругу чтения» данный миф представляется не вполне справедливым, так как не учитывает истинного замысла Толстого, не учитывает целостного характера этой книги, которая создавалась в «диалоге» (в широком смысле слова) со всем миром литературы. «Круг чтения» – это ярчайший пример серьезной работы позднего Толстого с «чужим словом», результат создания «новых узоров по старой канве», подчас новых произведений.

«Круг чтения» Л. Н. Толстого – это главная книга, созданная на завершающем этапе творческой эволюции писателя. В биографии Толстого-художника и Толстого-мыслителя на последнем десятилетнем отрезке его жизненного пути «Круг чтения» стал важнейшим, узловым моментом развития. В этой книге сосредоточены размышления Толстого-философа и учителя жизни и вместе с тем художественные искания, эстетические открытия писателя, который в конце 1890-х гг. существенно пересмотрел свои прежние представления об искусстве («Что такое искусство?») и критически переоценил как собственное творчество, так и наследие других писателей. Отказавшись от публикации своих произведений после издания «Воскресения», Толстой, однако, сделал исключение для «Круга чтения», куда вошли не только отредактированные тексты других авторов, но и его собственные более ранние произведения, а также специально написанные для этой книги («Молитва»,

«Корней Васильев», «Зерно с куриное яйцо», «Ягоды», «Божеское и человеческое», «Любите друг друга», «Сказка об Иване-дураке…» и др.). Это свидетельствует о том, что данную книгу Толстой считал важнейшим делом своей жизни. «Круг чтения» для Толстого в 1900-е гг. имел то же значение, что и «Война и мир» в 1860-е, «Анна Каренина» в 1870-е, «Исповедь» и «народные рассказы» в 1880-е, «Воскресение» в 1890-е.

Вместе с тем современное толстоведение почти обходит «Круг чтения» своим вниманием. Утвердилось мнение, что крупнейшие писатели рубежа веков играют в «Круге чтения» «явно обрамляющую, вспомогательную роль», «отрывки из них подобраны далеко не самые представительные, типичные», более того: у Толстого при создании «Круга чтения» вообще «была не литературная задача» [7, т. 2, с. 373. – Комментарий М. Ю. Кукина].

Следует пересмотреть эту концепцию и при изучении последнего этапа творческой биографии Толстого исходить из того, что книга «Круг чтения» – целостное, оригинальное литературное произведение сложной жанровой природы, в котором синтезированы художественное, публицистическое, философское начала и воплотился вполне сформировавшийся, целостный замысел писателя. Только при этом условии анализ книги в аспекте ее проблематики, жанра, композиции, поэтики, источников, текстологии будет плодотворным и корректным. Каковы же принципы, обеспечивающие целостность «Круга чтения» как книги? Наш подход состоит в том, что Толстой писал не хрестоматию, а книгу для чтения, при этом опираясь на серьезную традицию, то есть решал не дидактическую, а именно литературную задачу. Писатели-современники (да и предшественники) далеко не всегда были единомышленниками Толстого, но это вовсе не означает, что целью его было «исправление» текстов других авторов ради нравоучения, ради воздействия на читателя в каком-то своем, «педагогическом» направлении. Толстой и на позднем этапе своей творческой эволюции оставался писателем, художником, который мыслит образами.

Несомненным представляется влияние на автора «Круга чтения» старинной жанровой традиции – традиции таких древнерусских энциклопедических сборников, как «Пчела». Как известно, будучи переводной, эта энциклопедия человеческой мудрости быстро обрусела и стала необычайно популярной на Руси, бытуя в рукописном и лубочном вариантах вплоть до конца XIX века. Первоначальный состав «Пчелы» был существенно дополнен фрагментами из переводных источников – излюбленного чтения русских книжников, а также отрывками из сочинений русских писателей, народной мудростью. Аналогичный принцип работы – принцип энциклопедичности и «всемирной отзывчивости» – реализовал Л. Н. Толстой. Христианская культура осознавалась Толстым как основа всей русской культуры, при всем глубоком интересе писателя к культуре мировой. В «Круге чтения» национальная русская и инонациональные, иноконфессиональные культуры сосуществуют в единстве и гармонии благодаря преображающей и примиряющей силе толстовского таланта.

Принципиально важным для понимания замысла толстовской книги является слово «круг». «Круг чтения» – это не просто отобранные и рекомендованные для ознакомления образцы литературной и философской мысли, не просто «библиотека для чтения», где книги стоят по алфавиту. Это именно круг, цикл, подразумевающий некую авторскую стратегию, некую внутреннюю закономерность. Читатель не самостоятельно бродит по «читальному залу» – им руководит Автор.

В центре внимания Толстого в «Круге чтения», как и в любом другом произведении, находится человек и его внутренний мир, человек на определенном временном отрезке – между рождением и смертью, между приходом в этот мир и уходом в мир иной. Поэтому концепция жизненного пути человека, концепция цикла земной человеческой жизни приобретает структурообразующее значение в толстовской книге. Продумывая архитектонику книги, Толстой учитывал, что концепция жизненного пути человека может быть построена на основе народного мировоззрения и традициях народной культуры, а также на основе христианского учения. Иначе говоря, выстраивая свой годичный круг и календарь, Толстой знал, что существует не только светский, гражданский календарь, но и народный календарь, обусловленный природным и сельскохозяйственным циклом, а также христианский церковный календарь, который в разных конфессиональных ответвлениях может быть ориентирован по-разному: в западном, католическом варианте – в соответствии с «рождественским» культурным архетипом, и в восточном, православном – в соответствии с «пасхальным» культурным архетипом. Христианский календарь соотносит человеческую жизнь с историей земной жизни Иисуса Христа, но при этом западная культура делает основной акцент на Рождестве и на значимости земного пути Господа, а православная – на Пасхе и Светлом Воскресении Христовом. Западная традиция ориентирует человека на земную, а значит временную, жизнь, тогда как православие учит стремиться к жизни вечной и бесконечной. Литература может воссоздавать (в зависимости от воли художника) как природный (сельскохозяйственный) хронотоп, так и библейский в двух вариантах: хронотоп рождественский и хронотоп пасхальный.

«Всемирная отзывчивость» Толстого проявилась в том, что он в своей книге синтезировал все три существующие «календарные» традиции и подчинил им расположение материала в своей книге.

Первый том «Круга чтения» начинается с 1 января в соответствии с календарем общегражданским, государственным. Однако преобладающая тематика ежедневных и недельных чтений начальных разделов тома связана прежде всего с вопросами рождения и воспитания человека, начальных этапов его жизни. Акцент делается не на физическом, а на нравственном, духовном рождении, и эта смысловая доминанта задается первым недельным чтением – рассказом «Воров сын», переработкой лесковского «рождественского» рассказа «Под Рождество обидели». Идейный смысл данного произведения сводится к тому, что физическое и нравственное рождение человека не совпадают, что последнее может осуществиться только в «ослиных яслях» веры и милосердия других людей. В толстовской интерпретации лесковского текста на первый план вышла именно эта доминанта.

Следующее недельное чтение содержит в себе собственно толстовское произведение «Кающийся грешник» (по мотивам древнерусской «Повести о бражнике»). И «Воров сын», и «Кающийся грешник» ставят целью скорректировать «рождественскую» тематику, внеся новые, дополнительные смысловые коннотации, тяготеющие к «пасхальному» архетипу, так как в обоих случаях речь идет не столько о «рождестве» человека, сколько о его перерождении, о нравственном возрождении, о воскресении души к жизни вечной.

Второй том «Круга чтения» открывается с сентябрьской половины церковного года и с начала нового сельскохозяйственного годичного цикла. Как известно, осенние церковные праздники связаны прежде всего с Богородицей, с различны-

ми этапами ее жизни. И Толстой включает в первое октябрьское недельное чтение кардинально переработанный рассказ Тургенева «Живые мощи», повествующий о простой крестьянке, но вместе с тем о святой женщине, которой доступны высшие божественные истины и которая думает не о себе, а о людях и поражает рассказчика своим заступничеством за них. Распределение всего остального материала в книге и его литературная обработка, осуществленная Толстым, обусловлены указанными календарными закономерностями. Поэтому можно говорить о своеобразии редакторского труда Толстого как литературного, художественного труда. Творчество Толстого не «монологично», а «диалогично».

В данном случае речь пойдет о том, что литературные фрагменты в книге действительно расположены не случайно и не автономно друг от друга, а находятся во взаимосвязи и взаимодействии, то есть образуют некую систему, некий внутренний сюжет, сквозной для всей книги. Разумеется, полный и подробный анализ этого сюжета невозможен в рамках одной статьи, поэтому мы остановимся на двух соположенных самим Толстым фрагментах второго тома «Круга чтения». Объектом анализа будут «Silentium!» Ф.И. Тютчева и «Живые мощи» И.С. Тургенева. Оба названных произведения помещены во втором томе: тютчевское стихотворение находится в чтении на 30 сентября, тургеневский рассказ – в первом недельном чтении октября, то есть тексты непосредственно следуют один за другим, если говорить именно о художественных текстах, включенных в обозначенные хронологические рамки. Однако связь между ними не только и не столько внешняя, сколько внутренняя.

Прежде всего следует отметить, что оба произведения изначально содержат в себе романтические авторские интенции. Тютчев пишет о невыразимости внутреннего мира человеческой души, о неадекватности слова высказанного и слова подразумеваемого, языка и речи, об уединенности сознания и вселенском одиночестве человека перед лицом Бога и природы:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

Тургенев поэтизирует долготерпение русского народа, изображая физически страдающую женщину-крестьянку, заброшенную в каком-то сарае, неухоженную и одинокую, лишенную возможности двигаться, – изображая, однако, не жестокую правду жизни, а благостную картину смирения красавицы перед жестоким роком, используя все средства романтизации образа, исключая любые натуралистические подробности, которые в данном случае не могли не присутствовать, и воссоздавая не стоны больной, а чудесные голоса птиц, не свидетельства угасания бренной плоти, а прекрасные запахи мяты и мелиссы, не мрачные приметы приближающейся смерти, а таинственно-чудесные шорохи окружающего героиню природного мира. Даже развернутая на две страницы экспозиция рассказа готовит читателя к встрече отнюдь не со смертью, но с живой и разнообразной жизнью природы, в которой дождь обязательно сменяется радостным солнечным утром [9, т. 3, с. 327].

Разумеется, Толстой, будь он сам создателем такого произведения, написал бы в конце концов что-нибудь вроде «Смерти Ивана Ильича». Он же, редактируя, не ставит своей целью ни исправление «ошибочной», с его точки зрения, романти-

ческой концепции образа Лукерьи ее судьбы, ни тем более опровержение мыслей Тютчева. Толстой по-своему «дописывает» тютчевское стихотворение, создавая развернутую систему философских размышлений на заданную Тютчевым тему, а затем, опираясь на эпиграф из Тютчева же к «Живым мощам», продолжает эту тему в рамках сюжетного повествования тургеневского рассказа.

Современные исследователи поэзии Тютчева отмечают, что Толстому удалось, по сути дела, создать новый тип комментирования стихотворения – философско-религиозный. При этом наиболее важным и оригинальным в подходе Толстого оказалось то, что «смысл тютчевского стихотворения раскрывался вне сферы индивидуалистической морали», писатель предложил «психологические мотивировки необходимости молчания, отрицания самораскрытия» [4, с. 382–383]. Иначе говоря, Толстой фактически отказался от романтической интерпретации многозначного тютчевского стихотворения, в котором каждая эпоха вплоть до расцвета символизма позднее находила свое, созвучное ей содержание, и толстовская трактовка оказалась наиболее гуманистической, продиктованной «активным человеколюбием» [Там же, с. 383], философией самосовершенствования личности. А итоговая сентенция под 30 сентября воспринимается как смысловой и стилистический мостик, связывающий «тютчевскую» главку книги с «тургеневской». Подводя итог рассуждениям о молчании как необходимом условии единения человека с Богом и в конце концов с другими людьми, Толстой заключает: «Временное отрешение от всего мирского и созерцание в самом себе своей божественной сущности есть такое же необходимое для жизни питание души, как пища для тела» [7, т. 1, с. 77].

Толстовская редактура «Живых мощей» была осуществлена в тесной связи с «тютчевской» главой, с размышлениями о внутренней жизни человеческой души. Скорее всего, эпиграф из Тютчева («Край родной долготерпенья – / Край ты русского народа!») способствовал укреплению этой связи.

Толстой всегда считал «Записки охотника» лучшим произведением Тургенева и предсказал, что они «навсегда останутся драгоценным вкладом в русскую литературу» [6, с. 53]. Не случайно для «Круга чтения» он выбрал «Живые мощи». Редактура «Живых мощей» Толстым – уникальный пример творческого пересоздания писателем «чужого» произведения. «Живые мощи» в контексте «Круга чтения» необходимо рассматривать как его составную часть, подчиненную замыслу целого, в результате чего они приобрели особую художественно-функциональную значимость.

Содержание этого рассказа, дописанного в 1874 г. специально для сборника «Складчина», несколько выделяется из круга идей «Записок охотника», что подчеркнул сам писатель: «В первое собрание “Записок охотника” они не были включены по той причине, что не имели прямого отношения к главной мысли, руководившей тогда автором», показались «не довольно интересными или нейдущими к делу» [9, т. 3, с. 511–512]. В «Складчине» же, изданной в пользу крестьян Самарской губернии, пострадавших от голода, этот рассказ оказался уместным. В новой исторической ситуации Тургенев счел необходимым показать «пример русского долготерпенья», усилив его эпиграфом из Тютчева: «Край родной долготерпенья, / Край ты русского народа». Взгляд Тютчева на народ «хотя и имел славянофильскую окраску, был созвучен демократическому» [1, с. 13] и выражал, с одной стороны, поиски нравственного идеала в народе, с другой – мотив «непробужденного» народного сознания. Именно в этом значении использовал Тургенев тютчевские строки.

Однако Толстой, скорее всего, учел еще один контекст, в котором сам Тургенев мыслил свое произведение и который не был реализован им самим до конца, недаром автор «Записок охотника» называл «Живые мощи» «наброском». В подстрочном комментарии к публикации «Живых мощей» в сборнике «Складчина» Тургенев передал свой разговор со стариком-крестьянином на тему о голоде. Старик сказал, что от настоящего голода «люди не худеют, а пухнут». Не случайно тургеневская Лукерья не страдает от голода, хотя почти ничего не ест, но при этом и не «пухнет». По-видимому, это означает, что не болезнь и голод как физические испытания для человека интересовали самого Тургенева, а те духовные источники, те соки, которыми питалась душа Лукерьи. Не физическое истощение героини, а святость русской женщины, которая проявляется в самых страшных обстоятельствах, – вот что стремился понять и показать Тургенев, который, однако, не преминул создать вокруг нее романтический флер.

Толстой же сделал тему святости в тургеневском тексте самостоятельной и лишил ее романтического ореола, предпочитая трезво-реалистический подход и углубив философское осмысление русского национального характера. И Тургенев, и Толстой воспринимали русское долготерпение как реальный факт. Однако в оценке его, как и в понимании ведущих тенденций народного развития, их взгляды принципиально различались, что и нашло отражение в толстовской редакции «Живых мощей».

Прогресс, по Толстому, как известно, основан на нравственном самоусовершенствовании отдельных людей, составляющих в сумме общество, поэтому он придавал огромное значение «смягчающему» действию искусства: «Искусство должно устранять насилие» [8, т. 30, с. 194]. В соответствии с этой идеей писатель вносит «прямую проповедь, поучение, назидание» [3, с. 142] не только в собственные произведения, но и в «Круг чтения». При этом взгляд писателя на искусство уточняется в «Круге чтения» именно в религиозно-этическом ключе. Если в 1880–1890-е гг. Толстой выделял две разновидности искусства – дворянское и народное, то в 1900-е гг. в «Круге чтения» реализуется уже новое понятие о функции «христианского искусства», цель которого – «вызывание в людях чувства братского единения». Идеалом такого искусства являются «смирение, целомудрие, сострадание, любовь» [8, т. 42, с. 149–150]. Следуя этому понятию о сущности и назначении искусства, Толстой выбирает для «Круга чтения» такие произведения, которые способствовали бы «нравственному совершенствованию людей». Читательская программа «Круга чтения» была обозначена уже в его подзаголовке: «Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении». В предисловии он пишет, что свою задачу видит в том, «чтобы, воспользовавшись великими и плодотворными мыслями русских писателей, дать большому числу читателей доступный им ежедневный круг чтения, возбуждающий лучшие мысли и чувства». Ему хотелось создать свод различных знаний, но главное – кодекс нравственно-этических правил жизни. Специфической чертой «Круга чтения» является жанрово-стилевой синтетизм. «Круг чтения» построен, как уже говорилось выше, по принципу «календаря» и состоит из «ежедневных», «недельных» и «месячных» чтений, включающих в себя наряду с афоризмами великих мыслителей отрывки из художественной или религиозно-нравоучительной литературы на общие философские и морально-этические темы. Таким образом, по своей архитектонике «Круг чтения» представляет

собой целостную систему, в которой все составные ее части (месячные, недельные, ежедневные чтения) связаны внутренним единством.

Конкретная социально-образовательная адресация «Круга чтения» обусловила строгую регламентацию обработки его материалов. Редактируя произведения, включенные в «Круг чтения», Толстой сокращал, перекомпоновывал их и даже вносил собственные дополнения. Свободное обращение с текстами оригиналов мотивируется им с чисто практических, читательских позиций: «сделать книгу как можно более <…> полезной большинству читателей». Для достижения этой главной цели идеи великих мыслителей и писателей допустимо изменять так, «чтобы они легче и сильнее воспринимались» [Там же, с. 473, 472]. Итак, в толстовской редактуре принципиально важным было интерпретационно-ценностное отношение к «чужому слову», направляющее читательское восприятие «Круга чтения» в нужное для составителя русло.

«Живые мощи» завершают первую неделю октябрьских чтений, основными темами которой являются мудрость, религия, богатство, любовь, нравственность и болезнь. По утверждению Э.Е. Зайденшнур, рассказ Тургенева, предназначенный для воскресного чтения, заключает лишь афоризмы шестого дня о том, «что к болезням надо относиться терпеливо» [2, с. 34]. На самом деле контекстуальные связи «Живых мощей» в «Круге чтения» значительно шире и сложнее. Они внутренне соотнесены со всеми предшествующими афоризмами недели и месяца в целом, о чем свидетельствует даже их текстуальная перекличка. Но главное – их объединяет общая философско-этическая концепция бытия: нельзя заботиться лишь о хлебе насущном, ибо душа важнее тела; «человек может быть вполне доволен, не имея тех вещей <…> которые излишни ему»; истинная любовь есть «душевное состояние готовности любви ко всем»; «ни один человеческий закон не может в такой степени содействовать нравственному совершенствованию людей», как закон Христов, ибо он «основан на любви к Богу и ближнему» [8, т. 42, с. 11–145] – эти главные нравственные принципы, в понимании Толстого, составляют суть характера Лукерьи.

Разумеется, близок по смыслу «Живым мощам» афоризм 6 октября: «Болезни – естественное явление, и надо уметь относиться к ним, как к естественному, свойственному людям условию жизни»; они не освобождают больного от нравственных требований: «Не можешь служить людям трудами, служи примером любовного терпения» [Там же, с. 117, 118]. Поддержанные контекстом «Круга чтения» религиозно-этические мотивы тургеневского рассказа эстетически актуализируются. В результате смещения смыслового акцента он приобретает подчеркнутую религиозно-дидактическую функцию, не адекватную авторскому замыслу. Контекстуально-ассоциативное восприятие «Живых мощей» в «Круге чтения» приобретает в результате редактирования рассказа Толстым целенаправленный характер.

«Толстого подкупил образ спокойно умирающей безропотной Лукерьи» [2, с. 34]. Это не совсем так. Толстого подкупила способность Лукерьи «к созерцанию в самой себе своей божественной сущности», – созерцанию, которое является «необходимым для жизни питанием души». Ключевым в связи с этим представляется следующий отрывок из «Живых мощей»: «Да, барин, милый, кто другому помочь может? Сам себе человек помогай! Вы вот не поверите – а лежу я иногда так-то одна… и словно никого в целом свете, кроме меня, нету. Только одна я – живая! И чудится мне, будто что меня осенит… Придет, словно как тучка, прольется, свежо

так, хорошо станет, а что такое было – не поймешь! Только думается мне: будь около меня люди – ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья» [9, с. 333].

Цитированный фрагмент «Живых мощей» воспринимается как пересказ тютчевского «Silentium!», осуществленный народным языком, по крайней мере основные тезисы Тютчева, основная топика его стихотворения сохранены довольно точно. Этого не мог не почувствовать Толстой. Вероятно, это и определило стратегию его переработки тургеневского рассказа. Толстой усилил «тютчевское» начало в тургеневском тексте, убрав все лишнее, что мешало такому – философско-религиозному – восприятию произведения.

И только об этом нравственно-эстетическом впечатлении заботился он, редактируя «Живые мощи». Все, что в них не отвечало целевой установке «Круга чтения» или нарушало его структурно-содержательное единство, Толстой изменял или сокращал. Максимально сжатой становится экспозиция рассказа, который начинается не пейзажной зарисовкой, а непосредственным описанием встречи рассказчика-охотника с Лукерьей. В 1900-е гг. толстовская «эстетика народного письма» заметно эволюционирует: в отличие от «народных рассказов» 1880-х гг., в произведениях этого периода ощущается «художественная несовместимость реалистического и религиозно-фантастического» планов. Толстой отказывается теперь от религиозно-дидактических сюжетов. Темы он берет теперь преимущественно из повседневной народной жизни, а христианско-этическая идея у него погружена в художественную ткань повествования. Стремление к безыскусности и лапидарности стало для него главным стимулом в редактуре «Живых мощей». Он опускает не только вступление рассказа, не имеющее прямого отношения к жизнеописанию Лукерьи, но и первый сон ее о том, как молодую, счастливую девушку встречает вместо возлюбленного Васи небесный жених – Христос. Для Тургенева основным смыслом этого сна является самоощущение физического и нравственного здоровья Лукерьи, которое помогает ей выстоять. Толстой же склоняется к тем психологическим мотивировкам поведения героини, которые содержательно и образно близки тютчевскому «Silentium!». Эти же соображения заставляют его снять и отвлеченную от прямого сюжета легенду о Жанне д’Арк, которая к тому же нарушает целостность характеристики Лукерьи как истинно русской женщины с «иконописным ликом». Смерть Лукерьи в отредактированном Толстым варианте похожа на Успение Богородицы, что вполне соответствует общей идейно-тематической направленности второго тома толстовского «Круга чтения».

Другой, более сложный тип толстовской редактуры «Живых мощей» состоит в сюжетно-композиционной перестройке рассказа: Толстой меняет местами два других сна Лукерьи. Второй сон, в котором покойные родители благодарят дочь за то, что она своими земными муками с них «большую тягу сняла» и им «на том свете стало много способнее», превращается в толстовском варианте в кульминационный. Вследствие этого религиозно-этические смыслы «Живых мощей» заметно усиливаются и приобретают лейтмотивное звучание, а параллель между образом героини и образом Богородицы становится более очевидной. В авторской концепции Тургенева способность Лукерьи вопреки приближению смерти радоваться жизни составляет основной пафос «Живых мощей». В толстовской редакции эта концепция отнюдь не разрушается, не перечеркивается, но обогащается благодаря новым – «тютчевским» – смысловым акцентам и вследствие календарной соотнесенности с темой Богородицы. Недаром в финале Лукерья поднимается

до осознания общности своей судьбы с судьбой народа, вырастает до роли народной заступницы. Очевидно, что в творческой и даже редакторской манере позднего Толстого можно увидеть «черты духовного реализма <…> понимая под духовным реализмом облечение христианских идеалов в художественную форму» [5, с. 76]. Глубокий смысловой, духовно-нравственный подтекст в его произведениях создается благодаря тому, что «главные ценности из мира внешнего, социального перемещаются во внутренний мир человека. Эти ценности не всегда доступны рациональному сознанию» [Там же, с. 78]. Поэтому Толстой и использует яркие художественные образы, обращенные непосредственно к человеческому и религиозному чувству читателя.

В итоге ему удается подчинить редактируемые источники своей сверхзадаче – раскрытию сюжета о нравственном росте человека.

Список литературы

1. Аношкина В. Н. Ф. И. Тютчев в истории литературы XIX – начала XX века : автореф. дис. … докт. филол. н. : 10.01.01 / В. Н. Аношкина ; Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1977. 30 с.
2. Зайденшнур Э. Е. Уроки Толстого-редактора // Толстой-редактор. М. : Книга, 1965. С. 3–36.
3. Ищук Г. Н. Лев Толстой: Диалог с читателем. М. : Книга, 1984. С. 142.
4. Касаткина В. Н. Комментарий // Тютчев Ф. И. Полное собр. соч. и писем : в 6 т. Т. 1. М. : Классика, 2002. С. 382–383.
5. Редькин В. А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 71–78.
6. Сергеенко П. Как живет и работает Л. Н. Толстой. М. : Изд. И. Д. Сытина, 1908. 149 с.
7. Толстой Л. Н. Круг чтения : в 2 т. М.: Политиздат, 1991. Т. 1. 480 с. Т. 2. 400 с.
8. Толстой Л. Н. Полное собр. соч. и писем : в 90 т. М. : ГИХЛ, 1928–1958.
9. Тургенев И. С. Полное собр. соч. и писем : в 30 т. Т. 3. М. : Наука, 1979. 526 с.

F. I. TYUTCHEV AND I. S. TURGENEV IN THE PERCEPTION OF L. N. TOLSTOY (THE BOOK “READING CIRCLE”)

S. Yu. Nikolaeva

Tver State University
the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article deals with the dialogic nature of literary and editorial activities of L. N. Tolstoy in his later period. The features of Tolstoy’s interpretation of the works of Tyutchev and Turgenev which were included in the book “Reading Circle”, are analyzed. The conclusion is made about the “secret” character of Tolstoy’s Christian ethical idea and its immersion into the subtext, as well as the need to apply the term “spiritual realism” to the heritage of the late Tolstoy.

Keywords: *L. Tolstoy, F. Tyutchev, I. Turgenev, artistic method, type of work, realism, romanticism, spiritual realism, Christian ethical idea, editing, perception, type of book, “Reading Circle”.*

Об авторе:

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru.

About the author:

NIKOLAEVA Svetlana Yuryevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru.

УДК 821.161.1-1

ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ ПОЭЗИИ МИХАИЛА СУВОРОВА

В. А. Редькин

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

Поэзия Михаила Суворова – по своему характеру реалистическая, со свойственной для реализма конкретностью фактов, точностью деталей, бытописанием. В то же время в его стихах присутствуют элементы романтизма с характерной поэтикой сна, противопоставлением героя толпе, ассоциативно-метафорической образной системой. Особое место в его стилевой системе занимают звукопись и цветопись. Поэт уходит в свой внутренний мир, не принимая современную социальную действительность. В лучших своих стихах он выходит на философский уровень осмысления бытия. Основой его оптимизма является вера. Природу он воспринимает как Божий мир. Мастерство и профессионализм поэта проявляется в разнообразии строфики, в тонкой инструментовке, в своеобразии топики.
Ключевые слова: *М. Суворов, идиостиль, романтизм, реализм, звукопись, цветопись, метафоричность, природа, национальный характер, вера, любовь, родина.*

«Опыт изучения тверской литературы свидетельствует о том, что в ней постоянно возникают интересные и значимые в том или ином отношении явления и она обладает определённой целостностью, самодостаточностью и вместе с тем органически вписывается в общероссийский литературный контекст» [2, с. 69]. .В этом смысле творчество Михаила Суворова – одно из самых примечательных поэтических явлений Верхневолжья. Война в детстве задела будущего поэта своим черным крылом, и хотел бы он избавиться от тяжелых воспоминаний и ярких цветных снов, да это было сделать невозможно. В 13 лет от минного запала потерял зрение. По представлениям наших православных предков, страдание возвышает и очищает душу, через страдание и распятие лежит путь к Истине. Через призму собственной беды поэт воспринимал мир, несчастья и радости страны, народа и всех окружающих. М. Суворов в своих стихах стал философом? Нет. Но определённая мудрость, взвешенность, ощущение временности земного бытия, особой красоты видимого мира у него появились рано.

Михаил Иванович Суворов – автор шестнадцати поэтических сборников, член Союза писателей России. О М. Суворове и его творчестве сказано много добрых слов. О нем писали Б. Полевой, С. Баруздин, В. Боков, А. Дементьев, А. Скворцов, А. Малеев, Н. Попов, Н. Мазурин, Ю. Никишов и многие другие поэты, прозаики, журналисты, критики. Не уставал пропагандировать его творчество Л. Славневский, рекомендуя его произведения к изучению в школе. Он был хорошо знаком с поэтом, дружил с ним, знал тайники его души. Как отмечал А. Скворцов в статье «Гражданское мужество поэта»: «Поэзия Михаила Суворова человечна и демократична по своему содержанию» [4, с. 3]. Критики находили в его стихах оптимизм, задор, романтику, боевитость, высокое патриотическое чувство… Действительно, у М. Суворова было много поэтической публицистики. Но и в ней пробивалось

стремление защиты личности и национальной государственности. Отсюда внутренняя полемичность, неприятие некоторых мыслей, мнений, лозунгов, определенного поведения. Стихотворение «Все мы любим людей», открывавшее сборник «Капли зари» (1966), высмеивает внушаемое газетами абстрактное сочувствие индейцам, африканцам и жителям Европы. Помоги конкретному человеку: больному соседу, многодетной вдове, – фактически призывал поэт.

В 1980 году А. Дементьев писал: «Михаил Суворов по сути своей лирик. В его стихах живет неистощимое удивление от бесконечных открытий, которыми одаривает его жизнь. В стихах, посвященных природе Верхневолжья, чувствуется не только поэтическое осмысление вечности бытия, но и бесконечная влюбленность в мир, в его красоту и романтику» [1, с. 4].

«Свершает солнце поворот, / Не знает время передышки. / И вот по капле соки вышли, / И начинается полет. / По кругу вниз, по кругу вниз, / На землю, в землю, / Значит, к Богу…», – не о кленовом это листе, а о себе, конечно, о загадке жизни и смерти. «Туда стезя неблизкая, / Пора, пора домой! / Уже и солнце низкое / Погасло за спиной», – какие это пронзительные строки! «Сколько снега, сколько злого снега, / И сугробы, словно валуны! / Добреду ли нынче до ночлега? / Добреду ли завтра до весны…» – какая грусть! Обостренные чувства поэта не только помогали ему компенсировать отсутствие зрения и представлять мир ярким и красочным, но подчас ощущать и незримое. В стихотворении «Шаги» передается то ли сон, то ли явь, когда поэт слышит тихую поступь умершей матери, которою просто невозможно не узнать: «На меня кто-то влажно дохнул / И прошелся ознобом по телу. / Кто-то рядом рябину качнул, / – Долго-долго она шелестела…» [5, с. 63]. В поэзии М. Суворова есть целый смысловой пласт, который критики прежде старались не замечать и пафос которого заключен в отчаянном восклицании: «Бог ты мой, разгадать помоги…».

В глубине строки М. Суворова заключён скрытый смысл. Будто поэт знает какую-то тайну мироздания и только намекает на нее, а не говорит открыто: эта тайна – в трагическом мироощущении поэта. Эта тайна – в одиночестве. Обыкновенный обыватель старается не замечать своего одиночества в этом мире (он остро чувствует его, может быть, только в момент смерти), а человек, отрезанный от мира слепотой, чувствует его, наверное, постоянно и проникается трагическим ощущением отчуждения друг от друга всех и каждого. Тяжелы поэту «часы пустоты», тоски, невидимых миру слез: «…Часто в сердце слёзы закипают, как родник», – признается стихотворец, «и подкатывает к сердцу холод тройкой расписной», и хочется «…Богу помолиться истово тайком». «Таланты – всегда эмигранты», – искренне считает он. Не случайно смысл своего творчества поэт видит в том, чтоб «сдружить Одиночество природы / С одиночеством души» [Там же, с. 8]. Его приобщение к вечности, неприятие суеты, лучшие поэтические строки – всё это результат чувства одиночества (стихотворении «Одиночество»):

Я запрусь на засовы,
Жалюзи опущу,
Драгоценное слово
Для стихов отыщу.
И заботы, и праздник
Смоет пенная тишь.
Я мечтал, только разве
От себя убежишь [Там же, с. 53].

Реалистическая деталь приобретает у поэта значение символа, щелочки в иной, духовный мир. Капли росы, например, становятся каплями зари, солнца, частичками бесконечно прекрасной природы, радости жизни, любви: «Я люблю вас, ромашки, / Луговые ромашки, / Лучезарные, в каплях росы, / Тонконогие, словно девчонки. / А девчонок я очень люблю».

Для идиостиля Суворова характерна покоряющая искренность. М. Суворову удавалось создать немало ёмких, афористичных, значимых строк. Точная конкретика умножается здесь на многозначную символику. «Разломали храм однажды и забыли цель…». К сожалению, так и бывает, идет ли речь о старой церквушке, сложном государственном здании, социальной системе или храме души отдельного человека. Но, с точки зрения поэта, духовные ценности неуничтожимы: «Затопили колокольню, но звенят колокола».

С чем ассоциируется у М. Суворова труд поэта и с кем сам поэт? «Шоферы и поэты, / Мы сходны по судьбе», – восклицает он в стихотворении «Ночные рейсы». А позже соотнесет поэта с образом путника, ждущего подаяния: «Не для меня чужой уют – / Подайте бедному поэту! – / И, слава Богу, подают». И все-таки автор не верит, что спад внимания к поэзии, наступивший в переломные перестроечные годы, продлится долго.

Михаил Суворов – один из тех в нашей тверской поэзии, кто тщательно работал над формой. Главную роль в поэзии играет образный строй речи, слово в контексте смыслов и звуков. Выразить свое видение мира стремится и М. Суворов. Вот и появляются у него характерные только для него сравнения и метафорические выражения: «Но детская влюбленность / Как ранние рассветы: / Они еще туманны, / Но их не погасить», «…Земля /в синих лентах речек, / где купается заря, / Освежая плечи», «Я – береза, только слезы / Не ищи в моих глазах. / Я баюкаю морозы / На серебряных ветвях».

Для поэта особое значение имеет звучание стиха. Он не раз признавался, что в муках творчества немалое место занимает поиск созвучий: «То цветы ищу в полях, / То созвучия в словах…». Звуковые повторы, звуковые метафоры органичны и естественны в его стихах. Река Руза рифмуется с арбузом и лазурью. «А за горами громыхает гром, / И шар земной дымится под ногами», – заметим, как тонко с помощью инструментовки поэт передает грозное небесное начало (аллитерация «гр») и мягкое земное («С каждой утратой удары бо*льн*ей») – звуковой повтор (*тра – дар*) усиливает значение слова. Эпитет он подбирает не только по зрительному соответствию сути явления, но и звуковому: «литая сила», «размашистый маятник».

В замечательном по искренности и проникновенности стихотворении «Цвета и формы» М. Суворов пытается передать присущие ему способы познания мира – осязанием, обонянием, на вкус, «кровью сердца, чуткой кожей»:

Слышу звезды, слышу росы –
Звукам утра кто не рад?
На губах моих покосный
Незабытый аромат.
Наплывает густо, внятно
Горьковатая теплынь:
Здравствуй, медленная мята,
Здравствуй, мудрая полынь! [Там же, с. 8].

Характерно для поэта умение перевести свои ощущения в звучащее слово. «Медленная мята» – это как наплывы запаха аромата полей. «Невозможное возмож-

но» в поэзии, так что стихотворец вправе заявить: цвета и формы мира «всем видны и мне видны». И, может быть, только у него возможна такая ассоциация: «Полная пустая тишина / Не таит ни запаха, ни вкуса – / Бузина стоит обнажена / И ветвями вздрагивает грустно». Тишина у него «лазурная», лист кленовый с ладони «скользит с печальным звоном».

В 50–60-е годы поэт рисовал особенно яркий цветовой, живописный мир, как будто пытался компенсировать вечную темноту слепого, как будто хотел, чтобы читатель не догадался о страшной личной беде. Вот строки стихов, взятых из сборника «Капли зари» и более поздних книг: «Звёзды считаю, как желтых цыплят», «небо синью плещется», «голубая тишина», «Красногрудым снегирем / На снегу заря играет», «на рябине рдеют гроздья, / Будто губы у тебя», «неба синь», «Белый куст сирени», «весна расплескалась голубою волной», «Она ступила гордо / На золотой песок», «Плечи розовели, / Облитые зарей» и т. д. Мы просто не замечаем этих ярких цветов окружающего мира, потому что привыкли к ним. Мир более ярким предстает в воспоминаниях и снах. Это просто та индивидуальность и неповторимость, которая так ценится в искусстве.

Тормозят машины:
На шоссе закат.
Желтые осины
Свечками горят.
На рябине красной
Ягоды желты.
Льется свет опасный, –
Хуже темноты [Там же, с. 21], –

рисует поэт яркую импрессионистическую картину в стихотворении «На шоссе», заканчивая образом сарьяновской яркости: «Пляшут блики косо, / Словно апельсины / Скачут под колеса». Так и хочется воскликнуть: «Да полно, точно ли это наша среднерусская полоса, а не экзотические субтропики?» Но осины и рябины сомнения развеивают. Вот они, пронзительно щемящие воспоминания зрячего и зоркого детства: «А липа сыплет желтые цветы / На деда, на меня и на кусты, / Где я стою в рубашке синей-синей / И на ладонь ловлю медовый ливень». В стихотворениях 90-х годов мир поэта не то чтобы потускнел, а стал более реальным, не таким красочно-романтичным и броским. По словам С.Ю. Николаевой, «романтическое искусство предваряет историю реализма в русской литературе, служит в ряде случаев первоосновой его развития» [3, с. 67]. Это относится ко многим русским писателям. Именно в таком русле развивается и творчество М. Суворова.

Так же необычна и романтически выпукла у М. Суворова деталь окружающего мира. М. Суворов точно скажет, какие глаза у зайца: «Да, у зайца славные глаза – / Темные с коричневым отливом», а у скворца «Чуть отставлено крыло, / Отливает сталью». Широко используется поэтом психологическая деталь в изображении природы: «Над рекой растерянно / Бабочка порхала». На самом деле это растерян малыш, у которого нырнул и никак не вынырнет отец. Или: «Утро медленно веки открыло», яблоня «глядела печально вокруг, / Будто старая мать», «А заря умылась у реки, / Синевы в ладони нацедив…», «Лес без песен точно сирота» и т. д. И напротив, человек характеризуется образами из мира природы: «Метались жалкими птенцами / Глаза под крыльями бровей». Особое место в поэзии Суворова занимают образы нашего милого лесного зверья, домашних животных и птиц («Котенок», «Гусь», «Кукушка», «Сорока», «Скворец», «Бронзовый голубь», «Митинг»,

«Журавлиная строчка», «Заяц», «Волк», «Муравей»). Конечно, все они очеловечены, одухотворены, те же боли и радости, что и у людей, те же проблемы и трагедии: «Хорошо бы прилетели дети – / Почему-то страшно за детей». А вот и тягостное расставание с жизнью: «Птичка-невеличка, словно спичка, / Молча догорает под кустом».

И все-таки декларативность и лозунговость поначалу утомляла читателя: «Но выше страха – разум!», «Если есть в любви законы, / То должны быть нарушители», «Каждый также в свой черед / К солнцу с девушкой уйдет», «Где есть любовь, / Там нет покоя, / Где есть покой, / Там нет любви»; и просто: «Я любви хочу!». Позже, начиная с конца 60-х годов, М. Суворов стал чаще прибегать к декларации, основанной на метафоре, имеющей символический характер: «Пусть малыш буянит и растет зубастым!» – восклицает поэт в конце стихотворения «У мальчонки зубы режутся», и ясно, что имеется в виду активная позиция в жизни, полной жестоких схваток и возможных синяков. «Как орда Тамерлана, ты прошлась по любви», – это обобщенный образ, срез трагической ситуации неразделенной любви. Библейский образ Иуды поэт прилагает к современности: «Россия взбаламучена до дна, / А в небе беспокойная луна… / Хитрят и предают почти повсюду. / Осины есть. Осина ждет иуду!».

Одной из сквозных тем творчества М. Суворова является память войны. Среди стихов на эту тему поистине замечательны «Ночь на Курской дуге», «Ветераны», «Солдаты». Трогательно стихотворение о смерти маленькой сестренки, написанное на автобиографической основе:

Я помню глаза сестренки,
Я помню такие глаза,
В которых стояли потемки
И медленно стыла слеза.
А рядом порхали стрекозы,
На крыльях – голубизна.
А рядом в закате розовом
Ворочалась глухо война [6, с. 10].

У М. Суворова обращение к образам войны становилось иногда как бы приемом, оттеняющим светлую современность. Красиво и счастливо шагают пионеры по проселкам страны, несмотря на грозы и встречный ветер, но «Деды этих пионеров / На грозу в шинелях серых / Шли к Можайскому шоссе»; счастливо и бодро разъезжают наши туристы «на Дунай и за Дунай, / И на Вислу, и на Одер…», – но не надо забывать тех, кто когда-то «По Европе трудно, с боем / Прошагали гордые. / Сколько их на берегах / Вислы, Одера, Дуная / Прикорнуло на века».

Обращают на себя внимание остросоциальные стихи. В 90-е годы это «Бомжа» – о вокзальных бомжах и проститутках, «Обида» – об обычном для нашего времени явлении, угоне и «раздевании» машины, «Эмигранты» – о том, что сейчас наступила пора России «собирать сыновей нелюбимых», «Последний шаг» – где выражена мечта о судном дне для разорителей России.

М. Суворов живет в одном времени и одними мыслями с читателем и, к сожалению, оказывается иногда даже более доверчивым, чем они, может, оттого, что все-таки часть визуальной информации остается для него скрытой. Перед настоящим временем он явно растерян. Он не может не знать о нынешних бедах и страданиях, но кто виноват, ответить не в состоянии: «Кто распял и души, и тела? / Вроде бы и нету виноватых». Эта потерянность приводит к возникновению соот-

ветствующих образов: «Неуютно в поле, неуютно: / Волки воют и куранты бьют… / Где теперь отметины маршрута? / Компас врет, как все сегодня врут». И возникает вопрос: «О чем писать? / О жалких буднях, / О политической возне?» А попытка все-таки назвать виновных оказывается слишком прямолинейной, не очень убедительной, а главное, мысль выражена в неудачной с точки зрения образности форме: «Но посольства посреди Москвы, / Как насосы, кровь качают нашу». Отсюда горькое сетование Пегасу о невозможности заново прожить жизнь и переписать некоторые прежние стихи:

Ты недоверчиво косишься,
Крылатый зверь?
Косись, косись…
Известно, что не перепишешь
Былых стихов, былую жизнь.
Я не боюсь суда людского,
И все-таки душа болит.
Давай, Пегас, проскачем снова
От «А» до «Я»…
Но конь молчит [5, с. 9].

Стихи М. Суворова 90-х годов – это документ эпохи, отразивший беспросветную трагедию народа. Бездействует милиция, «пропивает добычу ворье», «в цеху заводском чудят бракоделы»… «Вот так на Руси и живем…», – подводит невеселый итог поэт. Конечно, М. Суворов отнюдь не ханжа в стихах. Он поэтизирует все, что не чуждо человеку. И все-таки по большому счету в иерархии ценностей высокое место занимают у него чистота помыслов и дел, целомудрие. Как он бережно относится к «нецелованным березкам», как он нежен со своей возлюбленной! У него проявляется особая, нравственно заостренная направленность образа: «Ослепшая зависть и ложь».

Сложен вопрос о мировоззрении и вере Михаила Суворова. Однако иконопись для него, видимо, всегда несла в себе идею подлинной духовной красоты. Не случайно в замечательном стихотворении «Над прорубью», рисуя облик прекрасной, может быть, слишком доверчивой и несчастной женщины, поэт обращается к национально-православным традициям: «Женщина от проруби / Подняла глаза, / Строгие, огромные, / Как на образах. / Прижилась горчинка / В грустных, голубых, / Словно Русь лучинная / Так и тает в них». Уже в 60–70-е годы поэт не избегает таких слов, как *крещение, причастие, распятие* («В горьких реках России / Я рожден и крещен»). Но, судя по стихам поэта, он так и не пришел к твердой вере наших прадедов, догматам исторического христианства, хотя типологически, по заряду вложенной в слово любви, он близок к этому. Все ощутимей становится евангельский текст в его стихах, хотя М. Суворов был, конечно, сыном своей эпохи, со всеми её соблазнами, заблуждениями и страстным поиском веры: «На распутье стою, / Словно храм без икон, / А на землю мою / Опускается звон. / Я к нему не привык: / Он как будто ничей, / Колокольный язык / Возвращенных церквей».

«Мне кажется, что небо создавало всю нашу землю из самой любви», – это признание в одном из последних прижизненных сборников вполне искренне. М. Суворов начинает осуждать «безбожную эпоху» и безверие: «Креста березе не хватает…». Больше того, в стихах последних лет жизни появляется образ Христа как символа высшей красоты и чистоты: «Белых лилий россыпь на воде / Как следы идущего Христа» [Там же, с. 10]. Да и образ России трансформируется в Свя-

тую Русь и рисуется через призму библейского текста: «Никакая ты не Магдалина! / Ты навек с Христом обручена, / Отряхнись и встань опять невинной». Все чаще поэт вспоминает Бога и начинает писать это слово с большой буквы: «На землю, в землю, / Значит, к Богу. / Еще чуть-чуть, еще немного, / И я сгорю, как этот лист». Думается, появившийся в последнее время сквозной образ горящей свечи тоже как-то связан с церковью: «Ладаном кадильницы курятся, / И мерцают свечи даже днем», «Кувшинки в июле цветут, / Как будто зажженные свечи / Русалки куда-то несут…». А вот проникнутый православным сознанием пейзаж: «Вокруг российская юдоль, / Где день лампадой догорает, / И выедает очи соль», «Испил воды – испил молитву на древнем чистом языке», «И стоит собором вечным / Ель, покой храня. / На ветвях мерцают свечи, / Только нет огня», «То ли ангел серебристый, / То ли самолет» и т. д.

Впрочем, поэт не отказывается и от своих древних языческих корней. «Вся языческая древность бродит в жилах у меня», – передает он свое подсознательное ощущение родственности с дохристианской Русью. И кажется ему, что березы горят «В языческом тумане, / Как русская душа».

Все чаще начинает М. Суворов обращаться к национальной истории («Языческий сон», «Ярославна», «Монолог Отрепьева», «Кинжал Грибоедова» и т. д.). У него появляется некоторый эпический размах по типу стихов А. Твардовского («Карта России», «На горе Митридат»). Тревога за судьбу Отчизны становится у Суворова вровень с собственной нескончаемой болью. «О, Матерь Божья, помоги Руси многострадальной нашей», – вырываются у поэта слова мольбы в поэме «Ночь княгини Ольги». И речь здесь идет не столько о времени тысячелетней давности, сколько о современности. В стихах М.И. Суворова появляется образ загадочных темных сил, сгустившихся над Россией: «Кто-то творил чудеса / В маске угрюмой, как ворон…», «От слёз людских и лживых слов / Душа России пожелтела…».

В своей пятой книге стихов «Стоимость солнца» поэт в декларации заявляет о стремлении выйти к глобальным, планетарным проблемам современности, отказавшись от позиции «озорного мальчишки», который «слишком долго тешился стихом, где рифмы голубели васильками». Возникает образ дымящегося земного шара, раненого, кровоточащего солнца. Неслучайно его обращение к фольклорной традиции, в частности к былине. Былинный эпос интересен Суворову не столько с чисто исторической стороны, сколько со стороны нравственно-психологической. В пример можно привести использование сюжета былины «Вольга и Микула». Здесь развивается мотив гордой независимости Микулы Селяниновича и уязвленного княжеского самолюбия. Используются (правда, несколько трансформированно) и сюжеты об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, о Святогоре.

В мире, созданном поэтом, царит милосердие и сострадание, «березы санитарками хлопочут», и поэт «готов сменить страницы на бинты», но тут же он замечает, что у тех же «берез летучие ресницы такой земной греховной красоты!». Получается, что острые политические, идеологические, социальные проблемы, которые проникают в его поэзию, в образе, музыке стиха, звуковом повторе поэт стремится эстетизировать, обратить внимание читателя на прекрасные мгновения жизни. Это скрашивает впечатление при перечитывании стихов 1950–1970-х годов, слишком замкнутых на своем времени.

Многие стихи М. Суворова в своей основе сюжетны, даже стихи о природе. То это рассказ о том, как ласточки вступили в бой с коршуном, то о том, как журавлиную свадьбу прервала «равнодушная двустволка», то повествование о судьбе бе-

резовой рощи в годы войны. Стихотворение «Пудель» – о том, как какой-то татарин, рискуя жизнью, спас собаку, – вообще приближается к балладе.

Ему удаются жанровые картинки, например, красочного базара в «Сентиментальной балладе» или отела коровы в стихотворении «На рассвете»:

Хозяин лицо утирает,
Дрожит от волненья рука.
Он тоже утробно вздыхает
И поднимает телка:
– Смотри, белоногий сынишка!
Неужто не хочешь взглянуть! –
Корова натруженно дышит
И тянется сына лизнуть [Там же, с. 19].

При этом стихи, как правило, имеют целью не просто живописать быт, а выразить определенную мысль. В данном случае авторскую, в традициях романтизма, когда герой противостоит окружающей действительности и отстаивает свою позицию в жизни: «Я, как чужак, стою среди веселья, / Среди забот и вечной суеты… / Да ну вас к шуту… Я не покупатель». Впрочем, автор и не продавец, он – творец, художник. Поэзии он отдает весь жар своей души.

Постепенно образ в некоторых стихах М. Суворова насыщается глубинно-философским содержанием. Человека часто сравнивают со звездой, но поэт как бы разворачивает сравнение во времени и возможном драматизме человеческой судьбы: «Люди восходят, как звезды, – долго ли будут гореть?» Образы природы приобретают бытийный характер, сопрягаются с основным вопросом философии. Нет, не что первично или вторично, а что такое жизнь и смерть: «И луна кругла, как циферблат, / Только трудно стрелки разглядеть, / Что часы далекие таят? / Может статься, нашу жизнь и смерть». Поэт разгадывал живые письмена природы, тайный шифр судьбы – и своей, и страны, и своего народа. И если образ дороги сквозной в его творчестве, то в последнее время все чаще возникал у него образ потерянной дороги, храпящих у ворот коней: «Значит, дорога легла / К древней церковной ограде…», «И мчится тройка удалая, глаза испуганно скосив. / А где дорога столбовая – / Никто не знает на Руси!»

Черты индивидуального стиля ярко проявляются у Суворова в его интимной лирике. Не случайно так много стихов Михаил Иванович посвятил своей жене Ирине, которая была его ангелом-хранителем и бесценной помощницей. И все они – о красоте Божьего мира и о нескончаемой на земле любви («Природа», «Рисунок», «Подожди», «Сударыня», «Лилии», «Бузина» и многие другие). И, как всегда, свое, личное поэт вкладывает в строки, воспевающие роль жены в судьбе писателя, тем более писателя слепого:

Жена по высоким природным законам –
Вторая бессонная мать.
Слагают стихи о невестах влюбленных,
А надо о женах писать…
Поклон вам, совсем не спесивым,
Поклон вам, заботливо-гордым! –
Недаром Земля и Россия
В грамматике женского рода [Там же, с. 23].

Впрочем (может быть, в шутку), он говорит и о «крутости» жен. Так, появляется новый, неожиданный поворот в сюжете об Илье Муромце и Соловье-Раз-

бойнике: «Соловей-разбойник – полбеды, / Вот жена разбойника – беда!». Тема любви в поэзии – лакмусовая бумажка, определяющая, лирик ли поэт в душе или «эпик». Лиризм в поэзии М. Суворова явно превалирует, и, к счастью, стихи он посвящает не только жене. Замечательны стихотворения «Жар-птица», «Первый поцелуй», «Вопрос» и многие другие. Это стихи-воспоминания, стихи-фантазии: «Хохочи во весь горячий рот – / На губах твоих заря цветет. / Лепестки ромашки на губах, / Бесенята мечутся в глазах», «Были губы, и гиблые речи, / И кудрей золотое руно, / Обнаженные жадные плечи / И похмелья скупое вино». В целом удачен цикл «Легенды о любви». Живописно и зримо рисуется здесь пленительная красота богинь и земных женщин, непреодолимое влечение и жаркая страсть, а еще самоотверженность и верность. Некоторые стихи имеют притчеобразный характер с обобщающим выводом: «Любовь за трусость не прощает», «Миг любви – великий миг!», «Всесильны боги, и сильны мужчины, / Наверно так, но женщины сильней!», «И жизнь, и смерть – одно мгновенье», «Если разучились удивляться, / Значит, разучились и любить», «Так бывает – жизнью платят / За волшебное “люблю”». Это не переложение, а тем более не пересказ легенд и мифов, а скорее собственное решение темы Пигмалиона, Нарцисса, Ярославны, Марины Мнишек, персидской княжны и т. д.

Лирическое начало доминирует в поэмах М. Суворова, и в сюжетных, и в бессюжетных. Крупные жанровые лиро-эпические формы стали появляться у поэта еще в начале творческого пути: «Баллада об отце» (1958), «Баллада о Тамаре» (1959), «Августовская ночь» (1960), «Весенний разлив» (1961), «Плечом к плечу» (1976), «Красный цвет» (1982). Ряд поэм был создан им и в последние годы жизни. Поэма «Начало» наиболее интересна и личностна по теме и по способам ее воплощения. Она рассказывает о деятельности французских подвижников-просветителей, давших возможность слепым читать и писать. Повествовательность нисколько не мешает лиризму, который проявляется в выборе самой темы, героев, во введении собственного биографического времени. «Гарь осела. И мальчишке, / Потерявшему глаза, / Часто снятся злые вспышки – / Бесконечная гроза», – вновь выплескивает поэт свою главную боль и вспоминает, как жалели и помогали ему люди, как он ехал учиться в школу слепых и не знал, как же теперь он будет читать и писать. Но личная судьба сходна с судьбами тысяч других людей в прошлом и настоящем, и лирическое «Я» замещается на не менее лирическое «Мы»: «То болезни, то случайность, / То война, война, война… / Нас от солнца отлучили, / Сердце вымучив до дна». И там, где речь идет о кровном, близком, находятся особые слова, и звучит повышенная экспрессия. Кстати, все это любопытно читателю и в познавательном плане: факт создания «шеститочья» Луи Брайля – азбуки для слепых сам по себе каждому очень интересен, но что это значит для человека, утратившего зрение, может передать только тот, кто сам испытал отрезанность от мира, от книги, а значит, от знания: «Мнилось мне, / что эти точки – / Зерен спелый урожай. / Наконец-то, / если хочешь, / Сам пиши / и сам читай. / Строчки пахнут хлебом вкусным, – / Сколько их в моих руках / На французском, / и на русском, / И на прочих языках!»

И в поэме «Красный цвет», эпиграфом к которой можно было бы поставить начальные строки: «Мир вокруг еще суров, / В мире горя под завязку…», – все та же личная боль: «Родится сын. Забрезжит робко / В его ресницах дальний путь. / Но никогда в глаза ребенка / Ты не сумеешь заглянуть…». И в поэме «Мой Островский» все та же, проникающая в миниобраз собственная боль: «Я знаю войну. Я не раз умирал. / Мое воскрешенье как милость. / Я пальцами, кожей потом прозревал.

/ Глазами прозреть не случилось». И в поэме «Поэт»: «Взрыв отнял у мальчишки / Света спелую гроздь, / Тьма меня окружила…».

Следует сказать о песенном творчестве М. Суворова. В содружестве с московским композитором Павлом Ермишевым им была написана широко известная песня «Цвети, земля моя!», которая в исполнении Розы Рымбаевой, Ларисы Кандаловой, Тамары Гвердцители трижды занимала первое место в конкурсах. Много песен на стихи Суворова были созданы Владимиром Мигулей, Владимиром Успенским, Евгением Малышевым. Песни, написанные на стихи Суворова, звучали на Фестивале молодежи и студентов в 1985 году.

Светлое мироощущение и заставляет М. Суворова писать замечательные стихи для детей. Его сборник «Речка у крылечка» (1994) соответствует самому высокому и придирчивому вкусу. Замечательны стихи английской слепой и глухой поэтессы Фреды Натчер, редактора и издателя журнала «Радуга» Британского королевского общества инвалидов, которые Суворов переложил на русский язык и издал в виде сборника «Черный дрозд». Характерно, что этот поэтический мир тоже полон звуков и красок. Некоторые циклы поэта воспринимаются как произведения и для взрослых, и для их сыновей и дочерей. Например, «Голоса леса», где стихи звучат от имени березы и осины, боровика и мухомора, кукушки и сороки, зайца и муравья.

Михаил Суворов создал свой мир, оригинальный идиостиль, неповторимый и красочный, по памяти и в силу своего воображения. Постепенно складывалась исповедальная манера, характерная предметность восприятия. То, что другим удается создать с помощью ежедневных личных визуальных впечатлений, М. Суворову приходилось постигать внутренним, духовным зрением. Стремясь к точности и реализму в изображении окружающего, он невольно его пересоздает, а значит, уходя от юношеской романтики к трезвому реализму, он так и не может, а возможно, и не хочет отказаться от черт романтизма, которые проявляются в его духовном мировидении. В этом он оригинален, этим он и интересен. И еще надо отметить неиссякаемый оптимизм поэта. Его жизнь проходила в темноте, и, тем не менее, сквозная черта поэзии М. Суворова – жизнерадостность. На первых порах это было связано с преодолением недуга, с радостью возвращения к активной жизни. Со временем вырабатывается и зреет мужественный характер, не стыдящийся признаться в своих муках и слабостях, но не афишировать их: «И нисколько не боюсь я, / Что окрестят бодрячком. / У меня характер русский: / Если плакать, то молчком».

Список литературы

1. Дементьев А. Восхождение к признанию: К 50-летию поэта // Калининская правда. 1980. 24 февр.
2. Николаева С. Ю. Новые тенденции в поэтическом творчестве Николая Капитанова и Владимира Львова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 1. С. 69–79.
3. Николаева С. Ю. Балладное и притчевое начала в рассказе А.П. Чехова «Ведьма» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. С. 67–74.
4. Скворцов А. Гражданское мужество поэта // Смена. 1980. 23 февр.
5. Суворов М. Медленная мята. Тверь : Центрпрограммсистем, 1995. 79 с.
6. Суворов М. Песни разлук : Стихотворения и поэма. Тверь : Моск. рабочий, 1990. 158 с.

FEATURES OF IDIOSTYLE OF THE POETRY OF MIKHAIL SUVOROV

V. A. Redkin

Tver State University
the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The poetry of Mikhail Suvorov is, by its nature, realistic, with concreteness of facts, precision of details, and description of everyday life characteristic for realism. At the same time, in his poems there are elements of romanticism with its of dreaming, the opposition of the hero to the crowd, as well as an associative and metaphorical image system. A special place in its stylistic system is occupied by sound and color. The poet escapes to his inner world, never accepting contemporary social reality. In the best of his poems the poet rises to the philosophical level of understanding of life. The basis of his optimism is faith. He perceives nature as God's world. The skill and professionalism of the poet manifested itself in the diversity of the stanza pattern, in the subtle instrumentation, as well as the originality of the topical structure.
Keywords: *M. Suvorov, idiostyle, romanticism, realism, sound painting, color painting, metaphoricity, nature, national character, faith, love, homeland.*

Об авторе:

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.

About the author:

REDKIN Valery Aleksandrovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.

УДК 821.161.1-1

ЧЕЛОВЕК БУЯНЯЩИЙ: РАЗГУЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ (лирика Д. В. Давыдова, «Выстрел» А. С. Пушкина)

К. Р. Халиуллин

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
отдел пушкиноведения

Принято считать, что Денис Давыдов создал образ гусара–буяна, который воплощали реальные повесы 1810–1820-х годов. Этому же образу наследовала последующая литература при изображении кавалериста. Однако анализ мотивной структуры лирики поэта-гусара позволяет утверждать, что лирический герой стихотворений Давыдова не только не схож с «озорниками» начала XIX века, но и противопоставлен им: крайний индивидуализм и желание первенствовать заменены здесь представлением о гусарском братстве, в котором все равны.

Ключевые слова: *Д. В. Давыдов, А. С. Пушкин, «Выстрел», гусарская лирика, гусарский миф, буян.*

Принято считать, что культурно-литературный миф о гусаре-озорнике и буяне возник в лирике Д.В. Давыдова и из нее вошел в русскую литературу и, далее, культуру вообще. Однако это идея не кажется бесспорной.

Мифологизированный образ гусара-буяна в значительно большей степени складывался под влиянием реальных биографий исторических лиц, слывших легендарными повесами. По наблюдению Ю. М. Лотмана: «…в начале XIX в. <…> начал выделяться некоторый особый тип разгульного поведения, который уже воспринимался не в качестве нормы армейского досуга, а как вариант вольномыслия. Элемент вольности проявлялся здесь в своеобразном бытовом романтизме, заключавшемся в стремлении отменить всякие ограничения, в безудержности поступка. Типовая модель такого поведения строилась как победа над некоторым корифеем данного типа разгула. Смысл поступка был в том, чтобы совершить неслыханное, превзойти того, кого еще никто не мог победить» [6, с. 493]. Конкретными проявлениями «буянства» являются, с одной стороны, доведенная до крайности доблесть на поле брани, с другой – бретерство и азартная карточная игра. Они позволяют человеку освободиться от вписанности в стройную официальную социально-профессиональную иерархию, противопоставить свою личность государственной машине. К концу 1830-х – началу 1840-х годов в литературе и культуре подобное ненормативное поведение закрепляется за образом гусара, а само называние человека «гусаром» значит, что он «ёра, забияка», «шалун» (формулировки Дениса Давыдова) и повеса.

В науке существует мнение, что образ гусара-озорника создала лирика Дениса Давыдова [13, с. 172–173], а последующие литература и культура уже разрабатывали давыдовский типаж, все более закрепляя именно за ним подобное поведение. Однако при внимательном чтении гусарских песен Дениса Давыдова обращает на себя внимание, что «буянство» в этом художественном мире не синонимично ни

бретерству, ни картежничеству. В лирике поэта-гусара мотивы, связанные с азартной игрой, встречаются лишь несколько раз, а дуэль, по нашим наблюдениям, вообще не упоминается. Картежничество и бретерство как неотъемлемые черты поведения героя-гусара появляются позднее – в прозе 1820-х – 30-х годов – в творчестве А.С. Пушкина, А.А. Бестужева-Марлинского, В.И. Карлгофа, Д.Н. Бегичева и др. Ко второй половине XIX века гусар-дуэлянт и картежник становится четко определившимся литературным типом, особенно колоритно представленным в произведениях Л.Н. Толстого о «золотом веке» русской дворянской культуры («Война и мир», «Два гусара»). И в XX веке (в частности, в пьесе А.К. Гладкова «Давным-давно», а также в фильме «Гусарская баллада», снятом по ней Эльдаром Рязановым), и сегодня гусар – не просто военнослужащий российской Императорской армии, а идеальный представитель «века богатырей». Об этом свидетельствует, например, наличие сайтов в сети Интернет, посвященных гусарству, или своеобразных гусарских фан-клубов. В то же время остальные рода войск (в том числе конные: драгуны, уланы и др.) не так интересуют современного пользователя сети.

Человек, претендующий на звание исключительного, должен был совершать неожиданные, восхищающие либо своей дикостью, либо чрезмерной храбростью (что нередко шло бок о бок) поступки, причем не только на войне, но и в повседневной жизни. Вокруг него возникали легенды, в которых как современники, так и потомки не всегда могли отделить правду от вымысла. Так, А.И. Якубович, «отъявленный повеса, проказник, не сходивший почти с гауптвахты» [1, с. 291], который был еще и «необычайно честолюбив» [3, с. 119], нередко додумывал истории из своей жизни, намеренно создавая вокруг себя мифологический ореол. Известен его рассказ о дуэли с А.С. Грибоедовым (в четвертной дуэли, в которой, кроме самих дуэлянтов, А.П. Завадовского и В.В. Шереметьева, должны были стреляться и их секунданты, Грибоедов и Якубович), полностью построенный по сюжету повести Пушкина «Выстрел»: «Мы с Грибоедовым жестоко поссорились – и я вызвал его на дуэль, которая и состоялась. Но когда Грибоедов, стреляя первый, дал промах – я отложил свой выстрел, сказав, что **приду за ним в другое время, когда узнаю, что он будет более дорожить жизнью, нежели теперь** <… > и наконец я узнал, что он **женился и наслаждался полным счастьем** (выделено мной. – *К.Х.*)» [2, с. 365–366]. Далее рассказ продолжается, следуя пушкинскому сюжету, а ранение Грибоедова в руку Якубович объясняет как намеренное: «…я раздробил ему два большие пальца на правой руке, зная, что он страстно любил играть в фортепиано и лишение этого будет для него ужасно» [Там же]. О наличии в этой истории элементов художественного вымысла свидетельствует хотя бы намеренное нарушение хронологии событий: дуэль между Грибоедовым и Якубовичем произошла в 1818 году, а женился Грибоедов только в 1828-м.

Не менее яркие и притом более достоверные эпизоды встречаются в биографиях других известных «буянов»: Ф.И. Толстого-Американца, М.С. Лунина, И.П. Липранди, Ф.А. Уварова и др. Несмотря на разность судеб, всем им были присущи те же черты, что и Якубовичу, – честолюбие и тщеславие, желание преодолеть другого, стать первым, унизив и тем самым победив соперника. Для такого человека равным мог стать только такой же бретер и гуляка, как и он сам. Он всегда желал быть исключительным, выделяться на фоне всех остальных, что, впрочем, не отрицало способности к искренней дружбе и искренней любви к отечеству. Известна, например, близкая дружба Ф.И. Толстого-Американца с Денисом Давыдовым и с П.А. Нащокиным, с которым они даже обменялись кольцами с уговором, что

первый, кто почувствует приближение смерти, сообщит другому и умрет у того на руках [12, с. 265].

Однажды (в 1813 году) Лунин, служа еще в кавалергардах, вызвал цесаревича Константина Павловича на дуэль [6, с. 14–16]. Наследник престола сгоряча разругал полковника, ехавшего не по форме в шапке. Полковник нарушил форму одежды по причине болезни и, сочтя себя оскорбленным, подал в отставку. После этого «офицеры всего полка признали поступок с полковником оскорбительным для всех и подали Депрерадовичу общую просьбу об отставке» [7, с. 15] Цесаревич, узнав об этом, на дневном смотре извинился перед офицерами, прибавив, что готов дать удовлетворение любому, кто им недоволен. Полковник и офицеры были благодарны Константину Павловичу за честь, оказанную им, и приняли извинения. Однако из рядов вперед вышел Лунин и попросил о личном удовлетворении. Великий князь, улыбнувшись, сказал, что офицер еще слишком молод [11, с. 556]. Вызов на дуэль командира классифицировался как бунт, неподчинение служебной иерархии. Вышестоящий офицер имел полное право уведомить об этом армейское руководство (причем его честь от этого не страдала), после чего вызывающего в лучшем случае лишали офицерского звания и отправляли на Кавказ, в худшем же – в Сибирь. Что же тогда говорить о вызове на поединок чести члена царской семьи. Лунин рисковал не просто своим будущим, а жизнью, желая совершить немыслимое, то, на что у иного не хватило бы духа.

Толстой-Американец во время кругосветного путешествия поссорился с И. Ф. Крузенштерном и последовательно призывал команду к бунту против него. Командир экспедиции несколько раз пытался примириться с буяном, но тщетно: Толстому хотелось быть первым на этом судне, как и в жизни вообще. Крузенштерн пригрозил высадить бунтаря на необитаемый остров, на что тот ответил: «Вы, кажется, думаете меня запугать! В море ли вы меня бросите, на необитаемый ли остров, мне всё равно; но знайте, что я буду возмущать против вас команду, пока останусь на корабле» (цит. по: [11, с. 265]).

Как известно, командиру ничего не оставалось, как оставить Толстого на Алеутских островах.

К легендарным историям из биографии Липранди относится, например, эта. В 1809 году в условиях строжайшего запрета на международные дуэли он вызвал на поединок первого шведского дуэлянта барона Блома. Они долго спорили об оружии: Липранди настаивал на пистолетах, Блом же предпочитал драться на шпагах. Не выдержав додуэльной полемики, Липранди «прекращает спор, хватает тяжеленную и неудобную шпагу (лучшей не нашлось), отчаянно кидается на барона, теснит его, получает рану, но обрушивает на голову противника столь мощный удар, что швед валится без памяти, и российское офицерство торжествует» [14, с. 14]. Липранди считает себя защитником чести всего русского оружия, за которую стоит сражаться не только на поле брани, но и на поединке.

Думается, такой тип поведения мотивирован желанием изъять себя из коллектива и возвыситься над ним.

Многие легендарные кутилы и бретеры (Лунин, Ф. Ф. Гагарин, сам Давыдов) действительно служили в гусарах. Бывший, правда, кутилой больше в стихах, а не жизни, «Давыдов, когда хорошо его узнаешь, только хвастун своих пороков» – говорил о нем князь А. Г. Татищев [9, с. 628–629]. Более того, мы не смогли найти информации ни об одной дуэли Давыдова. В значительном количестве анекдотов фигурируют усатые наездники и гусарские полки [5, с. 83]. Однако многие офицеры служили в различных воинских подразделениях, не только в гусарах или ула-

нах. Так, Лунин начинал службу в Егерском полку, позднее был переведен в кавалергарды и только в 1822 году поступил на службу в Гродненский гусарский полк, Толстой-Американец вообще был пехотинцем, даже Давыдов начинал службу в кавалергардах. Несмотря на это, в литературе и культуре за ними закрепилась слава именно гусара. Стоит отметить, что главным шальным полком в России тех лет был не гусарский, а 44-й Нижегородский драгунский полк (кавказский полк), в который ссылали офицеров за бретерство и другие дисциплинарные проступки и преступления. Именно в него, в частности, был сослан Лермонтов.

Не менее противоречиво и влияние лирики Дениса Давыдова на действительность рассматриваемого периода. В стихотворениях Давыдова создается образ гусара, представляющего собой идеального военного первой трети XIX века.

Для героя Давыдова гусары – братья, они равны между собой, нет первых и последних. Ты гусар постольку, поскольку ты храбр на поле боя и на пиру, а большего и желать нельзя. Понятия иерархии, подчиненности (и формальной, и ментальной) чужды свободолюбивому «сотоварищу урагана», они являются определяющими для «большого» мира ложных ценностей, которому противостоит весь мир давыдовской лирики. «Я» в этом смысле равняется «Мы»: «За тебя на черта рад, <я> / Наша матушка Россия! / Пусть французишки гнилые / К нам пожалуют назад. <мы>» («Песня») [10, с. 18].

Начиная с 1815 года в лирике Дениса Давыдова образ гусара фразеологически «демократизуется» – герой начинает называть себя «партизаном» и даже «солдатом». Однако «Я-солдат» лирики Давыдова равен «Я-гусару», «разжалования» героя не происходит. Это все тот же характер. Такое переименование связано с тем, что для героя Давыдова военная иерархия и чин не имеют никакого значения: между «солдатом» и гусаром нет никакой разницы. Высокое же звание может упоминаться только иронически: «Пусть я буду генералом, / Каких много видел я! / Пусть среди кровавых боев / Буду бледен, боязлив, / А в собрании героев / Остр, отважен, говорлив» («Бурцову») [Там же, с. 12].

Герой давыдовской песни никогда не оказывается выше своих товарищей: они братья и равны между собой.

Однако такой герой имеет очень мало общих черт с реальными буянами первой половины XIX века. Это видно в «Выстреле» Пушкина.

В повести Пушкина «Выстрел» ссылка на давыдовскую лирику делается дважды. Первый раз в рассказе Сильвио: *«Я перепил славного Бурцова, воспетого Денисом Давыдовым*» [8, с. 69]. Второй способ обращения к претексту менее явен, однако от этого не менее бесспорен: одним из эпиграфов к произведению является фраза из рассказа А. А. Бестужева-Марлинского «Вечер на бивуаке», который, в свою очередь, предваряет эпиграф из стихотворения Дениса Давыдова «Песня старого гусара». Таким образом, гусарская тема в тексте Пушкина дана в своей соотнесенности с лирической системой Давыдова, что позволяет нам рассматривать «Выстрел», учитывая мотивику гусарских песен.

В пушкинской повести можно наблюдать немалое количество мотивов, которые являются определяющими для лирики Давыдова. В самом начале текста заявлен мотив *гусара* (Сильвио был гусар) и связанные с ним мотивы *домишка* Сильвио («бедная мазанка»), *пира* (у Сильвио «шампанское лилось рекой»), *товарища / друга* («Я вас люблю», – говорит Сильвио герою-повествователю).

В произведении указанные мотивы претерпевают кардинальное изменение. В рассказе Сильвио о своем гусарском прошлом появляются два особенно важных

для гусарской лирики мотива – *пьянства* (Сильвио «перепил Бурцова») и *проказ* (Сильвио «был первым буяном по армии»). Однако обращает на себя внимание, что ни пьянство, ни буянство не самоценны (как в лирике Давыдова). *Пьянство* и *проказы* подчинены другой страсти Сильвио – страсти *первенствовать, преумножать славу*. Не случайно для него важно именно *перепить* Бурцова (а не пировать с ним), быть *первым* буяном (а не просто гусаром-проказником): «Характер мой вам известен: я **привык первенствовать**, но смолоду это **было во мне страстию.** <…> Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно сменяемые, смотрели на меня, как на необходимое зло (выделено мной. – *К. Х.*)» [Там же].

Итак, Сильвио предстает гусаром, но не тем, образ которого создал Денис Давыдов и традиция гусарской песни.

Граф же характеризуется следующим образом: «Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость самую бешеную, храбрость самую беспечную, громкое имя, деньги, которым не знал он счета и которые никогда у него не переводились» [Там же].

Из приведенных характеристик особенно важной, как нам представляется, оказывается *веселость*. Мотив веселья сопутствует не Сильвио, а его сопернику. Это неудивительно, ведь Сильвио, как можно судить из текста, не наделен этим чувством. Более того, он признается: «Я стал искать с ним ссоры; на эпиграммы мои отвечал он эпиграммами, которые всегда казались мне неожиданнее и острее моих и которые, конечно, **не в пример были веселее**: **он шутил, а я злобствовал** (выделено мой. – *К. Х.*)» [Там же].

Обида Сильвио на способность графа комически воспринимать жизнь, обида на само веселье явно слышны в сцене второй дуэли героев: «Скажите, правду ли муж говорит? – сказала она, обращаясь к грозному Сильвио, – правда ли, что вы оба **шутите**?» – «Он **всегда шутит**, графиня, – отвечал ей Сильвио, – однажды дал он мне **шутя** пощечину, **шутя** прострелил мне вот эту фуражку, **шутя** дал сейчас по мне промах; теперь и мне пришла охота **пошутить**... (выделено мной. – *К. Х.*) » [Там же, с. 74].

Как видим, Сильвио отрицательно воспринимает шутку и смех, для него «пошутить» оказывается синонимом слова «унизить» или даже «лишить жизни» (как в конце цитаты). Веселость и беззаботность графа контрастирует с завистью Сильвио. Такая веселость – одна из основных черт давыдовского гусара. Он борется со страхом смерти, эпикурейски побеждает смерть отрицанием ее бытийности и событийности. Эта победа возможна только с помощью веселья и бесшабашности «шалунов». Именно поэтому веселость героя – не просто его признак, а скорее неотъемлемое свойство. Без нее нет гусара, потому что без нее невозможно ежедневно с бесстрашием глядеть в глаза смерти.

Без веселости и беспечности, которым так завидует Сильвио, граф не сумел бы равнодушно стоять перед дулом пистолета ненавидящего врага, завтракая черешнями. Можно с уверенностью сказать, что поведение и мировосприятие графа отвечают идеалу образа гусара, созданного и воспетого Денисом Давыдовым. Таким образом, гусаром «по Давыдову» оказывается именно граф, тогда как Сильвио – «антидавыдовский» гусар.

Таким образом, мы предполагаем, что Денис Давыдов создает своего гусара, который противопоставляется реальному бретеру, картежнику и «забияке». Если для реального исторического буяна поступок – абсолютная ценность, то для героя Давыдова ценными оказываются равенство гусарского братства и защита Родины.

Создавая этого нового героя, героя литературного, Денис Давыдов приглашает «реального» «ёру» Толстого-Американца в мир своей лирики, предлагая ему измениться, стать другим: «Прошу тебя забыть / Нахальную уловку, / И крепс, и понтировку, / И страсть людей губить» («Болтун красноречивый…» 1815) [9, с. 65]. Именно это гусарское миропонимание выражает поручик Ржевский в пьесе Гладкова «Давным-давно», когда говорит: «Знай, равенство везде, где звон гусарских шпор» [4, с. 40].

Ненормативным поведением в России первой трети XIX века отличались дворяне, в основном военные, независимо от войсковой принадлежности. Подобное поведение со временем исчезает из реальной практики, однако остается в качестве одной из ярчайших характеристик «века богатырей» русской истории. В период процветания кутежей и буянства Давыдов создает своего лирического героя – идеального гусара, проказы которого подразумевают анакреонтические возлияния, чувство братства и храбрость в ратном деле, а не бретерство и картежничество, жажду стать легендой. Давыдовский гусар оказывается выделенным из ряда остальных военных рассматриваемого периода истории, в связи с чем становится лучшим представителем века, а литературная модель гусарства превращается в одно из самых заметных его явлений. Если для человека 1810-х годов ясна разность между модальностью гусара давыдовской лирики и модальностью буянов, то в следующих десятилетиях модальности различаются все меньше, важна отличность, особость героя. Разгульное офицерское поведение и гусарство уже к концу 1830-х сближаются: теперь носителем данного типа поведения становится именно гусар, и никто иной.

Список литературы

1. Арапов П. Н. Летопись русского театра. СПб. : Типогр. Н. Триблена и Комп., 1861. 387 с.
2. Власова З. И. Декабристы в неизданных мемуарах А. И. Штукенберга // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. 354–369.
3. Востриков А. В. Книга о русской дуэли. СПб. : Азбука, Азбука–Аттикус, 2014. 352 с.
4. Гладков А. К. Давным–давно : пьесы. М. : Сов. писатель. 1978. 535 с.
5. Липранди И. П. Замечания на «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля М. : Имп. Об-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1873. 194 с.
6. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Искусство-СПб, 1994. С. 164–190.
7. Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 279 с.
8. Пушкин А. С. Полное собр. соч. : в 16 т. Т. 8. Кн. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 496 с.
9. Русская старина : Т. 5. СПб. : Печатня В. И. Головина, 1872. 1032 с.
10. Сочинения Давыдова Дениса Васильевича. СПб. : А. Смирдин, 1848. 640 с.
11. Ульянов И. С. Заметки // Русский архив. 1868. Вып. 6. С. 554–557.
12. Филин М. Д. Толстой-Американец. М. : Молодая гвардия, 2010. 315.
13. Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении. «Повести Белкина» и «Пиковая дама». СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. университета, 2013. 354 с.
14. Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М. : Худож. лит., 1979. 422 с.

A BROWLING MAN: DISSIPATED BEHAVIOR IN THE FIRST HALF OF THE XIXth CENTURY AND THE LITERARY CONTEXT (DENIS DAVIDOV'S LURICS AND ALEXANDER PUSHKIN'S "THE SHOT")

K. R. Khaliullin

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
the Department of Pushkin Studies

There is the commonplace in literary criticism that Denis Davidov invented the image of hussar-and-brawler and the real rakes of 1810–1820 embodied it and the following literature continued to use this image. However, the analysis of the motive structure of Danidov's verses shows that his lyrical hero does not have their features and contrasts with them – the extreme individualism and the desire for priority substituted there for the idea of hussar brotherhood where everyone is equal.
Keywords*: Denis Davidov, Alexander Pushkin, "The shot", hussar lyric, hussar myth, brawler.*

Об авторе:

ХАЛИУЛЛИН Карим Ришатович – аспирант отдела пушкиноведения Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4), e-mail: karim-ha@mail.ru.

About the author:

KHALIULLIN Karim Rishatovich – Postgraduate Student at the Department of Pushkin Studies in the Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences (199034, Saint-Petersburg, Makarova emb., 4), e-mail: karim-ha@mail.ru.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81’22

РУССКИЙ МЕНТАЛИТЕТ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОМЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

[1]В. В. Волков, [2]Н. В. Волкова, [1]И. В. Гладилина

Тверской государственный университет
[1]кафедра русского языка
[2]кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье представлены результаты лингвокогнитивной реконструкции, интерпретации и сопоставления лексико-семантических полей «Русский менталитет» и «Европейская идентичность». Языковой материал полей извлечен из гуманитарных научных текстов, трактующих рассматриваемые ментальные явления, анализу были подвергнуты лишь те слова и словосочетания, которые составляют ядерные части рассматриваемых полей. Исследование выполнено в русле когнитивной лингвистики, основывается на лингвистическом конструировании семантических полей в сочетании с лексико-семантическим и когнитивно-дискурсивным анализом.

Ключевые слова: *русский менталитет, европейская идентичность, лингвоментальные структуры, когнитивная лингвистика, политическая лингвистика, лексико-семантическое поле.*

1. Введение

Любое наднациональное государственное цивилизационное образование основывается на тех фундаментальных ценностях, которые ассоциируются с понятием «менталитет». Русский менталитет на протяжении столетий обеспечивал целостность российской цивилизации, которая облекалась в различные государственные формы: Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация, – в силу чего ментальную основу российской цивилизации по справедливости следует считать не только русским, но и российским менталитетом.

Европейская цивилизация после падения Римской империи была лишена целостной наднациональной государственной оболочки вплоть до конца XX века, когда был создан Европейский союз. Необходимое условие стабильности этого нового наднационального государственного цивилизационного образования – единая для всех составляющих его стран и народов ментальная основа. Искомая ментальная основа современной европейской цивилизации, нашедшей наднациональное оформление в виде Европейского союза, обычно именуется не словосочетанием *европейский менталитет*, а словосочетанием *европейская идентичность*.

Содержание понятия «европейская идентичность» на данный момент является неопределенным. Сопоставление способов конструирования содержания понятий «русский / российский менталитет» и «европейская идентичность», призванных фиксировать ментальные основы российской и европейской цивилизаций соответственно, представляется актуальным как в теоретическом, так и в приклад-

ном аспектах, поскольку оказывается связанным с различными областями гуманитарного знания и практики.

2. Постановка проблемы

Россия и Европа: сходства и различия – таково предельно обобщенное именование той предметной области, которой принадлежит данная работа. В более узком прочтении: ментальные основы российской и европейской цивилизаций, особенности которых могут быть высвечены по методологическому принципу «одно в зеркале другого», на основе сопоставления. Специфика лингвистического подхода к решению этой проблемы – сначала найти перечни тех ключевых языковых единиц, в которых опредмечиваются, которыми именуются основные компоненты этих двух ментальных пространств, затем установить их относительно устойчивые языковые значения и дискурсно зависимые контекстуальные смыслы (аналогичная методика использована в нашей работе: [4]).

Исходная задача – получить необходимые перечни языковых единиц – для русского менталитета и европейской идентичности решается лингвистически различным образом: для русского менталитета – это ключевые слова, для европейской идентичности – ключевые словосочетания. Причины структурного различия исходного материала в следующем: 1) в гуманитарной традиции для именования особенностей русского менталитета как наличной данности используется устоявшийся набор отдельных лексем; 2) особенности европейской идентичности в настоящее время – не наличное, но лишь искомое общеевропейское ментальное целое, которое в гуманитарной традиции однословной фиксации пока не нашло. Целые словосочетания, а не отдельные лексемы для языковой фиксации искомого общеевропейского ментального целого используются в силу того, что в настоящее время отдельные лексемы уже «заняты» в лингвистически клишированных представлениях о национальных характерах разных европейских народов, ср., например, восходящие еще к И. Канту стереотипные формулировки: французы – *живость и легкомыслие*, немцы – *домовитость и рассудительность* и т. д. [10].

Задача отбора ключевых лексем и словосочетаний осложнена неопределенностью родового понятия «национальный характер», что ведет к субъективности и неполноте при характеристике конкретных ментальностей. Ментальные феномены «русский менталитет» и «европейская идентичность» в рамках данной работы понимаются операционально, а именно – как перечни бытующих в различных дискурсах языковых единиц с их своеобразными значениями и смыслами.

Специфическая трудность компактной характеристики русского менталитета – множество предрассудков и мифов, окутывающих Россию, русских и россиян в целом. Подробный разбор этой проблемы представлен в серии книг нынешнего министра культуры России В. Р. Мединского с подзаголовками, в которых лексически точно названы ключевые концепты разнообразных негативных мифов: «О русском пьянстве, лени и жестокости», «О русской демократии, грязи и “тюрьме народов”», «О русском воровстве, душе и долготерпении» (первая книга серии: [14]). Обсуждение такого рода мифов не является конструктивным для решения вопроса об основных компонентах национального характера, поскольку очевидно, что на «плохом» великая страна держаться не может. Следовательно, необходимо сосредоточить внимание на «мелиоративных» аспектах русского национального характера, находящих отображение в точных ключевых словах.

Европейская идентичность – феномен индивидуального и общественного сознания, который в проекции на отдельного человека предстает как самоощущение себя европейцем, а в проекции на европейское сообщество предстает как осознание объединенной Европой (странами и народами ЕС) себя в качестве особого наднационального цивилизационного образования.

Выяснение существа европейской идентичности – как в первом, так и во втором аспектах – составляет актуальную задачу самых различных гуманитарных наук – психологии, социологии, политологии и др. В данной работе авторы рассматривают вопрос о европейской идентичности с позиций когнитивной лингвистики.

С лингвистической точки зрения, *европейская идентичность* – это терминологическое словосочетание, значение и смыслы которого определяются, во-первых, значениями и смыслами двух составляющих его слов, во-вторых, «добавленными» значениями и смыслами, возникающими в словосочетании как «эффект целого», в-третьих, дискурсивными смыслами, возникающими в результате употребления данного словосочетания в различных ситуациях и контекстах.

Идентичность в психологии, социологии, политологии и в других гуманитарных науках применительно к отдельному человеку понимается как свойство считать себя принадлежащим какому-либо или каким-либо сообществам, члены которых объединяются такими особенностями, которые отличают их от членов других сообществ. Идентичность какого-либо сообщества, в свою очередь, понимается как некоторый набор свойств, специфических именно для этого сообщества и в своей совокупности отличающих данное сообщество от других.

Следовательно, европейскую идентичность следует понимать как набор свойств, специфических для сообщества, которое включает людей, сознающих себя европейцами. Вопрос о перечне свойств, совокупность которых может интерпретироваться как «европейская идентичность», на данный момент не имеет однозначного решения.

3. Цель и задачи

Проблеме русского национального характера, российского менталитета – и, с другой стороны, вопросу о содержании понятия «европейская идентичность» посвящена практически необозримая литература. Устраняясь от ее даже самой общей характеристики (обзор истории вопроса см., например: [1; 18]), авторы центрируют внимание на собственно лингвистических составляющих проблем русского менталитета и европейской идентичности, которые в предельно краткой формулировке сводятся к следующему: 1) применительно к русскому менталитету – это вопрос о том, какие лексемы бытуют в гуманитаристике в качестве именований основных, «ядерных» особенностей русского национального характера, каковы значения и смыслы таких лексем; 2) применительно к европейской идентичности – это вопрос о том, какие словосочетания с опорным словом *идентичность* используются в гуманитарном научном дискурсе в целях характеристики особенностей европейской идентичности, каковы значения и смыслы таких словосочетаний.

Цель данного исследования: 1) на основе отбора бытующих в гуманитарных дискурсах языковых средств обозначения ключевых особенностей, с одной стороны, русского менталитета, с другой стороны, европейской идентичности, реконструировать лексико-семантические поля, включающие соответствующие языковые единицы; 2) в рамках каждого из двух реконструированных указанным образом лексико-семантических полей найти их интегрированные «семантические ядра», вы-

ступающие как концентрированное выражение существа, с одной стороны, русской (российской) ментальности, с другой стороны, европейской идентичности; 3) сопоставить полученные данные.

4. Методы

Данная работа выполняется русле когнитивной лингвистики, основывается на лингвистическом конструировании семантических полей в сочетании с лексико-семантическим и когнитивно-дискурсивным анализом.

Словосочетания *русская ментальность* и *европейская идентичность* в рамках этого подхода интерпретируются как дескрипторы (заголовочные единицы) соответствующих семантических полей, а в лексикографической проекции – как заголовочные единицы материалов словарного типа (например, существительное *идентичность* в процессе отбора словосочетаний для семантического поля «Европейская идентичность» интерпретируется как потенциальное заголовочное слово статьи словаря сочетаемости лексических единиц).

Последовательность работы: выборка из гуманитарных научных текстов о русской ментальности и европейской идентичности как исходного дискурсивного материала языковых единиц с искомой семантикой, далее лингвистическое конструирование лексико-семантических полей «Русская ментальность» и «Европейская идентичность», интерпретация полученных результатов.

5. Результаты

Первый вопрос. О лексемах, именующих основные свойства русского национального характера.

Набор таких лексем и словосочетаний, наличествующих в гуманитаристике, склонен к регрессии в «дурную бесконечность», поскольку охватывает значительную часть массива именований этических и психологических качеств человека и общества. Оставляя за пределами внимания «пейоративную» составляющую, отметим, что «мелиоративная» часть может быть отождествлена, например, с известными из гуманистической психологии А. Маслоу «потребностями роста» («бытийными ценностями», «метапотребностями»), ср.: *истина, добро, красота, жизненность, индивидуальность, совершенство, необходимость, завершенность, справедливость, порядок, простота, полнота, игра, непринужденность, самодостаточность, осмысленность* [13, с. 444]. Некоторые значимые дополнения из многочисленных работ, трактующих особенности русского менталитета: *стремление к духовному Абсолюту* (*искание абсолютного добра*), *истина* и *правда*, *совесть*, *коллективизм* и *соборность*, *Бог* (*религиозность*, *вера*) и *судьба*, *Родина* и *патриотизм*, *способность к высшим формам опыта*, *душевная чуткость* (*задушевность, эмпатия*) и др. Пожалуй, наиболее авторитетной работой по данному вопросу является книга классика русской религиозной философии Н. О. Лосского «Характер русского народа», название первой главы этой фундаментальной работы («Религиозность русского народа») напрямую называет *религиозность* основной чертой русского национального характера [12].

В оппозицию расхожим прецедентным микротекстам, якобы отображающим существо российских проблем (типа *кто виноват* и *что делать*, *дураки и дороги*) целесообразно поставить два ряда, условно говоря, «прецедентных лексических триад», отображающих реальные сверхценности русских: в секулярной проекции это *истина*, *добро*, *красота*, в сакрально-религиозной, опирающейся на свя-

тоотеческую христианскую традицию, – *вера*, *надежда*, *любовь*. Эти «лексические триады» на слуху у всех, но в силу специфической национальной «нравственной застенчивости», обусловленной очевидной комплиментарностью данных сверхценностей, озвучиваются не столь часто в качестве ключевых элементов русского «национального портрета», – в отличие от «водка, матрешка, селедка», «огурцы, капуста, квас», «пьянство, лень, жестокость» и подобных отдающих русофобием лексических микромножеств, каузируемых суженным и/или предвзятым взглядом.

Охарактеризуем другие «лексические ключи» к особенностям русского национального характера, которые ближайшим образом рассматриваются в православной аксиологии как учении о ключевых ценностях христианского миросозерцания (филологическая проекция православной аксиологии отражена в нашей работе: [5]).

Истина и *правда*. У Истины – божественная природа, у Правды – человеческая. Истина – одна и в своей полноте непостижима, «Правд» – много, разных. Есть правда отдельного человека, социальной группы или целого народа, правда этики и права, правда науки (подробнее см.: [2, с. 621–623]). В понимании многоликости Правды – один из источников такой национально-специфической черты русского характера, как *готовность приятия Другого*, «приятия сердцем», по формулировке русского религиозного мыслителя И. А. Ильина [9, с. 90–109], – вместе с правом Другого на собственную Правду. В этой, по слову Достоевского, «всемирной отзывчивости» русских – психоментальный источник многовекового спокойного совместного существования разных народов в пределах России как многонационального и многоконфессионального государства и геополитической роли («миссии») России как миротворческого начала на арене мировой истории (подробнее см., например: [3]).

Судьба и *свобода*. Спокойное приятие русскими антиномии: с одной стороны, неизбежность предначертанной Судьбы, от которой «не уйдёшь», с другой стороны, дар Свободы, в котором наиболее явственно проступает богоподобие человека, дар Создателя своему творению. Поскольку даром свободы лучше не злоупотреблять, а, в соответствии с христианской святоотеческой традицией, синергийно соотносить / соединять свою свободу с божественным промыслом, то лексема *свобода* оказывается в контексте размышлений о русском менталитете очень неточным словом. Ближе к сути русского национального характера – *воля*. Как внутренний психоментальный мотив, Воля, во всяком случае в идеале, – в свободном соединении своих желаний и Божьего промысла, когда свободный выбор оказывается счастливым его отсутствием – на основе свободного приятия своей судьбы, вышнего промышления о человеке. Русская *воля вольная* – значит «жить по-божески, в свободном проявлении своего лучшего», но не «жить по собственному произволу», не как *произвол* («что хочу, то ворочу»).

Воля, удаль, подвиг. Д. С. Лихачев в заметке «Просторы и пространство» трактует эти особенности русского национального характера обусловленными своеобразием российского географического пространства [11, с. 14–18]. Иная трактовка: эти особенности фундируются укрепленностью сознания в истинности и «правдивости» соединения вышнего предназначения (Судьбы) и собственного свободного произволения этому смутно угадываемому предназначению следовать. *Воля*, результирующая в *подвиге* как душевно-духовном *движении* к вышнему, – это синергетическая «сумма» вышнего предначертания и личного свободного выбора, *удаль* – в преодолении страха этому выбору следовать.

Коллективизм, *соборность*, «тоталитарность», *служение*. «Тоталитарность», в соединении с якобы присущей русским «рабской психологией», с якобы

искони свойственной им готовностью безропотно принимать / сносить любой государственно-управленческий произвол, – один из самых распространенных мифов о России. Причина – непонимание, что *соборность* и *коллективизм* – не только условные синонимы, но одновременно и антонимы «тоталитарности». *Соборность* фундируется христианскими истоками русского национального характера, в проекции на повседневную практику социального и межличностного взаимодействия предстает как *коллективизм*. В православии *соборность* трактуется следующим образом: «Свободное единство множества людей, объединенных любовью к Богу и друг к другу…» (как одно из свойств Церкви) [16, с. 365]; в проекции на социальную и межличностную практику соборность результирует в восходящий к Евангелию от Иоанна призыв к жертвенному Служению: *Положить душу свою за други своя*.

Особое место в ряду разных вариантов описания основополагающих черт русского менталитета занимает докладная записка графа С. С. Уварова «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения», поданная им императору Николаю I 19 ноября 1833 г. Ее пафос – поиск начал, позволяющих России выстоять «посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе» [17, с. 103].

Уваровскую триаду пытались и пытаются высмеять за якобы «реакционность», «косность», не понимая, что *Православие, Самодержавие, Народность* – лишь *слова*, средство опредмечивания неких глубинных движений народного духа, которые могут быть выражены и иными, по сути, синонимичными словесными средствами. Другая формулировка тех же самых концептов – *Бог, царь* и *Отечество*. В современном секулярном обществе слов *Бог* и *царь* избегают, помещая на их место другие именования тех же самых концептов: *духовно-нравственные основы* общества, *вертикаль власти, патриотизм* [7, с. 115].

Православие лежит в цивилизационном фундаменте русского менталитета. По удачной формулировке, именно православие «придает внутреннюю определенность менталитету массового сознания русского народа и на тысячелетие определяет душевный потенциал русской нации» [15, с. 118]. В этом цивилизационная функция любой мировой религии, придающей «внутреннюю определенность» всем последующим составляющим культурного и государственного строительства. С этой точки зрения, сложность поиска определений современной «европейской идентичности» – неопределенность религиозного фундамента европейской цивилизации в том виде, как она сложилась к рубежу XX–XXI веков.

Уваровская формула российской ментальности как в ее исходном варианте, так и в последующих модификациях, обусловленных движением времени, включает три базовых компонента: 1) духовно-религиозный, 2) государственный, 3) национальный. Думается, эти компоненты носят универсальный характер. Предпринятое авторами исследование дискурсивных подходов к европейской ментальности обнаруживает совпадение лишь по двум параметрам – «государственность» и «национальность» и неактуализованность параметра «религиозность», в том числе и в модернизированной формулировке этого параметра «духовно-нравственные основы общества».

Второй вопрос. О словосочетаниях, соотносительных с понятием «европейская идентичность».

Прилагательное *европейский* в составе собственного именования *Европейский союз* образовано от существительного *Европа*, которое характеризуется ши-

роким набором узуально-языковых и контекстуально-речевых (дискурсивных) значений и смыслов, ядро которых сводится к следующему: *Европа* – это некоторое пространство со специфическими географическими, культурными, историческими, экономическими и языковыми границами. Представления о «географической», «культурной» и т. д. Европе отображаются в семантике прилагательного *европейский*, существительного *европеец* и в различных словосочетаниях, включающих прилагательное *европейский*. Эти значения и смыслы отображаются и в семантике словосочетания *европейская идентичность*, которая в наиболее общей формулировке сводится к следующему: «идентичность, характерная для Европы (европейских народов и государств), для европейцев».

Найденный нами языковой материал, составляющий лексико-семантическое поле «Европейская идентичность», по структурно-грамматическим особенностям делится на два класса: 1) словосочетания типа «прил. + сущ. *идентичность*»; 2) словосочетания типа «сущ. + сущ. *идентичность*». Языковой материал этих классов далее делится на группы, отражающие разные аспекты европейской идентичности.

1. Словосочетания типа «прил. + сущ. *идентичность*» выражают атрибутивные отношения (зависимое прилагательное характеризует главное слово словосочетания *идентичность* в каком-либо особом аспекте); по семантике зависимых прилагательных выявляются следующие группы словосочетаний, номинирующих отдельные аспекты европейской идентичности в ее онтологическом модусе.

Интегральный аспект европейской идентичности фиксируется родовыми определениями *европейская / общеевропейская*, конкретизируется в двух подгруппах: 1) «национальный аспект (по отношению к европейской идентичности как целому)»: *постнациональная / транснациональная / интернациональная / наднациональная*; 2) «государственный аспект»: *гражданская / общегражданская, государственная / конституционная*.

Частные аспекты идентичности народов и государств, составляющих Европейский союз:

национальный аспект (по отношению к отдельным европейским народам): *национальная, этническая, «старых европейцев» / «новых европейцев» / европейских наций / национальных меньшинств, Франции / Германии, французов / немцев / европейских наций (народов), немецкая, французская*…;

политический аспект: *политическая, внешнеполитическая, демократическая*;

историко-культурный аспект: *историческая, культурная*;

религиозный аспект: *религиозная / конфессиональная / христианская / мусульманская*;

социальный аспект: *социальная, групповая / внутригрупповая / коллективная, личностная, гендерная / половая (женская / мужская), молодежи (молодых людей)*;

географический аспект: *локальная / локально-территориальная, региональная*.

Комбинированные характеристики: *этнокультурная, социокультурная, этногендерная, национально-государственная, национально-культурная, национально-политическая*.

Поименованные в приведенных атрибутивных словосочетаниях онтологические аспекты могут рассматриваться как самостоятельные предметные области.

2. Словосочетания типа «сущ. + сущ. *идентичность* в Род. падеже» выражают объектно-атрибутивные отношения: 1) семантика главных слов словосочетаний соотносится с отдельными целями изучения идентичности (эпистемический модус); 2) зависимое существительное *идентичность* – именование целевого объекта.

В гуманитарных дискурсах, связанных с задачами исследования европейской идентичности, представлены следующие словосочетания, фиксирующие частные «углы зрения» на идентичность как объект изучения: *феномен / понятие / проблема / тема / вопросы / размышления (об) / изучение / анализ / аспекты / грани / рамки / основания / специфика / структура / теория / модель идентичности*. Каждое из этих существительных может рассматриваться как условный синоним понятия «цель» (исследования идентичности), с той или иной акцентировкой.

Частные задачи гуманитарного исследования и соотносительные с этими задачами общенаучные понятия фиксируются следующими словосочетаниями: *основания / факторы / индикаторы / элементы / символы / категории / дискурс / принцип / критерии… идентичности*.

Дальнейшее исследование материалов лексико-семантического поля «Европейская идентичность» основывается на осмыслении структуры поля и его интерпретации как системного целого.

Своеобразие решения задачи интерпретации определяется тем, какой из элементов поля выбирается в качестве «точки входа» в системное целое.

Выберем в качестве «точек входа» лексемы *проблема, история* и *модель* (европейской идентичности).

Существо ***проблемы*** европейской идентичности кроется, во-первых, в *истории*, в исторической изменчивости идентичности, во-вторых, в *модели* идентичности, главная трудность конструирования которой – разрыв между наличным и желаемым.

История (временнóй аспект) идентичности в современных гуманитарных дискурсах осмысляется как движение от стихийно складывавшихся / сложившихся ее оснований – к рационально проектируемым основаниям. Иными словами, *основания* европейской идентичности во временнóй проекции: история (прошлое), современность (настоящее), проект (будущее).

Изменчивость / стабильность идентичности во времени фиксируется в словосочетаниях: *устойчивая, неизменная / динамичная* идентичность.

Основания идентичности – это факторы, объединяющие европейские страны / народы в целое: история, территория, язык, культура, экономика. Все эти факторы являются как объединяющими, так и разъединяющими, что в языковой проекции результирует в словосочетания: *игры с идентичностями, конфликты идентичностей, (взаимная) контр-идентичность, фрагментация идентичностей, угрозы / вызовы / подрыв, защита / спасение / битва за, триумф (европейской) идентичности*.

Изменения идентичности в историческом времени соотносятся с понятием «событие», которое целесообразно осмыслять следующим образом: «что с (европейской) идентичностью происходит, может / должно (бы) происходить».

События, происходящие с самой идентичностью *vs* операции (исследовательские, политические и иные), производимые над идентичностью, фиксируются следующими словосочетаниями: *кризис / парадоксы / поиски / метаморфозы / трансформация / эволюция / плюрализация / выбор / формирование / конструирование / тенденции становления… (новой)* идентичности.

Модель идентичности (аспект наличного и желаемого): с одной стороны, реконструкция наличного «положения дел», с другой стороны, проект.

Наличное в идентичности осмысляется как ресурс общественного / государственного развития, проект желаемой европейской идентичности рассматривается, с одной стороны, как основа развития, с другой стороны – его цель.

Реализация проекта сводится к ликвидации разрыва между наличным и желаемым.

Наличное: множество различных идентичностей, лишенных единого основания.

Желаемое ассоциируется с конструированием единого основания, фиксируется словосочетанием *новая идентичность*. Новая идентичность при этом понимается как интегральное целое, в рамках которого интегрирующий аспект общеевропейской идентичности надстраивается над нижележащими уровнями частных идентичностей.

Иными словами, новая европейская идентичность представляет собой «мультиидентичность», ее графическая метафора – пирамида, нижняя часть которой складывается из множества частных идентичностей, вершина – европейская идентичность как интегрирующее целое.

Макрокомпоненты интегрирующей «новой идентичности»:

1. Поскольку Европейский союз представляет собой цивилизационное образование, объединяющее ряд различных государств и народов, связанных с Европой, то в качестве интегрирующего элемента – наднациональная и надгосударственная гражданственность / гражданство (формальное *vs* реальное).

2. Поскольку идентичность имеет онтологический статус, обладает бытийностью только в том случае, если представляет собой некоторую особенность самосознания индивида, то желаемый психологический результат – сознание человеком себя органичным членом новой (наднациональной, надгосударственной) общности.

3. Базовые ценности, составляющие конституционное основу Европейского союза как нового надгосударственного образования.

«Новая идентичность» как вершинная часть «пирамиды идентичностей», как интегрирующая основа европейской мультиидентичности требует решить задачу иерархизации всей системы идентичностей, найти целесообразную общеевропейскую *политику идентичности* как практическую реализацию идеи наднационального устроения общества.

Искомая система идентичностей и каузируемая ею политика идентичности в гуманитарном дискурсе отображается словосочетаниями *гибридная / множественная* идентичность, ее соотнесенность с предыдущим / актуальным положением дел фиксируется словосочетаниями *постнациональный / транснациональный порядок*. С лингвистической точки зрения, определения *постнациональный / транснациональный* трудно признать удачными, поскольку они отсылают к представлению о нивелировании, «уничтожении» национального, что в современных условиях не может рассматриваться как соответствующее действительности.

6. Заключение

Вопрос о содержании понятий «русский менталитет» и «европейская идентичность» в традиционной огласовке предстает как вопрос о «национальной идее» – «государственной идее» России и Европы. В более современной формули-

ровке – это вопрос о тех ключевых задачах цивилизационного и государственного строительства, которые подспудно фиксированы в ментальных особенностях, с одной стороны, российских, с другой стороны – европейских народов.

«Русская идея» на протяжении столетий эволюционировала, но ее основу всегда составляла *религиозность* (*вера*) и соотносительный с ней *патриотизм* в специфическом наднациональном прочтении «сохранение духовных основ национально-государственной жизни». Эволюцию этих основ афористически четко охарактеризовал Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в январе 2015 года в своем первом в новейшей отечественной истории выступлении в Государственной Думе. Каждый из важнейших этапов отечественной истории, по его словам, целесообразно соотнести с одной из базовых ценностей: Древняя Русь – святость и высота человеческого духа, которые могут быть обозначены одним словом – *вера*, последующая Российская империя – *державность*, советская эпоха – *справедливость* и *солидарность*, современная эпоха – *свобода* и *достоинство*. «Чуть раньше, на 15-м Соборе, – пояснил Патриарх, – мы сформулировали еще более широкий перечень ценностей, лежащих в основе национальной идентичности. Кроме перечисленных, это – мир, единство, нравственность, честность, патриотизм, милосердие, семья, культура, национальные традиции, благо человека, трудолюбие, самоограничение, жертвенность» [8]. Думается, именно эти освященные высоким авторитетом формулировки и следует полагать в основание интерпретации основного содержания русского менталитета.

«Европейская идея» в современном интегрированном выражении – политическое и экономическое, наднациональное и надгосударственное *единство*. Проблема в том, что *единство* как таковое самостоятельной онтологической ценностью не обладает. Ценность единства в том, что оно может выступать средством реализации каких-либо более глубоких ценностей. Средством, но не самостоятельной целью.

Необходимое условие бытийности новой европейской (интегральной) идентичности – преодоление частных идентичностей на основе их интеграции в новое системное целое. Искомая интегративная основа новой, общеевропейской идентичности конструируется как идентичность наднациональная и надгосударственная. Следовательно, ближайшие языковые аналоги, характеризующие эту искомую идентичность, – *интернационализм*, *транснационализм* и *глобализм*. Данные аналоги, с лингвистической точки зрения, трудно признать удачными (подробнее в нашей работе: [6]).

Интернационализм как идеологическое и политическое явление, в соответствии со вторичным значением префикса *интер-* ‘внутрь / внутри’, предполагает вовлечение *наций* в некое особое *интер*-пространство *между* ними, в котором (*внутри* которого) своеобразие каждой нации оказывается нейтрализованным.

Семантически ключевая приставка в прилагательном *транснациональный* – *транс-* с доминантной семой ‘пересечь / пересекать’ (движение через *внешние* границы чего-л.). Основное значение латинского этимона *trans* ‘сквозь, через’ ассоциируется с *внешними* границами. В прилагательном *транснациональный* значение ‘сквозь, через’ и производное ‘дальше’ развиваются во ‘вне’ (*транснациональный* = «вненациональный»).

Интернационализм в современном *транснационализме* и *глобализме* более радикален, основывается на идее принудительного единообразия и управления из единого центра, далее трансформируется в сугубо деловой политический вопрос о конкретных субъектах управления, подчиняющих своим решениям абсолютно всех участников процесса глобализации.

Таким образом, целесообразнее пользоваться словосочетаниями *гибридная / множественная* идентичность, графическое отображение такой идентичности – пирамида, нижняя часть которой складывается из множества частных идентичностей, вершина – европейская наднациональная и надгосударственная общегражданская идентичность как интегрирующее целое.

Список литературы

1. Андросова Д. Н. Европейская идентичность и европейская интеграция (обзор) // Актуальные проблемы Европы. 2010. № 2. С. 172–188.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Власов В. И. К вопросу о миссии русских, их национальных чертах и свойствах, особенностях характера // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2012. № 1 С. 81–95.
4. Волков В. В. Лингвокультурный концепт «Война»: семантическое ядро, аспекты герменевтического исследования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 1. С. 103–113.
5. Волков В. В., Волкова Н. В. «Ренессанс русской литературы»: национальный менталитет и литература духовного реализма в преподавании русской словесности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 147–157.
6. Волков В. В., Волкова Н. В., Тогоева С. И. Лингвокогнитивная игра как средство манипулятивного программирования (на материале приставок *интер-* и *транс-*) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 3. С. 62–69.
7. Волков В. В., Гладилина И. В. Художественный текст в преподавании русского языка как иностранного: учеб. пособие / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2014. 156 с.
8. Дума Патриарха: Патриарх Московский и всея Руси Кирилл впервые выступил в Госдуме [Электронный ресурс] // Российская газета (Федеральный выпуск). 23 января 2015 г. № 12(6583). URL: http://www.rg.ru/2015/01/23/patriarkh.html (дата обращения: 20.02.2019).
9. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М. : АСТ, 2002. 586 с.
10. Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 2. М. : Мысль, 1964. 511 с.
11. Лихачев Д. С. Заметки о русском. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2014. 480 с.
12. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М. : Политиздат, 1991. 368 с.
13. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М. : Смысл : Альпина нонфикшн, 2011. 496 с.
14. Мединский В. Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. 576 с.
15. Ореховская Н. А. Роль православия в формировании массового сознания русского народа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2009. № 3. С. 117–122.
16. Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. М. : Астрель–АСТ, 2008. 447 с.
17. Уваров С. С. Государственные основы. М. : Ин-т русской цивилизации, 2014. 608 с.
18. Zappettini F. Transnationalism as an Index to Construct European Identities: An Analysis of ‘Transeuropean’ Discourses // Russian Journal of Linguistics. 2017. № 21 (2). P. 260–281.

RUSSIAN MENTALITY AND EUROPEAN IDENTITY. THE LINGUISTIC AND LINGUO-MENTAL ASPECTS

[1]V. V. Volkov, [2]N. V. Volkova, [1]I. V. Gladilina

Tver State University
[1]the Department of Russian Language
[2]the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article represents the results of the linguistic-cognitive reconstruction, interpretation and comparison of the lexico-semantic fields “Russian Mentality” and “European Identity”. The linguistic materials were extracted from texts belonging to the sphere of humanitarian scholarship, where these mental phenomena were being represented and analysed, while only the core parts of those fields comprising studied words and word-combinations, were taken into consideration. The study is undertaken within the traditions of cognitive linguistics, it is based on the method of linguistic reconstruction of the semantic fields on the par with lexico-semantic and and cognitive-discursive analysis.

Keywords: *Russian mentality, European identity, lingvomental structures, cognitive linguistics, political linguistics, lexical-semantic field.*

Об авторах:

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: volk7valery@yandex.ru.

ВОЛКОВА Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: volknat@mail.ru.

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mai: igladilina@yandex.ru.

About the authors:

VOLKOV Valery Vyacheslavovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: volk7valery@yandex.ru.

VOLKOVA Natalya Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: volknat@mail.ru.

GLADILINA Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mai: igladilina@yandex.ru.

УДК 81’282.2(470.331)

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ С ИНДОЕВРОПЕЙСКИМИ КОРНЯМИ В ТВЕРСКИХ ГОВОРАХ

И. М. Ганжина, Т. В. Габлина

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье рассматривается этимологическая история некоторых лексических диалектизмов с затемненной внутренней формой в говорах Тверской области. Сделана попытка выявить мотивационные характеристики слов путем проникновения во внутреннюю форму слов, проследить их семантические связи с однокоренными лексемами в других славянских и индоевропейских языках. Анализируются историко-семантические преобразования, которые имели место при возникновении производных значений, в результате которых возникли новые слова, конкретизирующие в диалектах признаки, явления, действия и предметы.
Ключевые слова*: этимология, диалект, праславянский язык, индоевропейские языки, мотивация.*

Новый диалектный материал, вводимый в практику научных исследований, требует осмысления с разных сторон. В составе диалектного словаря немало слов новых, как правило, с затемненной внутренней формой, не отмеченных в этимологической литературе. Одна из задач, решаемых современной этимологией, состоит в определении этимологической принадлежности таких слов, в интерпретации их словообразовательной, семантической структуры. На новом этапе развития науки, который характеризуется совершенствованием методики исследований, более глубоким пониманием процессов, протекавших в эпоху праславянского языка и разные периоды развития русского языка, накопленный опыт изучения словообразовательных моделей, типов семантических отношений и т. п., появилась возможность и необходимость в новом подходе к объяснению многих русских и славянских слов, не имеющих убедительной этимологии, слов, имеющих в словарях помету «темное», «неясное».

Ценность русских диалектизмов и их роль в праславянской этимологии многоаспектны: это и сохранение индоевропейских и праславянских архаизмов, и сохранение праславянских диалектизмов, и свидетельства эксклюзивных связей славянской лексики с лексикой других индоевропейских языков и таких же связей между диалектами праславянского языка, что обнаруживается цельнолексемными соответствиями. Современными исследователями все больше внимания обращается на диалектную лексику отдельного славянского языка как особый объект этимологизации (см.: [1; 2; 3; 4; 5; 7; 9; 14] и др.).

В настоящее время является актуальной проблема этимологического изучения, дополнительной этимологической интерпретации диалектной лексики. При этом весьма существенна роль семантики в раскрытии этимологии слова, поиски типологии семантических схождений в разных языках. Диалектная лексика каждого славянского языка является важнейшей составляющей лексической базы как эти-

мологических исследований лексики соответствующего славянского языка, так и праславянского лексического фонда.

Объектом исследования в данной работе являются производные имена существительные с переносным предикативно-характеризующим значением, зафиксированные в «Материалах для словаря народных говоров Калининской области» [8]. Мы рассмотрим историю некоторых лексических диалектизмов с затемненной внутренней формой, попытаемся выявить их мотивационные характеристики, проследить семантические связи с однокоренными лексемами в других индоевропейских языках и проанализировать историко-семантические преобразования, которые имели место при возникновении производных значений и в результате которых возникли новые слова, конкретизирующие в диалектах признаки, явления, действия и предметы.

В составе лексики тверских территорий содержатся своеобразные слова, отсутствующие в других русских говорах. Они представляют значительный интерес в плане определения историко-этимологических связей с другими языками и диалектами, установления путей проникновения на территорию тверских земель.

Нередко слова, восходящие этимологически к одному древнему корню, на каком-то этапе развития расходятся, и в каждом случае актуальным может становиться одна грань значения исходного корня. Например:

1. ***ВОРОГУХА*** «ЗЛОДЕЙ; ХВОРЫЙ, БОЛЬНОЙ»

2. ***ВОРОЖВИТЫЙ*** «ЗНАЮЩИЙ»

Оба тверских слова связаны этимологически с праславянским корнем **vorg* «колдун» [13, с. 92], однако одно из них приобрело в результате развития значения положительную семантику, а другое – отрицательную. Слово *ворог* в древнерусском языке имело значение «враг, нечистый, чёрт», и подобные значения можно увидеть во многих славянских, балтийских и даже германских языках: лит. *vargas* «беда, нужда»; латыш. *vȁrgs* «болезненный, хилый, убогий; беда, бедствие»; др.-прус. *wargs* «злой» [11, т. 1, с. 352]. Можно предположить, что значение слова ***ворогуха*** развивались такими путями:

1) ***Ворогуха*** *«злодей»*: «колдун» > «злой колдун» > «злодей»;

2) ***Ворогуха*** *«хворый, больной»*: «колдун» > «тот, кого приколдовали, сглазили» > «больной, хворый» (первоначально – от сглаза).

Родственный глагол *ворожити* «знать, колдовать, вредить магией» имелся в древнерусском языке, с тем же значением он употребляется в украинском; ср. также болг. *вражá* «колдую», сербохорв. *врàжати*, слов. *vražiti* «вредить колдовством» [Там же, с. 353]. Вероятно, развитие значения у слова ***ворожвитый*** «знающий» шло следующим образом: «колдун» > «тот, кто знает (в результате колдовства, магии) о человеке то, чего не знают непосвящённые» > «знающий».

Приведём еще несколько слов, этимологически родственных:

1) ***ДЕРЯБА*** «ПЛАКСА; ДРАЧУН; СИПЛЫЙ ПЕВЧИЙ»; «СВАРЛИВЫЙ, ВЗДОРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

2) ***ДЕРГАЧ*** «ФРАНТ»

3) ***ДРЕБЕЗДЕНЬ*** «ВЯКУН»

4) ***ДРЕЗЖЕНЬ*** «ПРИЛИПАЛА, НЕОТВЯЗЧИВЫЙ»

5) ***ДРОБОТЕНЬ*** «ГОВОРУН»

Все приведенные существительные восходят к очень древнему индоевропейскому корню **der*-: **dьr*-, **dor*-, * *dŗ*-/ *derə*-, **drē*- «драть, сдирать, рвать»; ср.: лит. *dirti* «сдирать, драть (сечь)»; готск. *dis-tairan* «раздирать»; др.-в.-нем. *zeran* (совр. нем. *verzeren*) «истреблять»; др.-англ. *teran* (совр. англ. *tear*) «рвать(ся)»,

«раздирать»; греч. *δέρω* «сдираю кожу, секу (кого-л.)»; др.-инд. *dṛnâti* «разлетается на куски; лопается» [12, т. 1, с. 267].

В славянских языках под действием закона открытого слога произошла перестановка звуков: **dre-*, **dro-*. Кроме того, вероятно, на каком-то этапе развития исходный корень осложнился дополнительными согласными: **derg-*, **dreb-*, **drob-*. При этом, наряду с фонетическими преобразованиями, происходили и лексические изменения в образованных от этих корней с помощью суффиксов производных словах. Таким образом, одни и те же слова в разных говорах русского языка приобрели разные значения, а слова, имеющие общий этимологический корень, полностью разошлись в значениях.

Так, слово ***деряба***, имеющее даже в тверских говорах несколько значений («плакса; драчун; сиплый певчий»; «сварливый, вздорный человек»), связано с общеславянским глаголом *драть (*dьrati)*. Значения «плакса» и «сиплый певчий», по-видимому, связаны со значением «драть горло», а «сварливый, вздорный человек» и «драчун» – со значением «разрывать на части, бить» (ср. чеш. *drbati*, слвц. *drbat'* «скрести, тереть», диал. *дерябать* – «царапать, скрести»).

Каждое из приведенных значений этого слова отмечено в тех или иных говорах русского языка: «плакса, плаксивый ребёнок» – в волог., влад., вят., нижегор., казан., костр. говорах; «вздорный, сварливый человек» – в новгородских и вятских; «драчун, забияка» – в рязанских [11, т. 1, с. 505]. В говорах слово ***деряба*** развило и другие значения: «кто громко и фальшиво поёт»; «скребок, чесалка»; «рябая, крупная и неуклюжая женщина»; «кто много чешется», а также «заносчивый, высокомерный» [10, т. 8, с. 29].

С последним из названных значений слова – «заносчивый, высокомерный», зафиксированных в пермских говорах, – по-видимому, связано в своём образовании тверское слово ***дергач*** «франт» (мы имеем в виду тот путь семантических преобразований, который прошло исходное слова). Так, глагол *дёргать* приобрёл в говорах разные значения: «трогаться с места», «доить», «ругать кого-л. за глаза», «сильно ударить», «убить», «клевать (о рыбе), «разрастаться (о растениях)»; в северо-двинских говорах, на наш взгляд, зафиксировано наиболее близкое значение глагола *дергáть* – «быстро бегать». При этом интересно, что словарь русских народных говоров отмечает в тверских говорах у слова ***дергач*** значение не только «франт», но и «волокита» [Там же, с. 9], Возможно, семантическая история слова такова: «тот, кто быстро бегает» (ср.: *дать дёру*) > «кто бегает за женщинами» > «волокита» (при этом красиво одевающийся, чтобы иметь успех у женщин) > «франт».

Остальные тверские слова, входящие в это же этимологическое гнездо: ***дребездень*** «вякун»; ***дрезжень*** «прилипала, неотвязчивый»; ***дроботень*** «говорун» – так или иначе связаны с исходным значением «дробить, мельчить». Семантическая история их могла развиваться следующим образом:

Дребездень «вякун»: от глагола *дребезжать* – ср. родств. *дребезг* «черепок, осколок» [11, т. 1, с. 536], переносное значение слова *дребезг* – «звон, треск» [13, с. 132] > *дребезжать,* то есть постоянно звонить, трещать, вякать (видимо, та же связь: визг > визжать, дребезг > дребезжать).

Дрезжень «прилипала, неотвязчивый»: праславянское **drebězg* родственно лит. *drebėzna* «осколок, заноза» [11, т. 1, с. 536]. По-видимому, с этим связано и наше значение «неотвязчивый» (как заноза).

Дроботень «говорун»: о.-сл. *дробить* < *дроб-* «мелкий, дроблёный» [13, с. 132]. В ряде говоров это слово имеет значение «скороговорщик» [10, т. 8, с. 189].

В тверских говорах семантика слова подверглась дополнительному изменению: не просто «тот, кто быстро говорит», а вообще «тот, кто много говорит, кто любит поговорить».

Все указанные слова преобразуются семантически, но сохраняют связь с первоначальным значением.

БАСИЛО «ГОРДЕЦ»

Во многих говорах *басá* бытует в значении «красота, привлекательность чего-н.» – ср. родственные: *бáсинка* «красиво, нарядно одетая женщина», *бáсить* «наряжать, одевать красиво», *басюля* «тот, кто любит наряжаться», *баско* «нарядно», *бася* «картинка». Как видим, все слова связаны с обозначением красивого, нарядного, то есть внешне выделяющегося именно этим признаком. В ряде говоров развивается значение, содержащее оценочный (заметим, положительный) компонент со значением «имеющий какие-л. положительные качества»: так, в архангельских говорах *баскóй* «удачный, благоприятный», в орловских и тамбовских – «проворный, расторопный, ловкий» [10, т. 2, с. 133] ср. ещё: *баской* «хороший, говорливый; речистый, бойкий на разговор», в украинском языке – «резвый, ретивый, рьяный» [15, т. 1, с. 162]. Однако в тверских говорах у родственного слова развивается иное значение, имеющее отрицательную коннотацию: *басило* «гордец». По всей видимости, в данном случае развитие значения исходного слова шло таким образом: *баской* «нарядный, красивый; отличающийся от других своей красивой одеждой» > «возгордившийся тем, что другим недоступна такая модная, красивая одежда» > «горделивый»; отсюда существительное того же корня, дополнительно имеющее оценочный суффикс *-ил(о)*, который также свидетельствует о негативном отношении носителей языка: *басило* «гордец». Вообще сам корень *bas-* этимологи считают очень древним, индоевропейским: так, М. Фасмер предполагает заимствование слова *басый*, *баской* из скандинавских языков [11, т. 1, с. 130]; близкие по звучанию и значению слова отмечаются в древнеиндийском, древнеанглийском языках со значением «светить, сиять» [15, т. 1, с. 162–163].

ЛЯГУША «АЛКАШКА»

На наш взгляд, в основе диалектной лексемы лежит нарицательное *ляга*, уменьшительное *ляжка*, отсюда *лягать(ся)*; *лягушка*. Ср.: др.-чеш. *ligati* «двигать, шевелить», польск. диал. *ligac* «*лягаться*, бить ногой». По-видимому, общеслав. корень **lęg-* связан с лит. *linguoti* «качать», лтш. *lengat* «шататься» (заметим, что тверское значение слова *лягуша* – «алкашка» – ближе к последнему: та, которая, напившись, шатается); родственные слова отмечены и в других европейских языках: др.-инд. *langhati* «вскакивать, подпрыгивать», ирл. *lingid* – то же, д.-в.-н. *lungar,* др.-англ. *lungor* «быстрый» [11, т. 2, с. 548].

КРЯКВА «ДОМОСЕДКА»

Из *кряква* «вид утки», от *крякать* – слово с индоевропейским корнем: укр. *кряк* «род водяной птицы», др.-чеш. *křěkař* «нырок», польск. *krzękac* «откашливаться». Ср.: лит. *krankti* «хрипеть, каркать», др.-инд. *kruncas* «определенная птица», др.-англ. *hringan* «звонить, стучать» [Там же, с. 392].

КУВАЛДА «ТОЛСТЯК»

Метафорический перенос от нарицательного *кувалда* «тяжёлый молот». По-видимому, слово образовано с помощью приставки *ку-* и праславянского корня *вал*. Ср.: укр. *вал*, др.-рус., цсл. *валъ*, сербохорв. *вâл*, словен. *vâl*, чеш. *val*, польск. *wal*, словен. *valiti*, польск. *walic* и т. п. Родственно лит. *vole* «деревянная колотушка, *валёк*». Другая ступень вокализации в лит. *velti*, лтш. *velt* «катать, валять», др.-инд.

valati «вертится, поворачивается», др.-в.-нем. *wallan* «бурлить, кипеть, волноваться», лат. *volvo* «катаю, вращаю» [Там же, с. 268].

КРУЖАЛА «АЛКАШ»

Похожее слово отмечено в славянских языках, в том числе и в русских говорах, но в предметном значении, ср.: чеш., в.-луж. *kružadlo* «завиток волос», др.-рус. *кружало* «циркуль», диал. *кружало* «место, где водят хоровод», «род карусели», «гончарный круг», «колодезный ворот» и др., укр., блр. *кружало* «диск». Безусловна связь с общеславянским глаголом *кружити*, *кружати*: сербохорв. *кружати* «окружать, вращаться», словен. *krožati* «кружить», чеш. диал. *kružač* «строгать», ст.-польск. *krążać* «кружить, вращать», укр. *кружати* «кружиться», блр. диал. *кружаць* «кружить» [15, т. 13, с. 36] и т. д. Таким образом, исходный корень *круг* обнаруживается во всех славянских языках, однако в них он, по-видимому, сохранился ещё от индоевропейского праязыка, так как родство находим в др.-исл. *hringr*, д.-в.-нем., англос. *hring* «кольцо» [11, т. 2, с. 385].

Итак, слова, зафиксированные в тверских говорах, прошли очень длительный путь развития, претерпели различные переосмысления, что и привело к появлению новых значений, не зафиксированных на других территориях, где могли актуализироваться и развиться другие переносные значения лексем. Новые слова возникают в диалектной речи в связи с переосмыслением значения корневой морфемы, которая может терять коммуникативную активность, вызванную различными процессами. Данное явление не является обычным расхождением значения корневого элемента, оно тесно связано с фонетическими, семантическими и грамматическими параметрами, участвующими в речевой практике диалектоносителей.

Список литературы

1. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М. ; Новосибирск : Наука, 2000. 772 с.
2. Варбот Ж. Ж. Алтайские диалектизмы на фоне славянской этимологии // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII): К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова. М. : Наука, 2002. С. 314–318.
3. Варбот Ж. Ж. Нерегулярные изменения в славянских языках и славянская этимология // Этимология 2006–2008. М. : Наука, 2010. С. 37–51.
4. Варбот Ж. Ж. Русские диалектизмы в славянской этимологии // Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 19–20.
5. Галинова Н. В. Из севернорусских диалектных этимологий II // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. С. 109–114.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1978–1980.
7. Куркина Л. В. Словенско-восточнославянские лексические связи // Этимология, 1970. М.: Наука, 1972. С. 91–102.
8. Материалы для словаря народных говоров Калининской области : в 3 т. Калинин, 1953.
9. Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. XV // Этимология, 1986–1987. М. : Наука, 1989. С. 71–78.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–40. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2006.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1964–1973.

12. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1994.
13. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М. : Просвещение, 1971. 542 с.
14. Шарифуллин Б. Я. Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири. Красноярск : Красноярский гос. ун-т, 1994. 196 с.
15. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–35. М. : Наука, 1975–2009.

RETHINKING THE MEANINGS OF WORDS WITH INDO-EUROPEAN ROOTS IN THE TVER DIALECTS

I. M. Ganzhina, T. V. Gablina

Tver State University
the Russian Language Department

The article deals with the etymological history of some lexical dialecticisms with a darkened inner form in the dialects of the Tver region. An attempt is made to identify the motivational characteristics of words by penetrating into their inner forms, to trace their semantic connections with the same-root lexemes in other Slavic and Indo-European languages. The authors analyze the historical and semantic transformations that took place in the process of emergence of derived meanings, which resulted in the appearence of new words that concretize different features, phenomena, actions and objects in dialects.
Keywords*: etymology, dialect, proto-Slavic language, Indo-European languages, motivation.*

Об авторах:

ГАНЖИНА Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: emmaus1962@yandex.ru.

ГАБЛИНА Татьяна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: tgablina@yandex.ru.

About the authors:

GANZINA Irina Mikhailovna – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: emmaus1962@yandex.ru.

GABLINA Tatjana Vasiljevna Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: tgablina@yandex.ru.

УДК 81’374.3

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОМ СТАТУСЕ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В. И. ДАЛЯ

Н. А. Корзина

Институт славянской культуры филиала Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) в г. Твери
кафедра славяноведения и культурологии

Статья посвящена уточнению жанровой специфики «Словаря живого великорусского языка» В. И. Даля не столько как толкового лингвистического, сколько как лингвокультурологического энциклопедического словаря, что позволяет определить истинное значение труда Даля в истории русской лексикографии и культуры, выявить подлинный масштаб его содержания и возможностей использования.
Ключевые слова: *жанр, лексикография, толковый словарь, энциклопедический словарь, лингвокультурология, гипертекст.*

В 2018 году исполнилось 155 лет со дня выхода в свет «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, но он по-прежнему востребован как один из лучших образцов русской лексикографии, более того, вызывает к себе самый живой интерес ученых, не устающих открывать в нем все новые грани содержания и формы. Один из актуальных аспектов изучения Словаря Даля в современной лексикографии – выявление специфики его жанровой природы. Грандиозный объем в 200 000 слов, беспрецедентно широкий охват самых разных сторон материальной и духовной жизни русского народа требуют пересмотра традиционной оценки Словаря только как филологического. Одним из первых высказал мысль, что Словарь Даля в не меньшей степени энциклопедический, чем филологический, еще в 1941 году В. В. Виноградов в статье «Толковые словари русского языка»: «Словарь Даля – это своеобразная энциклопедия народной русской жизни первой половины XIX века, широко охватывающая живую народную речь с ее диалектами, терминологию и фразеологию “всех ремесловых работ”, отражающая (по словам самого В. И. Даля. – *Н. К.*) “по языку и по понятиям быт разных сословий и состояний, наук и знаний”» [4, с. 229].

В современной лингвистике предлагаются различные жанровые критерии. Так, А. Л. Шарандин утверждает, что такой критерий – «понятие концепта как ментальной единицы, фиксирующей определенные знания, которые структурированы в ней». В этом случае «толковый словарь предстает не просто в виде набора слов (лексем), а отражает ментальный дух языка, который, в свою очередь, оказывается тем, что позволяет осмыслить и понять дух того или иного народа, его культуру» [21, с. 57]. Исследователь опирается на мнение В. В. Колесова, полагавшего, что Даль «описал “лексикон народного духа”. Таинственная притягательность его Словаря состоит в том, что это первый у нас словарь ментальности (идеографический словарь)» [11, с. 224]. Анализируя языковую картину мира в Словаре Даля, М. В. Емельянова отмечает, что Даль не просто толкует лексему, но исследует явление, стоящее за ней, вникая в «его глубинные смысловые структуры через передачу

энциклопедических сведений». Особое качество словарной статьи Даля позволяет утверждать, что это явление особого порядка, которое «обладает признаками концептуального построения, а это значит, что его словарь может явиться одним из первых опытов составления словаря концептов, констант русской культуры» [9, с. 118].

В последнее время развивается лингвокультурологический подход к жанровой природе Словаря. Диапазон трактовок широк: от лингвокультурологического [10, с. 760] до «словаря комплексного динамического многомерного толково-энциклопедического типа, имеющего проспективный характер» [1, с. 7], от лингвоэнциклопедии [3, с. 16] до «книги для чтения о русском языке», «книги о русской культуре, включающей в свой состав толково-энциклопедический словарь-справочник лингвокультуроведческого типа, нормативный словарь, паремические сборники, личный дневник» [19, с. 16]. Из разнообразия характеристик явствует, что Словарь имеет особую жанровую природу, в нем органично соединяются филологические и экстралингвистические признаки. Словарь представляет энциклопедически многомерную картину жизни народа в контексте не только русской, но и мировой культуры.

Энциклопедизм Словаря коренится в особенностях личности автора, эпохи, в процессах, протекавших в мировой и русской науке, с которой он был связан как врач, морской офицер, этнограф, лексикограф и писатель. Даль издавал учебные пособия по зоологии и ботанике, писал статьи по вопросам диалектологии и лексикографии, выступал с заметками по проблемам гомеопатии и этнографии. Состоя на государственной службе, занимая различные должности в Петербурге, Оренбурге, Нижнем Новгороде, Даль не порывал своих связей с народом, завязавшихся еще в его бытность офицером, участником турецкой и польской кампаний. Отсюда разностороннее знание жизни, быта и культуры русского и других народов.

Даль жил в эпоху, когда научное знание было возведено в культ, а это потребовало новых форм систематизации и популяризации знания. Самой совершенной формой достижения этих целей было создание энциклопедий. Если в Европе к тому времени уже был накоплен большой опыт издания энциклопедий, то Россия в этом направлении делала еще только робкие шаги. В 1745 г. В. Н. Татищев представил рукопись своего «Лексикона Российского исторического, географического, политического и гражданского», который был доведен до буквы «К» и издан в 1793 году в трех частях. В 1834 году была начата работа над первой универсальной русской энциклопедией «Энциклопедический лексикон», которая известна под именем ее издателя как «Лексикон А. А. Плюшара». К ней были привлечены многие деятели русской науки и культуры, в том числе А. С. Пушкин и В. И. Даль. Однако поэт не посчитал подход организаторов к начинанию достаточно продуманным и отказался от участия в создании «Лексикона», а вот молодой Даль тогда включился в работу и написал несколько статей по разным вопросам, прежде всего по военному делу и Оренбургскому краю. С 1835 по 1841 годы вышло семнадцать томов, и издание оборвалось на букве «Д». Для Даля это был первый опыт словарной работы, и, конечно, он оказался очень полезным для него. А самое главное – он стал ориентиром для ученого, задумавшего создать свой Словарь. Говоря о принципах наполнения Словаря лексикой, Даль признавался, что за основу взял словари, вышедшие в России ранее, и прежде всего «Словарь церковно-славянского и русского языка» Императорской Академии наук 1847 года, подготовленный А. Х. Востоковым, и лишь добавлял слова, которые не были ранее

учтены. Правда, добавил он свыше 80 000 слов. Но, видимо, принцип организации лексического материала по энциклопедическому типу показался автору особенно продуктивным, и он объединил два подхода к созданию толкового словаря – филологический и энциклопедический, то есть объектом описания стали не только единицы языка, но и понятия, информация об именуемом предмете или явлении, систематизированное знание о них.

В ряду филологических словарей универсальным является толковый, содержащий сведения о лексическом значении слова, его грамматических, стилистических свойствах и др. Словарные статьи имеют четкую, рациональную структуру, а толкования предельно лаконичны. Словарная статья энциклопедического словаря тоже строго организована, но более пространна, насыщена информацией, иллюстрирована как на вербальном, так и на иконическом уровне, содержит систематизированное знание об описываемом феномене. В отличие от толковых, заглавное слово энциклопедических статей может быть представлено не только нарицательным именованием, но и антропонимом или топонимом. Статьи Словаря Даля содержат признаки обоих типов. В таблице представлено принципиальное отличие оформления информации о слове и понятии *игрище* в словарях А. Х. Востокова [17, с. 100], Д. Н. Ушакова [18, с. 301], С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [14, с. 236] и В. И. Даля [6, с. 7].

А.Х. Востоков	Д.Н. Ушаков	С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова	В.И. Даль
ИГРИЩЕ, а, с., ср. Народное сборище, на коем поют, пляшут и делают иногда смешные представления	И́ГРИЩЕ, игрища, ср. (•устар. •обл.). Сборище для праздничных игр и плясок	И́ГРИЩЕ, -а, ср. (устар.). Праздничное собрание молодёжи с песнями и плясками. *Пойти на и.*	***Игры*** мн. ***игрищ***а ср. мн. народные сборища, сходбища для забавы, увеселенья; скачки, ратоборства; представленья разного рода, для потехи. Игрище, всякое представленье, лицедейство в театре, в балагане и пр. || Посиделки, вечорки, особ. святочные *ниж. смол.*

Лингвокультурный энциклопедизм Словаря Даля – в наличии информации по всем областям, которые можно интерпретировать как культуру общенациональную и сельскую, экономическую и художественную, бытовую, профессиональную и т. д. Энциклопедизм Словаря проявляется в наличии рисунков, пусть и немногочисленных (статьи «Шляпа», «Говядо»), статей с заголовочными собственными именованиями, в частности: с антропонимами, чаще всего обозначающими христианских святых, в честь которых отмечаются религиозные праздники, соотнесенные с народными приметами или с «вечными образами» христианской культуры (статьи «Петров день», «Ильин-день», «Семен-день», «Аграфены-Купальницы», «Адам», «Иегова», «Саваоф» и т. д.), с заголовочными топонимами («Печоры», «Астраханский перец», «Моисеева дорога», «Батыева дорога»). Если бы Даль поместил в своем Словаре единственную статью такого универсального содержания, как «Спа-

сать», которая является подлинной «энциклопедией русской жизни», то и тогда его труд заслуживал бы звания энциклопедического.

Острой проблемой является лексикографическая параметризация – «подача разных типов информации в рамках словарной статьи» [21, с. 55]. Даль отверг «азбучный порядок» расположения слов, объясняя это в «Напутном слове» тем, что он «крайне туп и сух. Самые близкие и сродные речения <…> разносятся далеко врозь и томятся тут и там в одиночестве; всякая живая связь речи разорвана и утрачена <…> одни и те же толкования должны повторяться несколько раз; читать такой словарь нет сил…» [5, с. XVIII]. Но и принцип «корнеслова» – расположения по корням – тоже оказался неприемлемым для составителя, потому что, как он признается в докладе «О словаре российском», «расположение по корням – и опасно и недоступно; тут без натяжек и произвола не обойдешься, а отыскание слов очень затруднительно» [Там же, с. XXXV]. Даль выбирает «средний путь» гнездования: «…все одногнездки поставлены в кучу, и одно слово легко объясняется другим. Одногнездками называю я глагол с производными: существительными, прилагательными, наречиями и другими частями речи» [Там же, с. XXXV]. Принцип гнездования Даль заимствовал у «Словаря Академии Российской» 1789–1794 гг., значительно усовершенствовал его, отказавшись от отяжеляющего гнездо корнесловия, требовавшего алфавитного указателя в конце каждого тома, позволявшего ориентироваться в словаре. Даль оставил в гнезде словообразовательно-этимологически связанные слова, вынеся за его пределы префиксальные лексемы, порождающие новые гнезда.

Гнездование оказывается ведущим лексикографическим принципом Даля не только по соображениям лингвистической целесообразности, но и для достижения необходимой глубины, весомости, многосторонности толкования, чем достигается энциклопедизм содержания Словаря. Известно, что «любой словарь или энциклопедия» являются «простым примером гипертекста», то есть текста, «устроенного таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов» [16, с. 95–96]. Это дает возможность максимально полно раскрыть содержание заголовочной единицы и предлагает читателю воспользоваться тем способом навигации, который позволит ему «избирать бесконечное число маршрутов» в огромном пространстве словаря [20, с. 233]. По мнению специалистов, «мера гипертекстовости любого ЭС (энциклопедического словаря. – *Н. К.*) как минимум на порядок выше, чем у словаря толкового» [12, с. 302]. «Мера гипертекстовости» Словаря Даля значительна именно в его энциклопедической составляющей. А.И. Байрамукова отмечает, что «В. И. Даль организует знания посредством гипертекста, подчеркивает характер дополнительности между явлениями. Гипертекстовые структуры позволяют хранить и связывать большие объемы информации…» [2, с. 141]. Объемность и целостность информации, а также удобство маршрутизации при работе с гипертекстом энциклопедического типа обеспечивается в основном двумя способами – гнездованием и системой отсылок.

Целостность, спаянность материалов словаря такого формата, как Словарь Даля, обеспечивается «наличием отсылок как главного (всеми отмечаемого) признака гипертекста», выступающих в роли «гипертекстовых скреп» [12, с. 301]. В Словаре интенсивно используются как прямые, так и непрямые отсылки. Показателем первых является знак «см.», который чаще всего отсылает к основной статье, ср.: «БОРАН м. стар. пеня? || Вьюга, см. *буран.* См. также *баран*» [5, с. 114],

«БУНЧАТЬ, см. *бунить* и *бучало*» [Там же, с. 142], «ПЕКУР, см. *пекчи*» [7, с. 28]. Этот знак важен для навигации по глаголам: Даль предпочитал в качестве вокабулы, открывающей гнездо, использовать глагол несовершенного вида, поэтому все глаголы совершенного вида сопровождаются прямой отсылкой, ср.: «ОТБИТЬ, см. *отбивать*» [6, с. 711], «ПЕРЕБОЛЕТЬ, см. *перебаливать*» [7, с. 34], «ПЕРЕБОРОНИТЬ, см. *перебораниватъ*» [Там же]. Иногда используются прямые отсылки, оформленные параграфически курсивом внутри статьи, с тем чтобы дать представление обо всех явлениях, компонентах гнезда. Так, в статье «Бегать» выделено гнездо «***Бег***», и уже в этой внутренней статье появляется прямая отсылка к лексеме *скачка*, которая включает сему ‘состязание’: «***Бег*** м. <…> || Конское ристалище, расчищенное и устроенное для бега на лошадях место, поприще для состязания в быстроте лошадей; || самое зрелище это, особ. если речь идет о рысаках либо иноходцах, иначе называется оно *скачкой*» [5, с. 150].

Активно использует автор Словаря непрямые отсылки, выделяя курсивом слова в статье, посвященной разъяснению явления, сложного по своей природе, требующего терминологического отображения. Например, в статье «Мозг» характеризуется строение и принципы работы мозга. Для этого используются термины, которые Даль в статье не комментирует, но курсивом отсылает к другим статьям: «МОЗГ м. вещество, наполняющее череп человека и высших животных. Пучки ***мозговых*** нитей, от мозга к разным частям тела, *нервы* или *беложилье*. *Черепной мозг* состоит из двух половин большого мозга и ***мозжечка***, в черепном затылке. *Спинный, хребтовый* или *позвоночный* мозг, становая жила; это продолженье мозга опускается из черепа в трубку позвонков и рассыпается в крестцовой кости конским хвостом. Мозг или ***мозги*** мн. в трубчатых костях, состоят из самого тонкого жира» [6, с. 338]. Непрямая отсылка «*беложилье*» [5, с. 156] указывает читателю, что из статьи «Нерв» он извлечет сведения об этом волокне: «НЕРВ м. греч. беложилье, чувственая или чулая жила в теле; проводник чувства и всякой животной деятельности (движения, питания, усвоения), между средоточием мозговой деятельности и прочими частями тела. Нервы состоят из мозговых нитей, в оболочке. ***Нервный, нервичный, нервический***, к нервам относящ.; первое более выражает отношение, принадлежность; второе и третье свойство, качество. *Нервная система*, совокупность всего устройства нервов в теле. *Нервная оболочка*. *Нервные узлы*, ганглии, мозговистые утолщения в перекрестках и раздорожии беложилья. *Нервичные, -ческие боли*, *припадки*, причину которых врачи относят к нервам» [6, с. 533]. Широта информации об описываемом феномене свидетельствует, что Даль выходит далеко за пределы филологии.

Наряду с традиционными видами отсылок в Словаре используется еще один тип гипертекстовой скрепы, наличие которой обусловлено природой дефиниций Даля: он прибегает к двум способам толкования – семантическому и синонимическому, нередко их сочетая. Содержание дефиниции подталкивает читателя к дополнительному поиску значений, расшифровки и заглавного слова, и лексем в зоне толкования. Например, загадочное заголовочное слово *борк* поясняется не менее загадочным синонимическим рядом: «стебло, ствол, дудка или очин пера» [5, с. 115]. Алгоритм действий по установлению значения слова иногда сродни чтению детектива и состоит либо в необходимости движения от первого синонима к последующим: «СТЕБЛО <…> Цевье, кевье, веретено вещи, стержень. *Стебло пера*, и ***стебловина*** ж. комель и репица вместе, к чему приросла бородка» [8, с. 320], – что не всегда приводит к ожидаемому результату, либо от последнего к предыду-

щим: «ПЕРО, *перья* мн. *перие* ср. церк. птичья одежа, замест шерсти. Перо состоит из *стебла* и *махавки, махалки* или *бородки*; *стебло*: из *комля, ствола* или *дудки с сердцевиной* или *душкой*, и из *репицы*. Дудка оканчивается *комлем,* который сидит в теле. *Дудка писчего пера: очин*» [7, с. 101]. Лексема *очин* предполагает обращение к статье «Обчинивать», в которой находится ответ: «*Очин пера*, очиненный кончик, и || качество очинки; || вся трубка, дудка, комель, который чинят для письма. *Очин* переходит в глухое *стебло*, опушенное *махалкою*. ***Очинок*** *пера*, остаток, писчее перо, коего очин почти весь вышел, кончен. ***Очинковый, очиночный*** *расщеп пера*. ***Очинистое*** *перо,* с долгим очином. *Плохой писатель – хороший* ***очинщик***» [6, с. 631]. Таким образом, *борк* – это та часть птичьего пера, которая, став пером писчим, затачивается для удобства письма.

В словарных поисках читатель получает знания и по зоологии, и по технологии создания писчих принадлежностей и даже погружается в писательскую кухню благодаря ироническому речению в зоне иллюстраций, намекающему, что секрет писательского мастерства не в количестве исписанных страниц, а в таланте. Иногда «расследование» не дает ожидаемого результата, так как Даль использует лексику, бытовавшую в его время, в силу чего читателю нужно использовать другие источники. Например, сущ. *такья* истолковано как «вотская, вотяцкая девичья шапка» [8, с. 388], то есть этот головной убор носили девушки народа, который у Даля назван лексемой *воть* («*прм*. вотяк» [5, с. 253]). И только из другого источника можно узнать, что вотяки – это «народность восточно-финского племени, населяющая места по правой стороне течения р. Камы, называющая себя удмурт» [18, с. 123].

Еще одна особенность гипертекстового энциклопедического дискурса – гнездование как способ организации словарной статьи [12, с. 305]. Статья включает внутренние статьи, которые органично дополняют друг друга, создавая целостную картину явления во всех его гранях. Самые крупные статьи Словаря воспринимаются скорее не как словарные, а как академические сочинения. Имеет смысл сравнить статьи, посвященные, например, лексеме *береза* в трех словарях: собственно филологическом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, где статья «Береза» является примером типично филологического лексикографического описания (отличается четкостью, лапидарностью, есть все необходимые зоны – значения: «Лиственное дерево с белой (реже тёмной) корой и с сердцевидными листьями»; форм: «БЕРЁЗА, -ы, *ж*»; лексикографических помет: «*уменьш*. **берёзка**, -и, *ж*. || *ласк*. **берёзонька**…»; «заромбовая»: «*Берёзовая каша* (о наказании розгами; устар. шутл.). *Семейство берёзовых* (сущ.)»; иллюстраций: «*Белая б. Чёрная б. Карликовая б. Б. сок. Б. веник*» [14, с. 44]) и одноименные статьи в энциклопедическом словаре Ф. Толля и лингвоэнциклопедическом, лингвокультурологическом словаре В. И. Даля.

В 1863–1864 годах в Петербурге вышел труд Ф. Толля «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания». Видимо, Ф. Толль испытал влияние материалов Даля, о чем свидетельствуют совпадения в толкованиях многих лексем (хотя первое издание Словаря Даля выходило в те же 1860-е годы, Толль знал Словарь, который начал выходить еще в 1860 г. отдельными выпусками-тетрадями, всего около семнадцати). Зависимость автора «Настольного словаря…» от труда Даля проявилась в том, что он усвоил алфавитно-гнездовой способ организации материала, заимствовал ряд толкований, что можно видеть и в статьях о березе.

В словаре Толля – три статьи, посвященные теме березы, две из них построены гнездовым способом: «**Береза** (Betula), лиственное дерево из сем. березовых (**см**.), лучше всего растет в черноземно-глинистой почве. Б. дает хороший материал для поделок, для топки; кора ее идет на приготовление дегтя, поташа, сажи, тавлинок, сосудов, лаптей и т. д. и на дубление. **Березовый сок**, вытекающий весной из надрезов, делаемых на солнечн. стороне дерева, составляет сладкое питье, из коего, помощью брожения и примесей можно приготовить **березовое вино»** [13, с. 243]. **«Березник и березняк,** лес или роща из одних берез. – **Березовик**, **см**. *Вальдшнеп.* – Б. – гриб, см. Болет. – **Березовка, березуха,** водка, перегнанная через молодые березовые почки, или же только настоенная ими. – **Березовица**, нацеженный весною березовый сок перебродивший и устоявшийся». «**Березовые** (Betulaceae), семейство раст. Из класса сережчатых, деревья и кустарники с попеременными, прост., перисто-неровными зубчат. или пиловидн. листьями и однодомными цветами в сережках; цветочный покров мужск. Цветов чешуйчат или чашевиден; каждая чешуйка с 6-12 пыльниками. Женск. чешуи растут с плодом; завязь двугнездна, с висячим яйцом в гнезде; под каждой чешуей 2-3 яйца вместе, 2 рыльца, орешки большею ч. крылаты; зародыш без белка, с корешками кверху. Роды: Береза (Betula), и ольха (Alnus)» [Там же, с. 244]. Представленный материал свидетельствует, что это другой тип информации и ее презентации, нежели в филологическом словаре: нет лингвистических помет и характеристик, толкования развернутые с прямыми и косвенными отсылками, строго научного плана. Принцип гнездования позволяет выделить внутренние статьи как самостоятельные, но в то же время сохранить единство темы и трактуемого материала. Статьи «Березовка, березуха» и «Березовица» полностью совпадают со Словарем Даля.

Приводимые далее фрагменты словарного гнезда «Береза» из Словаря Даля – пример синтезирования двух типов словарей, причем акцентирована именно энциклопедическая составляющая: «БЕРЕЗА ж. дерево Betula, вид *белая*, B. alba, *кмч*. преснец, вернее ***брезнец***, от стар. *береза…;* весьма близкий к белой вид или порода *береза шерстолистая*, есть и *остролистая;* она из семьи *серёщатых*. Б. *белую* зовут и *веселкой,* а *шерстолистую* и *болоткою*, *черною*, и *глухою*. *Бер*. *карельская,* березовая свиль, блона, наплав, кап, сувойчатая береза. <…> *Береза,* как ответ свахе, согласие; *сосна, ель, дуб*, отказ. *Береза не угроза: где стоит, там и шумит. Береза ума дает,* о розгах. *Сотворил Бог дурака, сотворил и березу, и чилигу,* то же. *Коли береза наперед опушается, то жди сухого лета, а коли ольха, мокрого.* ***Березка*** умалит. молодая береза, также вид, *бер*. *малорослая,* B. humilis; || березовый ёрник, сланец, сланка, B. nana. <…> *В Питере березка* обратилась в общее название всякого лиственного дерева, как *ёлка* в название хвойного. На Семик девки *завивают березку*, обычай и гаданье: идут в лес, завивают березку венком, кумятся, крестят кукушку, сестрятся, меняясь крестами, и ходят хороводом вкруг наряженной лентами березки, принося ее в деревню. *Услан березки считать,* сослан в Сибирь, по большой дороге. ***Березина*** ж. одна береза, одно дерево, на корню или срубленное. ***Березовые*** *дрова*. *Накормить кого березовой кашей,* постегать. *По мне, хоть бела береза расти!* не забочусь. <…> ***Гриб березовик*** м. съедомый… <…> птица вальдшнеп, см. *бекас*. ***Березник, березняк*** м. ***березуга*** ж. *кстр.* чистый березовый лес, роща; || березовый хлам, хворост, сушняк; || *твр*. гриб подгреб. ***Березовка, березуха*** ж. водка настоянная на березовых почках, или через них перегнанная. ***Березовица, березица*** ж. ***березовник*** м. *пск.* ***березовка*** ж. *сиб.* нацеживаемый весною березовый сок,

который, перебродив, образует сладковатый напиток. *Пьяную березовицу навеселяют хмелем. Березовицы на грош, а лесу на рубль изведешь*. <…> ***Березовня*** ж. *арх*. урочище, порастающее лесною порослью; это признак удобной земли и обращения моховины в переходную почву. ***Б(е)резозол*** стар. месяц март или апрель» [5, с. 83].

Как видим, в статье есть все типичные для филологического словаря зоны: толкование, грамматические, стилистические, диалектологические пометы, развернутая зона иллюстраций. Вместе с тем статья содержит многообразный энциклопедический материал: представлена ботаническая характеристика семьи и видов березы, указаны территории ее распространения, местные названия. Но главное – эта представительница растительного царства вписана в духовную и материальную жизнь народа, его историю, представления о мире. Проясняется ее роль в национальной культуре и самоидентификации русского народа, для которого береза – символ растительного мира родины, главное лиственное дерево, растущее в стране, опоэтизированное в народных песнях, девичьих хороводах и гуляниях на Семик. Она представлена и как атрибут свадебного обряда, и как средство воспитания и наказания, как основа для популярных у русских напитков. Береза – характерная примета российских лесов с их грибами, цветами и птицами, названия которых – тоже производные от сущ. *береза*. Знаменательна заключительная статья о старинном названии первого весеннего месяца, марта, который до XV века в честь березы называли *березозол*, потому что весеннее солнце нагревало дерево, которое наливалось соком и пускало почки, символизируя для русского народа жизнь во всем ее многообразии. Праздник природы продолжался и в апреле, который именовали *брезень*.

Таким образом, Словарь Даля – не только филологический толковый, но и лингвоэнциклопедический, лингвокультурологический. В.И. Порудоминский, завершая свою книгу о Дале и его Словаре, справедливо заметил: «“Толковый словарь” Даля берут в руки не для того лишь, чтобы отыскать нужное слово. <…> “Толковый словарь” открывают как величайшую сокровищницу языка нашего. Как богатейшее собрание пословиц – хранилище народной мудрости. Его читают как повесть. Его изучают как своеобразную энциклопедию жизни русского народа» [15, с. 370].

Список литературы

1. Байрамукова А. И. Метапоэтика и металингвистика «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля как толково-энциклопедического феномена : автореф. дис. … канд. филол. н. : 10.02.01 / А. И. Байрамукова ; Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь, 2008. 23 с.
2. Байрамукова А. И. Нелинейность мышления В. И. Даля: гипертекстовые операции в разножанровых текстах ученого-энциклопедиста // Лингвистика. Семиотика. Метапоэтика : науч. сб. Вып. 1 (14). Ставрополь : СКФУ, 2014. С. 140–145.
3. Байрамукова А. И. Лингвоэнциклопедизм В. И. Даля в свете его системной лексикографии : автореф. дис. … докт. филол. н. : 10.02.01 / А. И. Байрамукова ; Дагестанский гос. пед. ун-т. Махачкала, 2015. 42 с.
4. Виноградов В. В. Толковые словари русского языка // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977. С. 206–242.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1. М. : Рус. яз., 1999. 699 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2. М. : Рус. яз., 1999. 779 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 3. М. : Рус. яз., 1999. 555 с.

8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. М. : Рус. яз., 1999. 683 с.
9. Емельянова М. В. Языковая картина мира в «Толковом словаре живого великорусского языка» // Владимир Даль и современная филология. Т. 1. Н. Новгород, 2003. С. 117–120.
10. Згировская О. Г. О способах фиксации лингвокультурологической информации в словаре В. И. Даля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 3. С. 758–766.
11. Колесов В. В. Ментальный словарь Владимира Даля // Ученые записки Казанского государственного университета. 2010. Т. 152. Кн. 2. С. 223–229.
12. Куликова И. С., Салмина Д. В. Энциклопедический словарь-справочник как гипертекст // Дискретность и континуальность в языке и тексте : материалы междунар. конф. Новосибирск, 2009. С. 296–308.
13. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон) : в 12 вып. или 3 т. / Сост. под ред. Ф. Толля. Т. 1. А–Двина. СПб. : Изд-е Ф. Толля, 1863. 800 с.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : ТЕМП, 2007. 944 с.
15. Порудоминский А. В. И. Даль М. : Мол. гвардия, 1971. 384 с.
16. Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. М. : Аграф, 2001. 608 с.
17. Словарь церковно-славянского и русского языка : в 4 т. Т. 2. З–Н. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1847. 471 с.
18. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М. : Альта-Принт ; Дом XXI век, 2009. 1248 с.
19. Фархутдинова Ф. Ф. Лингвокультурологическая дилогия В. И. Даля в парадигме идей и направлений современной русистики : автореф. дис. … докт. филол. н. :10.02.01 / Ф. Ф. Фархутдинова ; Ивановский гос. ун-т. Иваново, 2001. 41 с.
20. Шаповал В. В. Словарь как гипертекст и аспекты лексикографической критики // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Вып. 8. Т. 1. М. : Моск. гум. пед. ин-т, 2009. С. 233–237.
21. Шарандин А. Л. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и современная лексикография // Филологическая регионалистика. 2011. № 2. С. 53–58.

TO THE QUESTION OF THE GENRE STATUS OF "THE EXPLANATORY DICTIONARY OF THE LIVING GREAT RUSSIAN LANGUAGE" BY V.I. DAL

N. A. Korzina

Branch of the Russian State University, n. A. N. Kosygin
(Technology. Design. Art) in the City of Tver
the Department of Slavic Studies and Cultural Studies

The article is devoted to the specification of genre characteristics of "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language" by V.I. Dahl not so much as a of linguistic one, but as a linguocultural encyclopedic dictionary, which allows to determine the

true significance of Dahl's work in the history of Russian lexicography and culture, to reveal the true measure of its content and possibilities of use.
Keywords*: genre, lexicography, dictionary, encyclopedic dictionary, linguoculturology, hypertext.*

Об авторе:

КОРЗИНА Нина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славяноведения и культурологии Института славянской культуры филиала Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) в г. Твери (170001, Тверь, Смоленский пер., д. 1, корп. 2), e-mail: frau.korzina2011@yandex.ru.

About the author:

KORZINA Nina Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Slavic Studies and Cultural Studies, Branch of the Russian State University, n. A.N. Kosygin (Technology. Design. Art) in the City of Tver (170001, Tver, Smolensk lane, 1, korp. 2), e-mail: frau.korzina2011@yandex.ru.

УДК 81’373.2(470.67)

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ДАГЕСТАНСКОГО МЕНЮ: ОНОМАСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

П. А. Лекова

Дагестанский государственный университет
кафедра русского языка

Статья посвящена анализу наименований блюд, организующих общий речевой портрет дагестанского меню нашего времени. Проанализированы кулинарные прагматонимы, мотивированные именами собственными различных разрядов, – результат вторичной номинации, являющейся основным способом образования единиц подобного типа. Кулинарные названия исследованы с точки зрения семантики и классифицированы в соответствии с видом онима, положенного в их основу. Сделана попытка выяснить причины выбора того или иного имени собственного в качестве коммерческого названия, а также степень мотивированности кулинарных наименований, во многом обусловленной экстралингвистическими факторами.
Ключевые слова: *речевой портрет, меню, кулинарный прагматоним, вторичная номинация, мотиватор.*

В настоящее время в связи с активным развитием ресторанного бизнеса значительно увеличилось число кулинарных продуктов, и все они нуждаются в собственном наименовании. Традиционно в сфере кулинарии названия блюдам даются в честь их авторов, населенных пунктов, связанных с их появлением, в связи с ассоциациями, которые они вызывают, а также по их содержанию, тут работает фантазия.

В современных кулинарных книгах можно встретить множество интересных названий, работающих на привлечение внимания потребителя. То же происходит и в сфере общественного питания. Наименования блюд ресторанов, кафе, столовых могут нести характеристику того или иного кулинарного продукта или просто заинтересовать посетителей; при этом номинация должна быть краткой, запоминающейся, обеспечивающей эффективность восприятия.

Сегодня меню любого региона изобилуют заимствованными названиями, индивидуально-авторскими неологизмами, актуализированными лексемами, этнографизмами и другими единицами, нуждающимися во внимательном лингвистическом изучении, так как знание названий гастрономических реалий для современного человека – часть его повседневной речеповеденческой культуры, отражение национального характера, культурных традиций, вкусовых предпочтений.

Кухня является неотъемлемой частью культуры любого народа. Недаром ученые начинают исследование жизни этноса с изучения его кулинарных традиций, ибо в них в свёрнутом виде отражены история, быт и традиции народа.

Дагестанская кухня прошла интересный путь развития, что отражено в названиях блюд, как известных с древних времен, так и служащих отражением различных

* Работа выполнена в рамках проекта Министерства образования и науки Российской Федерации «Масштабная информационно-пропагандистская поддержка и развитие русского языка в полиязычном культурном пространстве Республики Дагестан».

этапов дагестанской истории. Дагестанцы, как и представители других кавказских народов, трепетно относятся к своим традициям, в том числе ко всему, что касается приготовления и употребления пищи. Они передают рецепты национальных блюд из поколения в поколение. Сегодня в связи с бурным развитием общественного питания меняются и кулинарные традиции многих народов, в том числе и дагестанцев.

Если попробовать представить себе современное дагестанское меню в обобщенном виде, то получится пестрый в содержательном и этимологическом отношениях текст: многие дагестанцы, особенно представители молодого поколения, хорошо знакомы не только с европейской и американской кухней, но и с экзотическими блюдами в силу того, что местные рестораторы активно включают их в свои меню с целью разнообразить и расширить его состав, привлечь оригинальностью как можно больше посетителей. В этом случае следует говорить о процессе заимствования кулинарной реалии вместе с ее наименованием. Не менее любопытным в лингвистическом аспекте явлением можно считать и создание оригинальных названий новых блюд, так как при этом используются самые разнообразные ресурсы языка и знания. В любом случае процесс номинирования в этой сфере носит во многом рекламный, зазывающий характер и требует изучения с целью выявления региональных особенностей коммерческой номинации.

Вышесказанное обусловило актуальность предпринятого нами исследования. Его целью является описание лексико-грамматических разрядов онимов в составе кулинарных названий, формирующих общий речевой портрет дагестанского меню.

Для сбора языкового материала были исследованы действующие меню тридцати предприятий общественного питания города Махачкалы, подвергнуты анализу наименования кулинарных реалий, исключая традиционные названия европейских, русских, общекавказских и собственно дагестанских блюд, являющихся достаточно глубоко изученными апеллятивами, как, например, *оливье*, *борщ по-украински, котлеты по-киевски, мамалыга, харчо, шашлык, хинкал, чуду, штрудель* и многие другие. Кроме того, не привлекались к анализу отонимические названия, имеющие широкую известность и закрепленные за теми или иными кулинарными реалиями: торт *«Наполеон»*, салат *«Цезарь»,* торт *«Прага»* и др.

Наибольший лингвистический интерес, на наш взгляд, представляют наименования, появившиеся в результате вторичной номинации, при которой «используется фонетический облик существующей единицы в качестве имени для нового обозначаемого» [7, с. 398]. Они отражают особенности языкового творчества дагестанцев в этой сфере и национальную специфику исследуемых текстов. Эти единицы, мотивированные именами собственными и заключенные в кавычки, выступают как самостоятельные кулинарные прагматонимы. Материал, проанализированный в работе, вводится в научный оборот впервые.

Результаты работы могут быть полезны для разработки теории речевого портретирования, не связанного с описанием индивидуальных особенностей языка отдельной личности, поскольку в подавляющем большинстве случаев невозможно установить конкретного автора названия того или иного блюда. Кроме того, материал, привлеченный для анализа, полезен для сравнительного исследования современных региональных прагматонимиконов.

Как известно, первым в отечественной лингвистике исследованием вопроса речевого портретирования стал заниматься М. В. Панов, создавший ряд фонетических портретов политических деятелей, писателей, ученых своего времени. До 60-х годов XX века «речевой портрет» бытует как литературоведческий термин, обозна-

чающий один из способов создания художественного (в основном драматургического) образа. Лингвистические исследования в области речевого портретирования последующих лет свидетельствуют о существенном усложнении и дифференциации понятийного содержания термина в сравнении с первоначальной трактовкой.

С 80-х годов XX века, с развитием таких научных направлений, как социолингвистика, лингвоперсонология, лингвокриминалистика, проблема разработки речевых портретов получает новое содержание. В рамках портретирования языковая личность анализируется как социально-психологическая уникальность и коммуникативно-деятельностная единица [2], а также как участник ролевой речевой деятельности, что, по мнению ученых, позволяет отразить «речевой стиль личности как таковой, в котором складываются и жизненный опыт, и склад ума, и характер, и темперамент, и наклонности, и увлечения» [3, с. 172].

Г.Г. Матвеева понимает под речевым портретом «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» [5, с. 14]. С помощью речевого портрета фиксируется речевое поведение, которое «автоматизируется в случае типичной повторяющейся ситуации общения». Кроме того, исследователь отмечает, что, речевой портрет, как и языковая личность, бывает и коллективным [Там же, с. 87].

Применительно к цели предпринятого нами исследования содержание термина «речевой портрет» требует уточнения и расширения. Прежде всего, как было сказано выше, это касается установления номинатора кулинарного названия. Определить, кто им является, представляется затруднительным в силу объективных причин. Следовательно, говорить о том, что является предметом анализа – особенности индивидуального или коллективного творчества, – здесь невозможно.

Учитывая особенности процесса номинации кулинарных реалий, оговорим, что под речевым портретом меню следует понимать ***особенности языка его условных создателей***, ***объединенных общностью места проживания, культурных традиций, вероисповедания и других черт.*** Чаще всего это владельцы заведений общественного питания или их родственники, повара, люди, имеющие отношение к деятельности подобных учреждений.

Кроме того, требует уточнения и ономастическая терминология, связанная с описанием названий кулинарной продукции. Знакомство с литературой по проблемам ономастики свидетельствует о богатстве терминологического аппарата, применяемого для обозначения корпуса номинаций этой области. В различных исследованиях нами отмечены следующие единицы, обозначающие наименования блюд: *кулинарные онимы, ресторанные онимы, кулинарные прагматонимы, глюттонические онимы* (от лат. *gluttonare* ‘есть, питаться, поглощать пищу’) и др. По нашему мнению, названия в сфере кулинарии следует рассматривать в составе прагматонимов, под которыми обычно понимаются номены «для обозначения сорта, марки, товарного знака» [6, с. 199]. Следовательно, термин *кулинарный прагматоним*, примененный для описания названий кулинарной продукции, отражает сущность исследуемого объекта. Указанное терминосочетание встречается и в работах последних лет [1; 4; 8].

Перейдем к анализу фактического материала. Из 478 исследуемых единиц 139 мотивированы именами собственными. Рассмотрим случаи, иллюстрирующие образование названий блюд от ономастических единиц различных разрядов. Классификация, представленная ниже, отражает фактический материал, распределенный по семи группам – от наиболее до наименее частотных случаев:

1. Топонимы в составе кулинарных прагматонимов: салат *«Шанхай»*, лимонад *«Коста-Рика»*, напиток *«Сан-Паулу»*, рыбное блюдо *«Окинава»*, ролл *«Калифорния»*, коктейль *«Католония»,* рагу *«Таджикистон»*, рагу *«Бухара»*, коктейль *«Аляска»*, пицца *«Сицилия»*, ролл *«Марокко»*, каша *«Каир»*, лимонад *«Майями бич»*, чизкейк *«Нью-Йорк»*, салат *«Техас»*, коктейль *«Гренландия»*, салат *«Бухара»*, салат *«Цада»* (село в Хунзахском районе Республики Дагестан; известно тем, что в нем родился Расул Гамзатов) и др. Всего 27 примеров.

2. Антропонимы в составе названий блюд: имена реальных людей в основе наименований – торт «*Эстерхази»* (венгерский дипломат Пала Антала Эстерхази), филе куриное *«Виконт де Браженелон»*, десерт *«Мерлин Монро»*, салат *«Валентина Терешкова»*, мясо по-американски *«Чак Норрис»*, коктейль *«Клеопатра»*, ролл *«Цезарь»*, десерт *«Анна Павлова»*. Кроме имен исторических персон, используются и обычные антропонимы: *«Галина»*, коктейль *«Катрин»*, пирожное *«Полина»*, бакинский салат *«Лола»*, запеканка *«Фатима»,* овощи на гриле *«Султанбек»,* салат *«Снежана»* и др. Всего 25 примеров.

3. Литературные антропонимы в составе названий блюд: коктейль *«Ромео»*, коктейль *«Багира»*, сладкая каша *«Мальвина»*, кофе с пряностями *«Эсмеральда»*, десерт *«Джен Эйр»*, салат *«Дездемона»*, грудинка цыпленка *«Фигаро»*, салат *«Герда»*, рис-гарнир *«Белоснежка»*, рыбное блюдо *«Одиссей»*, десерт *«Онегин»*, десерт *«Наташа Ростова»,* блюдо из морепродуктов *«Ассоль»*, пышки *«Плюшкин»*, картофельные шарики *«Колобок»* и др. Всего 23 примера.

4. Библионимы в составе прагматонимов: мясное блюдо *«Золотой теленок»*, запеченные овощи *«Госпожа Бовари»*, салат *«Анна Каренина»*, тушеная говядина *«Айвенго»*, торт *«Золушка»*, салат *«Чук и Гек»*, рыбный микс *«Алые паруса»*, коктейль *«Снежная Королева»*, салат *«Маленький принц»*, торт *«Кот в сапогах»*, салат *«Курочка Ряба»*, куриный супчик *«Курочка Ряба»*, салат *«Гранатовый браслет»*, пирожное *«Красное и черное»*, пирожное *«Алые паруса»*, фруктовый салат *«Кладовая солнца»*, рыбное блюдо *«Капитан Немо»*, мясное фирменное блюдо *«Мой Дагестан»* в одноименном ресторане («Мой Дагестан» – произведение Расула Гамзатова) и др. Всего 23 примера.

5. Фильмонимы в составе названий блюд: салат *«Афоня»*, блинчики под клюквенным соусом *«Пчела Майя»*, салат *«Винни Пух»,* чебурек с мясом *«Чебурашка»*, острый салат *«Москва слезам не верит»*, запеченный картофель *«Антошка»* (песня из мультика «Антошка, Антошка, пойдем копать картошку»), салат *«Семнадцать мгновений весны»*, салатик *«Черепашки Ниндзя»*, супчик *«АБВГДейка»* (советская и российская детская образовательная телевизионная программа для дошкольников и младших школьников), коктейль *«В гостях у сказки»* (популярная советская детская телевизионная передача), блюдо *«Ералаш»* (детский юмористический киножурнал), тортик *«Чип и Дейл»* («Чип и Дейл спешат на помощь» – американский приключенческий анимационный сериал) и др. Всего 20 названий.

6. Мифонимы в составе прагматонимов: чай по оригинальному рецепту *«Граф Калиостро»*, салат *«Снегурочка»*, салат *«Адам и Ева»*, каша *«Геркулес»* (кроме традиционных овсяных хлопьев, в ее состав входят кукурузная мука, сухофрукты, сверху каша поливается пастой урбеч, приготовленной из смолотых в кашицу абрикосовых косточек или семян конопли, льна, подсолнуха), салат *«Али-Баба»*, садж *«Лилит»*, острый салат *«Змей-Горыныч»* и др. Всего 17 названий.

7. Урбанонимы в названиях блюд. В эту группу можно включить и названия блюд, мотивированные названиями заведений, в которых они являются визитной

карточкой: салат *«Орота»*, салат *«Гуниб»*, каша *«Кули»*, тушеная говядина *«Хунзах»*, салат *«Дженгутай»*, каша *«Хосрех»* и др. Всего 16 примеров.

8. Прагматонимы в составе кулинарных названий: пирожное *«Баунти»*, коктейль *«Сникерс»*, торт *«Орео»*, десерт *«Рафаэлло»*. Всего 4 примера.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что процесс использования ономастической лексики при вторичной номинации в области кулинарии достаточно активен. В некоторых случаях значения исследуемых слов содержат отсылку к информации, заложенной в мотивирующем имени собственном. К примеру, название салата *«Валентина Терешкова»* содержит аллюзию к прецедентному имени первой женщины-космонавта. Хотя мотивы номинации здесь не совсем понятны (можно только предположить, что автор названия с особым уважением относится к этой личности или его хобби – космонавтика), интерес и к названию, и к блюду возникает в связи с использованием прецедентного имени, которое на слуху и привлекает внимание своей широкой известностью. То же самое можно сказать и относительно мотивов выбора названия для молочного десерта *«Мерлин Монро»*, яблочного десерта «*Анна Павлова»* и других подобных образований.

В наименованиях с географической составляющей мотивы номинации представляются более понятными: кулинарный оним *«Шанхай»* вызывает в памяти топоним – название крупнейшего китайского города, важного финансового и культурного центра страны – и настраивает на восточную специфику блюда; название холодного коктейля *«Гренландия»*, как нам представляется, аллюзивно, оно может отсылать к названию острова, большая часть которого покрыта ледниками.

Название салата *«Цада»* для дагестанца не является необычным, поскольку в основе его топоним *Цада* – родина народного поэта Расула Гамзатова, кроме того, в другом прецедентном антропониме *Гамзат Цадаса* (отец поэта, один из родоначальников аварской поэзии) отражена эта знаковая географическая реалия. Однако не представляется понятной причина появления такого прагматонима. Кухня горцев не отличается большим разнообразием, не много в ней и чисто овощных блюд, тем более салатов, поэтому можно предположить, что наименование появилось в силу субъективных причин: номинатор пожелал назвать салат в честь своей родины.

Прозрачная мотивация, по нашему мнению, характерна и для названий типа *«Курочка Ряба»* и *«Гранатовый браслет»*. В первом случае речь идет о курином супе (название зафиксировано в меню детского кафе), а во втором – о салате из зерен граната, которые выложены в форме круга. И хотя данные факты являются примерами вторичной номинации, при которой происходит переосмысление исходного библионима, мотивы выбора потребителю понятны. К подобным прагматонимам примыкают названия *«Золотой теленок»* (запеченная телятина), *«Колобок»* (картофельные шарики) и др.

В одном случае разгадка того, почему блюдо называется *«Семнадцать мгновений весны»*, содержалась в информации, данной после названия: в приписке говорилось, что для приготовления этого витаминного салата используются фрукты и овощи, созревающие весной.

Безусловно, не все прецедентные ономастические единицы, выступающие в составе кулинарных онимов, широко известны дагестанцам. Наименование *«Лилит»*, например, отсылает к имени первой жены Адама, согласно каббалистической теории, и эта информация может быть известна лишь некоторой части потребителей. Вряд ли в подобных случаях возможно определить конкретный мотив номинации, вероятно, это дань моде и экзотике, заключенной в исходном имени собственном.

Название салата *«Эстерхази»* также не несет никакой культурологической информации для широкого потребителя: рядовой дагестанец вряд ли осведомлен о том, что это вообще антропоним – фамилия венгерского происхождения, что носителем ее был известный дипломат. То же самое можно сказать и о прагматониме *«Виконт де Бражелон»*.

В лингвистическом отношении вызывает интерес и название *«Геркулес»*. На наш взгляд, в этом случае сложно определить, каким именно прецедентным словом оно мотивировано: как известно, *Геркулес* – имя бога-героя в римской мифологии; *геркулес* – название овсяных хлопьев (представлено в словарях со строчной буквы; здесь налицо процесс апеллятивации мифонима *Геркулес*, то есть перехода имени собственного в имя нарицательное); *«Геркулес»* – название торговой марки, выпускающей каши быстрого приготовления. Возможно, называя свою кашу *«Геркулес»*, авторы рецепта сделали акцент на ингредиентах, которые известны дагестанцам с древних времен как дающие силу, энергию, укрепляющие иммунитет, то есть, скорее всего, название мотивировано мифонимом *Геркулес*.

Как нам представляется, не обладают прозрачной мотивацией кулинарные онимы, мотивированные обычными антропонимами, личными женскими и мужскими именами различного происхождения, не имеющими прецедентного характера. Названия типа *«Галина», «Полина», «Катрин», «Султанбек»* и др. возникли, возможно, по любой из следующих причин: в честь автора рецепта, владельца заведения, жены/мужа, любимой/любимого, детей, друзей, хороших знакомых, благозвучность и т. п.

Интерес вызывают факты вторичной онимизации известных прагматонимов: торговые названия популярной кондитерской продукции выступают в роли мотиваторов в четырех примерах: пирожное *«Баунти»*, коктейль *«Сникерс»*, торт *«Орео»*, десерт *«Рафаэлло»*. Причем используются данные единицы для названия кулинарных реалий, относящихся к категории десертов. В данном случае мотивы номинации, по нашему мнению, понятны: скорее всего, по своему составу и вкусу новые реалии приближены к известным продуктам.

В группе названий, мотивированных урбанонимами, наблюдается ступенчатая номинация К примеру, в следующем случае: *Гуниб* (село в Дагестане) – *«Гуниб»* (кафе) – *«Гуниб»* (фирменное блюдо).

Если судить о том, каков культурно-образовательный уровень номинаторов современного дагестанского меню, то можно заключить, что в исследуемых источниках отражена экстралингвистическая информация, свидетельствующая о наличии у них разнообразных фоновых знаний. В меню встречаются литературные, исторические, кинематографические, мультипликационные, фольклорно-мифологические и другие прецедентные онимы (*«Анна Каренина», «Мой Дагестан», «Госпожа Бовари», «Плюшкин», «Айвенго», «Анна Павлова», «Семнадцать мгновений весны», «Чебурашка», «Али Баба»* и др.).

Анализ языкового материала позволяет заключить, что речевой портрет современного дагестанского меню с точки зрения его ономастического компонента весьма разнообразен. В нем широко представлена группа наименований, мотивированных именами собственными.

Дагестанские кулинарные прагматонимы, образованные от онимов различных разрядов, отражают процесс развития номинационной деятельности как отдельно взятого региона, так и в целом страны. Обобщая анализ этих единиц, можно заключить, что им свойственны основные функции прагматонимов: номинативная, дифференцирующая, рекламная и познавательная.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Ресторанные онимы в русской и немецкой лингвокультурах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 99–103.
2. Винокур Т. Г. Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. С. 361–370.
3. Голомидова М. В. Прагматический аспект именотворчества: общий взгляд // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. Вып. 4. Екатеринбург, 2003. С. 107–120.
4. Исангузина И. И. Прагматонимы в ономастическом пространстве: семантический, лингвокультурологический и синтаксические аспекты (на примере названий кондитерских изделий) // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 4. С. 990–993.
5. Матвеева Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего : дис. … докт. филол. н. : 10.02.19 / Г. Г. Матвеева ; Санкт-Петерб. гос ун-т. СПб., 1993. 449 с.
6. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1988. 192 с.
7. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (виды наименований). М. : Наука, 1977. С. 123–137.
8. Файзуллина И. И. Номинация гастрономического дискурса: отражение в языковом сознании жителей полиэтнического региона // Вестник Нижегородского университета. 2012. № 5–3. С. 118–125.

THE VERBAL PORTRAIT OF THE MODERN DAGHESTANI MENU: ONOMASTIK STUDY

P. A. Lekova

Dagestan State University
the Department of Russian Language

The article studies certain names of dishes, which compose verbal portrait of the modern Daghestani menu. The given analysis represents various culinary pragmatonyms derived from proper names by secondary derivational process. The culinary names are semantically studied and classified according to the corresponding onyms. An attempt is made to explain the choice of onyms for commercial branding, as well as to examine some extralinguistic factors, underlying culinary nominations.

Keywords: *verbal portrait, menu, culinary pragmatonym, secondary nomination, motivator.*

Об авторе:

ЛЕКОВА Патимат Абдулаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Дагестанского государственного университета (367000, г. Махачкала, ул. Гаджиева, 37), e-mail: Liekova65@mail.ru.

About the author:

LEKOVA Patimat Abdulaevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language, Dagestan State University (367000, Makhachkala, Hajiyev str., 37), e-mail: Liekova65@mail.ru.

УДК 81’367

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С СОЧЕТАНИЕМ *(А) МЕЖДУ ТЕМ*
(на материале текстов оториноларингологии)

[1]В. М. Мирзоева, [1]Е. Д. Аксенова, [1]А. А. Кузнецова, [2]Е. З. Мирзоева

Тверской государственный медицинский университет
[1]кафедра русского языка
[2]кафедра оториноларингологии

В статье представлены результаты лингвистического анализа особенностей функционирования союзного сочетания *(а) между тем* в текстах медицинской специальности (оториноларингология). В центре внимания работы находится системное описание смысловых отношений в сложносочиненном предложении с участием сочетания *(а) между тем,* рассматривается лексическая трактовка данной единицы, дается классификация сложносочиненных предложений с синтаксическим компонентом *(а) между тем* с точки зрения семантики смысловых отношений, свойственных научному (медицинскому) тексту.
Ключевые слова: *текст медицинской специальности (оториноларингология), семантика союзного сочетания (а) между тем, анализ смысловых отношений, сложносочиненные предложения.*

На сегодняшний день сведения о лексической единице *между тем* разноречивы, нет последовательного и четкого определения места *между тем* в системе выделяемых классов грамматических слов. В одних случаях *между тем* признается наречием со значением «а в то время», «тем временем» и сочетанием, выступающим в значении союза – «а на самом деле» [8]. Другие авторы не указывают принадлежность *между тем* к какому-либо грамматическому классу, дают лишь значение «в то время» или «тем не менее**»,** «в то же время» [2; 4]. Несомненно, что отсутствие единообразия в классическом определении значения *между тем* свидетельствует о сложности самой природы данного сочетания и «во многом определяется характером коммуникативной ситуации» [3, с. 207].

Анализ медицинских текстов, предпринятый на материале специальности «оториноларингология», показал, что употребление *между тем* имеет ряд ограничений. Во-первых, оно свойственно более книжному стилю (монографии, учебники, статьи) и совершенно нехарактерно для учебно-методических материалов. Во-вторых, случаи использования *между тем* в простом предложении обнаружены не были, единица функционирует, как правило, в сложном предложении. Так, из многообразия типов сложного предложения *между тем* используется преимущественно в сложносочиненных предложениях с союзом *а.* С другими сочинительными союзами, например с союзами *и, но*, сочетание *между тем* употребляется редко. Следует подчеркнуть, что сочетание *между тем* в научных текстах медицинского профиля «характеризуется семантической диффузностью, что делает интерпретацию его употреблений максимально зависимой от контекста» [1, с. 207].

Рассмотрим наиболее распространенные в медицинской литературе предложения с данным сочетанием. По характеру выражения смысловых отношений, по роли *между тем* эти предложения неоднородны. Среди них можно выделить следующие сложные конструкции.

Сложносочиненные предложения с *а между тем,* выражающие отношения сопоставления, например: *В литературе описывается множество различных алгоритмов кластеризации, а между тем большая часть этих алгоритмов при всей их несхожести методически основана на одной предпосылке – гипотезе компактности* [6, с. 79]; *У женщин при хроническом тонзиллите и хроническом фарингите такими симптомами оказались першение, саднение в горле и слабость, а между тем информационно-значимыми у мужчин при обеих патологиях глотки установлены такие симптомы, как неловкость в горле, ощущение крупинок на языке, нередкие болевые ощущения в области регионарных лимфатических узлов* [Там же, с. 78].

В этих предложениях *между тем* – наречие со значением «тем временем», «в то время», поддерживающее сопоставительные отношения, основным формальным выразителем которых является союз *а.* Однако наречие *между тем* небезразлично к характеру выражаемых отношений. Следует подчеркнуть, что из многообразия типов сопоставительных сложносочиненных предложений оно используется лишь в тех, в основе которых лежит несходство или различие действий, симптомов, предметов, объектов. При наличии *между тем* сопоставление переносится в один временной план одновременности и обязательно предполагается определенная продолжительность сопоставляемых действий. *Между тем* в подобных конструкциях можно заменить речевым сочетанием «тем временем» или «в то же время».

Вторую группу составляют сложносочиненные предложения с сочетанием *а между тем,* выражающие отношения несоответствия: например, *Предлагается непрямая лимфотропная терапия хронического тозиллита препаратом «Поликатан» путем промывания лакун миндалин аппаратом «Тонзилор-2», а между тем В.С. Дергачев и другие предлагают при лечении хронического тозиллита проводить более эффективную иммунокоррекцию препаратами: нуклеинат натрия, миэлопид, ронколейкин в виде 1-2 курсов длительностью цикла до 4-6 месяцев* [7, с. 128].

Сущность выражаемых отношений несоответствия состоит в том, что содержание предложений неодинаково по своей достоверности: в первой части предложения излагается, как видно на примере, один метод лечения, а во второй части сообщается о более эффективном пути лечения. Подобные отношения могут поддерживаться лексическими значениями глаголов-сказуемых: сказуемое в первой части предложения выражается глаголом, обозначающим речь или мысль (предлагать, полагать, думать и подобные), а во второй части используются синонимичные глаголы, вводящие информацию несоответствия или сочетания со значением реальности (оказывается, на деле, далеко не так). Например: *О.Ю. Локоткина и соавторы на основании своих исследований пришли к заключению о наличии С-реактивного белка в сыворотке крови как верного признака воспалительного процесса, а между тем это далеко не так* [Там же, с. 31].

В данном примере *а между тем* полностью утратило свое наречное временное значение. Оно тесно примыкает к союзу *а*, образуя вместе с ним семантически и функционально одно союзное сочетание *а между тем* со значением «на самом деле», «в действительности», которое выступает формальным показателем отношений несовместимости, несоответствия, выражаемых данным сложным предложением.

Третью группу образуют сложносочиненные предложения с сочетанием *а между тем,* в которых выражается противопоставление с оттенком уступительности, например: *Обострение полиартрита как сопряженного заболевания возникло одновременно с ангиной, а между тем ангина не приводит к обострению полиартрита* [5, с. 384]. *После перенесенной ангины, как правило, наступает обострение ревматоидного артрита, а между тем нет четких данных влияния хронического тонзиллита на сопряженное заболевание ревматоидный артрит* [Там же, с. 218]. В этих предложениях содержание одной части противоположно тому, что было бы закономерно или необходимо при тех же обстоятельствах, о которых сообщается в другой части. Проведенный анализ медицинских текстов позволил выделить среди них две подгруппы.

1. Сложные предложения, в которых исходные условия сообщаются в первой части, а то, что происходит, излагается во второй части, осуществляется вопреки этим условиям, например: *У больного даже после первого курса лечения возникает необходимость тонзиллоэктомии, а между тем тонзиллоэктомия не обеспечивает ликвидацию патологического процесса в глотке и прекращение аутоимунных реакций* [7, с. 122].

2. В других сложносочиненных предложениях с сочетанием *а между тем* исходный тезис дан во второй части, а то, что изложено, описано в первой части, противоположно ему: *Хронический компенсированный тонзиллит характеризуется как многофакторный имунопатологический процесс, а между тем диагностировать наличие хронического тонзиллита и его форму на основании оценки общего иммунного статуса не представляется возможным* [Там же, с. 83]. Подобные сложносочиненные предложения семантически близки к уступительным сложным предложениям с постпозитивной придаточной частью с союзом *хотя*. Поэтому возможна трансформация одних типов конструкций в другие. Однако при всей семантической близости подчинительным уступительным конструкциям сложносочиненные предложения с *а между тем* имеют ряд особенностей. Так, в сложных конструкциях с *а между тем* основными отношениями являются противительные, а значение уступительности в них хотя и выступает, но как дополнительное, появляющееся на фоне противительного значения, тогда как в уступительных предложениях даже с союзом *хотя … но* главным является уступительное значение, а противительное оттеночное. Поэтому первый тип отношений с *а между тем* можно было бы определить термином противительно-уступительные, а второй назвать уступительно-противительные.

Обобщая сказанное, можно прийти к выводу: во всех сложносочиненных предложениях рассматриваемой третьей группы *а между тем* выступает как союзное сочетание и является формальным выразителем противительно-уступительных отношений, которое позволяет реализовать данное значение, обусловленное конкретным содержанием соединяемых частей, переводит его на уровень синтаксической категории. Следует отметить, что сочинительный союз *между тем* настолько семантичен и весьма однозначно выражает значение уступительного противопоставления, что случаи употребления его с союзом *и* единичны. Очень редко этот союз используется и вместе с союзом *но*, который выступает одним из основных противительных союзов.

Таким образом, проведенный в данной работе анализ позволяет выделить три основных значения *между тем*: в одних сложносочиненных предложениях *между тем* является наречием со значением *тем временем, в то время*; в других

типах сложного предложения, выражающих сопоставление со значением несоответствия, *между тем*, потеряв свое значение времени, выступает как необходимый компонент синтаксически неделимого сочетания *а между тем*, служащего средством связи и выражения отношений между частями сложного предложения. И наконец, в сложносочиненных предложениях с противительно-уступительными отношениями *между тем* является сочинительным противительным союзом со значением уступительного противопоставления.

Список литературы

1. Аксенова Е. Д., Мирзоева В. М., Мирзоева Е. З. Модальность научного (медицинского) текста (на материале текстов оториноларингологии) // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4–1 (28). С. 154–161.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
3. Мирзоева В. М., Кузнецова А. А., Мирзоева Е. З. Коммуникативно-прагматическая функция сложных предложений в диалогической структуре текстов медицинской направленности» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 1. С. 207–211.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : Мир и Образование : Оникс, 2012. 1376 с.
5. Оториноларингология : учебник для вузов / В. Т. Пальчун, М. М. Магомедов, Л. А. Лучихин. М. : Медицина, 2008. 656 с.
6. Портенко Г. М., Мирзоева Е. З., Шматов Г. П. Хронический тонзиллофарингит и информационные технологии его доказательства / Тверской гос. мед. ун-т. Тверь, 2017. 198 с.
7. Портенко Г. М., Портенко Е. Г., Шматов Г. П. Информационная технология в решении проблем хронического тонзиллита / Тверской гос. мед. ун-т. Тверь, 2016. 192 с.
8. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М. : Альта-Принт, 2005. 1216 с.

ABOUT THE SEMANTIC DIFFERENTIATION OF COMPLEX SENTENCES WITH *(А) МЕЖДУ ТЕМ* (based on otorhinolaryngological texts)

V. M. Mirzoeva, E. D. Aksenova, A. A. Kuznetsova, E. Z. Mirzoeva

Tver State Medical University
the Department of Russian Language

The linguistic analysis results of special features of the operation of semantic combination *"but, however?* in medical specialization texts (otorhinolaryngology) are presented in this article. Systematic description of all the semantic relations in the complex sentence with combination "*but, however*" is in the center of attention, lexical interpretation of this unit is explored, classification of complex sentences with component "*but, however"* is given from the point of view of semantics of sense-bearing relations inherent to scientific (medical texts).

Keywords*: medical specialization text (otorhinolaryngology), the semantics of combination "but, however", analysis of semantic relations, complex sentences.*

Об авторах:

МИРЗОЕВА Валентина Михайловна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка Тверского государственного медицинского университета (170100, Тверь, ул. Советская, 4), e-mail: ruslang@tvergma.ru.

АКСЕНОВА Екатерина Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного медицинского университета (170100, Тверь, ул. Советская, 4), e-mail: katrintver@mail.ru.

КУЗНЕЦОВА Анжелика Алимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного медицинского университета (170100, Тверь, ул. Советская, 4), e-mail: ruslang@tvergma.ru.

МИРЗОЕВА Евгения Залимовна – кандидат медицинских наук, ассистент кафедры оториноларингологии Тверского государственного медицинского университета (170100, Тверь, ул. Советская, 4), e-mail: ruslang@tvergma.ru.

About the authors:

MIRZOEVA Valentina Mikhailovna – Candidate of Philology, Head of the Department of Russian Language, Tver State Medical University (170100, Tver, Sovetskaya str., 4), e-mail: ruslang@tvergma.ru.

AKSENOVA Ekaterina Dmitrievna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Russian Language Department, Tver State Medical University (1700000, Tver, Sovetskaya str., 4), e-mail: e-mail: katrintver@mail.ru.

KUZNETSOVA Angelica Alimovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Russian Language Department, Tver State Medical University (1700000, Tver, Sovetskaya str., 4), e-mail: ruslang@tvergma.ru.

MIRZOEVA Evgeniya Zalimovna – Candidate of Medicine, Lecturer at the Department of Otorhinolaryngology, Tver State Medical University (170100, Tver, Sovetskaya str., 4), e-mail: ruslang@tvergma.ru.

ЖУРНАЛИСТИКА И РЕКЛАМА

УДК 070.2

БЮДЖЕТЫ МЕДИА-ПРОСТРАНСТВА: ЕЩЕ РАЗ О СПЕЦИФИКЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ТРЕНДА К СОКРАЩЕНИЮ ПЕЧАТНЫХ СМИ

[1]А. А. Антонов-Овсеенко, [2]Е. А. Романкина

[1]Тверской государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью,

[2]Российский государственный социальный университет
кафедра финансов и кредита

В статье проанализирован комплекс факторов, оказывающих негативное воздействие на формирование бюджетов российских печатных СМИ, проведено сравнение с мерами, предпринимаемыми в промышленно развитых странах Запада в поддержку печати.
Ключевые слова: *СМИ, печать, государство.*

В предыдущей публикации, посвященной анализу факторов, влияющих на формирование бюджета печатных СМИ России, мы уже отмечали, что, несмотря на негативные тенденции в экономике, объем российского рынка рекламы увеличивается. Так, по данным Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР), суммарный объем рекламы в средствах ее распространения в 2017 г. составил 417 млрд. руб. (за вычетом НДС), что на 14 % больше, чем годом ранее [1]. Тенденция эта сохранилась и в 2018 г., при этом рост доходов от рекламы наблюдается на всех носителях, кроме печати. Так, по данным АКАР, за период января-сентября 2018 г. объем рекламы, размещенной в российском сегменте Интернета, составил в денежном выражении около 141 млрд. руб., обеспечив динамику в сторону увеличения к предыдущему периоду в 22 % (точно такой же была эта динамика и в 2017 г.). В то же самое время объем рекламы, размещенной в течение указанного периода 2018 г. в газетах, составил в денежном выражении около 5 млрд. руб., что соответствует уменьшению к предыдущему периоду на 12 %; объем рекламы, размещенной в тот же период 2018 г. в журналах, составил в денежном выражении около 7 млрд. руб. – с уменьшением к соответствующему периоду 2017 г. в 8 % [2]. При подведении итогов первых трех кварталов 2018 г. комиссия экспертов АКАР подсчитала, что суммарный объем рекламы в средствах ее распространения за вычетом НДС превысил отметку в 325 млрд.руб., что на 13 % больше, чем в соответствующем периоде 2017 г. (табл. 1).

Обратим внимание, что, согласно подсчетам АКАР, в течение указанного периода 2018 г. объем средств от рекламы, размещаемой в эфире радио, впервые в истории отечественных СМИ приблизился к объему средств, поступивших от рекламы, размещаемой в печатной прессе: за январь-сентябрь в эфире радио было размещено рекламы на сумму около 11 млрд. руб., в печатной прессе – на сумму около 13 млрд. руб. Это позволяет предположить, что с учетом тенденции на спад поступле-

ний в печатной прессе и рост, пусть незначительный, поступлений на радио в самом скором времени – вероятно, уже по итогам всего 2018 г. – объем средств от рекламы, размещаемой в эфире радио, превысит объем средств от рекламы в печатных СМИ.

Табл. 1. Объем рекламы в средствах ее распространения в январе-сентябре 2018 г.

Сегменты	**Январь-сентябрь 2018 года, млрд. руб**	**Динамика, %**
Телевидение	**130.0-131.0**	**12**
в т.ч. Основные каналы	*125.0-126.0*	*11*
Нишевые каналы	*5.0*	*44*
Радио	**11.5-11.7**	**1**
Пресса	**12.8-13.0**	**-10**
в т.ч. Газеты	*5.3-5.4*	*-12*
Журналы	*7.4-7.5*	*-8*
Out of Home	**31.0-31.2**	**0**
в т.ч. Наружная реклама	*25.2-25.4*	*3*
Интернет	140.5-141.5	22
ИТОГО	326.0-328.0	13

Следует отметить, что негативный тренд в отношении рекламных поступлений в бюджет печатных СМИ не является исключительно результатом их неравной конкуренции с Интернетом. В значительной степени этот тренд обусловлен целенаправленной политикой государства, которая заключается, в частности, в уравнивании в правах и обязанностях дистрибьюторов печатных СМИ с продавцами куда более конкурентоспособной продукции – продуктов, алкоголя, табака, продажа которых в киосках и на прилавках, занятых реализацией печатной продукции, запрещена. Государство устанавливает одинаковые ставки аренды торговых площадей, компенсировать которые (не говоря уже об извлечении прибыли) дистрибьюторы печатных СМИ оказываются не в состоянии. В результате за последние десять лет (2008–2018 гг.) количество объектов, специализирующихся на продажах прессы в России, сократилось на 58 %. «Если местные власти выдвигают одинаковые условия по аренде для газетного киоска и киоска по продаже шаурмы, то, вне всякого сомнения, газетный киоск проиграет, – возмущается по этому поводу президент Союза предприятий печатной индустрии (ГИПП) Сергей Моисеев. – Ко всему прочему конкретный ассортимент сопутствующих товаров, которые можно продавать в газетно-журнальных киосках, утверждают сами субъекты. Поэтому из-за насильственного регулирующего вмешательства муниципальных и региональных органов власти киоски прессы исчезают с улиц» [4].

Еще один фактор, относящийся к мерам, предпринимаемым государством, который оказывает резко негативное влияние на положение печатной прессы в России, – отмена в 2014 г. государственных субсидий «Почте России» на покрытие

убытков по доставке подписных изданий населению. В результате этой меры подписной тираж российских СМИ в абсолютном значении сократился с 1 млрд. экз. в 2013 г. до 500 млн. экз. в 2017 г. и продолжает падать. Для сравнения: в большинстве промышленно развитых зарубежных стран государство, наоборот, субсидирует подписку на печатную прессу. Так, например, в государственном бюджете Франции с 1948 г. ежегодно закладываются расходы на субсидии Национальной компании французских железных дорог (*SNCF*), которые направляются на компенсацию пониженных тарифов на доставку печатной прессы, установленных для ее дистрибьюторов. Кроме того, как отмечают эксперты-менеджеры российской Ассоциации распространителей печатной продукции Дмитрий Мартынов и Александр Оськин, во Франции государство «с 2009 года компенсирует издателям рост почтовых тарифов. Ежегодные расходы государства на распространение прессы через почту составляют в сумме около 200 млн. евро» [3].

К перечисленным проблемам прибавилось и повышение с 1 января 2019 г. ставки НДС с 18 до 20 %, в связи с чем исполнительный директор СППИ (ГИПП) Елена Шитикова в статье «Последняя капля», опубликованной в ежеквартальном профессиональном издании «Стратегия и практика издательского бизнеса. IFRA-ГИПП Magazine», вспоминает о том, как в столь же экономически непростых условиях в 90-е гг. XX в. государственная власть в России, наоборот, принимала меры для облегчения положения СМИ: в 1995 г., в частности, был принят закон «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации». «Почему же сейчас прессе не хотят оказать поддержку? – возмущается Елена Шитикова. – Почему бумага должна продаваться с НДС? В конечном итоге страдает ведь читатель. Все риски перекладываются на него, на конечного потребителя… В печатной индустрии легкая паника: стакан наполнен до краев, и повышение НДС станет для него последней каплей» [5].

Ответ на вопросы Е. Шитиковой о разнице в трендах государственной поддержки СМИ, на наш взгляд, находится в содержательной плоскости. Дело в том, что в середине 90-х гг. рамки свободы, прежде всего свободы выбора содержательного наполнения российских СМИ, были значительно шире, нежели те рамки и ограничения, в которых находятся российские медиа сегодня: громадное большинство нынешних СМИ, в особенности телевизионные и радиоресурсы, находятся во владении органов государственной власти, которые и формируют их содержательное наполнение. Другие крупнейшие медиаресурсы, не находящиеся в прямом владении государства, принадлежат представителям крупного бизнеса, известным своей лояльностью действующей власти, которые так же, как в случае с государственными органами, определяют их содержательное наполнение. В качестве примеров можно привести издательский дом «Коммерсантъ», находящийся во владении структур российского бизнесмена Алишера Усманова, журнал *Forbes Russia* (во владении Александра Федотова) и др. И если в середине 90-х государственная власть, в особенности ее выборные институты на всех уровнях, находились в значительной зависимости от публикаций СМИ, то в сегодняшних реалиях, когда СМИ за редким, мало влияющим на общественное мнение исключением, фактически или опосредованно (через лояльный олигархат, согласно приведенным примерам) находятся в руках государства, власть не заинтересована в их поддержке так, как она была в этом заинтересована в середине 90-х гг.

Нельзя сказать, однако, что государство в России совсем не заинтересовано в поддержке печатных СМИ. Так, Федеральное агентство по печати и массовым

коммуникациям (Роспечать) направляет ежегодно более 300 млн. руб. из госбюджета на поддержку более 500 газет в регионах России. Кроме того, в 2016 г. было принято постановление правительства РФ № 291 «Об утверждении Правил установления субъектами Российской Федерации нормативов минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов и методики расчета минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов», еще ранее, в 2013 г., – приказ Минкомсвязи РФ № 197 «Об утверждении рекомендаций по поддержке и развитию системы розничного распространения периодических печатных изданий и иной печатной продукции в субъектах Российской Федерации» и др.

Однако, как это становится очевидным, в частности, из рассмотрения данных экспертизы АКАР, этих мер явно недостаточно для обеспечения беспрепятственного производства и распространения печатных СМИ России, тем более что власти большинства российских регионов демонстрируют стремление лишь к очень частичному исполнению принятых в защиту печатных СМИ правоустанавливающих актов.

Главным приоритетом для издателей и редакций печатных СМИ России в создавшейся ситуации является развитие мультимедийности газет и журналов, создающей условия для прироста их аудитории – несмотря на то, что и очевидные аудиторные успехи (табл. 2) пока не всегда удается эффективно монетизировать (к примеру, у издательских домов «Комсомольская правда», «Коммерсант» и «Ведомости» показатели доходности от печатных копий составляют 85 %, по данным российской исследовательской компании *Mediascope*, тогда как деятельность в Интернете и сфере мобильных коммуникаций приносит им остальные 15 % финансовых поступлений).

Табл. 2 . Совокупная аудитория изданий и их сайтов
(Москва, пользователи Интернет 16–54 лет), тыс. чел. [6]

Ежедневные газеты	Интернет-версия	**Интернет-версия + печатный выпуск**
Московский Комсомолец	181	263
Спорт-Экспресс	97	156
Ведомости	112	149
Коммерсантъ	93	147
Известия	98	146
Российская Газета	103	143

Список литературы

1. Антонов-Овсеенко А. А., Шитикова Е. М. Бюджет печатных СМИ России: интернет и другие факторы влияния // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 3. С. 93–97.
2. Ассоциация коммуникационных агентств России (АКАР). Объем рекламы в средствах ее распространения в январе – сентябре 2018 г. [Электронный ресурс] // Сайт АКАР. URL: http://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id8566 (дата обращения: 27.01.2019).
3. Мартынов Д. В., Оськин А. В. Государственная поддержка СМИ за рубежом в цифровой век. М. : Собеседник, 2015. 208 с.

4. Моисеев С. Не очень рыночная экономика // Стратегия и практика издательского бизнеса. М.: IFRA-ГИПП Magazine. Июль 2018. С. 5.
5. Шитикова Е. Последняя капля // Стратегия и практика издательского бизнеса. IFRA-ГИПП Magazine. Июль 2018. С. 3.
6. Mediascope, NRS, Web-Index (Desktop&Mobile), Москва, Март–Июль 2018, 16–54 лет, пользователи Интернет, тыс. чел. – из презентации эксперта компании Mediascope в ходе XIV ежегодного профессионального форума «Издательский бизнес / Publishing Expo. Перезагрузка» 8 ноября 2018 г., Москва.

MEDIA SPACE BUDGETS: ONCE AGAIN ABOUT THE SPECIFITY OF NATIONAL TREND TO REDUCE OF THE PRINT MEDIA

[1]A. A. Antonov-Ovseenko, [2]E. A. Romankina

[1]Tver State University
Department of Journalism, Advertising and Public Relations

[2]Russian State Social University
Financial and Credit Department

The article is analyzing a complex of factors, which have negative impact on forming budgets of Russian printed Media, in comparison with measures taken in industrialized countries of the West in the support of press.
Keywords: *Mass-media, press, state.*

Об авторах:

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО Антон Антонович – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (171100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: anton-ov-ovseenko@mail.ru.

РОМАНКИНА Екатерина Александровна – магистрант кафедры Финансы и кредит Российского государственного социального университета (107076, Москва, ул. Стромынка, д. 18), e-mail: kat.romankina@gmail.com.

About the authors:

ANTONOV-OVSEENKO Anton Antonovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: anton.antonov.ovseenko@gmail.com.

ROMANKINA Ekaterina Aleksandrovna – master student at the Financial and Credit Department, Russian State Social University (107076, Moscow, Stromynka str., 18), e-mail: kat.romankina@gmail.com.

УДК 070.4

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КАК АВТОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ (на материале современной колумнистики)

Е. Н. Брызгалова, И. Е. Иванова

Тверской государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В статье обсуждаются проблемы современной колумнистики. Это активно развивающийся и популярный раздел публицистики. Авторы рассматривают прецедентность как одну из авторских стратегий и приводят примеры стратегических решений в журналистских текстах. Представлен анализ нескольких статей из колонок в медиа-изданиях.

***Ключевые слова**: публицистика, колумнистика, текст, читательская аудитория, журналистский продукт.*

Колумнистика представляет собой важный и активно развивающийся сегмент публицистического дискурса. Колонки в интернет-изданиях и традиционных медиа сегодня пользуются большой популярностью и изучаются с точки зрения своеобразия и сущности данного явления [15], формирования жанрово-стилевых признаков [7; 21; 22], определения основных тенденций развития [14]. Все исследователи сходятся на том, что это «авторская журналистика», «журналистика мнений», в которой автор играет ведущую роль: «Основной атрибут колонки – ярко выраженное авторское начало, которое проявляется либо в своеобразии осмысления автором интересующих его и аудиторию аспектов действительности, либо в текстовом представлении такого осмысления, а лучше всего – на обоих уровнях познавательно-коммуникативной деятельности колумниста» [7, с. 136].

Колонка, несомненно, всегда индивидуальна, поскольку автор выступает в ней не только в роли эксперта по отношению к определенному явлению или факту, но и в роли творца. Он волен выбирать тему публикации, выражать собственное мнение по информационному поводу, даже если оно идет вразрез с мнением редакции, использовать собственный формат. В колонке изначально заложена установка на полемичность. Еще одно принципиальное отличие от других журналистских текстов – индивидуальный язык и стиль, присущие данному автору колонки. Среди современных колумнистов много ярких и талантливых людей. Их небольшие по объему тексты, посвященные актуальным и, как теперь говорят, резонансным вопросам, интересуют аудиторию.

Одной из основных авторских стратегий в отечественной колумнистике является прецедентность. Об этой особенности современного публицистического дискурса написано немало. Стоит признать, что ученые изучают данное явление в основном с позиций когнитивной лингвистики [11; 13; 17; и др.], выделяя типы прецедентных текстов [22], анализируя различные виды и функции прецедентного имени [8; 13; 16; и др.], рассматривая роль и многообразие видов заголовка [20] и др. В литературоведении более употребительным стал термин «интертекстуальность», хотя суть использования «чужого слова» от этого не меняется [2; 3; и др.].

Изучение культурологического и социологического аспектов прецедентности [19] способствует осмыслению особенностей развития современного общества. Всё сказанное свидетельствует о том, что сегодня это явление обрело статус социокультурного феномена и далеко ушло от конкретно лингвистического или литературоведческого научного поиска.

На наш взгляд, пришло время взглянуть на прецедентность с точки зрения формирования коммуникации, акцентируя внимание на взаимодействии коммуникантов, поскольку в паре «автор – читатель» оба реципиента одинаково важны. И с этой позиции колумнистика в силу своей мобильности, диалогичности и др. может предоставить для анализа богатый и разнообразный материал.

Лингвистический, культурологический, социальный и другие аспекты, несомненно, важны при изучении прецедентности, но наибольший интерес, на наш взгляд, вызывает стремление разобраться в авторском посыле: почему и с какой целью автор публицистического текста апеллирует к уже созданному и функционирующему в сознании читателя прецеденту? Чего он хочет добиться и что ему дает использование «чужого слова»? Нам показалось интересным обратиться к нескольким колонкам в популярных медиаизданиях конца 2018 и начала 2019 гг. Нам представляется, что ведущие колонок, живо откликающиеся на самые свежие новости общественно-политической жизни, создали собственный публицистический язык, который характеризуется легкостью, живостью, привлекательностью для читателя. А это достигается, в свою очередь, и за счет использования прецедентных феноменов.

У данного сегмента публицистики сформировались собственные параметры в силу того, что подобные тексты всегда пишутся на злобу дня. Кроме того, читатель, обращаясь к колонке, уже ориентирован на конкретного автора, от которого ждет не столько новостей, сколько его впечатлений и эмоций по поводу обсуждаемого события или факта. Читатель желает подтверждения или опровержения собственного, уже сформировавшегося мнения относительно данной новости.

Одной из авторских стратегий в колумнистике является использование прецедентного имени. Например, в статье Ю. Богомолова «Предчувствие гражданской войны: главные медийные битвы недели» [1] среди прочих обсуждается новость о двойном гражданстве тележурналиста и ведущего С. Брилёва. Фрагмент, посвященный данной теме, озаглавлен так: «Встретились как-то Брилёв и Штирлиц». Как видим, прецедентность заявлена уже в заглавии, что формирует определенные читательские ожидания и сразу же привносит явный иронический оттенок в дальнейшее развитие темы.

Имя вымышленного литературного героя давно стало нарицательным обозначением разведчика, работающего в тылу врага, благодаря известнейшему кинофильму. Сама формулировка заглавия («Встретились как-то…») активизирует устную традицию «рассказывания» и отсылает читателя не столько к фильму, сколько к многочисленным анекдотам, посвященным данному персонажу. Таким образом, прецедентное имя вызывает у читателя ряд вполне запрограммированных ассоциаций, основанных на фильме (двойственность личности разведчика) и на анекдотах (иронично-смеховая стихия). Употребление в одном ряду реального и в какой-то степени мифологического имен сразу же запускает механизм иронического восприятия обсуждаемой ситуации.

Читательские ожидания, заявленные в названии, реализуются в тексте: «Впрочем, что это мы? А вдруг он – Штирлиц? Там, на Альбионе, – штандартенфюрер, а здесь, на гос-ТВ, – полковник Исаев?» [Там же]. Местоимение «мы» ука-

зывает на то, что автор воспринимает читателя как единомышленника, разделяющего его точку зрения на происходящее: «Мы-то раньше думали, что Штирлиц-Исаев – чистая беллетристика, плод воображения писателя Семенова и кинорежиссера Лиозновой. А тут перед нами реальный, живой Штирлиц, только под другой фамилией» [Там же].

Кинообраз у Ю. Богомолова сравнивается с реальным героем публикации и в какой-то степени противопоставляется ему. Он помогает представить героя в ироническом свете, акцентировать внимание на сути обсуждаемого факта.

Другая авторская стратегия построена на дискуссии вокруг известного факта или явления, когда в качестве прецедента все авторы используют одно высказывание. Так произошло с известными словами Президента РФ о беспорядках в Париже в конце минувшего года («Мы же с вами не хотим, чтобы у нас были события, похожие на Париж…» [12]). Фраза очень быстро стала прецедентной и послужила основой для создания новых смыслов не только в колумнистике, но и публицистике в целом. Примеров множество, остановимся на некоторых. Но прежде уточним, что риторический вопрос, заключенный в словах В. В. Путина, имевшего в виду беспорядки и введение чрезвычайного положения, вызвал неоднозначную реакцию. Смысл всех публицистических откликов сводится либо к согласию, либо к отторжению, либо к толкованию высказывания, либо ко всему сразу.

В стихотворении Д. Быкова «Суверенное» [5] конструкция «Не хочу, чтоб было как…» начинает каждую из многочисленных строф и повторяется внутри нескольких. К финалу она встречается уже в каждой строке. Открывается этот перечень, конечно же, Парижем, а потом сменяется и другими топонимами (*Британия, Мадрид, Дамаск, Украина* и др.) и именами (*Трамп, Обама* и др.). Многочисленность географических названий стран и городов фактически охватывает всё внешнее пространство по отношению к России и противопоставляется внутреннему («В тех краях, где нет пучин и бедствий…» [Там же]), в котором не происходит ничего из того, что составляет гражданскую жизнь общества. Таким образом, прецедентность смыслообразующего высказывания становится для автора способом выражения отношения к информационному поводу.

В колонке И. Давыдова в проекте «Сноб», в статье «Наш маленький Париж» [9], прецедентность носит более скрытый и, можно сказать, сложный характер. Основой ассоциативности выступает противопоставление «маленький – большой» как один из культурных кодов, в котором «маленький человек», «маленькая жизнь» воспринимаются как персонификация частного, обыденного, а «большой» – как нечто всеобщее, свойственное обществу, стране, миру. Это самый первый, охватывающий весь текст уровень прецедентности, но есть и более мелкие, касающиеся частностей. Они более явные, доступные, поскольку апеллируют к массовой культуре («Хруст французской булки, башня Эйфеля, шедевры Лувра…» [Там же]). Они служат выражением точки зрения, присущей рядовому человеку, живущему «маленькой» жизнью.

Статья проникнута пафосом дискуссионности, который тоже многослоен. На поверхности – обсуждение желания или нежелания того, чтобы было «как в Париже». Немного глубже – сопоставление разных вариантов смысла восприятия Парижа с точки зрения обычного, «маленького», человека: привлекательность стереотипа французской жизни, с одной стороны, и страх и неприятие бунта, сопровождающегося беспорядками, с другой. И в основе статьи, «в глубине», – стремление определить президентское понимание данной фразы, тот смысл, который он в нее

вложил. К финалу этот смысл проясняется и не вызывает авторской поддержки: «Президент, спрашивающий, хотим ли мы, чтобы стало “как в Париже”, кажется, полагает, что причина любых бунтов – неумение власти приучить граждан вести себя тихо» [Там же]. Как видим, прецедентность обретает стратегический смысл и проясняет авторскую позицию.

Известный блогер и колумнист И. Варламов в статье «Мы же не хотим, как в Париже?!» [6] также использует прецедентность как способ выражения собственного мнения и ставит в позицию смысловой доминанты. Он использует ассоциативность иного порядка: «И нас опять спрашивают, хотят ли русские в Париж» [Там же]. В приведённой фразе явно дается отсылка к стихотворению Е. Евтушенко и известной советской песне «Хотят ли русские войны» (1961, автор музыки Э. Колмановский), которая в свое время выразила и осознание победившим народом своей силы, и его желание жить в мире. Конечно, в тексте Варламова смысловое наполнение иное, но оно сохраняет ощущение некой внутренней народной совокупности, единства, о чем свидетельствует словосочетание «русский человек», которое публицист употребляет в первой строчке текста: «На этом месте русский человек уже перестает понимать, что происходит. Еще вчера нас пугали…» [Там же]. Характерно, что и себя он относит к этому единству, о чем и свидетельствует местоимение «нас».

«Русские люди» в тексте Варламова противопоставлены французам, которые сумели добиться от власти удовлетворения своих требований. Дискуссионность заключается в ином взгляде на парижские события: в первую очередь это протест народа против политики властей, а во вторую – беспорядки. И выходит, что основной смысл статьи в том, чтобы подчеркнуть, что наш народ лишен возможности выражать протестные настроения. И завершается текст повторение ключевой фразы: «И спрашивает нам Владимир Владимирович: мы же не хотим, как в Париже?» [Там же]. Итак, данная стратегическая конструкция, основанная на прецедентной фразе, позволяет выстроить дискуссию и привлечь внимание читателей к нескольким проблемам.

Оперативность и апелляция к информационному поводу – одна из характерных черт колумнистики. В статье Д. Быкова «Правильный выбор Маргариты Симоньян» [4] таким поводом послужило широко обсуждаемое мировыми СМИ интервью М. Симоньян (канал “Russia Today”) с двумя подозреваемыми по делу отравления Скрипалей. Если посмотреть на статью Д. Быкова с точки зрения интересующей нас темы, то нужно отметить, что авторская стратегия строится на использовании прецедентных феноменов, которые современной наукой рассматриваются как одно из самых действенных средств актуализации языковой игры [10].

Как известно, прецедентным феноменом может стать всё, что угодно: фильм, песня, анекдот, художественное произведение, литературный персонаж, арт-объект и т. д. [18]. Единственное условие – широкая известность. Поэтому по использованию тех или иных образов и реалий можно судить и о том, какой аудитории адресован текст. В этом плане статьи Д. Быкова дают разнообразный материал, поскольку аллюзивность проявляется во множестве деталей, прямых и косвенных отсылок, апелляций к читательской памяти и жизненному опыту. Мы не ставим своей целью обнаружить и проанализировать все элементы прецедентности, обратимся к основным приемам, совокупность которых позволяет автору создать совершенно уникальный текст, рассчитанный на разноуровневую аудиторию.

С одной стороны, Д. Быков апеллирует к кинематографу как наиболее массовому и демократичному виду искусства с многомиллионной аудиторией, а с другой – привлекает читателя, свободно ориентирующегося в мировой классической

литературе, то есть образованного, способного выстраивать сложные ассоциативные связи и усматривать аналогии между классическим текстом и происходящими событиями.

Подобная многослойность способствует смысловой и эмоциональной насыщенности текста, расширению его игрового пространства. Читатель оказывается вовлеченным сразу в несколько реальностей – от самых массовых и «обиходных» до интеллектуальных, требующих мыслительных усилий. У разных ассоциативных рядов разные задачи. Смысл одних – ироническая интерпретация происходящего. Таковым в тексте Д. Быкова становится обращение к фильмам о Джеймсе Бонде и к «Титанику». В довольно протяженной во времени «бондиане» из фильма в фильм неизменной остается форма представления героя собеседнику: «Бонд. Джеймс Бонд». Именно эту фразу и использует публицист: «Конспирологи, которым везде мерещатся коварные англосаксы с их суперпрофессиональной разведкой, давно поняли, что Скрипалей отравил Бонд. Джеймс Бонд…» [4]. Упоминание формулы самоименования киногероя выражает ироничное отношение публициста к данной интерпретации произошедшего: он не верит в её правдивость и достоверность. Поэтому и использует образ киношного шпиона, не имеющий ничего общего с реальностью.

Другой кинообраз – тонущий «Титаник»: «И её (М. Симоньян. – *Е. Б., И. И.*) чутьё подсказывает, что с этого «Титаника» пора прыгать, потому что другого способа дистанцироваться от него в открытом океане нет» [Там же]. «Титаник», в понимании Быкова, нынешний политический строй в России. Трагедия корабля, растиражированная современной массовой культурой, в любом контексте воспринимается как нечто неотвратимое и тотальное: если это «Титаник», то нужно спешить спасаться, или утонешь вместе с ним.

Есть в тексте пример и более сложного и опосредованного использования приема интертекстуальности, отсылающий читателя к кинематографу. В названии фильма «Москва слезам не верит» прецедентность, что называется, лежит на поверхности и много раз обыгрывается и в репликах героев, и в сопровождающей действие песне, и в стилистике видеоряда. Известная поговорка, использованная создателями фильма в качестве заглавия, трансформируется в судьбах главных героинь и обретает новый смысл. Используя данную фразу в тексте статьи, Д. Быков актуализирует сразу все смыслы, известные читателю, – и изначальный, и «кинематографический»: «Москва слезам не верит, а наглых и дерзких любит, она за их счет подпитывается свежей кровью, потом высасывает и выбрасывает…» [Там же]. Таким образом, обращаясь к общеизвестным образам, Д. Быков актуализирует в памяти читателя пережитые когда-то эмоции, но придает им новый смысл: «Речевое воздействие и собственно информирование вступают в диалог, результатом которого становится совокупный смысл сообщения» [18].

В данной статье прецедентными становятся и отсылки к тексту самого интервью М. Симоньян, вызвавшего множество споров и комментариев. Один из его участников в ответе на вопрос о цели приезда в Солсбери сказал о желании посмотреть на знаменитый собор, назвав его не Солсберийским, что соответствует правилам, а Солсберецким. Именно на эту неправильность обратили внимание многочисленные интернет-критики, и её же обыгрывает автор: «…несут какую-то чушь о двух подряд поездках в Солсбери на предмет любования Солсберецким собором– короче, были они отравителями или нет <…> но прикрытие их никуда не годится» [4]. Слово «солсберецкий» становится своеобразным кодом, подающим читателю

сигнал: автор присоединяется к той аудитории, которая уже обратила внимание на эту деталь и иронически охарактеризовала её.

Но не будем забывать, что главной темой статьи является не интервью с возможными отравителями, не вопрос о том, участвовали его герои в отравлении или нет, а личность интервьюера – М. Симоньян. Об этом автор говорит в самом начале текста. В раскрытии этой магистральной темы использованы другие, более сложные формы прецедентности. Дальнейшее развитие темы строится на обнаружении сложных ассоциативных связей с образом Эжена де Растиньяка – одного из героев «Человеческой комедии» Оноре де Бальзака и в частности его романа «Отец Горио». Основу ассоциативности публицист усматривает в общности типажа: «…у нас сейчас таких много» [Там же]. Рассуждая о данном типе личности, автор употребляет множественное число – *Растиньяки* или конструкцию «как всякий Растиньяк», придавая нарицательный характер имени собственному и подчеркивая общность литературного персонажа с героиней своей статьи и некоторыми другими медийными лицами сегодняшнего дня: провинциальное происхождение, готовность ради карьеры на компромиссы с политическим строем, целеустремленность и др. Постоянно напоминая читателю о перипетиях жизненного пути бальзаковского героя, публицист выстраивает диалогический контекст со своим героем: «Что вам делать, если вы, как всякий истинный Растиньяк, намерены сохранить лицо?» [Там же]. Это придает тексту полемичность, выражает желание автора оспорить жизненную позицию своего героя, доказать читателям, что эта позиция приведет к краху. Отметим, что стратегия Д. Быкова строится на убеждении в том, что читательская аудитория способна ориентироваться в игровом пространстве и оценить как вполне конкретные аналогии, так и тонкую иронию аллюзивных намеков.

Подведем итоги. Колумнистика – важная составляющая современной публицистики, выработавшая собственные приемы построения текста и привлечения внимания читательской аудитории. Колумнисты часто обращаются к прецедентности, используя её как одну из основных авторских стратегий при создании публицистического текста.

Список литературы

1. Богомолов Ю. Предчувствие гражданской войны: главные медийные битвы недели [Электронный ресурс] // Сноб. 4 декабря 2018 г. URL: https://snob.ru/entry/169087?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 21.01.2019).
2. Брызгалова Е. Н. Проблема интертекстуальности в современной массовой литературе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2012. № 4. С. 16–23.
3. Брызгалова Е. Н., Иванова И. Е. Роль прецедентных литературных феноменов в публицистике В.И. Новодворской (журнал «Новое время / The New Times») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 1. С. 156–162.
4. Быков Д. Правильный выбор Маргариты Симоньян [Электронный ресурс] // Сноб. 2018. 14 сентября. URL: https://snob.ru/entry/165712. (Дата обращения: 01.02.2019.)
5. Быков Д. Суверенное [Электронный ресурс] // Новая газета. № 140. 17 декабря 2018 г. URL: https://ru-bykov.livejournal.com/3667823.html (дата обращения: 15.01.2019).

6. Варламов И. Мы же не хотим, как в Париже?! [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. 12 декабря 2018 г. URL: https://echo.msk.ru/blog/varlamov_i/2332371-echo/ (дата обращения: 13.01.2019).
7. Гордеев Ю. А. Колумнистика в печатных и интернет-изданиях: жанровый аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 3. С. 136–139.
8. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1999. 152 с.
9. Давыдов И. Наш маленький Париж [Электронный ресурс] // Сноб. 14 декабря 2018 г. URL: https://snob.ru/entry/169640 (дата обращения: 15.01.2019).
10. Жаева Р. Р. Способы актуализации языковой игры в публицистическом дискурсе (на примере прецедентных текстов) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1 (49). С. 148–151.
11. Журавлева Е. А., Карпова Ж. Д. Прецедентные тексты начала XXI века. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2007. 255 с.
12. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс] // Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/59374 (дата обращения: 15.01.2019).
13. Карпенко С. М. Прецедентное имя как средство регулятивности в газетно-публицистических текстах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (191). С. 75–79.
14. Кошкин П. Г. Тенденции в колумнистике США на примере материалов «Нью-Йорк Таймс», посвященных Китаю и России (2008–2013 гг.) : автореф. дис. … канд. филол. н. : 10.01.10 / П. Г. Кошкин; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2016. 18 с.
15. Маевская А. Ю. Колумнистика в глянцевых журналах // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 9. 2011. Вып. 2. С. 273–282.
16. Нахимова Е. А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации : автореф. дис. … докт. филол. н. : 10.02.19 / Е. А. Нахимова ; Урал. фед. ун-т. Екатеринбург, 2011. 44 с.
17. Наумова Е. О. Особенности функционирования прецедентных текстов в современном публицистическом дискурсе : дис… канд. филол. н. : 10.02.01 / Е. О. Наумова ; Российский университет дружбы народов. М., 2004. 198 с.
18. Сметанина С. И. Медиатекст в системе культуры. Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века : дис. … докт. филол. н. : 10.01.10 / С. И. Сметанина ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2002. 378 с.
19. Федорова Л. Ю. Прецедентные феномены культуры в сознании современной студенческой молодежи: опыт социокультурного анализа : дис. … канд. социол. н. : 22.00.06 / Л. Ю. Федорова ; Южный федер. ун-т. Ростов н/Д. 2008. 211 с.
20. Черногрудова Е. П. Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике : автореф. дис. … канд. филол. н. : 10.02.01 / Е. П. Черногубова ; Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 2003. 22 с.
21. Ярцева С. С. Жанровые признаки колонки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 226–228.
22. Ярцева С. С. Колумнистика: история возникновения и перспективы развития : дис. … канд. филол. н. : 10.01.10 / С. С. Ярцева ; Воронежский гос ун-т. Воронеж, 2011. 177 с.

PRECEDENT AS AN AUTHOR'S STRATEGY (ON THE MATERIAL OF MODERN COLUMNISM)

E. N. Bryzgalova, I. E. Ivanova

Tver State University
Department of Journalism, Advertising and Public Relations

The article discusses the problems of modern columnism. This is an actively developing and popular section of journalism. The authors consider the use of precedency as one of the author's strategies, and give examples of strategic decisions in journalistic texts. The analysis of several articles from columns in the media is presented.
Keywords: *journalism, columnism, text, readership, journalistic product.*

Об авторах:

БРЫЗГАЛОВА Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: bryzgalovaelena@gmail.com.

ИВАНОВА Ирина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: ivvairina@mail.ru.

About the authors:

BRYZGALOVA Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: bryzgalovaelena@gmail.com.

IVANOVA Irina Evgenjevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: ivvairina@mail.ru.

УДК 070:327

ГЛОБАЛЬНЫЙ МЕДИАДИСКУРС О БРЕКЗИТЕ

А. Б. Бушев

Тверской государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

Работа посвящена политическому дискурсу, связанному с выходом Великобритании из ЕС – Брекзитом. Материалом послужили тексты глобальных масс-медиа. Методом дискурсивного анализа проведена компрессия текстового материала дискурса. Выявлены наиболее характерные концепты, метафоры, частотные клише, оценки. Выделены рамка языкового оформления, рамка невербальной коммуникации, рамка аргументации и рамка ключевых коммуникаторов дискурса.
Ключевые слова: *Брекзит, политический дискурс, язык, коммуникация, рамки анализа дискурса.*

I. Введение. Проблема, материал и метод

В центре настоящей работы – языковые и риторические особенности дискурса о выходе Британии из Евросоюза. Как обсуждается Брекзит в масс-медиа, в политическом дискурсе в целом, что непосредственно влияет на представления граждан о политике?

Материалом данной статьи выступили масс-медийные тексты глобального медиадискурса (преимущественно Би-Би-Си, англоязычных качественных консервативных и либеральных газет) ([10] и др.). При этом основаниями для объединения всех источников является их глобализация в медийной информосфере, характеризующаяся ее цифровым этапом, интерактивностью, трансграничностью и конвергентностью контента и принципиально новыми фигурантами, задачами, средствами коммуникации.

Применяется **метод дискурсивного анализа материала** (подробнее о методе см.: [2; 4; 8; 9]). Контент-анализ, проведенный нами на предварительном этапе исследования, выявляет стереотипные высказывания в мировом новостном дискурсе, позволяет говорить об ограниченности репертуара этих сообщений и компрессировать семантику текста до ключевых концептов. Далее мы опираемся на разработанную нами и многократно примененную концепцию рамок анализа политического дискурса [1; 3; 5].

II. Обсуждение материала

А. Рамка языковых конституентов дискурса и концептуальной системы

1. Дискурс представляет собой пространство реализации концептов. Показательно выделение концептов политического дискурса, идущее от классической работы М. В. Ильина «Слова и смыслы» [7]. В качестве ключевых, рекуррентно повторяемых во всех текстах СМИ, фигурируют эти слова и стоящие за ними концепты: *«выход без сделки» (no deal), «свободная торговля» (free trade), «граница» (border), «гражданство» (citizenship), «бюджет» (budget), «голосование» (vote), «переговоры» (negotiations), «противоречия» (deep division).*

Европейская идея, лежащая в основании присоединения Британии к зоне ЕС [3], сегодня, как известно, подвергается эрозии. Есть мнение, что лишь в Британии мы не видим сегодня активизации правых и популистов (как во Франции, Германии, Голландии, Испании, Италии), потому что Британия выходит из Евросоюза. Плюс к этому характерное для Британии постоянное желание контроля своей территории и своего бюджета. Недовольство нелегальной миграцией не проявляется явно, так как она сдерживается в островном государстве (постоянны сообщения о лагере мигрантов из Кале). Роль играет еще и то, что для Британии характерен реальный мультикультурализм: подданные королевы могут принадлежать к любой из многих живущих на Британских островах культур и исповедовать любую религию.

2. Дискурс – феномен, подвергающийся метафоризации. Метафоризации – явные и затертые – присущи политическому дискурсу повсеместно. В качестве явной и стертой метафоризации Брекзита в масс-медийном дискурсе последнего года отметим метафору беспорядка, разрушения (*Brexit crunch, Brexit turmoil*, *crash out of the deal*), метафору разделения лакомого пирога (*to cherry-pick the best pieces of European pie)*. Постоянными также являются метафоры развода (*to reap the benefits of the divorce bill*), катастрофы *(disaster*), борьбы *(arm-twisting behind the scene*), сражения и восстания (*pro-Europen rebellion*, *marked the milestone, defended her blueprint*). Показательной также является метафора твердой границы (*hard border in Ireland).*

3. Дискурс – пространство номинаций, в том числе эвфемистических. Эвфемизация в языке давно и справедливо рассматривается как одна из тактик беспристрастности, политкорректности, камуфлирования неприятных явлений со всеми вытекающими для дискурса, изобилующего эвфемизмами, выводами. Оценим, например, возможную подготовку к выходу Британии без сделки как *contingency planning for no-Brexit*, отметив явную милитаризованность эвфемизма.

4. Дискурс – пространство оценок. Пристрастны партийные оценки *(divided country, divided parliament, divided party*) и надпартийные оценки. Обратим внимание на множество оценок, выраженных экспрессивными эпитетами (*an embarrassing defeat, a critical week for the UK, desperate bid to make a deal, Brexit crunch time*).

Отметим также, что социально-оценочная окраска концептуальной лексики «заряжает» весь текст, и в ее контексте многие нейтральные слова могут приобретать окраску (ср. [10]). Показателен в медийном дискурсе феномен, названный нами семантической иррадиацией: присутствие хотя бы одного эмоционального слова придает эмоциональность всему высказыванию.

5. Дискурс – пространство запоминающихся афоризмов, сентенций, слоганов и т. д. В этом проявляется интертекстуальная или логоэпистемная компетенция. *Brexit is Brexit, but we need free trade. Is this the Brexit we voted for? Another day – another Brexit story. Why haven't we left yet? Any deal is better than no deal. No deal is better than a bad deal.* Обратим внимание и на призывы кампании ко второму референдуму.

Б. Рамка невербальных знаков и креолизованной коммуникации выявляет, например, наиболее характерные политические карикатуры, иллюстрации (премьер, лидер теневого кабинета, представители северо-ирландских унионистов и т. д.), политические плакаты, мемы и т. д., что чрезвычайно интересно для политического дискурса в целом и для исследуемого дискурса в частности.

В. Рамка дискурсивных знаков – аргументации

Дискурс – пространство реализации аргументации. Это стратегический уровень. Аргументация сводится к утверждению воли народа (*The people voted for Brexit*), к значимости выхода из Евросоюза для будущего Британии (возможность контролировать свои финансы и свои границы), к экономическим выгодам сделки (*it's important for trade, for manufacturers, to continue frictionless trade*), к поддержке со стороны бизнес-элиты (*to garner the support of business leaders*), к тактическим выгодам в сложившейся ситуации (*it's the best we can get, these are giant companies' opportunities*). Выход же из Евросоюза без договора разорвет хозяйственные связи – цепочки поставщиков (*will disrupt the supply chains*). Выход из Евросоюза нарушит планы отпусков англичан на континенте, вызовет изменения тарифов мобильной связи, паспортов, водительских прав. В пять раз возросло количество обращающихся за ирландским гражданством, что позволяет сохранить свободу передвижения, перемещения товаров, услуг, рабочей силы, что составляет одну из ключевых европейских ценностей единого рынка (*single market matters immensely*). Понимание аргументации формируется в публичном дискурсе, где все могут представить даже самую парадоксальную точку зрения. Ведь рецепта, руководства для покидания ЕС нет (*There is no manual*).

Скажем, все стратегии политиков некоторые авторы сводят к трем: стратегии кооперировать, соперничать и самопрезентироваться. В данном случае есть сторонники, есть противники, есть компромиссные идеи, позволяющие кооперировать с европейской бюрократией. Количество стратегий и их номинация произвольны: при желании могут быть выделены, например, и стратегии конструирования образа врага, и стратегия делегитимизации (разрушения образа оппонента) и стратегия амальгамирования («мы-дискурс»).

В основе стратегий политического дискурса лежит явление оценочности. Весьма распространенным является в политическом дискурсе навешивание ярлыков, для которых характерна идеологизированность, субъективность и предубежденность (например: *Johnsonian audacity*). Оценочность выводит к исследованию идеологем. Ведь сама задача политического дискурса – это не констатация положение дел, а внушение массам оценки, основы для изменения убеждений и действий, это работа с массовым сознанием [6].

Г. Рамка ключевых коммуникаторов

Сторонники и противники дискурса выхода из Евросоюза в данном случае ясны. Их номинации являются новыми и для английского языка, и для британской политической культуры (*Brexiteers and the Remain side*).

Политический дискурс содержит позиции различных акторов политической жизни. На рынке публичной политики они предлагают свои программы. Часто политические силы представляют из себя вовсе не то, как они себя рисуют. Дискурс приводит к политической борьбе, где выборы – лучшая машина для прихода во власть, а политическая партия – лучшая машина для выборов. Вот почему дискурс о Брекзите напрямую связан с обсуждением премьерства и лидерства Терезы Мэй (*May to quit, snap election*).

Еще одним из участников такого дискурса впервые является читатель (просьюмер) новостей. На сайте Би-Би-Си находится много присланных просьюмерами сообщений, например:

Comment number 1706. Posted by Monto Blonko

Out of touch, deluded, selfish, outsmarted, egotists, under performers – what could I be describing?Manchester United? [10]

Демонстрация реального читателя через комменты к текстам дает возможность через вербальное поведение, через речевой портрет реального читателя судить о состоянии аудитории. Стираются различия между потребителями информации и ее авторами.

Источники социальной власти в нашем мире – насилие и дискурс, принуждение и убеждение, политическое доминирование и культурное фреймирование – не претерпели фундаментальных изменений в ходе последнего исторического опыта человечества. Но область воздействия отношений власти конструируется сегодня вокруг сетей.

III. Выводы

Общественная дискуссия в публичном пространстве глобальных СМИ иллюстрирует весь спектр точек зрения. Многочисленные тексты могут быть компрессированы до ключевых концептов. Применяемые рамки анализа позволяют говорить о языковых, дискурсивно-аргументативных, неязыковых и коммуникативных особенностях политического дискурса.

Список литературы

1. Бушев А. Б. Парадоксы воспитания: медийное освещение волнений в Великобритании в августе 2011 года // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: стратегии развития языка, литературы, культуры в системе гуманитарного знания. Абакан : Хакасский гос. ун-т, 2011. С. 56–60.
2. Бушев А. Б. Перспективы дискурсивных медиаисследований // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. С. 165–176.
3. Бушев А. Б. Медиаисследования дискурса европейской идентичности // Общество и этнополитика. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2013. С. 196–205.
4. Бушев А. Б. Дискурс глобальных медиа: оптика исследования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 1. С. 187–195.
5. Бушев А. Б., Стерлинг Е. А. Популярность британских правых: партия независимости Великобритании // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. Белгород: ИД «Белгород», 2016. С. 272–288.
6. Володина М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М. : Московский гос. ун-т, 2003. С. 6–24.
7. Ильин М. В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. М. : Рос. полит. энциклопедия, 1997. 430 с.
8. Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследования. М. : Либроком, 2014. 354 с.
9. Щербинина Ю. В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. М. : Флинта ; Наука, 2012. 224 с.
10. Материалы сайта Би-Би-Си – специальные страницы о Брекзите [Электронные ресурсы]. URL: https://www.bbc.com/news/politics/uk_leaves_the_eu; https://www.bbc.com/news/uk-politics-32810887; https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-politics-44615404 (дата обращения: 20.10.2018).

BREXIT DISCOURSE IN GLOBAL MEDIA

A. B. Boushev

Tver State University
Department of Journalism, Advertising and Public Relations

The paper deals with the political discourse devoted to Britain's leaving European Union – Brexit. The material under study is the texts of global media. Employing the method of discourse analysis the author performs the compression of textual contents of discourse. The paper discusses the characteristic concepts, metaphors, clichés, assessments. The framework of linguistic constituents, the framework of non-verbal communication, the framework of argumentation and the framework of key communicators are singled out.
Keywords*: Brexit, language, communication, political discourse, the frameworks of discourse analysis.*

Об авторе:

БУШЕВ Александр Борисович – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: alex.bouchev@list.ru.

About the author:

BOUSHEV Aleksandr Borisovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: alex.bouchev@list.ru.

УДК 070:004.738.2

СОВРЕМЕННЫЙ ВИДЕОБЛОГ: ПРИЧИНЫ ПОПУЛЯРНОСТИ И ЖАНРОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ

М. Б. Бычкова

Тверской государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В статье выявляются причины популярности видеоблога среди потребителей разных возрастных групп. Перечисляются наиболее распространенные на данный момент жанры видеоблога.
Ключевые слова: *видеоблог, видеоблогер, подписчики, аудитория, канал, интернет, жанр видеоблога.*

Усовершенствование интернет-технологий и всё возрастающая доступность поиска информации через сеть Интернет привели к тому, что видеоблоги как способ получения информации стали широко востребованы у населения. Так, например, почти 50 % пользователей ищут видео о товаре или услуге перед покупкой. Обзоры и сравнения товаров являются крайне популярными на *Youtube.com*. Естественно, спрос на подобный формат получения сведений не возник бы без огромного потока ежедневно возникающих новых видео обо всем на свете. Причины популярности видеоблогов как у потребителей, так и у авторов блогов, в общем очевидны.

Из опроса, проведенного Фондом общественного мнения в январе 2019 года, следует, что 63 % россиян в той или иной мере не доверяют информации, поставляемой телевидением. За более достоверной информацией, по мнению потребителей, они идут на просторы сети Интернет [1; 3], где встречаются с видеоблогом как максимально удобным форматом получения информации. Автор видеоблога ярко, выразительно, красочно презентует свою информацию, дополняя ее картинками и звуковыми эффектами. Потребителю остается лишь внимать, затрачивая при этом минимум энергии. Более того, потребитель не привязан к определенному месту и времени для получения нужной ему информации. Современные гаджеты позволяют человеку быть в курсе событий в любое время и в любой точке с доступом в Интернет. Эти обстоятельства обусловливают тот факт, что почти все современные печатные издания имеют свои интернет-версии, а многие вообще уже отказались от бумажных носителей и выпускаются только в сети Интернет.

На просторах Сети разворачиваются соревнования среди блогеров за количество подписчиков (людей, которые на постоянной основе получают свежую информацию от данного видеоблогера) и за количество просмотров видео. А для того, чтобы это количество постоянно увеличивалось, блогеры вынуждены усовершенствовать свои продукты: использовать более современную технику для съемки, проводить съемку в экзотических местах, использовать различные редакторы для обработки видео и т. д. И конечно же, тематика. Она должна быть интересной, острой, актуальной, злободневной или, наоборот, радостной и жизнеутверждающей.

Начало роста популярности видеоблогов приходится на 2005 год, когда был запущен сервис *Youtube.com*. На данный момент в России и в мире насчитываются миллионы видеоблогов на различные темы, с различной аудиторией.

Сотрудничество известных видеоблогеров с брендами мирового уровня (Эльдар Джарахов и *Samsung*, Стас Давыдов и *Nestle*, Кристина Базан и *L'Oréal*, Юрий Дудь и «Альфа Банк» и т. д) – это прямое свидетельство того, что на сегодняшний день видеоблогеры оказывают огромное влияние на потребительскую аудиторию. На данный момент они заменили для многих людей (в особенности для молодого поколения) звезд телевидения и кино.

На популярность видеоблогов оказывают влияние и технические возможности площадки *YouTube*, которая является самой крупной площадкой для ведения видеоблогов на сегодняшний день. «Ресурс имеет широкий функционал, что делает эту площадку популярной и для простого зрителя, и для видеоблогера. Видеоблогер может добавлять к своим видео субтитры, комментарии, ссылки на сторонние ресурсы, в то время как зритель – оставлять комментарии к видео. Таким образом, процесс ведения видеоблога становится интерактивным. Важен и тот факт, что *YouTube* позволяет удобно копировать ссылки на видео и экспортировать их на другие ресурсы – это даёт возможность подписчикам делиться понравившимся видео, что только увеличивает охват аудитории видеоблогера» [6].

Анализ российского сегмента *Youtube* дал возможность понять, какие самые популярные каналы, в каких жанрах и с какой тематикой стали наиболее привлекательны для аудитории в 2018 году.

По числу подписиков, числу видео, размещенных на канале, и числу просмотров видео лидирует канал “Get Movies”, второе место занимает канал «Маша и Медведь»:

	Название канала	Кол-во подписчиков (ед.)	Кол-во просмотров видео (ед.)	Кол-во видео (ед.)
1.	Get Movies	18,1 млн	16,3 млрд	2 658
2.	Маша и Медведь	14,8 млн	15,5 млрд	548
3.	EeOneGuy	13 млн	3 млрд	315
4.	SlivkiShow	10,6 млн	1,7 млрд	232
5.	Vlad CrazyShow	9,4 млн	3 млрд	222
6.	AdamThomasMoran	9,3 млн	1,9 млрд	469
7.	Like Nastya	9 млн	2,2 млрд	211
8.	Miss Katy	7,6 млн	4,8 млрд	575
9.	TheBrainDit	7,4 млн	2,5 млрд	5 821
10.	FROST	7,2 млн	2,8 млрд	1 328

В представленной таблице приведены первые десять по популярности в России каналов с указанием числа подписчиков, общего количества просмотров всех видео на канале и количества выпущенных видеороликов.

Результаты анализа показывают, что для получения большого количества просмотров совершенно необязательно набирать рекордное количество подписчиков (тем не менее их количество все еще считается одним из важнейших критериев). Большое число просмотров достигается благодаря одному из преимуществ видеоблога: зритель видеоблога имеет возможность не только выбрать тематику передачи, но также время и место, наиболее удобные конкретному человеку для просмотра. На практике это означает, что понравившееся видео потребитель пере-

сматривает снова и снова, увеличивая тем самым число просмотров. С традиционными СМИ такого произойти не может.

Что касается тематического разнообразия, то самым популярным разделом оказались развлечения. Велика доля и научно-популярных, и познавательных шоу. Музыкальных каналов было не так много, а вот каналов с контентом *DIY* (англ. *Do It Yourself* – «Сделай сам») набралось достаточно. Были каналы, которые ведут профессиональные журналисты. И, конечно же, каналы, производящие контент для детей, занимающие лидирующие позиции среди всех каналов.

В борьбе за первенство по охвату аудитории (количеству просмотров и подписчиков) видеоблогеры активно вступают в интерактивное общение с аудиторией, предоставляя последней самой выбрать, например, тематику следующего видео. Позволяют комментировать увиденное, делая записи в поле ниже под видео. В режиме реального времени отвечают на вопросы подписчиков, оставленных в комментариях. Функции «лайк» и «дизлайк» дают зрителям возможность выразить свое отношение к увиденному.

Все это делает процесс получения информации для аудитории интересным и необременительным, наоборот, создаются условия, при которых не только блогер самовыражается, но и позволяет самовыразиться потребеителю.

Особо нужно отметить видеоблоги, ориентированные на детскую аудиторию. В приведенном выше рейтинге видно, что как минимум три канала из десяти – это детские каналы (“Get Movies”, «Маша и Медведь», “Like Nastya”). Причина популярности видеоблогов у детей очевидна. Не секрет, что пользоваться гаджетами современные дети начинают уже в младенчестве. Не умея читать и писать, не имея представления о мироустройстве, дети познают мир через Интернет, через видеоблоги в частности. Мультяшные персонажи, дети-ровесники и их родители разыгрывают увлекательные истории, посещают интересные места, распаковывают новые игрушки и т. д. Чтобы получить новые знания, ребенку достаточно всего лишь нажать пару кнопок. Эти знания подаются в веселой, красочной форме, что притягивает юного зрителя еще больше.

Образно говоря, с малышом, не умеющим читать и стоящем только на пороге большого мира, можно сравнить любого потребителя видеоблогов. Взрослые и дети одинаково интересуются новыми «игрушками», наблюдают за путешествиями героев блогов, учатся мастерить, ремонтировать или готовить и т. д.

Яркая визуальная информация с минимумом энергетических затрат поступает напрямую в мозг реципиента. Максимально эффективно помогает это сделать особая жанровая система, сформировавшаяся на данный момент в видеоблогинге. Не только сам формат (структура) жанров видеоблога родились в Интернете, но и названия им были даны самими же блогерами. Более того, зачастую, презентуя себя в том или ином формате, видеоблогер сам определяет его. Это упрощает восприятие блога зрителем, то есть настраивает на определенную форму подачи материала, дает характеристику творчества автора блога (например, бьюти-блогер), с одной стороны. С другой стороны, облегчает для потребителя поиск нужного видео.

На сегодняшний момент самыми используемыми блогерами жанрами оказались следующие [5; 7]:

– Бьюти-блог (англ. *Beauty Blog* – «Блог о красоте») – съёмка видео, в котором видеоблогер рассказывает или обучает девушек правильному уходу за внешностью.

- Скетчшоу (англ. *Sketch Show* – «Показ зарисовок») – съёмка комедийных скетчей.
- Топ (англ. *Top* – «Верх») – склейка видео- и/или фотослайдов на определённую или разную тематику. Представляет собой список наиболее популярных фактов – по мнению зрителей или автора.
- Лайфхак – необычные советы для повседневной жизни.
- Обзор – обзор новостей, фильмов, игр и т. д. Чаще всего представляет собой комментирование блогерами новостей или новинок в индустрии кино, игр и т. д.
- Пранк (англ. *Prank* – «Шалость») – розыгрыш.
- Вызов – выполнение заданий от подписчиков. Также существует поджанр «челлендж», в котором видеоблогеры передают друг другу задания.
- Сравнение – сравнение двух предметов или событий.
- Хейтинг (англ. *Hating* – «Ненависть») – критика видеоблогеров. В этом жанре видеоблогеры критикуют творчество других видеоблогеров.
- Новости – обзор новостей о кино, играх, политике, других видеоблогерах и т. д.
- Эмигрантский блог – блог о жизни в разных странах, городах, местностях. Снимается блогерами, переехавшими в новую местность недавно.
- Образ жизни (англ. *Lifestyle*) – жанр, в котором видеоблогер снимает свою жизнь на камеру и публикует в Интернет: куда идёт, что надевает, что ест и т. д.
- Сталк (англ. *Stalker* – человек, обладающий знанием территорий или сооружений, по каким-либо причинам являющихся малоизвестными или запретными) – проникновение на режимные или заброшенные промышленные или военные объекты.
- Летсплей (англ. *Let's Play* – «давай поиграем») [4] – жанр видеоблога, в котором игроки в компьютерные игры записывают и выкладывают в Интернет свой игровой процесс.
- Стрим (англ. *stream* – букв. «поток») – публичная онлайн-трансляция потокового видео и аудио через интернет. Аналог стрима на телевидении – прямой эфир. Чаще всего стримы проводятся с помощью таких сервисов как *Twitch* и *YouTube Live*.

Очень популярен, особенно у детской аудитории, жанр обзора в его вариации – «распаковка» (распаковка новых товаров).

В жанровом отношении видеоблог многообразен. Это позволяет каждому видеоблогеру найти свою аудиторию, которая из случайной и временной стремится стать постоянной, формируясь из так называемых подписчиков. В этом случае видеоблогер становится лидером: он высказывает свое мнение, дает советы. Блогер наделяется большой силой воздействия на свою аудиторию, он становится авторитетом в своей области, а это, в свою очередь, требует большой ответственности с точки зрения этики и морали.

Разнообразие жанров и очевидные преимущества перед классическими СМИ делают видеоблог крайне популярным у реципиентов всех возрастов. Видеоблогеры становятся примером для подражания для своей аудитории. Эти факторы делают интернет-пространство еще более мощным орудием воздействия на процесс формировании мировоззрения в целом у потребителя.

Список литературы

1. Болецкая К. Крупнейшие российские каналы теряют зрителей [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/01/22/625025-krupneishie-kanali-teryayut (дата обращения: 20.03.2018).
2. Ипатьева В. А. Видеоблог и традиционное телевидение: особенности функционирования [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2018. № 25. URL: https://moluch.ru/archive/211/51787/ (дата обращения: 13.02.2019).
3. Источники новостей и доверие СМИ. Интернет как источник информации: практики и доверие [Электронный ресурс] // Здрав.ФОМ. URL: https://fom.ru/SMI-i-internet/14170 (дата обращения: 12.02.2019).
4. Летсплейщики [Электронный ресурс] // FANDOM. URL: http://ru.rutube.wikia.com/wiki/Категория:Летсплейщики (дата обращения: 13.02.2019).
5. Список жанров в видеоблогинге [Электронный ресурс] // Новомосковское благочиние Тульской епархии. URL: https://novoeblago.ru/raznoe/kakie-est-videoblogery.html (дата обращения: 13.02.2019).
6. Столяров А. И. Современный видеоблогинг: причины популярности [Электронный ресурс] // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки. № 12 (60). URL: https://sibac.info/archive/guman/12(60).pdf (дата обращения: 10.02.2019).
7. Текутьева И. А. Жанрово-тематическая классификация видеоблогинга // Медиасреда. 2016. № 11. С. 107–113.

MODERN VIDEO BLOG: THE REASONS OF ITS POPULARITY AND GENRE MULTIPLICITY

M. B. Bychkova

Tver State University
Department of Journalism, Advertising and Public Relations

The article reveals the reasons for the popularity of the video blog among consumers belonging to different age groups. The most popular at present genres of the video blog are listed.

Key words: *video blog, video blogger, subscribers, audience, channel, Internet, video blog genre.*

Об авторе:

БЫЧКОВА Мария Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: marby@yandex.ru.

About the autor:

BYCHKOVA Mariya Borisovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Zheluabov str., 33), e-mail: marby@yandex.ru.

УДК 070:314.96

ГОСУДАРСТВА СОВРЕМЕННОГО МИРА: ГЕНДЕРНЫЙ СТАТУС (на примере представления глобальных рейтингов в массовой коммуникации)

О. Г. Овчарова

Российская государственная специализированная академия искусств
кафедра гуманитарных дисциплин

Исследуется гендерный статус современных государств на основе анализа представления глобальных рейтингов (*IPU, GGG, GII*) в массовой коммуникации. Выявляется вероятность необъективной оценки гендерного статуса государства в массмедиа, при условии, что представленная информация не учитывает влияние социального и политического контекста на формальные цифры рейтингов.
Ключевые слова: *гендерный статус государства, глобальные рейтинги, массовые коммуникации.*

В современном мире соблюдение государствами принципов гендерного равенства свидетельствует о равноправии мужчин и женщин и, следовательно, указывает на уровень цивилизованности и демократизации страны. Иными словами, решение вопросов гендерного равенства влияет на позиционирование страны в мире посредством определения гендерного статуса государства – социального, экономического, политического положения женщин как социальной группы, зависящего от системы властных, культурных, экономических отношений, существующих в государстве.

Поскольку в настоящее время гендерный статус государства определяется не столько идеями гендерного равенства (пока это еще вопрос времени), сколько характеристиками гендерной асимметрии, определим методологическое значение этих понятий и перейдем к изучению непосредственно гендерного статуса современных государств через их представление в массовой коммуникации.

Гендерное равенство – это достижение равных прав и возможностей их реализации для мужчин и женщин в различных социальных сферах, а также равная общественная оценка этой реализации. Тем не менее современные общества больше гендерно асимметричны. Гендерная асимметрия – характеристика неравенства социально-политических позиций и статусов мужчин и женщин в различных сферах общества. Это неравномерное количество мужчин и женщин в политике и разница институциональных возможностей, способствующих их продвижению в сферу принятия решений. Это неравенство в экономической сфере, выражающееся в блокировке доступа женщин к более высокооплачиваемым работам в государственном и коммерческом секторах экономики и в более низкой оплате труда. Во многих странах женщины получают менее качественное образование, а домашний труд женщины, рождение и воспитание детей оцениваются менее значимо, нежели труд мужчины в сфере общественной. И именно этот исторически сложившийся формат гендерных отношений («мужское – женское / общественное – частное / доминирование – подчинение»), воспроизводящийся посредством исторической памяти об-

щества, и является причиной гендерной асимметрии в современных государствах [10, с. 244–247], что и заставляет определять их гендерный статус.

Довольно отчетливо гендерный статус государств демонстрируют глобальные рейтинги. «Глобальные рейтинги как инструмент анализа, прогноза и поддержки принятия управленческих решений являются сравнительно новым феноменом, имеющим всего лишь столетнюю родословную, хотя сравнение стран друг с другом всегда лежало в основе и сотрудничества, и соперничества, и войн, и мира. Усложнение всех аспектов жизни современного общества, лавинообразное увеличение информационных потоков и интенсивности коммуникаций создали мощный спрос на рейтинги фирм, продуктов и услуг, финансовых инструментов, регионов, стран и т. п.…» [13]. Таким образом, в настоящее время позиция государства в мировых рейтингах – серьезный и важный политический барометр. Рейтинг государства по тому или иному показателю влияет на его репутацию, обеспечивает представление о потенциале развития страны в целом и определенной проблеме в этой стране, способствует самоидентификации [4, с. 4–5]. «Достижение относительно благоприятной позиции страны <…> в мировой “табели о рангах” все чаще становится важной задачей государственной политики…» [13].

Повышает необходимость достойного представления государств в глобальных рейтингах и факт их распространения в средствах массовой коммуникации, а следовательно, влияние на массовое восприятие и сознание, на формирование общественного мнения о статусе государства с позиции рейтингуемого аспекта.

Для понимания предмета нашего исследования – гендерного статуса государств современного мира – в настоящей статье будут проанализированы данные рейтингов международных организаций, которые характеризуются как надежные, а следовательно, имеют широкую медийную огласку и оценку.

Надежность рейтинговых показателей обусловливается стандартизированностью и прозрачностью методик составления, приводящих к проверенному временем объективному результату, а также частотой обращения со стороны заинтересованных лиц к данным этих рейтингов. Под «частотой обращения» понимается перманентное, целенаправленное использование данных в массмедиа как реперной точки измерения гендерного равенства / гендерной асимметрии.

Итак, обратимся к результатам рейтинга представленности женщин в парламентах мира Межпарламентского союза (*IPU*), индексу глобального гендерного разрыва (*GGG*) Всемирного экономического форума и индексу гендерного неравенства (*Gender Inequality Index – GII*), публикуемому Программой развития ООН. Временной период всех указанных рейтингов – 2018 год. Поскольку рейтинги составлены на основе фиксации количественных страновых показателей гендерного неравенства в разных социальных сферах, еще одной задачей работы будет изучение природы цифр, представленных в рейтингах.

Вначале рассмотрим результаты рейтингов Межпарламентского союза (*IPU*) – международной организации, координирующей действия парламентов мира и ежемесячно фиксирующей количество женщин в верхней и нижней палатах парламентов 191 страны. Показатели в политической сфере представляются значимыми для определения гендерного статуса государства, поскольку гендерная асимметрия политики говорит об отторжении женщин от возможности определять вектор политической, а следовательно, и всех остальных сфер развития общества – экономической, социальной и т. д.

Так как не во всех государствах парламент двухпалатный, обратимся к данным по количеству женщин в нижних палатах, что позволит унифицировать резуль-

таты. Также важно понимать, что иные рейтинги, анализируемые в настоящей работе, включают именно показатели Межпарламентского союза по представленности женщин в нижних палатах парламентов.

Итак, рейтинг Межпарламентского союза свидетельствует о том, что первые десять мест в мировой классификации представленности женщин в нижних палатах парламента государства на 1 декабря 2018 года занимают 9 африканских и латиноамериканских стран и 1 страны Северной Европы. Перечислим их: Руанда (61,3 %), Куба (53,2 %), Боливия (53,1 %), Мексика (48,2 %), Гренада (46,7 %), Намибия (46,2 %), Швеция (46,1 %), Никарагуа (45,7 %), Коста-Рика (45,6 %), ЮАР (42,7 %) [19]. Для сравнения приведем данные 13-летней давности, также представленные Межпарламентским союзом. Конфигурация стран-лидеров на 1 февраля 2016 года была следующей: Руанда (48,8 %), Швеция (45,3 %), Норвегия (37,9 %), Финляндия (37,5 %), Дания (36,9 %), Нидерланды (36,7 %), Куба (36 %), Испания (36 %), Коста-Рика (35,1 %), Аргентина (35 %), Мозамбик (34,8 %) [20].

Очевидно, что цифры демонстрируют положительную динамику по преодолению гендерной асимметрии в регионах, некогда бывших аутсайдерами по самым разным социально-политическим показателям, в том числе и по уровню равноправия полов. И эта же динамика показывает, как стремительно вытесняются с первых мест политической представленности женщины стран Северной Европы, и прежде всего скандинавские страны – страны-образцы последовательной и уверенной реализации политики гендерного равенства, проводившейся на почве культурно-исторических традиций приверженности граждан ценностям социального равноправия.

Однако могут ли приведенные цифры / количественные показатели гендерной асимметрии нивелировать социальные успехи скандинавских или же, к примеру, западноевропейских стран, также имеющих опыт строительства гендерно ориентированных государств? И, напротив, утверждать, что увеличение женщин в североафриканских и латиноамериканских парламентах выступит однозначным залогом влияния женщин на процессы развития в своих странах?

Проследим, как влияют показатели не только политики, но и экономики, а также иные факторы на оценку той или иной страны в международном масштабе. Обратимся к цифрам индекса глобального гендерного разрыва (*GGG*) по версии Всемирного экономического форума. ВЭФ формирует обозначенные показатели с 2006 г., ежегодно увеличивая количество стран, участвующих в рейтинге. В 2018 г. число стран, для которых рассчитывается индекс, увеличилось до 149. Индекс гендерного разрыва представляет собой «основу для измерения величины и объема гендерных различий и отслеживания их прогресса». Разрыв между мужчинами и женщинами рассматривается в четырех категориях, или субиндексах: 1) экономическое участие и возможности; 2) полученное образование; 3) здоровье и выживаемость; 4) политические права и возможности [18]. Индекс колеблется от нуля (что означает полное гендерное неравенство) до единицы (что означает полное гендерное равенство).

Согласно индексу, лидером в прошедшем году стала Исландия с общим показателем по всем субиндексам 0,858. Затем расположились Норвегия (0,835), Швеция (0, 822), Финляндия (0,821), Никарагуа (0,809). Шестое место занимает Руанда (0, 804), лидирующая в рейтинге Межпарламентского союза. Несмотря на 30-е место по субиндексу экономического участия (0,743), 109-е место (0,961) по образованию и 90-е место (0,973) по здоровью и выживаемости, вытягивает Руанду в лидирующую десятку 4-е место (0,539) в категории «политические права и возможности».

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении Никарагуа, попавшей на 5 место среди лидеров. Заметим, что Россия в 2018 году осталась, как и в предыдущие годы, на 75-й (0,701) строчке рейтинга. В РФ лучше всего ситуация с равенством в сфере образования – 28-е место (1), далее следуют здоровье (1 и 1-е место в рейтинге) и экономика (0,701) – 31-е место. Но гендерная асимметрия политики обеспечивает России падение в общем рейтинге: по субиндексу политических прав и возможностей наша страна находится на 123 месте (0,065) [17].

Конфигурация стран мира вне определяющего значения показателей политической представленности женщин, со всей вероятностью, будет выглядеть иным образом. Увидеть, каким, позволят цифры индекса гендерного неравенства (*Gender Inequality Index – GII*), публикуемые Программой развития ООН. Этот рейтинг рассматривает гендерное неравенство в трех основных областях: 1) репродуктивное здоровье; 2) расширение прав и возможностей; 3) экономическая активность. Также выделяются специальные категории: 1) коэффициент материнской смертности; 2) коэффициент подростковой рождаемости; 3) места в национальном парламенте; 4) процент населения, имеющего как минимум среднее образование (доля женщин и мужчин); 5) процент рабочей силы (доля женщин и мужчин) [15].

Согласно индексу гендерного неравенства-2018, страны с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала и гендерного равенства представлены (в первой десятке) Норвегией, Швейцарией, Австралией, Ирландией, Германией, Исландией, Гонконгом (Китай), Швецией, Сингапуром, Нидерландами. Российская Федерация занимает 49-е место и находится в зоне стран с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала и гендерного равенства. Никарагуа занимает 124-е место в группе стран со средним уровнем развития человеческого потенциала и гендерного равенства, Руанда – 158-е место и присутствует среди стран с низким уровнем развития человеческого потенциала и гендерного равенства [16].

Таким образом, на примере глобального гендерного разрыва и индекса гендерного неравенства становится очевидным косвенное влияние количественных показателей гендерной асимметрии в политике. При анализе формальных, констатирующих цифр необходимо учитывать причины и факторы, эти цифры обусловливающие. То есть мировые тенденции смещения первенства в политической представленности женщин от европейских стран к таким регионам, как Африка южнее Сахары и Латинская Америка, следует рассматривать сквозь призму причин, их формирующих.

Количественное увеличение женщин в парламентах ряда стран перечисленных выше регионов происходило посредством мер позитивной дискриминации. В 1990-е гг. в отдельных государствах Латинской Америки были приняты законы, регулирующие политическое участие женщин, а именно, введена система квот женского представительства на выборных должностях. Также в 1990-х гг., а именно в 1997 г., южноафриканские государства, входящие в Сообщество развития Юга Африки (САДК), приняли декларацию, в которой была поставлена цель установить в странах – членах этой организации представительство женщин на руководящих должностях на уровне 30 % [12, с. 42]. И в Латинской Америке, и в африканском регионе эти действия происходили согласно рекомендациям Комиссии ООН по улучшению положения женщин. Последнее, в свою очередь, способствовало развитию в этих странах демократических институтов, ранее отсутствовавших, а теперь формально приближающих страны второго и третьего регионов модернизации к странам «старой» демократии. Это отчетливо видно на примере Руанды – «земли

тысячи холмов», которая восстанавливается после последствий геноцида и пытается завоевать позитивную оценку со стороны мирового сообщества.

Очевидно, что за столь короткий период у женщин не было возможности накопить достаточный потенциал для эффективного управления. Кроме того, отмена квот (как показывает мировой опыт, такие процессы нельзя исключать) в состоянии разрушить весь гендерный баланс. К примеру, в постсоветской России после отмены квотирования представительство женщин резко упало [8, с. 59], и в настоящее время наша страна с 15,8 % женщин в Государственной Думе находится на 129 месте в рейтинге Межпарламентского союза. Подобные прецеденты были и в исследуемых нами регионах Африки и Латинской Америки [11, с. 74–75].

Также следует обратить внимание на тот факт, что, несмотря на процесс феминизации политики, в странах-лидерах количественных показателей гендерного равенства во власти продолжает развиваться процесс феминизации бедности. Исследователи предполагают, что социально ориентированные решения женщин-политиков в состоянии блокироваться в силу невозможности их экономической поддержки и нерентабельности. Так, даже в обладающей экономическим потенциалом ЮАР – страны-члена БРИКС – женщины составляют подавляющее большинство среди безработных и беднейших групп населения. Несмотря на 42,7 % представленности женщин в парламенте, «в экономике женщины занимают только 25 % должностных позиций (23 % – белые, 9 % – цветные, 5 % – индианки). Доля женщин, занимающих главные должности в профсоюзах, также очень низка [1, с. 573–574].

Какой же отклик находят представленные рейтинги в массовой коммуникации? Заметим, что результаты рейтингов после их оглашения на сайтах организаций, проводивших замеры, оперативно размещаются на ведущих новостных лентах в системе Интернет, в социальных сетях, оглашаются по телевидению, сопровождаясь, естественно, оценкой экспертов. Вот лишь ряд заголовков в популярных изданиях: «Гендерного равенства два века ждут» (*kommersant.ru*), «Гендерного равенства придется ждать еще дольше» (*bbc.com*), «Гендерное неравенство в мире увеличилось в 2017 году впервые за десятилетия» (*Interfax.ru*) т. д.

Демонстрируют медиа и интерпретации влиятельных персон. Так, перед открытием 60-й сессии Комиссии ООН по положению женщин, состоявшейся в марте 2016 года в Нью-Йорке, помощник Генерального секретаря по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин Пумзиле Мламбо–Нгкука заявила: «Ни одна страна в мире, даже из числа промышленно развитых, не достигла полного гендерного равенства. Это свидетельствует об универсальности проблем, с которыми мы сталкиваемся, продвигая равенство полов» [21]. В отчете по глобальному гендерному разрыву за 2018 г. говорится: «Наиболее трудными для преодоления гендерного равенства являются аспекты расширения экономических и политических прав, для закрытия которых потребуется 202 и 108 лет соответственно. Хотя разрыв в экономических возможностях несколько сократился в этом году, прогресс был медленным, особенно с точки зрения участия женщин на рынке труда, где гендерный разрыв несколько изменился» [14].

Массмедиа дают заключения и по конкретным странам, не всегда лицеприятные. К примеру, по *GGG*: «Россия в общем рейтинге рухнула с 49-го на 71-е место из-за существенной потери позиций в сфере экономики и образования. Тем не менее, в образовании страна имеет практически идеальные показатели равенства, как и в медицине. По медицинским показателям (смертность младенцев, продолжительность жизни женщин и мужчин) РФ занимает 1-е место в мире. Вместе с тем ситу-

ация по политическому критерию гендерного равенства в России удручает – страна занимает 121 место в мире из 144 возможных. Во многом это вызвано тем, что за последние 50 лет страной ни разу не правила женщина» [3].

Та же логика присутствует и в мнениях ученых, которые суммируют в своем творчестве основные тенденции и направления социальных процессов и феноменов, в том числе и результаты рейтингов. По словам Э. Гидденса: «Хотя роли, которые играют в различных культурах женщины и мужчины, могут существенным образом различаться, до сих пор не обнаружено такое общество, в котором женщины обладали бы большей властью, чем мужчины. Повсеместно первоочередной задачей, стоящей перед женщиной, является воспитание детей и ведение домашнего хозяйства, тогда как политическая и военная деятельность остается, как правило, прерогативой мужчины» [2, с. 125].

Вместе с тем, как уже говорилось, именно в сфере политики в настоящее время происходят трансформации показателей гендерной асимметрии. Лидерами выступают государства, ранее не являвшиеся гендерно ориентированными. Однако однозначно коррелировать количественные показатели изменения мировой конфигурации гендерной асимметрии политики с увеличением степени влияния женщин на политический процесс в своих регионах и возрастанием в них же демократизации, нельзя.

В данном контексте заметим, что некоторые рейтинги демократии включают в свои переменные такой показатель, как «доля женщин в нижней палате парламента страны». Р. Даль среди базовых параметров демократического правления выделяет «включенность». «И в прошлом, и сегодня режимы также различаются по тому, какая часть населения допущена к относительно равному участию в контроле и оспаривании действий правительства: так сказать, по степени участия в системе публичного оспаривания. Шкала, отражающая границы права на участие в публичном оспаривании, позволила бы нам сравнить различные режимы по такому признаку как включенность (*inclusiveness*)». При этом политолог заключает, что включенность будет тем больше, чем больше граждан будут обладать возможностью оспаривания. Прежде всего, к ним относятся женщины. «Одна из самых развитых систем публичного оспаривания в мире существует в Швейцарии. Вряд ли кто-то возьмется оспаривать тезис о том, что швейцарский политический режим является высокодемократическим. При этом женская половина населения страны еще не допущена к общенациональным выборам» [5, с. 9–10]. *Поясним: женщины Швейцарии получили избирательные права в 1971 г. Книга Р. Даля была написана до этого времени.*

Авторы проекта «Политический атлас современности» (проект нацелен «на создание многомерной типологии современных политических систем и политических режимов на основе разработки и применения комплексных количественных методов сравнительного анализа» [9, с. 7]), пишут: «Представительство женщин в нижней палате парламента тесно связано с участием женщин в политической жизни в целом <…> участие женщин в легислатурах необходимо для их адекватного функционирования. Такое участие отражает общественную структуру, что важно для оптимального демократического политического управления. Без вовлечения женщин в политическую деятельность вряд ли достижимы цели равенства, развития, демократии и мира» [7, с. 155, 157].

Вместе с тем в задачи массмедиа пояснения не входят, и страны третьего мира на равных соседствуют с развитыми странами: «Показатели ухудшились во

всех четырех основных областях: образование, здравоохранение и выживание, экономика и карьера, а также политические права. Особенное беспокойство экспертов вызывают последние две области, где наблюдался самый большой гендерный разрыв, но при этом и самый существенный прогресс за последние годы. Ни одной стране мира пока не удалось достичь полного равенства между полами. Ближе всего к этому подошла Исландия – ей удалось закрыть 88 % гендерного разрыва. За ней следуют Норвегия, Финляндия, Руанда и Швеция. В первую десятку вошли также Никарагуа, Словения, Ирландия, Новая Зеландия и Филиппины» [3].

Таким образом, неотрефлексированная информация в массмедиа не позволяют широкой аудитории понять, что составляющие развития и демократии весьма многочисленны. И демократические институты, в которые при помощи формальных норм встраиваются женщины стран Африки и Латинской Америки, пока только накапливают опыт своей работы, и новое политическое творчество будет определяться не только и не столько гендерной составляющей, а необходимой государству стратегией развития (разрабатываемой, однако, политическими лидерами-мужчинами). А отвлечение от «гендерного взгляда» на политику позволяет утверждать вслед за И. Крастевым, что демократические преимущества получают все же страны с исторически накопленным политическим опытом, страны «старой демократии», «политические лаборатории», где «рождались основные политические идеи, проводились наиболее значимые эксперименты» [6, с. 329]. В том числе и осмысленные, апробированные идеи феминизма и гендерного равенства, позволяющие надеяться на повышение гендерного статуса государств современного мира. Данные же рейтингов, представленные в массовой коммуникации, не всегда учитывающие влияние социального и политического контекста на сухие цифры, тем не менее выступают «мягкой силой», являясь при этом одним из факторов формирования субъективного общественного мнения и одним из критериев неверной оценки стабильности государства.

Список литературы

1. Баллаева Е. А. ЮАР: политика гендерного равенства // Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / под ред. О.А. Ворониной. М.: МАКС-Пресс, 2008. С. 572–578.
2. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал-УРСС, 1999. 704 с.
3. Гендерное неравенство в мире увеличилось в 2017 году впервые за десятилетия [Электронный ресурс] // Interfax. В мире. URL: https://www.interfax.ru/world/585826 (дата обращения 07.02.2019).
4. Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 ведущих стран мира. Доклад–2008 к обсуждению. М.: Междунар. Академия исследований будущего, 2008. 148 с.
5. Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 288 с.
6. Иван Крастев беседует с Ричардом Саквой «Становится все проблематичнее предсказать будущее демократии, глядя лишь в ее прошлое» // 22 идеи о том, как устроить мир: Беседы с выдающимися учеными. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 309–333.
7. Индекс институциональных основ демократии// Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО-Университет, 2007. 272 с.
8. Козлова Н. Н. Депутатский корпус Центрального федерального округа // Женщина в российском обществе. 2016. № 4. С. 58–71.

9. Мельвиль А. Ю. «Политический атлас современности»: замысел и общие теоретико-методологические контуры проекта // Политические исследования. 2006. № 5. С. 6–14.
10. Овчарова О. Г. Преодоление институциональных ограничений гендерного равенства: трансформация исторической памяти // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.: РАПН; РОССПЭН,2011. С. 244–260.
11. Овчарова О. Г. Гендерное измерение политики: изменение мировой конфигурации // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 2. С. 70–81.
12. Прокопенко Л. Я. Представительство женщин в органах власти (опыт стран южноафриканского региона) // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 40–50.
13. Рейтинги [Электронный ресурс] // Институт экономических стратегий Отделения общественных наук Российской академии наук (ИНЭС). URL: http://www.inesnet.ru/topic/ratings (дата обращения: 07.02.2019).
14. From stamping out stereotypes to finding your ‘spark’, here’s how to close the global gender gap [Электронный ресурс] // WEF. Agenda. URL: https://www.weforum.org/agenda/2019/01/women-equality-global-gender-gap-2018 (дата обращения: 06.02.2019).
15. Gender Inequality Index [Электронный ресурс] // Human Development Reports. URL: http://hdr.undp.org/en/content/gender-inequality-index-gii/ (дата обращения: 07.02.2019).
16. Gender Inequality Index [Электронный ресурс] // Human Development Reports. URL: http://hdr.undp.org/en/composite/GII (дата обращения 07.02.2019).
17. Global Gender Gap Index Results in 2018 [Электронный ресурс] // WEF. Results and analysis. URL: http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2018/results-and-analysis/ (дата обращения: 07.02.2019).
18. Measuring the Global Gender Gap [Электронный ресурс] // WEF. Results and analysis. URL: http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2018/measuring-the-global-gender-gap/ (дата обращения: 07.02.2019).
19. World classification [Электронный ресурс] // Women in National Parliaments. URL: http://archive.ipu.org/wmn-e/classif.htm (дата обращения: 07.02.2019).
20. World classification [Электронный ресурс] // Women in National Parliaments. URL: http://archive.ipu.org/wmn-e/arc/classif010216.htm (дата обращения: 07.02.2019).
21. 14 марта открывается сессия Комиссии ООН по положению женщин [Электронный ресурс] // Цели в области устойчивого развития. URL: http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/2016/03/14 (дата обращения: 07.02.2019).

STATES OF MODERN WORLD: GENDER STATUS
(on the example of the submission of global ratings in mass communication)

O. G. Ovcharova

Russian State Specialized Academy of Arts
the Department of Humanitarian Disciplines

The gender status of modern states is analyzed on the basis of the analysis of the presentation of global ratings (IPU, GGG, GII) in mass communication. The probability of

a biased assessment of the state's gender status in the mass media is revealed, provided that the information submitted does not take into account the influence of the social and political context on the formal rating figures.
Keywords: *gender status of the state, global ratings, mass communication.*

Об авторе:

ОВЧАРОВА Ольга Геннадиевна – доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Российской государственной специализированной академии искусств (121165, Россия, г. Москва, Резервный проезд, дом 12), соруководитель исследовательского комитета по гендерной политологии РАПН. Член Научного совета РАПН. E-mail: ovcharovao@ya.ru.

About the author:

OVCHAROVA Olga Gennadievna – Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of Humanitarian Disciplines, Russian State Specialized Academy of Arts (121165, Russia, Moscow, Rezervniy pr., 12); Co-head of the Research Committee on Gender Political Science, RPSA. Member of the Scientific Council of the RPSA. E-mail: ovcharovao@ya.ru.

УДК 811.161.1:004.738.5

ОЦЕНКА СТЕПЕНИ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ РУССКОЯЗЫЧНОГО КОНТЕНТА НА ОФИЦИАЛЬНЫХ САЙТАХ ВУЗОВ И НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СТРАН СНГ*

Л. Н. Скаковская, А. А. Мальцева

Тверской государственный университет

В статье приведены результаты комплексного анализа интернет-ресурсов вузов и научных организаций стран СНГ, цель которого – выявление степени распространенности русскоязычного контента. Установлено, что русскоязычный контент представлен в большей степени на интернет-ресурсах республик Беларусь и Казахстан. При этом информация о научных достижениях и разработках, предложения о сотрудничестве представлены в недостаточной мере.

***Ключевые слова**: СНГ, интернет-ресурс, сайт, контент, русский язык.*

Распространение русского языка на пространстве СНГ является значимым направлением языковой политики страны. Распад Советского Союза привел к утрате многих устоявшихся связей, в том числе в сфере науки и образования. На текущий момент требуются дополнительные мероприятия, в результате которых позиции русского языка в странах СНГ упрочатся.

В условиях цифровизации и возрастающей роли интернет-пространства все большее значение приобретает контент официальных сайтов организаций.

Цель данного исследования – изучение официальных сайтов вузов и научных организаций стран СНГ, выявление степени распространенности русскоязычного контента, в том числе в научной сфере, а также разработка рекомендаций по его совершенствованию.

В ходе исследования официальных сайтов университетов и научных организаций стран СНГ было изучено 511 интернет-ресурсов [2]. Полученная в результате обработки данных информация приведена в табл. 1.

Данные анализа показывают, что большая часть (78 %) официальных сайтов научных организаций и университетов стран СНГ переведена на русский язык полностью или частично. При этом англоязычный контент представлен на 66 %. Это свидетельствует в среднем о более высоком значении русского языка, нежели английского.Можно констатировать, что все официальные сайты научных организаций и университетов Республики Беларусь переведены на русский язык, при этом на национальный – только 18 интернет-ресурсов 48 вузов. Это демонстрирует приоритетность русского языка по сравнению с национальным.В Республике Казахстан русскоязычный контент представлен на сайтах 136 исследованных организаций, национальный – на 119; в Кыргызской Республике 49 организаций имеют русскоязычные сайты, национальный язык представлен на 27 интернет-ресурсах. Это свидетельствует о высоком уровне присутствия русского языка в сфере научных коммуникаций на территории этих государств.

* Статья подготовлена в ходе реализации Соглашения № 073-15-2018-200 в рамках госпрограммы Российской Федерации «Развитие образования»: проект «Русский язык как фактор развития научного пространства СНГ: анализ, проблемы, перспективы».

Табл.1. Результаты оценки интернет-сайтов университетов и научных организаций стран СНГ

Страна	общее количество организаций	Перевод сайта на иностранные языки			Наличие информации по научной деятельности			работоспособность	актуальность
		национальный	русский	английский	национальный	русский	английский		
Азербайджанская Республика	70	69	44	55	47	22	30	15	7
Республика Армения	42	33	17	33	21	10	23	9	3
Республика Беларусь	80	18	80	56	14	78	43	77	46
Республика Казахстан	138	119	136	105	101	115	90	106	37
Кыргызская Республика	55	27	49	15	11	28	5	27	4
Республика Молдова	43	39	20	27	31	10	18	9	0
Республика Таджикистан	23	21	10	6	15	7	4	7	2
Республика Узбекистан	60	58	42	40	43	26	26	26	11

Отмечается, что приоритетность англоязычного контента над национальным или русскоязычным не отмечена ни в одном из государств СНГ.

Таким образом, выделяются страны СНГ с превалированием русскоязычного контента на официальных сайтах вузов и научных организаций – Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика. В наименьшей мере русскоязычные версии сайтов вузов и научных организаций представлены в Республике Армения, Республике Молдова и Республике Таджикистан.

Результаты исследования контента по научной деятельности вузов и научных организаций стран СНГ сводятся к следующему. Информация о научной деятельности на русском языке представлена на 296 из 511 интернет-ресурсов, при этом в полной мере работоспособными являются 276 интернет-сайтов; актуальная информация о научной деятельности, датированная 2018 годом, содержится только на 110 интернет-ресурсах [1].

Показатели по информации на английском и национальных языках несколько ниже: наличие информации о научной деятельности на национальном языке имеется на официальных сайтах 283 исследованных организаций, на английском – на 239.

В части информации о научной деятельности в среднем по странам СНГ отмечается превалирование русскоязычного контента, что косвенно характеризует русский язык как ведущий в сфере научных коммуникаций. При этом низкая актуальность представленных материалов свидетельствует о недостаточной работе, проводимой учебными заведениями и научными организациями в части позиционирования своих результатов и потенциала в сети Интернет. Результаты поиска материалов по научной деятельности отражены в табл. 2.

Результаты анализа сведений на русском языке о научной деятельности вузов и научных организаций стран СНГ свидетельствуют, что в наибольшей степени представлена информация о научных направлениях (215 сайтов из 511), научных журналах (181 сайт), структуре научного блока (165 сайтов). При этом для вузов характерно направление с информацией об аспирантуре и докторантуре (109 сайтов

из 341), для научных организаций – о статьях, монографиях (63 сайта из 170). Отмечается, что соответствующая информация наличествует на сайтах не более чем в 50 % случаев. В наименьшей степени на официальных сайтах вузов и научных организаций представлена информация с предложениями о сотрудничестве (менее 2 %), о патентах и грантах (менее 9 %) [2].

Табл.2. Результаты исследования информации о научной деятельности на русском языке

Страна	общее количество организаций	Наличие информации												
		новости (актуальность – 2018 г.)	структурные подразделения научного блока	научные направления	результаты научных исследований	диссертационные советы	аспирантура/докторантура	научные конференции (актуальность – 2018 г.)	научные журналы	гранты	статьи, монографии	патенты	контактная информация	предложения к сотрудничеству
Азербайджанская Респ.	70	10	4	17	7	11	13	3	17	8	12	6	7	0
Республика Армения	42	5	4	4	2	1	8	3	4	1	8	1	3	0
Республика Беларусь	80	28	50	63	36	34	62	54	45	1	41	20	45	6
Республика Казахстан	138	29	74	82	32	29	32	32	71	21	73	13	50	4
Кыргызская Республика	55	0	15	16	11	20	20	2	19	1	9	1	4	0
Республика Молдова	43	0	3	9	3	0	3	3	9	1	6	1	1	0
Республика Таджикистан	23	3	5	6	2	9	6	2	4	1	3	0	2	0
Республика Узбекистан	60	6	10	18	7	8	7	7	12	7	7	3	1	0

На основе проведенного анализа выявляются следующие проблемы официальных сайтов вузов и научных организаций стран СНГ с русскоязычным контентом, относящимся к научной сфере: недостаточное внимание к русскоязычному контенту, относящемуся к научной деятельности, в ряде стран СНГ, таких как Республика Армения, Республика Молдова, Азербайджанская Республика – ввиду приоритетности национального или англоязычного контента; невысокая структурированность, а в ряде случаев отсутствие системности в представлении информации о научной деятельности на русском языке на официальных сайтах научных организаций и вузов; низкая актуальность и недостаточная полнота информации о научной деятельности вследствие недостаточной мотивации по ее актуализации; недостаточное внимание к вопросам предложения сотрудничества и продвижения собственных научных результатов и разработок в русскоязычном пространстве сети Интернет; недостаточная активность по размещению информации о конференциях на русском языке, что снижает возможности научной коммуникации между учеными из стран СНГ.

Эти и другие проблемы, выявленные в результате исследования, требуют разработки мероприятий, направленных на развитие русскоязычного контента рассмотренных интернет-ресурсов, формирования рекомендаций по оптимальному представлению информации о научной деятельности на русском языке.

Список литературы

1. Мальцева А. А., Веселов И. Н. Результаты вебометрического анализа официальных сайтов вузов и научных организаций стран СНГ // Научно-практический и аналитический журнал «ИнноЦентр». 2018. № 3(20). С. 54–58.
2. Русский язык как язык научных коммуникаций на пространстве СНГ: Монография / Л. Н. Скаковская, А. А. Мальцева, И. Н. Монахов, Е. В. Клюшникова, Н. Е. Барсукова. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2018. 218 с.

EVALUATION OF THE DISTRIBUTION OF THE RUSSIAN LANGUAGE CONTENT ON THE OFFICIAL SITES OF UNIVERSITIES AND SCIENTIFIC ORGANIZATIONS OF THE CIS COUNTRIES

L. N. Skakovskaya, A. A. Maltseva

Tver State University

The article provides a comprehensive analysis of the Internet resources of universities and scientific organizations of the CIS countries, the purpose of which was to evaluate the distribution of the Russian-language content. As the result of the analysis it was found that the Russian-language content is present on the Internet resources of the Republics of Belarus and Kazakhstan to a greater degree than on the sites of other countries. At the same time, information on scientific achievements and developments, as well as and proposals for cooperation are insignificant in number.
Keywords: *CIS, Internet resource, site, content, Russian language.*

Об авторах:

СКАКОВСКАЯ Людмила Николаевна – и. о. ректора Тверского государственного университета, доктор филологических наук, профессор (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: rector@tversu.ru.

МАЛЬЦЕВА Анна Андреевна – кандидат экономических наук, доцент, директор Научно-методического центра по инновационной деятельности высшей школы им. Е.А. Лурье, Тверской государственный университет (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: 80179@list.ru.

About the authors:

SKAKOVSKAYA Lyudmila Nikolaevna – Acting Rector of Tver State University, Doctor of Philology, Professor (170100, Tver, Zhelyabova str,, 33), e-mail: rector@tversu.ru.

MALTSEVA Anna Andreevna – Candidate of Economics, Associate Professor, Director of Lurye Scientific and Methodological Center for Higher School Innovative Activity, Tver State University (170100, Tver, Zelyabova str., 33), e-mail: 80179@list.ru.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ. ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

УДК 378:004.738.2

ПРОДВИЖЕНИЕ ВУЗА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

А.А. Бабаева, Н.С. Гегелова

Российский университет дружбы народов
кафедра массовых коммуникаций

Социальные сети, «лайки», «репосты», *engagement rate*… Цифровые медиа поглотили всю социальную сферу, в том числе образовательную. Статья посвящена анализу социальных сетей российских и зарубежных высших учебных заведений. Особое внимание уделяется официальной странице РУДН в социальной сети *Facebook*. В статье приводятся наиболее успешные форматы материалов социальных сетей. Кроме того, авторы акцентируют внимание на основных правилах ведения официальных страниц вузов.

Ключевые слова: *социальные сети, зарубежные вузы, российские вузы, интернет-среда, РУДН, Facebook, engagement rate, SMM, world class universities.*

Социальные сети – самый популярный канал коммуникации в рамках новых медиа. Под социальными медиа принято понимать категорию веб-сайтов, предоставляющих возможность публикации, обмена и обсуждения контента широким кругом пользователей [3]. Сегодня сложно представить работу какой-либо бюджетной или коммерческой организации без представительства в социальных медиа. Высшие учебные заведения не являются исключением. Университетам необходимо приспосабливаться к современным технологиям онлайн-потребления информации и продвигаться не только в традиционных средствах массовой информации, но и в новых медиа.

Основная аудитория социальных медиа на 2017 год в России, по данным *Mediascope*, составила 87 млн человек [1]. В среднем все социальные сети охватывают пользователей в возрасте 18–55 лет. Основная аудиторию вуза составляет молодежь от 16 до 30 лет. Приоритетным источником информации об университете для абитуриентов и студентов являются официальный сайт вуза и официальные представительства в социальных медиа. К примеру, через социальные сети студенты узнают о новостях университета, предстоящих мероприятиях.

Проведенный управлением по связям с общественностью и студентами филологического факультета РУДН анализ в 2017 г. показал, что зарубежные вузы являются лидерами по своему присутствию в социальных медиа. Анализировались вузы, присутствующие в рейтинге *QS* [8]. В основном иностранные высшие учебные заведения наиболее полно представлены в социальных сетях *Facebook* и *Twitter*. Число подписчиков в сети *Facebook* Американского университета в Каире (*The American University in Cairo*) – более 500 тыс. человек. Периодичность обновления контента на страницах зарубежных вузов в среднем от одного поста в неделю до трех постов в день. Основные материалы – это имиджевые видеоролики, фотографии университета, информация для абитуриентов, научная повестка вуза.

Мы провели сравнительный анализ официальных представительств РУДН со страницами зарубежных и российских вузов в социальной сети *Facebook*. Не-

смотря на то что в каждой стране есть свои популярные социальные сети (в Китае – *Qzone, Weibo*, в Японии – *Mixi*, в России – Вконтате, Одноклассники), мировую лидирующую позицию уже несколько лет занимает *Facebook*. На сегодняшний день число пользователей *Facebook* достигло двух 2 млрд человек [6].

Исходя из задач, стоящих перед Российским университетом дружбы народов (привлечение талантливых студентов из зарубежных стран), в *Facebook* была создана страница РУДН на английском языке в дополнение к уже имеющейся на русском [4; 5]. Англоязычная версия появилась в июле 2016 года. Отметим, что дата создания официальных представительств в *Facebook* зарубежных вузов, о которых говорилось выше, – август 2008-го. Годовой охват пользователей за 2017 год на англоязычной странице РУДН составил более 12 млн пользователей (подсчет произведен с помощью автоматической статистики *Facebook*). По состоянию на 17 мая 2018 г. на страницу подписаны 23 499 человек, что на 12 000 больше, чем в мае 2017 года. Ежемесячный прирост подписчиков составляет около тысячи пользователей.

Проанализировав потенциальную аудиторию подписчиков РУДН в *Facebook*, мы выявили следующие характеристики. По гендерному признаку: мужчины – 76 %, женщины – 24 %; по возрасту: 13–34 – 95 % подписчиков, 35–65+ – 3 % подписчиков. География пользователей (топ-3 региона и стран): Африка (Ангола, Гвинея, Мали), Азия (Пакистан, Индия, Бангладеш), Южная Америка (Колумбия, Эквадор, Бразилия).

Самое главное в сообществах социальных сетей – это контент, смысловое наполнение сайта. Он может решать следующие задачи: эмоциональный отклик на опубликованную информацию, знакомство со справочной информацией о преимуществах вуза и краткой аннотацией для абитуриентов. Наиболее успешно с этой задачей справляется мультимедийная инфографика или короткий видеоролик до 30 секунд. Контент в социальных сетях формируется исходя из потребностей пользователей. Необходимо проводить мониторинг сообщений, следить за реакцией пользователей на публикуемый контент. Важно равномерно распределять постинг: не размещать на постоянной основе одну и ту же информацию, она должна дополняться новыми сведениями, ежедневно обновляться. В профессиональных кругах не рекомендуется публиковать длинные текстовые посты. Опыт РУДН показал, что наибольший интерес у пользователей имеют большие материалы, в которых есть реальные герои. При публикации длинных текстов (оптимальное количество знаков – 2 500), важно соблюдать структуру поста: выделять абзацы, ключевые фразы, разбавлять текст примерами. Для легкости в потреблении контента пользователями необходимо выделять тематические линии материалов. На странице РУДН существует пять тематических разделов: лидерство в спорте, стремление стать лучшим в своей профессии, студенческая наука, мировое усовершенствование и истории о мире. Для идентификации постов в социальных медиа каждая тематическая линия объединяется хэштегом (например, «Запусти себя в космос знаний», «Объединяясь знанием – объединяем мир») и официальным хэштегом университета – #rudn_university.

Следующий популярный формат материалов – фотогалереи. Яркие качественные фотографии всегда привлекают внимание аудитории, ведь в социальных сетях немаловажную роль играет визуализация. Это фотогалереи на спортивную тематику, студенческая жизнь (посвящение в студенты, выпускной) и др. Подобные фотоматериалы набирают до 30 000 отметок «Мне нравится» и охватывают ≈ 400 000 пользователей. Не менее популярная категория материалов – тесты или опросы. Пользователи включаются в интерактивный опрос: отвечают на вопросы, проверяют свои знания в той или иной области, участвуют в создании материалов.

РУДН провел онлайн-тест «Насколько хорошо ты знаешь Россию». Всего одиннадцать вопросов о культуре, истории, традициях России. Другой вопрос касался непосредственно РУДН. Он выявил количество стран, из которых в РУДН приезжают учиться иностранцы. Тест прошли более 2 000 иностранных пользователей. Для продвижения научной среды университета необходимо придерживаться научно-популярного формата текстов. Специализированные термины представлять более доступным и понятным языком. Эффективность социальных сетей – главный вопрос, которым задаются специалисты по *SMM* (social media marketing). Ключевыми показателями эффективности *SMM* являются: 1) увеличение числа подписчиков; 2) охват рекламных постов (продвигаемые через платные инструменты социальных сетей); 3) органический охват постов; 4) активность пользователей (лайки, комментарии, репосты); 5) увеличение активностей пользователей в период проведения конкурсов и др.; 6) увеличение трафика и конверсии на сайте; 7) уменьшение средств на привлечение нового подписчика; 8) количество целевых действий, совершенных пользователями. Кроме ручного подсчета результативности работы, существуют автоматизированные сервисы, например, Яндекс.Метрика, *Google Analytics* и др. Также каждая социальная сеть имеет внутреннюю автоматизированную статистику. РУДН, помимо автоматической статистики *FB*, вручную подсчитывает коэффициент вовлеченности (*engagement rate*) каждого материала и отслеживает органический рост подписчиков. Понятие «вовлечённость» первым определил Уильям Кан. Под этим феноменом У. Кан понимал «направленное и организованное участие; когда работники вовлечены в рабочий процесс, то они начинают самовыражаться физически, когнитивно, эмоционально и мысленно» [7, с. 694]. В английском языке существует несколько вариантов перевода слова *engagement*, например: привлечение, взаимодействие, участие и др. В социальных сетях под вовлеченностью понимается интеграция в процесс или отношения.

Основные варианты подсчета *ER* [2]: *ER* = (лайки, комментарии, репосты / охват) × 100 %; *ER* = (лайки, комментарии, репосты / подписчики) × 100 %. Исходя из формул, видно, что высчитать *ER* можно по охвату определенного поста (публикации) и количеству подписчиков. Использование первого способа дает наиболее точную картину вирального (популярного) контента для целевой аудитории.

Выводы (некоторые правила создания идеального контента для социальных сетей): реальный герой; короткие фразы (без сложноподчиненных, сложносочиненных предложений); о сложном – простым языком; больше красивых качественных фото; объяснение научных терминов через простые к восприятию слова. Таким образом, имидж высших учебных заведений и, как следствие, увеличение количества абитуриентов напрямую зависит от представительств университета в социальных медиа.

Список литературы

1. Аудитория пользователей интернета в России в 2017 году составила 87 млн. человек [Электронный ресурс] // РИФ+КИБ/2017. URL: http://2017.russianinternetforum.ru/news/1298/ (дата обращения: 07.03.2019).
2. Интернет-издание о маркетинге и коммуникациях в цифровой среде [Электронный ресурс] // Cossa.ru. URL: https://www.cossa.ru/155/101492/ (дата обращения: 12.06.2018).
3. Неяскин Г.Н. Влияние социальных медиа на бизнес-коммуникации [Электронный ресурс] // Экономика. Социология. Менеджмент. Федеральный образовательный портал. URL: http://ecsocman.hse.ru/text/33378753.html (дата обращения: 07.03.2019).

4. РУДН в Facebook на английском языке [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/RUDNUniverse/ (дата обращения: 07.03.2019).
5. РУДН в Facebook на русском языке [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/RUDN.University/ (дата обращения: 07.03.2019).
6. Число пользователей Facebook достигло двух миллиардов [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: https://ria.ru/world/20170627/1497405135.html (дата обращения: 07.03.2019).
7. Kahn W.A. Psychological conditions of personal engagement and disengagement at work // Academy of Management Journal. 1990. № 33. P. 692–724.
8. QS World University Rankings 2017 [Электронный ресурс] // TopUniversities. URL: https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2016 (дата обращения: 07.03.2019).

A UNIVERSITY PROMOTION IN SOCIAL NETWORKS

A. A. Babaeva, N. S. Gegelova

Peoples' Friendship University of Russia
the Department of Mass Communications

Social networks, "likes", "reposts", engagement rate... Digital media has absorbed the entire social sphere, including education. The article is devoted to the analysis of social networks of Russian and foreign higher educational institutions. Special attention is paid to the official page of RUDN University in social network Facebook. The article presents the most successful formats of social media materials. In addition, the author focuses on the basic rules of the official pages of universities.
Keywords: *social networks, international universities, Russian universities, Internet environment, RUDN University, Facebook, engagement rate, SMM, world-class universities.*

Об авторах:

БАБАЕВА Айсулу Айсовна – аспирант кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов (117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2), e-mail: alsou.ismailova@gmail.com.

ГЕГЕЛОВА Наталья Сергеевна – доктор филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов (117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2), e-mail: mikhail0001@mail.ru

About the authors:

BABAEVA Aysylu Aysovna – Postgraduate Student at the Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia (117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 10/2), e-mail: alsou.ismailova@gmail.com.

GEGELOVA Natalia Sergeevna – Doctor of Philology, Associate Professor at the Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia (117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 10/2), e-mail: mikhail0001@mail.ru.

УДК 821.161.1-3

МОЛОДОСТЬ И СТАРОСТЬ В ЦИКЛЕ «ТЁМНЫЕ АЛЛЕИ» И. А. БУНИНА

Т. В. Белова

Тверской государственный университет
кафедра истории и теории литературы

В статье представлен анализ рассказов цикла «Тёмные аллеи» через призму этики возрастного поведения. Автор обратился к категориям молодости и старости в творческом сознании русского писателя. В статье приведён материал, свидетельствующий об особом бунинском взгляде на важные возрастные этапы жизни человека.

Ключевые слова: *И. А. Бунин, возрастное поведение, молодость, старость, смерть.*

Категория возраста является важнейшей для понимания произведений И. А. Бунина, так как она имеет универсальный характер и связана с центральными проблемами творчества писателя, его размышлениями о Боге, родине, народе, природе и любви. Самая разработанная возрастная категория в творчестве Бунина – детство. Ряд исследователей рассматривает этот этап жизни человека в концепции писателя как один из идейно-тематических центров творчества Бунина, как универсальное явление, исток духовного и душевного мира личности, непреходящую ценность памяти [1; 4; 7; 8]. По утверждению одного из них, бунинский человек никогда не бывает однонаправленным и изображённым однолинейно, это «всегда панорамный и стереоскопический образ» [7]. Писатель предлагает взглянуть на человека через призму возраста и тех ощущений, которые возникают на разных этапах его жизни. Известно, что в центре цикла «Тёмные аллеи» – человек, бессознательно ищущий любовь, переживающий её прекрасные мгновения, испытывающий ужас её утраты.

Традиционно «возраст любви» в произведениях Бунина – юность и молодость. Писатель не проводит чёткой границы между ними, это, скорее, единый жизненный цикл в писательской концепции жизни человека. Он таит в себе особое обаяние: очарование здорового тела, физической красоты, наслаждение «свежестью» жизни. Характеризуя персонажей рассказов, отмечая их душевное состояние, внутренний настрой, Бунин часто акцентирует внимание читателя на возрасте персонажа. Как правило, герои вспоминают яркие и неповторимые моменты жизни, и вместе с ними приходит почти физиологическое ощущение радости и свободы, которое дарит молодость: «В то лето я впервые надел студенческий картуз и был счастлив тем особым счастьем начала молодой свободной жизни, что бывает только в эту пору» («Натали») [2, с. 681]; «Весенней парижской ночью шёл по бульвару в сумраке от густой, свежей зелени, под которой металлически блестели фонари, чувствовал себя легко, молодо…» («В одной знакомой улице») [Там же, с. 707]; «…в окна пахло свежестью весенней сырости и тополям. Он с той остротой обоняния, что бывает после крепкого молодого сна, почувствовал эти запахи и бодро сбросил с оттоманки ноги» («Пароход “Саратов”») [Там же, с. 740].

Бунин объединяет рассказы цикла идеей вечности и неизменности важнейшего начала в человеке – «древнего родового, полового инстинкта» [6, с. 66], именно он управляет миром героев «Тёмных аллей». Инстинкт продолжения рода оставляет за пределами этого мира все остальные потребности и желания. Не раз было отмечено исследователями, что герой цикла – мужчина, характер, переходящий из рассказа в рассказ [Там же, с. 67]. Меняются внешние и пространственные характеристики, но устойчивым остаётся мотив молодости и любви. Он в той или иной мере присутствует в бунинских «мужских» историях. В одном случае герои молоды, полны энергии, подчинены страсти, эротическим мечтаниям: «Всё было прекрасно: и зелень, и фонари, и предстоящее свидание, и вкус папиросы <…>. И всё сливалось в одно: счастливое чувство готовности на всё что угодно» («Пароход “Саратов”») [2, с. 741]; «Приехав домой на каникулы, я решил, что настало и для меня время быть, как все, нарушить свою чистоту, искать любви без романтики и <…> стал ездить в поисках любовных встреч…» («Натали») [Там же, с. 681]; «Я как раз в ту пору провёл две весны в Париже, вообразил себя вторым Мопассаном по части любовных дел…» («Галя Ганская») [Там же, с. 665].

В другом случае герои – зрелые мужчины, которые вспоминают о том, как были молоды и какие чувства владели ими: «Тёмные аллеи», «Поздний час», «Речной трактир», «Муза». Воспоминания героев воссоздают чистый, «подлинный» образ прошлого, словно устраняя всё фиктивное, наносное, что годами лишало их свежести восприятия жизни.

Что касается женских образов, то может сложиться впечатление, что писатель создаёт в цикле «целую вереницу женских типов» [8], различающихся только внешними характеристиками, вместе с тем они объединены общим мотивом молодости. Героини цикла обладают, безусловно, индивидуальными чертами: лицо, фигура, голос, жесты – однако, всё это лишь бесконечные детали единого портрета вечной молодости: «…это смущённо улыбающееся личико, коралловое ожерелье на шейке, маленькие груди под жёлтеньким ситцевым платьем… Она была чуть не вдвое меньше его ростом и казалась совсем девочкой» («Стёпа») [2, с. 588]; «Что я чувствовал, легко себе представить. Откуда вдруг такое счастье! Молодая, сильная, вкус и форма губ необыкновенная…» («Муза») [Там же, с. 592]; «У неё было такое вечернее платье, очень нарядное, длинное и стройное. Оно необыкновенно шло к её тонкому стану и чёрным молодым глазам» («Поздний час») [Там же, с. 598]; «Он опять взглянул на неё: очень красив белый передник с прошивками на чёрном платье, красиво выдаются под ним груди сильной молодой женщины…» («В Париже») [Там же, с. 656].

Писатель из рассказа в рассказ поёт гимн молодому женскому началу. Весь бунинский мир «Тёмных аллей» пронизан нитями притяжения к женщине, «инстинктивным, первобытным тяготением; родовым инстинктом» [6, с. 61]. Молодость женщины – её неотъемлемая характеристика, иначе невозможно, ведь она призвана продолжить род. Поэтому любое «покушение» на молодость или осуждается, или приводит к трагическому финалу. Примером могут служить рассказы «Дурочка», «Гость», «Второй кофейник», «Мадрид», героини которых становятся жертвами насилия, жестокости и обмана. Любое же «искусственное» желание героев «молодиться» отвергается, вызывает гнев, воспринимается как обман. Герой рассказа «Барышня Клара» Ираклий Меладзе, обедая в ресторане, обращает внимание на «могучую брюнетку, казавшуюся ему верхом красоты <…>: роскошное тело, высокие груди и крутые бёдра» [2, с. 724], но, оказавшись с ней наедине, он всё больше раздражается от «неестественного» поведения дамы, которая разыгрывает

роль женщины-вамп. Только теперь герой замечает на её теле следы старости: «пористое меловое лицо <…> оранжевые губы в трещинках, страшные налепленные ресницы» [Там же, с. 726]. Желание обладать этой женщиной мгновенно превращается в оскорбляющую похоть.

Старость, в трактовке писателя, самый парадоксальный и противоречивый возраст. Образ старого человека появляется у Бунина ещё в ранних рассказах («Федосеевна» (1891), «Кукушка» (1898), «На хуторе» (1892)). В дневниковой записи от 29 июля 1901 года Бунин размышляет о старости и о трагедии долгой жизни, в которой лишь были всплески молодой энергии, мгновенья счастья, а затем – однообразие существования: «Из жизни долголетнего человека можно написать настоящую трагедию. Чем больше жизнь, тем больше, страшней должна казаться смерть» [3, с. 80]. Вместе с тем смерть так же естественна, как и рождение, это неизбежное окончание жизни, в которой безусловной ценностью остаются мгновения молодости. Подобные размышления мы находим в ряде рассказов цикла: «Бернар», «Часовня», «Холодная осень».

Некоторые исследователи отмечают эволюцию отношения писателя к старости: «осознание приближающейся старости, принятие её неизбежности, желание продлить годы и трагическое предвестие конца» [5, с. 148]. Авторская рефлексия по поводу молодости и старости и конечности самой жизни напрямую связана с его ощущением «острого чувства смерти с сильнейшей жаждой жизни» [Там же]. Антиномия «молодость – старость» в рассказах цикла имеет точку схода – смерть. Внезапная, часто трагическая кончина полного сил героя воспринимается как разрушение чистоты и гармонии жизни (рассказы «Кавказ», «В Париже», «Галя Ганская», «Генрих», «Натали», «Холодная осень»). По Бунину, молодость – это всегда удовольствие от жизни во всех проявлениях, а старости уготовано утешение и созерцание. «Этой краткой жизни вечным измененьем буду неустанно утешаться я…» – эти бунинские строки выражают философский взгляд писателя на итог жизни человека.

Список литературы

1. Бочаева Н. Г. Мир детства в творческом сознании и художественной практике И.А. Бунина : дис. … канд. филол. н. : 10.01.01 / Н. Г. Бочаева ; Елецкий гос. пед. ин-т. Елец, 1999. 174 с.
2. Бунин И. Малое собр. соч. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2016. 800 с.
3. Бунин и Кузнецова. Искусство невозможного. Дневники, письма / ред. О. Михайлов. М. : Грифон, 2006. 462 с.
4. Зубарева Е. Е. Символика детства в творчестве И. Бунина // И. А. Бунин и русская культура. Елец : Елецкий гос. ун-т, 1993. С. 78–93.
5. Крылов В. Отношение к собственной старости в дневниках Ивана Бунина // Acta Universitatis Wratislavensis. № 3729. Slavica Wratislaviensia. CLXIII. Wroclaw, 2016. С. 139–149.
6. Мышалова Д. Очерки по литературе русского зарубежья. Новосибирск: ЦЭРИС, 1995. 220 с.
7. Плешков В. В. Концепция человека в творчестве И. А. Бунина : дис. … канд. филол. н. : 10.01.01 / В. В. Плешков ; Елецкий гос. пед. ин-т. Елец, 1997. 220 с.
8. Саакянц А. Об И. А. Бунине и его прозе // Бунин И. А. Рассказы. М. : Правда, 1983. С. 3–18.
9. Черкашина Е. Л. Образ детства в творческом наследии И.А. Бунина : дис. … канд. филол. н. : 10.01.01 / Е. Л. Черкашина ; Московский гос. гумм. ун-т им. М. А. Шолохова. М, 2009. 153 с.

THE YOUTH AND THE OLD AGE IN THE COLLECTION OF SHORT STORIES "DARK ALLEYS" BY IVAN A. BUNIN

T. V. Belova

Tver State University
the Department of History and Theory of Literature

The article studies the collection of Bunin's short stories "Dark Alleys" in terms of the ethics of the age-specific behavior. The author refers to the categories of youth and old age that used to be dramatically important in the mind and imagination of the Russian writer. The article features materials that say much about Bunin's distinct views on the key age stages of human life.
Keywords: *Ivan A. Bunin, age-specific behavior, youth, old age, death.*

Об авторе:

БЕЛОВА Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: volktanja@mail.ru.

About the author:

BELOVA Tatyana Viktorovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: volktanja@mail.ru.

УДК 811.161.1-112

ПОЛИСЕМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЛАВЯНИЗМОВ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ИДИОЛЕКТЕ
(лексемы *подвиг* и *подвиг бытия* в лирике П.А. Вяземского)

Е. Ю. Бородина

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье показано, что для адекватного восприятия, понимания и интерпретации лирики П. А. Вяземского – одной из значимых фигур «золотого века» русской поэзии – необходимо специально внимание к значениям и смыслам полисемичных лексем и словосочетаний, использующихся в соотносительных, но существенно различающихся значениях и смыслах, с одной стороны, в секулярном, сугубо мирском, «светском» варианте русского литературного языка, с другой стороны, в его церковнославянской огласовке, отображающей реальности православного христианского миросозерцания.

***Ключевые слова*:** *П. А. Вяземский, поэтический идиолект, религиозная лирика, христианское миросозерцание, церковнославянизмы.*

Поэтическое творчество П. А. Вяземского (1792–1878), человека европейски образованного и, как следствие, «вольномыслящего», но одновременно российского патриота, «государственника» по политическим взглядам и православного христианина не только по факту рождения, но и по глубинным особенностям духовно-душевного строя, необходимо прочитывать не только в секулярном, сугубо мирском, «светском» контексте, но и в контексте сакрально-религиозной традиции, что требует анализа различных «языковых стихий», совмещающихся в его творчестве, использования различных методологических подходов (см. об этом в нашей работе: [2]).

Оптимальный объект исследования для реализации задачи установления своеобразия каждой из «двух стихий», составляющих мировоззренческую основу личности и творчества Вяземского (европейская секулярная образованность и православная духовность), – славянизмы, которые в рамках русской языковой традиции, связанной с явлением диглоссии, используются в смежных, но существенно различающихся значениях и смыслах в рамках, с одной стороны, секулярного (в самом широком смысле этого слова), с другой – сакрально-религиозного дискурсов.

Цель данной статьи – показать, что немногочисленные, но в идейно-тематическом отношении весьма существенные в рамках поэтического идиолекта Вяземского сущ. *подвиг* и метафорические словосочетания *подвиг жизни* и *подвиг бытия* необходимо прочитывать не только в их секулярных значениях и смыслах, отображенных в нормативных «секулярных» словарях русского литературного языка, но и в сакральных церковно-религиозных значениях, отображенных в словарях церковнославянского языка, который Вяземский, как православный христианин, разумеется, знал, а смыслам, заключенным в них, вольно или невольно в своей жизни по мере сил следовал.

В Словообразовательном словаре русского языка существительные *подвиг* и *подвижник* представлены как синхронно непроизводные заголовочные слова отдельных статей [10, т. 1, с. 775], утратившие живую словообразовательную связь с мотивирующими типа *двигать / двигаться*, *подвигать / подви(г)нуть*. Такая словарная констатация опро́щения как утраты синхронной мотивированности, превращения лексемы *подвиг* из членимой и производной в непроизводную, на наш взгляд, связана с секуляризацией и десакрализацией этого в своих истоках старославянского, а затем церковнославянского существительного, с утратой живого ощущения идеи некоего *движения*, для русского языкового сознания неразрывно связанного с корневой морфемой *двиг-*.

В современных секулярных словарях русского литературного языка, специально не центрирующихся на реальностях религиозного сознания, сущ. *подвиг* трактуется в сугубо мирском, «светском» ключе, ср.: «**Подвиг**… Героический, самоотверженный поступок, совершённый в опасных условиях, связанный с риском. *Воинские подвиги. Патриотический подвиг*. || *чего или с опр*. Самоотверженный, тяжёлый труд; важное дело, начинание. *Исторический, литературный, научный подвиг. Подвиг труда. Подвиг чести, славы*» [9, с. 861]. Как видим, приведенное толкование отсылает к представлениям о самоотвержении «внешнего» человека во имя сугубо мирских социально значимых ценностей. Аксиология христианского «внутреннего делания» при этом остается вне поля зрения. Во временно́й проекции секулярное представление о подвиге – это представление либо о некоем однократном самоотверженном поступке, либо о длительном, самоотверженном, но однородном труде, в рамках которого субъект труда во времени качественно не изменяется. Христианский подвиг как «внутренне делание», напротив, неразрывно связан с представлением о последовательной трансформации человеческого существа, такой подвиг – это движение от одного своего «я» к другому, по пути обо́жения.

В текстуально значимой роли «семантической доминанты», акцентирующей особый «внутрипроизведенческий» смысл [4, с. 279], сущ. *подвиг* и вместе с ним словосочетание *подвиг жизни* впервые встречается в относящемся к раннему периоду творчества Вяземского стихотворении «Петербург» (1818). В жанровом отношении это классическая «гражданская ода», прославляющая народ и правителей, историческое восхождение страны, закалившейся, начиная с Петра, в победоносных битвах и державном строительстве. Однако сущ. *подвиг* в начальном использовании акцентированно привязано не к воинским свершениям, а к достижениям европейского просвещения, наглядным свидетельством которых оказываются сами петербургские стены:

«Но жатвою ль одной меча страна богата?
Одних ли громких битв здесь след запечатлен?
Иные подвиги, к иным победам ревность
Поведает нам глас красноречивых стен, –
Их юная краса затмить успела древность.
Искусство здесь везде вело с природой брань
И торжество свое везде знаменовало;
Могущество ума – мятеж стихий смиряло…» [7, с. 119].

Буквально через два-три десятка строк – иное прочтение величия страны и ее правителей перед лицом исторического призвания: прославление России как идущей по своему собственному пути, как наследницы падшей Византии, призванной к своему собственному, отличному от европейского, *подвигу бытия*:

«Державный дух Петра и ум Екатерины
Труд медленных веков свершили в век единый.
На Юге меркнул день – у нас он рассветал.
Там предрассудков меч и светоч возмущенья
Грозились ринуть в прах святыню просвещенья.
Убежищем ему был Север, и когда
В Европе зарево крамол зажгла вражда
И древний мир вспылал, склонясь печальной выей, –
Дух творческий парил над юною Россией
И мощно влек ее на подвиг бытия» [Там же].

Думается, вне контекста истории православной Церкви и представления о России как «третьем Риме», хранительнице Православия, верно интерпретировать этот фрагмент не удастся. «Святыня просвещения» здесь у Вяземского – явно не Европа, где «зарево крамол зажгла вражда». «Дух творческий», парящий «над юною Россией», – это дух творческого соединения европейского просвещения и восточного византийского христианства. *Подвиг бытия* – подвиг, заключающийся в движении по пути соединения умственной просвещенности Запада и духовной богоустремленности православного Востока.

В исповедальном стихотворении «Уныние» (1819) Вяземский, в служебном, «биографическом» отношении чувствовавший себя в этот период неудачником, не сумевшим идти в ногу с изменениями настроения власти и незаслуженно отстраненным от службы, осмысляет свой личный *подвиг бытия* как подвиг внутренней честности перед самим собой и перед Богом – пред «алтарем души»:

«Болтливыя молвы не требуя похвал,
Я подвиг бытия означил тесным кругом;
Пред алтарем души в смиренье клятву дал:
Тирану быть врагом и жертве верным другом» [Там же, с. 134].

Подвиг в данном случае целесообразно интерпретировать как «хранение целомудренной целостности души в земном *бытии* как долгом испытании», а залог внутренней целостности – *смирение* как важнейшая, предлежащая всем остальным христианская добродетель, далее – *целомудрие* как «чистота помыслов и телесная; непорочность» [8, с. 806].

Сущ. *бытие* и в русских, и в церковнославянских словарях равно семантизируется как «существование, жизнь», однако если в секулярном контексте *бытие / жизнь* противополагается *смерти* как *небытию*, то в сакрально-религиозном контексте антоним *бытия / жизни* (земной) – *пакибытие*, «возрождение, новая жизнь <…> при будущем преобразовании мира, при втором славном пришествии Господа для суда живых и мертвых» [Там же, с. 403–404]. Тем самым смыслы словосочетания *подвиг бытия* в секулярном и сакральном прочтениях существенно различаются: в первом случае это «тяжелый, самоотверженный труд, связанный с выполнением своих многообразных обязанностей перед близкими, обществом и государством», во втором – «героическое самопреодоление своего человеческого несовершенства ради спасения во Христе». Суммарная интерпретация контекстуального смысла словосочетания *подвиг бытия* у Вяземского, в случае его использования для характеристики своей собственной, сугубо личной жизненной позиции, – «смиренное и целомудренное приятие всего, что приносит жизнь».

В семантическом ассонансе с «Унынием» 1819 года – одноименное исповедальное стихотворение «Уныние» 1857 года, своеобразная предсмертная автохарак-

теристика, самоотчет в существе прожитого (хотя до самой кончины оставалось еще тридцать лет, о чем поэт, разумеется, знать не мог)

«Уж подвиг мой окончен. Неудачен,
Хорош ли он? Здесь не об этом речь.
Но близок день, который предназначен,
И ношу дня пора мне сбросить с плеч» [6, т. 11, с. 259].

Знаменательно здесь словоупотребление *предназначен* (< *предназначить*) – собственно русское, но в синонимическом ассонансе с церковнославянскими глаголами *преднарицати* «назначать, предопределять», *преднаставити* «предуказать путь», сущ. *предопределение* [8, с. 481] и прич.-прил. *предназначенный* «предопределенный, предназначенный» [1, т. 3, с. 291], отсылающее к представлениям о смиренном приятии уготованном Господом пути и судьбы.

Поразительно по глубине прочувствования византийской идеи «симфонии властей» – светских и духовных – не вошедшее в сборники советских лет стихотворение «16 апреля 1866 г.» («Есть слезы радости, есть тяжкой скорби слезы…»):

«Вы слышите кругом молитвы нам родные:
В один священный клик весь город, вся Россия,
В молебствие одно, в одну любовь слились…
……..
Народная любовь – сокровище Царей.
Издавна на Руси родник ее обилен:
В Царе живет народ, и Царь народом силен.
……..
Идете Вы путем любви и веры в Бога.
Подвижникам трудна державная дорога,
Но и прекрасна цель, которая их ждет,
Когда за ними вслед Россия к ней идет» [6, т. 12, с. 254–256].

Сущ. *подвижники*, использованное Вяземским в форме множ. числа, отсылает не только к царю, – ко всем членам императорского дома, воспринимающимся и как светские, и как духовные руководители.

Толкования существительного *подвижник* в секулярных словарях, как и в случае с сущ. *подвиг*, не включают указаний на внутреннее движение к жизни горней, вышней, – напротив, отсылают к представлениям о тотальном отречении от жизненных радостей, ср.: «**Подвижник**… **1.** Монах, аскет, давший обет самоотречения во имя служения Богу. *Великие подвижники-страстотерпцы*. **2.** *перен*. Человек, героически принявший на себя тяжёлый труд или лишения ради достижения высокой цели (высок.). *Подвижник науки, веры*» [11, с. 663].

Для верного прочтения сакрально-религиозной семантики сущ. *подвиг* и *подвижник* у Вяземского существенно иметь в виду их церковнославянские морфемно-словообразовательные связи не только с *подвигати*, но и с *подвизатися* (рус. *подвизаться*): в исходном значении – «двигать, трогаться с места, колебать, колебаться», во вторичном – «сражаться, вступаться» [12, с. 226]; «устремляться, поспешать» [8, с. 439]. При этом дефиниционный компонент ‘сражаться’ следует понимать в контексте «с внутренними врагами человека (страстями, греховными помыслами и т. п.», а компонент ‘устремляться’ – в контексте «(душой) к Богу», что отчетливо подтверждается соответствующими евангельскими словоупотреблениями, ср.: «…подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие

поищут войти, и не возмогут» (Лк 13: 24), «Посему и сам подвизаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми» (Деян 24: 16), «Подвизайся добрым подвигом веры, держись вечной жизни, к которой ты и призван, и исповедал доброе исповедание перед многими свидетелями» (1 Тим 6: 12), и др.

Таким образом, обращение к углубленному исследованию словарной и «внутрипроизведенческой», контекстно обусловленной семантики славянизмов в поэтическом творчестве П. А. Вяземского позволяет вскрыть идеологемы, которые связаны не только с «салонно-литературной» [3, с. 195] стилевой стихией XIX века, с традициями русского классицизма и романтизма, но и с православной традицией русской религиозной лирики, в современном филологическом прочтении ассоциирующейся с литературой «духовного реализма», основывающейся на ценностях православной веры [5, с. 147]. В исходной сакрально-религиозной семантике существительного *подвиг* – идея внутреннего делания (секулярный синоним – *самосовершенствование*) и, соответственно, внутреннего *движения* человека, который идет по пути обóжения.

Список литературы

1. Алексеев П. Церковный словарь, или истолкование Славенских, также маловразумительных древних и иноязычных речений, положенных без перевода в Священном Писании, и содержащихся в других церковных и духовных книгах… : в 5 т. СПб. : Тип. И. Глазунова, 1817–1819.
2. Бородина Е. Ю. О методологических основаниях изучения языка поэзии П.А. Вяземского // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 181–185.
3. Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М. : Наука, 1978. 320 с.
4. Волков В. В., Волкова Н. В. Семантическая доминанта и семантическое поле как опорные единицы анализа художественного произведения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 279–283.
5. Волков В. В., Волкова Н. В. «Ренессанс русской литературы»: национальный менталитет и литература духовного реализма в преподавании русской словесности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 147–157.
6. Вяземский П. А. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 11. 1853–1862 г. СПб. : Изд-е графа С.Д. Шереметева, 1887. 476 с.
7. Вяземский П. А. Стихотворения. Л. : Сов. писатель, 1986. 544 с.
8. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М. : Изд. отдел Моск. патриархата, 1993. 1120 с.
9. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт ; М. : РИПОЛ классик, 2008. 1536 с.
10. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1985.
11. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008. 1175 с.
12. Церковнославянский словарь: для толкового чтения св. Евангелия, часослова, псалтири и других богослужебных книг / Сост. прот. А. Свирелин. М. : Даръ, 2016. 384 с.

POLYSEMIC RELATIONS OF SLAVICISMS AND CHURCH SLAVICISMS IN POETICAL IDIOLECT
(lexemes *подвиг* and *подвиг бытия* in P.A. Vyazemsky's lyrics)

E. Yu. Borodina

Tver State University
the Department of Russian Language

The article shows that for an adequate perception, understanding and interpretation of the lyrics of P.A. Vyazemsky, one of the most significant figures of the "golden age" of Russian poetry, one should pay special attention to the meanings of polysemic lexemes and phrases used in correlative, but significantly different meanings, on the one hand, in a secular, strictly mundane, "laic" version of the Russian literary language, and, on the other hand, in its Church Slavonic vocalization reflecting the realities of the Orthodox Christian worldview.
Keywords: *P.A. Vyazemsky, poetic idiolekt, religious lyrics, Christian worldview, ecclesiastical Slavs.*

Об авторе:
БОРОДИНА Екатерина Юрьевна – аспирант кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: amsterdam6989@mail.ru.

About the author:
BORODINA Ekaterina Yurevna – Postgraduate Student at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: amsterdam6989@mail.ru.

УДК 81’373.423

ИЗУЧЕНИЕ НЕИЗМЕНЯЕМЫХ ОМОНИМОВ В РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

О. Б. Власова

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

Статья посвящена вопросам разграничения омонимичных неизменяемых слов, не имеющих аффиксов, которые бы формально закрепляли смысловые различия. В центре внимания автора слова *около, назад, что-то*, значение и грамматическая специфика которых меняется в зависимости от контекста и потому требует особенного внимания при работе как в русской, так и в иностранной аудитории. Исследование проводится на материале современного русского языка.
***Ключевые слова**: частица, наречие, предлог, падеж, род, морфема, аффикс, префикс, семантика.*

В русском языке много неизменяемых слов с развитой омонимией, постоянно порождающих сомнения в их частеречной отнесенности [1; 2]. Такие слова, естественно, требуют особенного внимания при семантической интерпретации текста, при грамматическом (морфологическом и синтаксическом) разборе, а также при решении орфографических и пунктуационных задач [3]. Вместе с тем анализ конкретных единиц в конкретных контекстах позволяет углубить и расширить общее представление о том, как разграничивать между собой слова, не имеющие грамматических парадигм и, как правило, не являющиеся членами предложения.

В этом смысле и частный, и общий интерес представляет морфологический статус неизменяемых слов *что-то, около, назад* в предложении *Сооружение построено что-то около полувека назад.*

Слово *назад* при первом прочтении может быть воспринято как наречие, но абсурдность потенциального словосочетания *построено назад* подскажет ошибочность данного предположения.

Наречие *назад* в языке действительно существует, но оно имеет значение места (направления), например: *вернулся назад, посмотрел назад*. Слово *назад* с временным значением связывает главное слово и зависимое существительное в винительном падеже, то есть является предлогом, например: *уехал год назад, построен год назад, готов год назад*.

Предлог *назад* – тот редкий предлог, который располагается исключительно в постпозиции: *это было год назад; это было пять лет назад.* На это обстоятельство следует обратить особое внимание. Обычно предлоги находятся в препозиции по отношению к зависимому слову словосочетания, хотя некоторые из них могут находиться также и после этого существительного, например: *ради дружбы – дружбы ради, вопреки страху – страху вопреки, спустя год – год спустя*.

Слово *назад* в предложении *Сооружение построено что-то около полувека назад* выражает временные отношения и связывает причастие *построено* с суще-

ствительным *полвека,* иначе говоря, явно похоже на предлог. Однако однозначному выводу о предложном статусе слова *назад* мешает родительный падеж зависимого существительного *полвека.*

Аграмматичность контекста **Сооружение построено **полувека** *назад* не оставляет сомнений в структурной необходимость для данного контекста слова *около,* связь которого с родительным падежом существительного (в том числе и местоименного), напротив, очевидна, например: *около дороги, около меня, около пяти, около полувека*.

Впрочем, предположить, что в предложении *Сооружение построено около полувека назад* слово *около* может употребляться без слова *назад,* тоже невозможно, причем сразу по двум причинам.

Во-первых, грамматическая некорректность конструкции (*построено около полувека),* во-вторых, её смысловое несоответствие коммуникативному посылу предложения, в котором речь идет о приблизительном времени начала строительства и одновременно о примерном возрасте постройки, а не о длительности строительства (ср.: *построено полвека назад – строилось около полувека*).

Наличие же в одном словосочетании *построено около полувека назад* двух предлогов – предлога *около* и предлога *назад* – явление, вообще не характерное для русской грамматики. Для выражения сложных смысловых отношений в языке используются либо дефисные предлоги, например: *из-промеж* (***Из-промеж** листочков выбежал стебелёк с почкой, а из почки, наверху, вышли зелёные листики*), *по-над* (*шли **по-над** рекой),* либо сложные предлоги, например: *вдоль по* (*шли вдоль по улице*), *рядом* с (*сел рядом со мной*). Но в таких случаях оба конструктивных элемента предлога выражают однородные отношения, преимущественно отношения места. Меж тем в контексте *Сооружение построено около полувека назад* слова *около* и *назад* имеют разные смысловые нагрузки: *около* оформляет значение приблизительности, а *назад* выражает временные отношения.

Поэтому, прежде чем делать окончательные выводы по поводу морфологического статуса слова *назад*, нужно прояснить грамматический статус слова о*коло.*

Общеизвестно, что слово *около* может быть наречием, например: *Около, не стуле, лежали папиросы.* В современном русском языке наречие *около* употребляется сравнительно редко, гораздо чаще это слово является предлогом, выражающим пространственные отношения, например: *сел около меня.*

Слово *около* может быть также предлогом, выражающим временные отношения, например: *пришел около пяти.* Поскольку в контексте *Сооружение построено около полувека назад* выражена именно идея времени, остановимся на этом подробнее.

Для называния временного промежутка, ограниченного справа, в русском языке используются, как известно, предлоги ***до*** (*приходи до пяти*), ***не позже*** (*приходи не позже пяти*), ***не позже чем в*** (*приходи не позже чем в пять*), ***не позднее*** (*приходи не позднее пяти*), ***не позднее чем в*** (*приходи не позднее чем в пять*) и др.

Обозначая временной промежуток, ограниченный слева, мы обычно используем предлоги ***после*** (*приходи после пяти*), ***не раньше*** (*приходи не раньше пяти*), ***не раньше чем в*** (*приходи не раньше чем в пять*), ***не ранее чем в*** (*приходи не ранее чем в пять*) и др. Знакомство с такими предлогами – удобный повод обратить внимание учащихся на отсутствие запятой перед элементом *чем.*

Чтобы называть точное время, говорящий использует предлоги ***в*** (*приходи в пять*) или ***к*** (*приходи к пяти*). А если требуется, называя точное время, допустить при этом возможность незначительного опоздания или опережения, помогут производные предлоги – наречный ***около*** (*приходи около пяти)* и именной ***в районе*** (*приходи в районе пяти).*

В контексте *Сооружение построено около полувека назад* слово *около* выражает не временные и не пространственные отношения, а значение приблизительности. Речь в данном случае о приблизительной длительности временного промежутка, отделяющего событие прошлого от настоящего, и одновременно о приблизительном возрасте сооружения.

Слово *около* со значением приблизительности употребляется также со словами других тематических групп, в частности: при выражении значения приблизительной длительности временного промежутка без указания возраста объекта (*жил около года*), приблизительности возраста живого существа (*ему на вид около тридцати лет*), веса (*понадобится около килограмма муки),* расстояния (*осталось пройти около километра),* объема (*осталось около литра молока*).

Помимо слова *около*, в языке есть и другие неизменяемые слова со значением приблизительности, например: *почти, примерно, приблизительно, не меньше чем, не менее, не меньше, не больше чем, не больше, не более.* Слова, которым они сообщают значение приблизительности, способны выступать в роли подлежащего, ср.:

С того дня прошел ***год****. – С того дня прошел* ***почти*** *(приблизительно, примерно, не меньше чем, не больше чем)* ***год****.*

Горсть *снега попала в лицо. – В лицо попала* ***примерно*** *(почти, приблизительно, не меньше чем, не больше чем)* ***горсть*** *снега.*

Понадобится ***килограмм*** *муки. – Понадобится* ***приблизительно*** *(примерно, почти, не меньше чем, не больше чем)* ***килограмм*** *муки.*

Дом от вокзала отделяет ***километр*** *пути. – Дом от вокзала отделяет* ***приблизительно*** (*примерно, почти, не меньше чем, не больше чем*) ***километр*** *пути.*

В приведенных выше примерах подлежащее выражено именительным падежом существительного. Но в контекстах со словами *около, не меньше, не менее, не больше, не более* подлежащее выражено уже родительным падежом, например:

Потребуется ***горсть*** *муки. – Потребуется* ***около*** (*не больше, не более не меньше, не менее*) ***горсти*** *муки*

Прошел ***год****. – Прошло* ***около*** (*не меньше, не менее, не больше, не более*) ***года****.*

Вне зависимости от падежа существительного-подлежащего в контекстах типа *потребуется около горсти муки, прошло около года* слово *около* предлогом быть не может. Предлоги для связи подлежащего и сказуемого точно не требуются: это бы противоречило определению предлога как служебной части речи, оформляющей подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании и тем самым выражающей отношение друг к другу тех предметов, действий и состояний, которые этими словами называются.

В подобных контекстах слово *около*, а также слова *почти, примерно, приблизительно, не меньше чем, не больше чем, не меньше, не больше* не что иное, как частицы. Добавим, что слова *не раньше чем, не позже чем* могут употребляться и при наречиях *(звони не раньше чем утром; приезжай не раньше чем весной)*, что также не оставляет места предположениям о предлоге. Запятые перед *чем* в таких

контекстах по традиции не ставятся – на это обстоятельство уместно специально обратить внимание учащихся.

Косвенный падеж существительного в роли подлежащего – явление в языке нередкое. Обычно такие подлежащие выражены фразеологизмами, количественно-именными сочетаниями (*на столе лежали* ***три тетради****),* а также сочетаниями со значением объединенного (***мы с матерью*** *поедем завтра*) или, наоборот, раздельного множества (***каждый из нас*** *согласится*). Этот список, как видим, может быть пополнен сочетаниями существительного в родительном падеже с частицами *около, не меньше, не менее, не больше, не более,* например*: прошло около года, не больше года, не менее года* и т. п.

Статус частицы слово *около*, естественно, сохраняет и в тех случаях, когда существительное, которому оно придает значение приблизительности, является беспредложным (*Дом строился* ***год****. – Дом строился около* ***года)*** или предложным дополнением (*Это было* ***пять лет*** *назад. – Это было около* ***пяти лет*** *назад).*

Таким образом, в контексте *Сооружение построено что-то около полувека назад* предлогом, оформляющим подчинение существительного *полвека* причастию *построено* и выражающим временные отношения, является слово *назад.* С помощью этого предлога характеризуется временной промежуток, отделяющий событие прошлого от настоящего, и одновременно возраст сооружения.

Добавим, что в контекстах без слова *около* наряду с предлогом *назад* возможно появление предлога *тому назад,* например*: Сооружение построено год тому назад, Это было пять лет тому назад.*

Слово *около* в данном контексте – частица со значением приблизительности. Эта частица образует смысловое и грамматическое единство с временным существительным *полвека*, предопределяя появление родительного падежа вместо винительного, ср.: *Сооружение построено* ***полвека*** *назад – Сооружение построено* ***около полувека*** *назад.* Добавим, что в сочетании с родительным падежом местоимения слово *около* образует другую частицу – модальную частицу *около того*, употребляющуюся для выражения неполного согласия.

В предложении *Сооружение построено что-то около полувека назад* есть еще одно слово, вырывающее вопросы. Это слово *что-то.*

На неопределенное местоимение слово *что-то* похоже только на первый взгляд. При сохранении звучания, написания и отчасти значения неопределенности оно не является членом предложения, выражает идею приблизительности и свободно заменяется словами *примерно, приблизительно, где-то,* например:

Сооружение построено ***что-то*** *около полувека назад. – Сооружение построено* ***где-то*** *около полувека назад.*

Заходил ***что-то*** *около пяти. – Заходил* ***где-то*** *около пяти.*

Слово *что-то* может употребляться и в конструкциях без *назад,* например*: построено что-то* ***около*** *полувека назад – строилось что-то около полувека.*

Но вот без частицы *около* слово *что-то* для выражения приблизительности употребляться не может: **построено что-то полвека назад.* В таких случаях вероятнее появление слова *где-то,* например*: построено где-то полвека назад.* Заметим, что слово *где-то* обходится и без частицы *около: Это было* ***где-то*** *году в 2000-м. – Это было примерно году в 2000-м.*

Появление *что-то* без частицы *около* возможно только для выражения оправдания, косвенного извинения (*Что-то* ***я*** *растерялся (простудился). Что-то* ***я*** *плохо себя чувствую)* или для сочувственной констатации неудачного проявле-

ния адресата (*Что-то **ты** растерялся. Что-то **ты** сегодня неудачно выступил)* или третьего лица (*Что-то **он** растерялся. Что-то **он** сегодня неудачно выступил)*.

Как видим, в паре с частицей *около* неизменяемое слово *что-то* представляет собой отнюдь не местоимение, а раздельнооформленную частицу *что-то около* со значением приблизительности, а без *около* является эмоциональной частицей, служащей для выражения огорченной неудовлетворенности собой или адресатом.

Таким образом, анализ даже одного предложения дает возможность проиллюстрировать явление грамматической омонимии и научить отличать наречия от предлогов, предлоги от частиц, местоимения от частиц и т. п. При этом, разграничивая элементарные, прозрачные омонимы, как, например, наречие *около* и предлог *около* со значение места, не следует упускать из виду более сложные случаи, в частности, звукобуквенное совпадение предлога *около* со значением времени и частицы *около* со значением приблизительности.

Стоит специально обратить внимание, что предлог *около* обозначает неточное время события и заменяется (со смысловыми погрешностями) предлогами *к, до, после,* например*: пришел* (в какое время?) *около* (*до, к, после*) *пяти.*

Частицы *около* и *что-то около* обозначают приблизительность временного промежутка, например: *прошло (*как долго?) *около пяти лет*. Эта частица не привязана исключительно к временным контекстам и может обозначать также приблизительность расстояния, веса, объема (*нужно около пяти метров, литров, граммов* и т. п.).

Изучение грамматической омонимии позволяет одновременно коснуться более широкого круга вопросов, например, обсудить происхождение производных предлогов, привлечь внимание к их не совсем обычной локализации (*построено полвека назад*), рассмотреть многозначность предлогов (*сел около меня, пришел около пяти*), обратить внимание на необходимость отличать раздельнооформленные лексемы (*Понадобится **что-то около** литра молока*; *– Ты уже устроился на работу? – **Около того***) от сочетания разных лексем (***Что-то** лежит **около** стола*; Стоял ***около того** дерева*), напомнить о подлежащих, выраженных не словами, а сочетаниями слов (*прошло **около года**, прошло **два года***), обосновать отсутствие запятой перед элементом *чем* в контекстах *приезжай не **позже чем** к пяти, понадобится **не больше чем** литр* в противоположность контекстам, где запятая необходима: *уходи не **раньше, чем** я разрешу.*

Подобные грамматические ловушки встречаются, естественно, не в одном-единственном предложении. Если не уклоняться от решения таких лингвистических задач, а, напротив, максимально использовать их потенциал, обычные уроки морфологии могут стать во много раз занимательнее и полезнее.

Список литературы

1. Власова О. Б. Слово «да» в современном русском языке // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. С. 135–141.
2. Власова О. Б. Слово «ещё»: стереотипы и реальность // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 2-2 (33). С. 49–50.
3. Власова О. Б. Грамматическая специфика частиц «не кто иной, как» и «не что иное, как» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 1. С. 131–135.

THE STUDY OF THE INVARIANT HOMONYMS IN RUSSIAN AND FOREIGN AUDIENCE

O. B. Vlasova

Tver State University
the Russian Language Department

The article is devoted to the differentiation of homonymous invariant parts of speech that do not have affixes that would formally fix semantic differences. The focus of the author is on words *about*, *back*, *something*, the meaning and grammatical specificity of which varies depending on the context, and therefore requires special attention when working with both Russian and foreign audiences. The research is conducted on the material of the modern Russian language.
Keywords*: particle, adverb, preposition, case, genus, morpheme, affix, prefix, semantics.*

Об авторе:

ВЛАСОВА Ольга Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: o_vl@bk.ru.

About the author:

VLASOVA Olga Borisovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: o_vl@bk.ru.

УДК 808.5

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СОСТРАДАНИЯ КАК ОДНОГО ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ НРАВСТВЕННОСТИ

[1]И. В. Выржиковская, [2]С. Е. Федоренко

Тверской государственный университет
[1]кафедра иностранных языков гуманитарных факультетов
[2]кафедра иностранных языков естественных факультетов

Статья посвящена соотнесению речевых (текстовых) манифестаций с этическими и мировоззренческими взглядами коммуниканта. Авторы описывают имплицитные языковые средства выражения сострадания на примере диалогового фрагмента англоязычной художественной литературы.
***Ключевые слова**: этические принципы, коммуникант, высказывание, стилистические приемы, экспрессивность.*

Нравственные принципы человека всегда реализуются в его деятельности. Это распространяется и на речевую деятельность. Система традиционной риторики, так же как и лингвистики, ориентирована преимущественно на средства вербальной коммуникации. Ю. Н. Варзонин полагает, что «на самом деле, конечно, в языке не существуют специальные риторические средства, поскольку все языковые средства с одинаковым успехом в нужном месте и в нужное время обслуживают потребности коммуникации» [2, с. 137]. Что же является основанием выбора языковых средств коммуниканта? Ю.Н. Варзонин приходит к выводу, что подход к этим средствам должен осуществляться от отправной точки – мировоззрения, причем он должен быть согласован с элементами этической системы и конкретными параметрами коммуникативного события.

Достаточно часто этико-мировоззренческие установки не выражены в высказываниях в явной форме, но восстанавливаются контекстуально.

Поскольку целеполагание – один из главных факторов построения высказывания адресантом, коммуникативный смысл высказывания – это отношение его содержания к достигаемой цели коммуникации. Данный смысл может быть представлен как эксплицитно (в виде конкретной фразы), так и имплицитно (выводиться из контекста). Коммуникативный смысл может быть производным и включать значительный элемент субъективизма – того, как воспринимает высказывание слушающий. Результирующий коммуникативный смысл заключается в соединении смыслов, вкладываемых в высказывание автором и адресатом. Это дает говорящему возможность реализовать неуловимый, не выраженный эксплицитно смысл речевого произведения. В качестве примера рассмотрим фрагмент диалога между двумя молодыми людьми, которые показали разное понимание долга и способность к состраданию на фоне событий, произошедших в 1900-м году.

XIX век подошел к вопросу о нравственности с точки зрения ее постепенного развития в человечестве, начиная с первобытных времен. Широкое распространение получило натуралистическое (эволюционное) направление в этике (Дарвин, Спенсер, Гексли, Летурно, Каутский, Гюйо, Кропоткин). Из всех попыток построить этику на чисто научных основаниях, предпринятых философами и мыслителя-

ми второй половины XIX столетия, наиболее интересной, по мнению П. А. Кропоткина, является система французского мыслителя Жана Мари Гюйо (1854–1888), к которой он пришел на основании анализа учения гедонистов вообще и, в частности, английского утилитаризма, в котором он видит отголоски морали эпикурейцев. Согласно этой этической теории, мораль коренится в природе человека. В основу своей этики Гюйо кладет понятие жизни в самом широком смысле слова. Этика, по мнению Гюйо, должна быть учением о средствах, при помощи которых достигается цель, которую ставит сама природа, – рост и развитие жизни. Гюйо стремился обосновать нравственность, с одной стороны, без всякого мистического сверхъестественного веления божества и внешнего принуждения и долга, а с другой стороны, хотел устранить из области нравственного и личный материальный интерес или стремление к счастью, на котором строили свою нравственность утилитаристы. «Основным недостатком утилитарной школы следует считать, что в человеческой деятельности она видела лишь стремление к удовольствию, а в самом удовольствии наименее существенную форму его. Есть два рода удовольствий: один соответствует особому и временному виду активности, – таково удовольствие от еды или питья; другой связан с самой сущностью активности, таково чувство удовольствия вследствие проявления жизненности, воли, мысли… Утилитаристы видели исключительно первый род удовольствия. Но люди не всегда совершают поступки ради определенного удовольствия, внешнего самому поступку; действуют также ради удовольствия быть активным, живут, чтобы жить, мыслят, чтобы мыслить» [3, с. 452].

П. А. Кропоткин после тщательного анализа развития учений о нравственности приходит к следующему выводу: «Почти все писавшие о нравственности старались свести ее к какому-нибудь одному началу: к внушению свыше, к прирожденному природному чувству или к разумно понятой личной или общественной выгоде. На деле же оказывается, что нравственность есть сложная система чувств и понятий, медленно развившихся и все далее развивающихся в человечестве. В ней надо различать по крайней мере три составных части: 1) инстинкт, т.е. унаследованную привычку общительности; 2) понятие нашего разума – справедливость и, наконец, 3) чувство, ободряемое разумом, которое можно было бы назвать самоотвержением или самопожертвованием, если бы оно не достигало наиболее полного своего выражения именно тогда, когда в нем нет ни пожертвования, ни самоотверженья, а проявляется высшее удовлетворение продуманных властных стремлений своей природы. Даже слово “великодушие” не совсем верно выражает это чувство, так как слово “великодушие” предполагает в человеке высокую самооценку своих поступков, тогда как именно такую оценку отвергает нравственный человек. И в этом истинная сила нравственного» [4, с. 278].

Несмотря на расхождения в понимании источника морали и содержания морального идеала, мыслители разных эпох сходятся во мнении, что одной из основных составляющих нравственности является сострадание. К этому выводу пришел А. Шопенгауэр, утверждавший, что «справедливость как подлинная свободная добродетель имеет свое начало в сострадании» [6, с. 343]. Об этом пишут Гюйо и Кропоткин, объясняющие, что происходит с нашим сочувствием горю других. «Мы чувствуем, особенно в раннем возрасте, что у нас больше сил, чем сколько их нужно нам для нашей личной жизни, и мы охотно отдаем эти силы на пользу другим. Из этого сознания избытка жизненной силы, стремящейся проявиться в действии, получается то, что обыкновенно называют самопожертвованием» [4, с. 248]. Кропоткин, тем не менее, не согласен с такими названиями этих действий, как самоотречение, самоотверженность или альтруизм. «Но все эти названия потому уже

неверны, что человек, совершающий такие поступки, хотя они часто навлекают на него страдание физическое или даже нравственное, не променял бы этих страданий на скотское безучастие, а тем более на недостаток воли для выполнения того, что он считает нужным совершить» [Там же, с. 277]. Как полагает Гюйо, в таких случаях человеком руководит сознание своей силы и потребность дать ей приложение. «Притом, если чувство оправдывается разумом, оно уже не требует никакой другой санкции, никакого одобрения свыше и никакого обязательства так поступать, наложенного извне. Оно само уже есть обязательство, потому что в данный момент человек не может действовать иначе. Чувствовать свою силу и возможность сделать что-нибудь другому или людям вообще и знать вместе с тем, что такое действие оправдывается разумом, само по себе есть уже обязательство так поступать. Его мы и называем «долгом» [Там же, с. 276].

Рассматриваемый далее пример показывает, как в одной и той же ситуации два молодых человека, имеющих одинаковые возможности, совершенно по-разному чувствуют свои силы и сознают свой долг. Пример взят из фильма «Пикник у Висячей скалы», снятого по одноименному роману австралийской писательницы Джоан Линдсей.

14 февраля 1900 года студентки женского колледжа миссис Эплъярд отправились на пикник к Висячей скале, представляющей собой стометровый выступ вулканической породы. Четыре девушки отпросились прогуляться по скалам, и назад вернулась только одна. Позже среди камней затерялась их учительница математики. Поиски девушек не увенчались успехом, и их исчезновение так и осталось загадкой. Во время прогулки за девушками наблюдали двое молодых людей – джентльмен Майкл и кучер Альберт, состоящий в услужении у его дяди. Местный полицейский, как и все вокруг, подозревает, что девушки попали в беду и, скорее всего, погибли. Такого же мнения придерживается и Альберт. Майкл, тем не менее, не перестает думать о них и уговаривает Альберта продолжить поиски. Его не пугают зловещие скалы и опасности, которые могут встретиться на их пути. Разговор начинает Майкл:

Michael. I wake up every night in a cold sweat. Just wondering if they are still alive.

Albert. Yeah, well, the way I look at it is this: if the bloody cop and the bloody abo tracker and the bloody dog can't find'em, well, no one can. People have been bushed before today, and as far as I'm concerned, that's the stone end of it.

Michael. Well, it's not the stone end of it as far as I'm concerned. They may be out there dying of thirst on - - on that infernal rock and… you and I are sitting here drinking cold bloody beer.

Albert. That's where you and me's different. If you want my advice, the sooner you forget the whole thing, the better.

Michael. Well, I can't forget it, and I never will. I want to go back on the rock. To look for them. Will you come with me?

Albert. Beautiful birds, them swans. A week in the bush. They'd be dead by now.

Michael. Then I'll go alone [5].

Диалог между Майклом и Альбертом является примером фамильярно-разговорного стиля. Большую стилеобразующую роль играет компрессия, которая в данном примере проявляется на всех уровнях. Употребление усеченных форм (фонетическая редукция вспомогательных глаголов): *I'm, that's, it's, me's, They'd, I'll*; сокращенная отрицательная форма *can't*; фонетическая редукция местоимения *find'em.* На уровне лексики компрессия проявляется в употреблении аббревиатуры *abo* вместо *aborigine* в словосочетании *abo tracker.* Синтаксическая компрессия выражена

эллипсисом: *Just wondering if they are still alive. To look for them. Beautiful birds, them swans. A week in the bush.* Пропущенные элементы в предложениях *Just wondering if they are still alive. To look for them* легко восстанавливаются из контекста.

Майкл всерьез обеспокоен судьбой девушек. Он все время думает о том, что они, возможно, еще живы. Эти мысли заставляют его просыпаться каждую ночь в холодном поту. Эпитет *in a cold sweat* придает экспрессивность и эмоциональность высказыванию Майкла, так как передает его сильное беспокойство и волнение, граничащее с ужасом и страхом перед создавшейся ситуацией. Именно такое значение разговорного выражения *to be in a cold sweat* дает словарь [1, с. 581]. Невзирая на опасность, он полон решимости идти на поиски девушек, о чем и заявляет в предложении *I want to go back on the rock.* Следующее за ним неполное предложение *To look for them* экспрессивно, поскольку отражает восприятие и образное видение мира Майкла. Его волнение предается также с помощью умолчания и паузы в следующем высказывании: *They may be out there dying of thirst on - - on that infernal rock and… you and I are sitting here drinking cold bloody beer.* Умолчание, выраженное тире, основано на том, что Майкл не хочет называть вещи своими именами. В данном случае это – адская скала, за которой скрылась навсегда девушка, в которую он влюблен. Эпитет *infernal*, усиленный указательным местоимением *that* в словосочетании *on that infernal rock,* передает отчаяние Майкла и угрызения совести по поводу их бездействия. Эмоциональная пауза, фикисированная многоточием, отражает нервозность и возмущение Майкла в ответ на безразличие и благоразумие Альберта. Все высказывание построено на антитезе: положение девушек, которые, вероятно, погибают от жажды, противопоставляется праздному времяпрепровождению юношей, наслаждающихся прохладным пивом.

Образность достигается эпитетом *cold bloody beer*, содержащим эмоционально-усилительное прилагательное *bloody,* в коннотации которого – эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты. В данном высказывании Майкла грубо-разговорное слово *bloody* усиливает отрицательный характер эмоциональности, связанной с нетерпением и упреком. То же слово звучит в следующем высказывании Альберта: *Yeah, well, the way I look at it is this: if the bloody cop and the bloody abo tracker and the bloody dog can't find'em, well, no one can.* Тем не менее здесь это слово служит для усиления эмоций иного характера. Эмоциональность и экспрессивность этого слова поддерживается скоплением стилистических приемов, выполняющих общую функцию. Высказывая свою точку зрения, Альберт помещает на первое место эмоционально доминирующий элемент, нарушая, таким образом, обычный порядок слов в предложении. Характерная для разговорной речи избыточность находит здесь выражение в так называемых “time-fillers” *Yeah, well.* Синтаксическая конвергенция в этом предложении осложняется повтором, параллельными конструкциями и полисиндетоном. Синтаксическая конвергенция создана однородными подлежащими *the bloody cop and the bloody abo tracker and the bloody dog*, в которых повтор фраз *the bloody* и анафорический повтор союза *and* фиксирует внимание на следующих за ним существительных, увеличивая тем самым не только экспрессивность, но и ритмичность.

Отрицательные конструкции передают волнение, колебание и досаду Альберта. Сознавая безрассудность принятого Майклом решения отправиться на поиски девушек, он колеблется и пытается убедить в своей правоте не столько его, сколько себя самого. Метафорический эпитет *the stone end*, который звучит в завершающем данную реплику предложении *and as far as I'm concerned, that's the stone end of it,* подчеркивает категоричность принятого Альбертом решения снять с себя всякую ответственность за судьбу девушек. Диалог развивает анадиплозис

Well, it's not the stone end of it as far as I'm concerned, содержащий сообщение, опровергающее предыдущее. Подхват в данном примере показывает связь между двумя идеями и усиливает не только экспрессивность, но и ритмичность. Номинативные односоставные предложения *Beautiful birds, them swans. A week in the bush* имеют большой экспрессивный потенциал, так как существительные *birds* и *swans*, являющиеся главными членами первого предложения, совмещают в себе образ предмета и идею его существования. Воспоминания Майкла о Миранде, одной из пропавших девушек, сопровождает образ плывущего по саду лебедя: пригрезившаяся ему девушка пропадает за кустом – и оттуда выплывает гордая белоснежная птица. Второе предложение служит для описания обстановки и способствует динамичности повествования. Тот факт, что девушки провели целую неделю в лесу, дает Альберту основания предположить, что их давно нет в живых.

Используемые синтаксические конструкции своей лаконичностью отражают строй мышления Альберта, связаны с его характером и особенностями его восприятия. Альберт пытается отговорить Майкла продолжить поиски пропавших девушек, так как не видит смысла в том, чтобы рисковать жизнью: они не первые, кто заблудился в этих кустах. Он даже готов дать Майклу совет как можно скорее забыть о случившемся. Употребление сравнительной конструкции *the sooner you forget the whole thing, the better* сообщает высказыванию большую экспрессивность. Но именно в этом-то и заключается разница между ними! Альберт открыто заявляет об этом Майклу с помощью эмфатической конструкции *That's where you and me's different*.

Может быть, именно об этой разнице говорит А. Шопенгауэр, объясняя различие этических импульсов, которые имеются у каждого человека. Совершенно очевидно, что Майклом руководит именно то чувство долга, о котором пишет М. Гюйо в своем учении о нравственности. Это находит выражение в следующем высказывании Майкла: *Well, I can't forget it, and I never will.* Отрицание делает эту фразу более эмоциональной и экспрессивной. Майкл говорит Альберту о том, что он не может забыть о случившемся и никогда не сможет. На уровне морфологии экспрессивность выражена с помощью отрицательной формы модального глагола *can't* и отрицательного наречия *never*. Употребление вспомогательного глагола *will* с местоимением первого лица делает фразу еще более эмоциональной и выражает волеизъявление говорящего и его решимость поступить именно так, а не иначе. «Долг, – говорит Гюйо, – есть сознание внутренней мощи, способность произвести нечто с наибольшей силой. Чувствовать себя способным развить наибольшую силу при совершении известного деяния – значит признать себя обязанным совершить это деяние» (цит. по: [4, с. 248]). Однако не все обладают этим сознанием избытка жизненной силы, которая стремится проявиться в действии, и не все одинаково готовы к самопожертвованию, которое проистекает из этого сознания.

Завершает рассматриваемый пример фраза, произнесенная Майклом в ответ на довольно расплывчатый ответ Альберта на его просьбу отправиться на поиски девушек вместе: *Then I'll go alone*. Майкл принимает решение идти один, то есть бороться и пренебрегать опасностью. Местоимение первого лица в данном случае, казалось бы, изобличает эгоизм говорящего. Но это эгоизм или альтруизм? П.А. Кропоткин, пытаясь разобраться в противоречии чувств эгоистических и альтруистических, приходит к выводу, что в действительности этого противоречия не существует. «Во все времена были ограниченные люди; во все времена были глупцы. Но никогда, ни в какую эпоху истории, ни даже геологии, благо индивида не было и не могло быть противоположно благу общества. Во все времена они оставались тождественны, и те, которые лучше других это понимали, всегда жили наи-

более полной жизнью» [Там же, с. 315]. Для убежденного человека не существует компромиссов между эгоистическими и альтруистическими чувствами, «и человек убежденный потому и отвергает компромисс, который позволил бы ему спокойно дремать в ожидании, пока все само собой изменится к лучшему» [Там же, с. 316].

Таким образом, разные взгляды на необходимость отправиться на поиски затерявшихся в скалах девушек находят имплицитное выражение в их высказываниях.

Список литературы

1. Большой англо-русский словарь : в 2 т. Т. 2. M–Z. М. : Рус. яз. 1979. 864 с.
2. Варзонин. Ю. Н. Этические основания риторики. Тверь, 2001. 205 с.
3. Гюйо М. История и критика современных английских учений о нравственности. СПб.: Тип. И. М. Комелова, 1898. 458 с.
4. Кропоткин П. А. Этика: Избранные труды. М.: Политиздат, 1991. 496 с.
5. Пикник у Висячей скалы: художественный фильм [Электронный ресурс] URL: https://www.ivi.ru/watch/213583 (дата обращения: 17.02.209).
6. Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики. М. : АСТ ; Мн. : Харвест, 2005. 512 с.

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSION OF SYMPATHY AS A COMPONENT OF MORALE

[1]I. V. Vyrzhikovskaya, [2]S. Y. Fedorenko

Tver State University
[1]the Department of Foreign Languages for Human Sciences
[2]the Department of Foreign Languages for Natural Sciences

The article is devoted to the correlation of the linguistic manifestations with the ethical and worldview attitudes of communicants. The authors describe covert language means of expressing compassion on the example of a dialogue taken from the English literature.

Keywords*: language means, ethical principles, communicant , utterance, stylistic devices, expressiveness.*

Об авторах:

ВЫРЖИКОВСКАЯ Ирина Валентиновна – старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: irinfvtver@mail.ru.

ФЕДОРЕНКО Светлана Евгеньевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: irinfvtver@mail.ru.

About the authors:

VYRZHIKOVSKAYA Irina Valentinovna – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages for Human Sciences, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: irinfvtver@mail.ru.

FEDORENKO Svetlana Evgenevna – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages for Natural Sciences, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: irinfvtver@mail.ru.

УДК 811.133.1-3

АНТИЧНЫЙ МИФ КАК ОСНОВА ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЖАНА КОКТО

Е. В. Гнездилова

Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева
кафедра связей с общественностью и речевой коммуникации

Статья посвящена исследованию особенностей эстетической концепции французского поэта, драматурга, сценариста, художника Жана Кокто. В своем творчестве он неоднократно обращался к античному мифу, в частности к мифу об Орфее, который использовал не только как структурную основу своих произведений, но и как основу эстетической и философской концепции. Именно благодаря античному мифу Жан Кокто синтезировал эстетические новации предшествующий культурной традиции и современные ему поиски в области литературы и искусства.

Ключевые слова: *Жан Кокто, модернизм, миф об Орфее, орфизм, французская литература, мифологизация, рецепция мифа.*

Французский поэт, драматург, эссеист и режиссер Жан Кокто с удовольствием принимал участие в «прелюбопытном спектакле» [6, с. 794], который разыгрывался в жизни Европы первых десятилетий XX века – эпохи художественной революции, центром которой стал Париж. Как писал Кокто в эссе, посвященном Пикассо: «Революция эта проходила при обстоятельствах чрезвычайно любопытных, в самый разгар войны 1914 года, войны столь необычной, что каждый из нас, будучи мобилизованным, беспрепятственно переходил с одного “фронта” в Париже на другой, фронт военных действий. Эта революция прошла почти незамеченной, и когда все, кто имел основания опасаться ее, наконец уразумели, в чем дело, бороться с ней было уже слишком поздно» [8, с. 616]. Это было время тотального обновления искусства, обусловленного колоссальным сдвигом в общественном сознании. «Инверсия эстетического чувства» привела к возникновению таких авангардистских направлений, как футуризм, кубизм, орфизм, конструктивизм, дадаизм, сюрреализм.

И хотя Кокто никогда не цеплял на себя ярлыков какой-либо литературно-художественной школы, тем не менее ни один авангардистский «изм» не остался незамеченным поэтом. Он участвовал в экспериментах футуристов и дадаистов, был знаком с орфической теорией Робера и Сони Делоне, боготворил Пикассо и его кубистические работы, обращался к поэтике сюрреализма. Аккумулируя новации эпохи и вместе с тем опираясь на традиции предшествующей культуры, Кокто создал собственный стиль, сформировал собственную эстетику, ключевым понятием которой является «поэзия». Неслучайно свои произведения Кокто именует «критическая поэзия», «поэзия романа», «поэзия театра», «поэзия кино».

В эстетической концепции Кокто «поэзия» – это способ видения мира, особый язык, на котором изъясняются поэты, наивысшая форма выражения, с помощью которой человек может преобразить окружающий мир. Специфическая фор-

ма, особое построение произведения, основанное на синкретизме, свойственном мифологическому мышлению, на слиянии в художественной ткани произведения образных и понятийных категорий, способствуют не только эстетической привлекательности творения, но и выражению определенной идеи, того смысла, который автор стремится донести до читателя-зрителя.

Поэзия, поэтический язык, как известно, не существуют вне поэта, который, в соответствии с мифопоэтической традицией, выступает в роли демиурга. Для Кокто поэт – создатель мифов, который своими «чарами и заклинаниями» проясняет красоту и тайну мира, скрытую за видимостью вещей. Искусство поэта, по Кокто, должно быть «непосредственным, быстродействующим и синтетическим», он должен уметь передать в одной строке то, «что прежде растаскивалось на четыре строфы; ведь не страница грустного текста, а чудо хорошо сказанного слова вызывает у нас подлинно прекрасные слезы» [Там же, с. 616–618]. Рождая ритмы и отбирая слова, насыщенные мифологическим значением, освещая детали, которые до него оставались невидимыми, поэт пересоздает реальность. Но, в отличие от символистов, стремившихся прорваться сквозь пелену повседневности к трансцендентной Красоте, «перевести здешнее, временем связанное, в широчайший круг бытия», Кокто поэтизирует современную ему реальность. Эстетизация современности становится приметой модернизма в 1910–1920-е годы. Вместе с тем «видимый» мир в произведениях модернистов дается в качестве «смыслового знака», а не как добросовестная фотография. Подобная установка на «видимое», как отмечал Ю.Н. Тынянов [10, с. 328], носит универсальный характер и связана с отказом от поисков «натурального сходства», поскольку больше нет уверенности в том, что «подлинные представления» о мире на самом деле подлинны. Лишь соотнесенность «нескольких рядов зрительных представлений» дает возможность приблизиться к подлинности, а стремительно завоевавший признание монтаж, или конструктивизм, важен именно как способ соотнесения и «не только фабульного характера, но еще и в гораздо большей степени – стилевого». В искусстве и литературе авангарда совершается «смысловая перепланировка мира» [Там же]. Наиболее активно производит эту «перепланировку» кинематограф, преображая «видимое» в смысловые знаки, выражая тем самым тенденцию, присущую всей культуре 10–20-х годов XX века.

В качестве основы для такой «перепланировки» многие художники этой эпохи используют античный миф. Как отмечал С.С. Аверинцев, для литературы модернизма характерно «свободное, непатетичное отношение к мифу, в котором интуитивное постижение дополняется иронией, пародией и интеллектуалистическим анализом и которое осуществляется через прощупывание мифических первооснов часто в самых простых и обыденных вещах и представлениях» [1, с. 881]. Так, например, «мифологизация» житейской прозы с ее алогичностью доводится до необычайной последовательности в творчестве Ф. Кафки и Дж. Джойса, других авторов.

Жан Кокто на основе античных мифов создает особое мифопоэтическое пространство, творит миф современного бытия. Он одним из первых во французской драматургии модернизирует античный миф, прокладывая дорогу таким драматургам, как Ж. Жироду и Ж. Ануй. Впервые именно в его пьесах у Антигоны, Эдипа и Орфея греческими остаются лишь имена. В пространстве драматического текста они – парижане, пытающиеся распутать клубок глубоко личностных проблем, которые волнуют автора.

Для Кокто миф – способ прикоснуться к основам бытия, обнажить структурные компоненты внутреннего «Я», способ найти себя, идентифицировать соб-

ственную личность. Учитывая, что Кокто основной эстетической категорией считал поэзию, а себя при всем многообразии талантов – поэтом, то становится объяснимым, почему именно миф об Орфее избирается им в качестве одной из главных тем творчества. Необходимо отметить необыкновенную популярность мифа об Орфее во французской литературе XIX – первой половины XX века. К нему обращались Леконт де Лиль, Теофиль Готье, Стефан Малларме, Гийом Аполлинер, Поль Валери и др. Причем для французских поэтов – предшественников Кокто образ Орфея и орфическое учение, ставшее основой герметической традиции, неразрывно взаимосвязаны. И, если В. Гюго в романе «Собор Парижской Богоматери» (1831), демонстрируя познания Клода Фролло в области оккультных наук, лишь упоминает Орфея как теолога, основателя древних мистерий («Дедал – это цоколь; Орфей – это стены; Гермес – это здание в целом» [5, с. 211]), то поэты-парнасцы во главе с Леконтом де Лилем рассматривали свой труд как «религию», способствующую спасению рода людского, а себя причисляли к новой теократии. Статус художника они приравняли к статусу священнослужителя, а искусство провозгласили единственным «действительным» богом. Патетичное отношение к Искусству, преклонение перед Красотой поэты выражали, обращаясь к мифу об Орфее, образ которого представлен и в «Античных поэмах» Леконта де Лиля и в «Эмалях и камеях» Теофиля Готье. «Культурократическое» истолкование стихотворчества как обмирщенного священнодействия наследуют от «парнасцев» символисты. Так, Поль Валери называет Орфея «богом юным», воздвигающим посредством пения храм внутри себя [3, с. 8].

Стефан Малларме дает «орфическое» определение поэзии, которая «посредством человеческой речи, сведенной к своему основополагающему ритму», является выражением «таинственного смысла сущего»; этим она дарует подлинность нашему пребыванию на земле и составляет «единственную настоящую духовную работу». Малларме несколько десятилетий вынашивал идею о Книге, в которой было бы воплощено «орфическое объяснение земли» (цит. по: [4, с. 322]). Он полагал, что искусство поэзии и есть некая Книга, которая содержит тайный смысл происходящих в жизни явлений, а сам поэт не творит свое искусство, а лишь «дешифрует Книгу».

Огромное значение приобретают в начале XX века идеи орфизма в изобразительном искусстве. Появляется такое направление в живописи, как орфизм. Вернее, даже не направление, а стиль, который разработал Робер Делоне, а название дал Аполлинер, который назвал «орфизмом» абстрактную живопись, «обогащенную музыкой и чувственными ассоциациями, искусство дионисийской радости» (цит. по: [9, с. 99]). Идеи пантеистического синтеза преобладали в начале XX века в разных видах искусства. Теософский пантеизм, являвшийся основой представления о синтезе искусств, сводил вместе музыку и миф, живопись и поэзию.

Жан Кокто, наследуя предшествующую культуру, демонстрирует в творчестве синтез иного рода. Он подходит ко всем явлениям реальности как художник-универсалист, как художник-исследователь. У него нет ностальгии по ушедшей эпохе, а есть страстное желание разобраться во всем, что происходит в жизни, исследовать природу поэтического творчества, вооружившись новейшими открытиями в области философии и психологии.

Стремление к целостному изображению человека, к единству реального и ирреального, сознательного и бессознательного, мужского и женского отражено на всех уровнях поэтики его драматических произведений. Используя миф об Орфее в качестве «инструмента структурирования текста» [8, с. 178], Кокто создает траги-

фарс о жизни современного поэта. Первое драматическое произведение, в котором Кокто обращается к мифу об Орфее, – одноактная пьеса «Орфей» (1925). Орфей у Кокто – известный поэт Фракии, у которого были и слава, и богатство. Он писал стихи, вызывая восторг публики. Вся Фракия знала их наизусть. Когда-то он был верховным жрецом Солнца. Но с появлением некой таинственной лошади все изменилось в его жизни. Он оставил свою должность и переехал в деревню. Теперь вся его жизнь состоит в том, что он холит лошадь, задает ей вопросы и ждет, что она ему ответит. Общение с лошадью происходит на манер спиритического сеанса: сколько раз лошадь ударит копытом, такую по счету букву из алфавита и записывает Орфей, складывая таким образом слова и фразы. Так лошадь «продиктовала» Орфею мистическую фразу «Жена Орфея преодолеет Аид», которую поэт считает формулой, способной преобразить поэзию. Именно поэтому он отправляет этот текст на Всефракийский конкурс поэзии. В этой пьесе Кокто обращается к практике дадаистов, школа которых к 1925 году утратила свою роль и фактически распалась как литературно-художественное объединение. Однако влияние их идей на творчество Кокто еще ощутимо в этой пьесе. Он не только иронизирует над их идейными установками, направленными на тотальный нигилизм и констатацию абсурдности жизни, но ищет форму для выражения значимости и особой роли подсознательного и бессознательного в жизни поэта, что в данном случае является характерной приметой времени.

Во Франции, как и в других странах Европы, психоаналитические идеи З. Фрейда все более завоевывают популярность. Более того, теория Фрейда становится второй по значимости после философии А. Бергсона теоретической составляющей сюрреализма. К середине 1920-х годов сюрреализм как стиль художественного мышления стал преобладать в литературе и искусстве Франции. Кроме психоанализа, большое влияние на формирование эстетической концепции Кокто оказывают идеи Бретона. Он, в частности, писал о том, что слово является своеобразным мостом между мифом и реальностью, но, заключенное в рамки собственного значения, навязанного ему обществом, оно теряет свою магическую функцию. Реальная звуковая оболочка приобщает слово к миру вещественному. Поэтому языковые эксперименты являются частью сюрреалистической теории, стремившейся восстановить разрушенный баланс между изначально противоположными, но одинаково значимыми гранями бытия, между рациональным и иррациональным в человеке и мире. Язык, по мысли Бретона и других сюрреалистов, должен стать инструментом воссоздания истинной реальности, сочетающей телесное и духовное, – «сюрреальности», а поэзия, согласно сюрреалистической концепции, являлась способом существования в этой идеальной вселенной. В связи с этим задача художника состоит в том, чтобы преодолеть вертикальный путь в глубины своего «Я» с целью поднять на поверхность сокровища бессознательного и осуществить затем синтез внутренней и внешней реальностей. Следующим шагом должно стать воссоединение «полноценного» человека с миром, но не с однобоким миром фактов, а с миром сущности, мифа, архетипов. Дезинтеграция языка, освобождение его первоэлементов от искусственных логических связей между собой и самостоятельное создание ими новых, истинных связей видится средством достижения поставленной цели.

И хотя Кокто никогда не причислял себя к сюрреалистам, а в каких-то произведениях ставил своей целью противостоять им, тем не менее он «боролся в сущности за то же, что и они, но работал один, они же выступали группой» [Там же, с. 739]. Впервые обращаясь к мифу об Орфее в этом трагифрсе, Кокто наполняет античный миф современным содержанием. Орфей для него прежде всего поэт, а

история Орфея – миф, в котором жизнь и смерть сходятся лицом к лицу. В пьесе «Орфей» (1925) Кокто еще не придает особого значения нисхождению Орфея в Аид, не детализирует пребывание Орфея и Эвридики в Аиде. Он лишь схематично обозначает существование мира ирреального. Реальность является здесь местом встречи видимого и невидимого. Но вместе с тем в этой пьесе автор обозначает круг тех выразительных средств, с помощью которых он будет и в дальнейшем воплощать тему поэта и поэзии. Это, прежде всего, введение в сюжет античного мифа таких персонажей, как ангел Эртебиз и Смерть в образе прекрасной женщины. В начале трагифарса функцию посредника между реальным и ирреальным выполняла лошадь. Посредством этого образа-символа Кокто ставит в своей драматургии еще одну важную проблему, касающуюся его представлений о поэтическом творчестве. Поэту не нужны посредники (даже такие мистические, как лошадь), погружение в суть бытия возможно только путем исследования собственных глубин.

Исследование темы поэта и поэзии на материале мифа об Орфее Кокто продолжил в фильме «Кровь поэта» (1930), первом кинопроизведении, где он не только выступил как сценарист, но и проявил свой талант режиссера. Позднее, размышляя о фильме, Кокто утверждал, что в «Крови поэта» он «исполнил одним пальцем то, что затем оркестровал» в следующем своем творении «Орфей» (1950) – фильме, который считается знаковым в истории поэтического кино. Поэтому «Кровь поэта» можно рассматривать как своеобразный мост, связующее звено между пьесой «Орфей», поставленной Ж. Питоевым в 1925 году, и кинофильмом «Орфей», созданном в 1950 году Кокто-сценаристом, Кокто- режиссером, Кокто-художником.

Говоря о Кокто-режиссере, необходимо отметить уникальность его положения в кинематографе. Он был первым из крупных литераторов, кто заинтересовался возможностями кино как искусства, способствующего передаче мысли, почувствовал могущественность этого оружия, которая выражается в способности проводить мысль даже в той толпе, которая этому сопротивляется, в толпе, довольствующейся «стилем низкопробных переводов и ежедневных газет» [Там же, с. 573]. Кино было для Кокто еще одним средством самовыражения, но и здесь он оставался поэтом. Он изучил технику нового искусства, вернее, он ее «переизобрел для собственного применения» и создал кинематографическую поэзию, которая стала неотъемлемой частью его творчества наряду с поэзией театра, поэзией романа, графической поэзией.

Большое внимание Кокто уделяет созданию сценария. Он не допускает небрежности или схематичности. Фактически его киносценарии по праву могут считаться полноценными драматическими произведениями, потому что в них он скрупулезно конструирует будущее кинопроизведение. Посредством образов он соединяет несоединимое, создавая собственный уникальный киноязык – стиль, эквивалентный его литературному стилю. Благодаря специфике изобразительных средств кинофильм для Кокто в большей мере, чем какое-либо другое художественное произведение, является «предметом, трудным для сборки» Такое определение возникает в поэтике Кокто, как и многие другие имена и названия, случайно. Как вспоминал поэт в беседе с А. Френо, когда-то в каталоге сюрпризов «обманок» для свадеб и банкетов он обнаружил название: «Предмет, трудный для сборки». Так и не узнав, что это был за предмет, Кокто взял на вооружение саму фразу, которая стала ключевой в его кинематографическом синтаксисе. Усложненность образного языка, «трудность сборки» уподобляют его фильмы зашифрованной Книге, которую необходимо разгадывать. Такое стремление сотворить посредством языка, образов новую реальность в произведении является одной из тенденций времени. Этот принцип активно рабо-

тает в поэтике сюрреалистов, которые, в свою очередь, модернизировали открытия символистов, уделявших особое внимание принципу внутритекстовых связей в произведении. Благодаря техническим возможностям кино Кокто более тщательно «прописывает» то, о чем он пытался сказать в трагифарсе «Орфей». В частности, связь с ирреальностью посредством зеркала выглядит уже не так условно, как в произведении, предназначенном для сцены, а изображение самой ирреальности, в которую погружается поэт, становится более подробным и изощренным.

Это произведение Кокто представляет интерес именно как связующее звено между трагифарсом «Орфей» (1925) и фильмом «Орфей» (1950). И хотя в «Крови поэта» Кокто не упоминает имени Орфея, но именно в нем он продолжает разрабатывать тему, обозначенную в пьесе «Орфей», продолжает исследовать природу поэтического творчества и природу личности поэта.

Работая над фильмом «Орфей», Кокто сформировал эстетическую концепцию «ирреального реализма», которая имеет принципиальное отличие от «сверхреальности» сюрреалистов. Так, если сюрреалисты «собирают вещи наново, заменяя все части до одной разрозненными элементами, произвольно набранными из непосредственного чувствительного содержания вселенной в собственно сюрреалистический объект» [2, с. 246], то Кокто конструирует произведение, объединяя реальность и ирреальный мир как две самостоятельные области. Используя опыт психоаналитических исследований, Кокто находит «высшую реальность» в воссоздании в поэтическом произведении как обыденного восприятия действительности с помощью обычного сознания, так и тех откликов, порывов, инстинктов, которые вызывает та же реальность в сферах подсознательного и бессознательного. Этот более широкий круг проблем, чем те, которые затрагивал традиционный реализм, представляется Кокто открытием его метода, то есть тем, что он назвал «ирреальным» реализмом. Основой в этом конструировании пространства для него является мифологема Орфея, в структуре которой заложено единство мира земного и небытия, а в семантике – способность поэта пребывать в двух мирах одновременно, способность переходить из реального пространства в ирреальное.

Используя технику монтажа, Кокто конструирует произведение, объединяет явь, мир реальный, в котором живет Орфей, и мир ирреальный, мифологический, небытие. Причем в изображении мира ирреального Кокто придерживается принципа правдоподобия, подробности деталей. Учитывая, что Кокто возвращается к теме Орфея в 1950 году, понятно, почему его интересует не «символичность изображения» ирреальности, как было в «Крови поэта», а момент стыка, «пограничности», встречи двух сфер человеческого существования, также заложенный в мифологеме Орфея. Такая смена акцентов обусловлена не только изменениями, произошедшими в общественной жизни и Франции, и Европы в целом, но и обстоятельствами личной жизни Кокто, который к этому времени потерял очень много близких и дорогих для него людей.

«Поскольку моя духовная походка была походкой человека, который хромает – одна нога в жизни, другая в смерти, – вполне естественно, что таким образом я пришел к мифу, где жизнь и смерть сходятся лицом к лицу», – говорил Кокто в беседе с А. Френо [7]. Кроме того, кинофильм был для Кокто наиболее подходящей формой для того, чтобы воплотить в произведении «инциденты на пограничной полосе», которая отделяет один мир от другого. Под «инцидентами» Кокто подразумевал все те же слагаемые поэтического творчества. Он стремился к тому, чтобы кинематографические трюки походили на шифры поэтов и воспринимались зрителями как некая иная реальность.

Фильм Жана Кокто «Орфей» (1950) по праву считается одним из самых ярких и впечатляющих фильмов европейского модернизма и неомифологизма. В нем органично и естественно сочетаются жанры поэтического кино, психологической драмы, детектива, триллера и приключенческого мистического фильма. В «Орфее» античная мифологема мастерски наложена на современную поэту городскую реальность. Это создает неповторимую атмосферу подлинного неомифологического произведения, современного и вечного. В очередной раз, обратившись к мифу об Орфее, Жан Кокто совершенно ясно формулирует свои цели и задачи. «Задача, поставленная в “Завещании”, – перевернуть представление о бесстыдстве, снимая с себя собственное тело и выставляя напоказ обнаженную душу» [8, с. 29].

Таким образом, Орфей для Кокто – это художник *par excellence*. И во всех произведениях, посвященных Орфею, Кокто стремится исследовать особенности творческой природы художника. Понимание Жаном Кокто мифологемы Орфея заставляет вспомнить о Сергее Эйзенштейне, который достаточно плодотворно общался с драматургом, будучи в Париже. Эйзенштейн разделял представления Кокто об Орфее как о художнике *par excellence*. Его эстетическая концепция построена на одновременном утверждении необходимости чувственного (регрессивного) и логического (прогрессивного) начал, объединенных в каждом произведении искусства. В произведении искусства, считал Эйзенштейн, работают оба разряда мышления в единстве: с одной стороны, обостреннейшее идеологическое осознание темы, с другой стороны, выражение ее путем перевода в разряд образного ощущения, то есть чувственного мышления. Мифологема Орфея является основой концепции творчества и эстетики Кокто. По мнению художника, для постижения Абсолюта необходимо погрузиться в собственное «я», обратившись к первоосновам бытия, к истокам мифологического мышления. Орфей Кокто ошибается, путается, находит себе ложных кумиров. И только столкновение со смертью (мотив утраты Эвридики и прохождение через подземное царство) возвращает его к истинным ценностям. В пространстве текста он отражает действительность, познанную с помощью сознательного и бессознательного. Творческие поиски Кокто оказывают мощное влияние не только на литературу, но и на всю культуру XX века.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Мифы // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. Т. 4. М. : Сов. энцикл., 1962. С. 880–881.
2. Бретон А. Кризис предметности // Иностранная литература. 1996. № 8. С. 245–249.
3. Валери П. Избранные стихотворения. М. : Русский путь, 1992. 81 с.
4. Великовский С. И. Верлен. «Проклятые поэты». Рембо. Малларме и символизм // История всемирной литературы : в 8 т. Т. 7. М. : Наука, 1991. С. 315–324.
5. Гюго В. Собор Парижской Богоматери. М. : Эксмо, 2006. 591 с.
6. Карпентьер А. Жан Кокто и эстетика окружающей среды // Кокто Ж. Петух и Арлекин. СПб. : Кристалл, 2000. С. 793–802.
7. Кокто Ж. Беседы о кинематографе [Электронный ресурс] // Мастерская индивидуальной режиссуры. URL: http://you-mir.ru/zhan-kokto-besedy-o-kinematografe (дата обращения: 01.03.2019).
8. Кокто Ж. Петух и арлекин : сборник. СПб. : Кристалл, 2000. 878 с.
9. Турчин В. С. По лабиринтам авангарда. М. : Изд-во МГУ, 1993. 248 с.
10. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 578 с.

ANTIQUE MYTH AS A BASIS OF JEAN COCTO'S AESTHETIC CONCEPT

E. V. Gnezdilova

Russian State Agrarian University
the Department of Public Relations and Speech Communication

The article is devoted to the study of the features of the aesthetic concept of the French poet, playwright, scriptwriter, and artist Jean Cocteau. In his work, he repeatedly turned to the ancient myth, in particular to the myth of Orpheus, which he used not only as the structural basis of his works, but also as the basis of aesthetic and philosophical concepts. It is thanks to the ancient myth, that Jean Cocteau synthesized aesthetic innovations of the preceding cultural tradition with modern searchings in the field of literature and art.

Keywords*: Jean Cocteau, modernism, the myth of Orpheus, orphism, French literature, mythologization, the reception of a myth.*

Об авторе:

ГНЕЗДИЛОВА Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и речевой коммуникации, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева (127550, Москва, ул. Тимирязевская, 49), e-mail:gnezdilovaelena@mail.ru.

About the author:

GNEZDILOVA Elena Valerevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Public Relations and Speech Communication, Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy n. after K.A. Timiryazev (127550, Moscow, Timiryazevskaya str., 49), e-mail:gnezdilovaelena@mail.ru.

УДК 821.161.1-3

ДО А. Н. ВАРЛАМОВА: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ О ШЕСТИ ПИСАТЕЛЯХ. ОПЫТ КРАТКОЙ БИБЛИОГРАФИИ

В. В. Частных

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Институт русского языка и культуры

В статье рассматривается творческая история биографических литературных портретов шести русских писателей (Булгаков, Грин, А. Н. Толстой, Пришвин, Платонов, Шукшин), изданных А. Н. Варламовым в популярной книжной серии «Жизнь замечательных людей», представлена библиографическая характеристика исследований и материалов, использованных А. Н. Варламовым в процессе работы.
Ключевые слова: *А. Н. Варламов, биография писателя, серия «Жизнь замечательных людей», литературный портрет, биографические материалы, биографическое исследование, документальная проза.*

Труд А. Н. Варламова – автора шести литературных портретов писателей, изданных в серии «Жизнь замечательных людей», – был непрост из-за значительного числа предшественников, создавших свои версии биографий Булгакова, Грина, Толстого, Пришвина, Платонова и Шукшина. Создавая образ своего героя, А. Н. Варламов сталкивался не только с проблемой поиска источников и интерпретации биографических фактов. Ему было необходимо учитывать различные точки зрения авторов уже существующих биографий.

Специально для серии «ЖЗЛ» об этих писателях до А. Н. Варламова не писал никто. В 1967 г. «Молодая гвардия» издала сборник очерков Константина Паустовского «Близкие и далекие», в который помимо прочих вошли короткие эссе об Александре Грине («Жизнь Александра Грина», 1939–1956 гг.) и Алексее Толстом («Алексей Толстой», 1939 г.). О В. М. Шукшине писал в начале 1980-х писатель и литературный критик В. И. Коробов, но также не специально для «ЖЗЛ». Эта биография, выпущенная издательством «Современник» в 1984 г., появилась в серии «ЖЗЛ» через пятнадцать лет.

Спектр биографических и исследовательских текстов о шести писателях доварламовского авторства, не выходивших в «Молодой гвардии», достаточно широк и разнообразен по своим целям, объёму, биографической достоверности и ценности используемого материала, осведомлённости авторов, глубине содержания. О М. А. Булгакове, кроме М. О. Чудаковой [57], в разное время писали известный научный сотрудник ИМЛИ РАН Б.В. Соколов [17; 50], литературовед и литературный критик В. В. Петелин [41], ученый-текстолог Л. М. Яновская [61; 62] и др. Естественно, бóльшая часть критической и научной литературы о Булгакове начала издаваться в перестроечное время, что отражено в библиографии к жизнеописанию писателя, созданному А. Н. Варламовым.

«Жизнеописание Михаила Булгакова» М. О. Чудаковой было опубликовано в рамках знаменитой выходившей в издательстве «Книга» в 1984–1991 гг. серии

«Писатели о писателях». На момент выхода в конце 1980-х гг. этот труд стал первой научной биографией М. А. Булгакова. Яркая и доступная широкому кругу читателей форма изложения надолго сделали книгу популярной. Однако, с точки зрения А. Н. Варламова, она содержит ряд спорных биографических подробностей.

В 1997 г. историком и филологом Борисом Соколовым в книге «Три жизни Михаила Булгакова» была предпринята попытка нового научного осмысления жизненного и литературного пути Михаила Булгакова. Автор крайне полемичных исторических работ, названный академиком РАН, социологом Г. Осиповым «самым неутомимым «профессиональным» фальсификатором» [42], Б. Соколов признан одним из крупнейших нынешних русских булгаковедов. Оригинальный авторский взгляд на жизнь и творческое наследие Булгакова демонстрирует также вторая в истории (после «Лермонтовской») энциклопедия такого рода – его «Булгаковская энциклопедия» [17].

Книга В. В. Петелина «Жизнь Булгакова» также богата документальными деталями биографии писателя, рассматриваемыми на фоне социальных трансформаций в России начала и середины XX в. Аналогично книге Б. В. Соколова, здесь также отчасти воспроизводится процесс прототипизации действующих лиц произведений Булгакова, то есть показано, как создавались персонажи, кто из окружения автора являлся прообразом того или иного героя, как формировались художественные макеты текстов романов, рассказов и повестей на основе событий его жизни.

Сборник «Записки о Михаиле Булгакове» Л. М. Яновской, состоящий из малоизвестных булгаковской аудитории работ, представляет значительный интерес в плане текстологических исследований автора и ввиду многолетней ее дружбы с вдовой писателя.

Судя по названиям работ, внесенным в краткую библиографию книги об А. П. Платонове, А. Н. Варламова в первую очередь интересовали архивные биографические материалы, недавно открывшиеся факты из жизни писателя, его записные книжки, воспоминания современников, новейшие на момент подготовки текста источники и исследования [7; 8; 9; 11; 18; 30; 31; 32; 48; 56].

Несмотря на большой объем документов и сведений об одном из самых загадочных и сложных русских писателей XX в., творчество которого вызывает в последние двадцать пять лет непреходящий исследовательский интерес литературоведов, до книги А. Н. Варламова полноценной биографии А. П. Платонова не было. В обозначенных нами трудах о Платонове очевиден исследовательский интерес к творчеству писателя, причем основные и наиболее значительные по объему и содержанию работы датируются концом XX в., а в 2000-х гг. появлялись сборники, содержащие новые, не доступные ранее массовой аудитории данные. Критики и ученые относительно возможности написания законченной полной биографии А.П. Платонова были настроены весьма скептически. Рецензент варламовской книги А. Гришин приводит несколько причин существования подобной точки зрения, среди которых главные – существование огромного корпуса текстов Платонова, лишенных научного комментария, и малое количество воспоминаний о писателе (в отличие от объема мемуарной прозы, посвященной, к примеру, Горькому или Пастернаку) [24]. В 1927 году в письме жене А. П. Платонов сообщает: «Истинного себя я еще никогда и никому не показывал и едва ли когда покажу» [11, с. 467]. По справедливому мнению А. Гришина, личность самого таинственного советского писателя остается во многом засекреченной для читателя и спустя 65 лет со дня его смерти [24]. Приоткрывает завесу этой тайны книга А.Н. Варламова, которую можно назвать первой в своем роде экспериментальной, «черновой» (А. Гришин), моделью биографии Платонова.

Книга об А. С. Грине вышла в свет в 2005 г. Основные источники, на которые опирался А. Н. Варламов, относятся к 60–80-м гг. прошлого столетия [38; 45; 55]. Отдельный блок относится к прижизненным изданиям о писателе; довольно много текстов, вышедших в периодике этого временного отрезка [46; 47; 51; 58]. Материалы конца века и начала нового тысячелетия, так или иначе фиксирующие вехи жизненного и творческого пути Грина, представлены единичными публикациями [19; 34].

Советскими филологами факты биографии А. С. Грина рассматривались без отрыва от анализа его художественного творчества. Специализированной подготовкой литературной биографии Грина не занимались в силу разных причин: сначала из-за неактуальности выпуска жизнеописания здравствующего писателя, позже, в конце жизни, оттого, что он подвергся социальному остракизму и на переиздание его произведений было наложено табу. Для понятийного аппарата и в целом теоретического контекста советского литературоведения было характерно наличие множества не рекомендуемых к использованию или запрещенных терминов и концепций. Например, жанровая классификация текстов А. С. Грина в рамках русской модернистской (в частности, романтической и неоромантической) литературы была крайне усложнена. Обзор и оценка модернистских течений относились к рискованной тематике в советском литературоведении, так как понятие социалистической литературы было жестко противопоставлено модернизму как буржуазной литературной тенденции. Большинство авторов советского периода руководствовались в своих рассуждениях о Грине именно такими соображениями, однако их тексты содержат важные биографические факты о нем, имевшие безусловную ценность для Алексея Варламова в процессе подготовки его книги.

В эпоху «оттепели» творчество А. С. Грина, несмотря на многие трудности и определенный методологический беспорядок, было официально признано советской идеологией и включено в контекст социалистического искусства, что нашло отражение в работах В. В. Харчева, Е. П. Прохорова, Л. Михайловой [55; 45; 38].

В начале 2000-х наблюдался некоторый всплеск интереса к жизни и произведениям Грина в ученой и читательской среде; в первом случае в связи с 120-летием со дня рождения писателя, во втором благодаря новому витку его популярности. Литературоведческих статей тем не менее вышло немного, наиболее значительные включены А. Н. Варламовым в библиографический список к жизнеописанию.

Книга А. Н. Варламова в некоторой степени послужила импульсом к созданию других биографических произведений об Александре Грине. Так, в 2013 г. в серии «В помощь школе» вышло учебное пособие «А. С. Грин в жизни и творчестве» Е. А. Яблокова, насыщенное иллюстративным материалом и выстроенное как подспорье учащимся в подготовке сочинений, докладов, других самостоятельных заданий [60]. В сборнике «Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками» (2012) представлена автобиографическая проза писателя и воспоминания его современников – родственников, друзей, журналистов, издателей, литераторов [28]. В том же году был выпущен его полный эпистолярий – 222 письма, 136 из которых напечатаны впервые: «Александр Грин. Я пишу вам всю правду. Письма 1906–1932 годов» [5].

Начало работы А. Н. Варламова с издательством «Молодая гвардия» относится к 2003 году, когда вышло биографическое повествование (авторское определение жанрового своеобразия книги) «Пришвин, или Гений жизни». Исследовательская литература о Пришвине выходила опять-таки в основном в период 1960–1980-х гг. [27; 29; 39; 40], в 1990-е гг. [12; 21; 26; 36; 37; 44]. Автор книги во «Вступлении

к теме» говорит о том, что задача, взятая им на себя, непроста, поскольку сам персонаж сложен в силу разных причин, и «куда заведет» он биографа, сразу сказать невозможно. С другой стороны, Варламов указывает на достаточное количество источников, посвященных Пришвину, главные из которых мы назвали: книга воспоминаний о писателе, несколько книг его жены, тексты критиков, литературоведов, русских и советских поэтов и прозаиков – чаще его современников. Но наибольший вес для понимания всех черт и деталей, из которых складывается биография художника, как кажется Варламову, имеет его непосредственное восьмитомное творчество, значительную часть которого составляет автобиографическое; а в первую очередь четыре тома его дневников, охватывающих события с 1914 по 1925 г. и изначально задуманных в количестве двадцати пяти. Весь этот архив был под рукой писателя, готовившего книгу о выдающемся русском прозаике, родившемся в 70-е гг. позапрошлого века и умершем в 50-е прошлого. Важно заметить, что, по словам Алексея Варламова, биографические тексты, не принадлежащие перу самого Михаила Пришвина, содержат весьма противоречивые сведения.

Об А. Н. Толстом А. Н. Варламов, по собственному утверждению, имел достаточно характерное и обычное в среде непрофессионалов – любителей литературы – мнение. «Рабоче-крестьянский граф», как его именовали в Советском Союзе, представал перед ним в соответствии с распространенной «народной» точкой зрения: «То, что я о нем знал до этого, было шумным и бестолковым, он казался мне существом малосимпатичным, продажным советским писателем, хоть и талантливым» [33]. Однако в процессе работы над книгой Варламову открылись ранее не известные факты биографии Толстого, он по-новому увидел роль графа-писателя в литературной жизни Серебряного века с его литературными журналами, скандалами и дуэлями. Произошел пересмотр взглядов, в личности Толстого обозначились новые грани, и основной задачей Варламова при написании книги стало стремление избавить читателя от таких же предубеждений, показать «либерально мыслящему интеллигенту», что жизненный и творческий образ «красного графа» гораздо сложнее привычного, связанного с его политиканством и перебежничеством [33].

Подавляющее большинство авторов выходивших в свет в разные периоды исследовательских материалов о жизни и творчестве А. Н. Толстого находились в прямой зависимости от практически официально принятых взглядов на биографию и творчество писателя. В советскую эпоху он был введен в плеяду главных писателей страны, в перестроечное и постперестроечное время его всячески порицали и обвиняли в предательствах, беспринципности, цинизме, конъюнктурности, участии в травле О. Э. Мандельштама и т. д., – соответствующей направленности были и посвященные ему книги [1; 3; 4; 15; 13; 14; 2; 20]. А.Н. Варламов, напротив, показал личность писателя многогранной и противоречивой, объективно и подробно охарактеризовав вехи его жизненного и творческого пути.

Особое значение Алексей Варламов во время работы над биографией А. Н. Толстого придавал книге «Дёготь и мёд», написанной внучкой писателя, профессором Иерусалимского университета Е. Д. Толстой [52]. По его словам, ее труды оказались, помимо прочих, серьезным фундаментом, на котором базировались его собственные умопостроения. Варламов называет Е.Д. Толстую единомышленником, очень верно расставляющим акценты в отношении своего знаменитого деда, предлагающим интересные интерпретации новых фактов его биографии малоисследованного периода жизни – 1918–1919 гг.

Достаточно объемный корпус литературы о В. М. Шукшине представлен в основном посмертными изданиями [10; 53; 23; 16; 22; 25; 59; 54]. По мнению кри-

тика Сергея Мизеркина [35], А. Н. Варламов в своей книге не стремится вскрывать недостатки предшественников, хотя и указывает на отсутствие в них необходимого внимания к важным, на его взгляд, фактам биографии Шукшина. Так, он подчеркивает, что, невзирая на существование многочисленных и общедоступных сведений о жизни писателя, никто из прежних биографов Шукшина не обратил надлежащего внимания на такой важный экзистенциальный факт, как неоднократная смена им фамилии: «Был Шукшин – стал Попов, потом опять стал Шукшин» [35]. Этот аспект влечет за собой ряд других вопросов, связанных с проблемой «социализации» сына «врага народа», ставшего впоследствии писателем и кинорежиссером. Найденные А. Н. Варламовым ответы на них позволяют увидеть Шукшина в ином свете. «То, что очевидно сегодня, было не совсем очевидным при жизни Василия Макаровича», – утверждает Варламов [6].

Критик Лев Пирогов предполагает, что Алексей Варламов втайне не признает за своим героем великого таланта: «Главная ошибка Варламова – он пишет о Шукшине с бережной и уважительной интонацией. А так обычно пишут о писателях умеренного таланта. Вероятно, Варламов втайне полагает талант Шукшина, этой священной коровы всех тех, кто “думает о России”, умеренным» [35]. Критик, несомненно, имеет право на свою точку зрения, в то же время текст варламовской книги свидетельствует о противоположной позиции автора: «Шукшин – действительно талант. Он был русским крестьянином, русским рабочим, русским интеллигентом, актером, писателем, режиссером – это и есть тот поразительный русский человек, который вобрал в себя все бездны, все провалы и все высоты, все достижения своего времени…» [6].

Работая в документалистике, А. Н. Варламов полностью отдает себе отчет в том, что «факт – король биографии». Данный подход к творчеству делает труд писателя, проводящего биографическое исследование, более сложным и напряжённым. Видимо, по этой причине вполне естественно, что после долгой и кропотливой работы над жизнеописаниями возникает тяга к созданию художественного произведения, в котором вымысел абсолютно закономерен. Об этом сам Варламов неоднократно писал и говорил, и это ответ ряду литературных критиков и писателей, которые поспешили провозгласить уход А. Н. Варламова из художественной литературы [49]. Документальная проза предполагает наличие суровых правил и ограничений, сковывающих свободу автора, в определенный момент приходящего к мысли о необходимости привнести в строгий фактический текст что-то свое – диалог, пейзаж и т. п., то есть удалиться в поле художественной формы. И в этом основное отличие художественной формы от документальной: в документалистике обязательно нужно отделять факт от вымысла, а цель художественного произведения – в убедительности и увлекательности. В известном смысле роман А. Н. Варламова «Мысленный волк» явился квинтэссенцией биографических текстов с главными действующими лицами, которых объединяло время и место – Россия на пороге глобальных перемен 1917 года и переход в новое состояние: «Вопросы, сомнения, догадки, предположения росли, как туман, который стелился над жесткой почвой документальных фактов, становясь все более волглым, плотным, концентрированным. И в какой-то момент я стал понимать, что это выльется в отдельную художественную книгу» [49]. Действие «Мысленного волка» происходит сто лет назад – с 1914 по 1917 год, причем в текстуальное пространство проникают и некоторые герои его книг серии «ЖЗЛ»: Григорий Распутин, Александр Грин, Михаил Пришвин. Концепция произведения перекликается с авторской позицией при создании биографических текстов. А.Н. Варламов и там, и там подходит к анализу эпохальных событий начала XX века через изображение

личности в них, оценку ее восприятия и ощущения истории, пытаясь разобраться в причинах и следствиях постоянных метаний русского сознания из одной крайности в другую и предостерегая от опасностей, связанных с этими метаниями. Центральная метафора романа, заимствованная из молитвы Иоанна Златоуста, в которой есть слова: «От мысленного волка звероуловлен буду», – это персонификация греховных помыслов людей. С этими одолевающими их дурными намерениями борются и герои «Мысленного волка», и – в некотором роде – персонажи биографий.

Список литературы

1. Агатов Ю. М. Алексей Толстой. Об авторах ваших книг. М. : Мол. гвардия, 1972. 654 с.
2. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей : в 2 т. Т. 1. М. : Республика, 1994. 589 с.
3. Акимов Ю. Алексей Николаевич Толстой. М. : Знание, 1954. 40 с.
4. Акимов Ю. Л. Алексей Николаевич Толстой. М. : Знание, 1998. 40 с.
5. Александр Грин. Я пишу вам всю правду. Письма 1906–1932 годов. Феодосия : Коктебель, 2012. 224 с.
6. Алексей Варламов: «Без Василия Шукшина сегодня невозможно представить русскую картину мира» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Алтайского края. URL: http://www.altairegion22.ru/region_news/aleksei-varlamov-bez-shukshina-segodnya-nevozmozhno-predstavit-russkuyu-kartinu-mira_356071.html (дата обращения: 06.02.2017).
7. Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. М. : Современный писатель, 1994. 497 с.
8. Андрей Платонов. Мир творчества / сост. Корниенко Н. и др. М. : Современный писатель, 1994. 432 с.
9. Андрей Платонов: Исследования и материалы / сост. Никонова В. А. Воронеж : Изд-во Ворон. гос. ун-та, 1993. 193 с.
10. Аннинский Л. Путь Василия Шукшина // Тридцатые семидесятые. М. : Современник, 1978. 234 с.
11. Архив А. П. Платонова. Кн. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2009. 709 с.
12. Архив В. Д. Пришвиной.
13. Баранов В. Взлёты и «падения» А. Толстого // Литература в школе. 1989. № 6. С. 19–27.
14. Баранов В. Революция и судьба художника. А. Толстой и его путь к социалистическому реализму. М. : Сов. писатель, 1983. 456 с.
15. Боровиков С. Г. Алексей Толстой. Путь к народу. М. : Сов. Россия, 1980. 512 с.
16. Боровиков С. Шукшин минус Шукшин: Литературная критика // Волга. 1989. № 12. С. 177–187.
17. Булгаковская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://www.bulgakov.ru/ (дата обращения: 13.02.2017).
18. Васильев В. В. Андрей Платонов. Очерк жизни и творчества. М. : Современник, 1982. 230 с.
19. Вдовин А. Миф Александра Грина (К 120-летию со дня рождения) // Урал. 2000. № 8. С. 56–64.
20. Воронцова Г. Н. Алексей Николаевич Толстой // Литература в школе. 2003. № 6. С. 22–27.
21. Воспоминания о Михаиле Пришвине / сост. Я. З. Гришина, Л. А. Рязанова. М. : Сов. писатель, 1991. 368 с.

22. Горн В. Ф. В. Шукшин: Штрихи к портрету. М. : Просвещение, 1993. 129 с.
23. Гришаев В. Несколько строк в биографию Шукшина // Сибирские огни. 1983. № 4. С. 165–175.
24. Гришин А. Тайна за семью печатями [Электронный ресурс] // Нева. 2011. № 8. URL: http://magazines.russ.ru/neva/2011/8/g16.html (дата обращения: 06.02.2017).
25. Далеко раздвигался горизонт: воспоминания о В. М. Шукшине / сост. И. Ф. Шевцова. Бийск, 1995. 64 с.
26. Дневник М. М. Пришвина // Архив В. Д. Пришвиной.
27. Ершов Г. А. Михаил Пришвин: Жизнь и творчество. М. : Худож. лит., 1973. 189 с.
28. Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками. Феодосия : Коктебель, 2012. 560 с.
29. Курбатов В. Я. Михаил Пришвин: Жизнеописание идеи. М. : Сов. писатель, 1986. 222 с.
30. Лангерак Т. Андрей Платонов: Материалы для биографии 1899–1929 гг. Амстердам, 1995. 354 с.
31. Малыгина Н. М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения». М. : ТЭИС, 2005. 336 с.
32. Малыгина Н. М. Он знает, что похож на деда. Малоизвестные факты из жизни семьи Андрея Платонова // Литературная газета. 2009. № 47–48.
33. Маслаков Д. Алексей Варламов: «В либеральной ассоциации я готов занимать правое место, в патриотическом объединении – левое» [Электронный ресурс] // Гильдия словесников. URL: https://slovesnik.org/kopilka/intervyu/aleksej-varlamov-v-liberalnoj-assotsiatsii-ya-gotov-zanimat-pravoe-mesto-v-patrioticheskom-ob-edinenii-levoe.html (дата обращения: 06.02.2017).
34. Метелева Н. Романтизм как признак инфантильности: Попытка литературного психоанализа личности Александра Грина // Бинокль : Вятский культурный журнал. 2000. № 6. С. 54–60.
35. Мизеркин Д. «ЖЗЛ»: Василий Шукшин – вождь несостоявшегося крестьянского восстания // Пиши-читай. URL: http://write-read.ru/news/4485 (дата обращения: 06.02.2017).
36. Михаил Михайлович Пришвин // Из Русской думы. Т. 2 / сост. Ю. И. Селиверстов. М. : Роман-газета, 1995. 512 с.
37. Михаил Пришвин и русская культура XX века. Тюмень, 1998. 233 с.
38. Михайлова Л. Александр Грин: Жизнь, личность, творчество. М. : Худож. лит., 1972. 192 с.
39. Мотяшов И. П. Михаил Пришвин: Критико-биографический очерк. М. : Сов. писатель, 1965. 248 с.
40. Пахомова М. Ф. Михаил Михайлович Пришвин. Л. : Просвещение, 1970. 128 с.
41. Петелин В. В. Жизнь Булгакова. М. : Центрополиграф, 2000. 766 с.
42. Осипов Г. Правда о наших потерях в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] // Око планеты. URL: https://oko-planet.su/history/historysng/print:page,1,36759-pravda-o-nashix-poteryax-v-velikoj-otechestvennoj.html (дата обращения: 13.02.2017).
43. Пирогов Л. Живые позавидуют мёртвым [Электронный ресурс] // Свободная пресса. URL: http://svpressa.ru/culture/article/81676/ (дата обращения: 06.02.2017).
44. Пришвин М. М., Пришвина В. Д. Мы с тобой. Дневник любви. СПб. : Росток, 2003. 256 с.
45. Прохоров Е. П. Александр Грин. М. : Просвещение, 1970. 119 с.
46. Роскин А. И. Судьба писателя-фабулиста // Художественная литература. 1935. № 4. С. 4–9.

47. Савинич Б. Литературные течения: А.С. Грин // Утро России. 1915. 25 апреля.
48. Свительский В. А. Андрей Платонов вчера и сегодня: Статьи о писателе. Воронеж: Русская словесность, 1998. 216 с.
49. Слепнева И. От первого лица: Алексей Варламов [Электронный ресурс] // Культура Москвы. URL: http://cult.mos.ru/reviews/ot-pervogo-litsa-aleksey-varlamov/ (дата обращения: 06.02.2017).
50. Соколов Б. В. Три жизни Михаила Булгакова. М. : Эллис Лак, 1997. 549 с.
51. Степанович С. Рец. на кн. : Грин А. С. Позорный столб. Собр. соч. : в 3 т. СПб., 1913. Т. 3 // Новая жизнь. 1914. № 3.
52. Толстая Е. Д. Дёготь и мёд. М. : Рос. гос. гум. ун-т, 2006. 696 с.
53. Толченова Н. Слово о Шукшине. М.: Современник, 1982. 160 с.
54. Фокина Н. О В. М. Шукшине // Искусство кино. 2003. № 11. С. 56–64.
55. Харчев В. В. Художественные принципы романтики А. С. Грина // Ученые записки Горьковского государственного педагогического института. Вып. 54. 1966.
56. Чалмаев В. А. Андрей Платонов: К сокровенному человеку. – М. : Сов. писатель, 1989. 144 с.
57. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М. : Книга, 1988. 672 с.
58. Шагинян М. С. А. С. Грин // Красная новь. 1933. № 5.
59. Шукшин В. М. Из рабочих записей // Смена. 1980. № 16.
60. Яблоков Е. А. А. С. Грин в жизни и творчестве. М.: Русское слово, 2013. 112 с.
61. Яновская Л. М. Записки о Михаиле Булгакове. М. : Текст, 2007. 416 с.
62. Яновская Л. М. Творческий путь Михаила Булгакова. М. : Сов. писатель, 1983. 455 с.

BEFORE A.N. VARLAMOV: LITERARY PORTRAITS AND STUDIES OF SIX WRITERS. CONCISE BIBLIOGRAPHY

V. V. Chastnykh

Lomonosov's Moscow State University
Russian Language and Culture Institute

The article deals with the creative history of bibliographic literary portraits of six Russian writers (Bulgakhov, Grin, A. N. Tolstoy, Prishvin, Platonov, Shukshin) published by A.N. Varlamov in the popular series "The Life of Outstanding People". The bibliographical characteristics of studies and materials used by A. N. Varlamov in the process of work is presented.

Keywords: *A. N. Varlamov, writer's biography, "The Life of Outstanding People" series, literary portrait, biographic materials, biographic studies, documentary prose.*

Об авторе:

ЧАСТНЫХ Валерий Владимирович – заместитель директора Института русского языка и культуры, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (119991, Москва, ул. Ленинские Горы, 1), e-mail: welcome@irlc.ru.

About the author:

CHASTNYKH Valeriy Vladimirovich – Deputy Director at the Russian Language and Culture Institute, Lomonosov Moscow State University (119991, Moscow, Leninskie Gory str., 1), e-mail: welcome@irlc.ru.

ГОЛОСА МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

УДК 82.0

ПУТЕШЕСТВИЕ В.Л. ДЕДЛОВА (КИГНА) КАК ОПЫТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Г. Р. Атаянц

Тверской государственный университет
кафедра истории и теории литературы

Статья посвящена сборнику путевых очерков «Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции» В.Л. Дедлова (Кигна). В.Л. Дедлова можно отнести к литераторам второго ряда. Однако анализ путевых очерков представляется полезным для развития представлений о жанре путевого очерка, понятий национальной самоидентификации и способов ассимиляции путешественника. Своеобразная манера восприятия чужого пространства и категорий «свое – чужое» в травелоге запускают механизм самоидентификации.

Ключевые слова: *литература путешествий, травелог, В.Л. Дедлов (Кигн), национальное самосознание, самоидентификация, ассимиляция.*

В. Л. Дедлов (настоящая фамилия Кигн) – публицист, прозаик, критик. Произведения Дедлова печатались в журналах «Русское богатство», «Наблюдатель», «Дело», «Нива», «Книжки “Недели”». С 1882 года являлся одним из ведущих сотрудников «Недели». П. А. Россиев дает Дедлову следующую характеристику: «Литература, произведения искусства и скитания по белу свету были три его страсти» [3, с. 422].

Сборник путевых заметок «Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции» В. Л. Дедлова вышел в 1888 году. Книга посвящена полугодовому путешествию по перечисленным странам в период с ноября 1886 по май 1887 года. Изначально письма печатались под заглавием «Издалека» в основном в «Неделе». Затем письма были дополнены и изданы под одной обложкой.

Фактография очерков, выдержанных в публицистическом стиле, позволяет читателю странствовать по ландшафтам мировой истории, а аналитические выкладки дают представление о новейших событиях. Иногда автор указывает точные даты.

В отличие от многих современников – литераторов данного периода, описывающих реальные путешествия, Дедлов старается показать мир через призму объективного анализа, где эмоциональной составляющей уделяется немного места. Специфика страны – это ее история, политика, традиции, уровень жизни населения, модель поведения и т. п.

Сборник состоит из трех очерков, каждый из которых делится на главы, носящие название крупного «округа», например: «Северная Италия», «Средняя Италия», «Вверх по Нилу» и т. д. Внутри глав есть разделы, носящие названия городов, а иногда отражающие важные для путешественника элементы и события, например: «Новые итальянские знакомства», «Русские художники», «Первые впечатле-

ния», «Воющие дервиши» и т. д. Несмотря на свойственную запискам и заметкам фрагментарность и визуальное разделение, переходы от одного локуса к другому в повествовании совершаются плавно. При этом путешествие динамично, метафоричность образов и выборочное тонкое описание деталей позволяют погрузиться в незнакомый мир. Россия упоминается очень часто, так же часто происходят встречи с русскими: «А насколько начинаешь тосковать и по России и по всему русскому за границей, можно судить по госпоже М. В России она говорит, и ей легче говорить по-французски; за границей и она, и ее общество ведут беседу не иначе, как по-русски» [Там же, с. 127]. В данном случае можно говорить о языке как средстве самоопределения.

Категории пути и границы, важные для литературы путешествий, представлены слабо в случае с Италией – страной, близкой и понятной русским путешественникам. Но данные категории проявлены в описании Египта и Турции. Яркая картина прибытия в Турцию и сложности с посещением страны ввиду недостатка документов отражают оппозицию «Запад – Восток». Пересечение границы оказывается сложным делом, но с помощью консула путешественники достигают цели. Египет и Турция представляются более чуждыми, чем Италия, это проявляется и в подзаголовках заметок, например: в случае с Италией разделы чаще обозначаются названиями городов, в египетских и турецких главах встречаются экзотические подзаголовки «Танцовщицы», «Пир у каннибалов» и др.

В самом начале книги автор характеризует предстоящее путешествие следующими словами: «Оставив свой уезд, свою землю, я, к сожалению, надолго расстанусь с подробностями и из человека с корнями превращусь в верхогляда-туриста, игралище ветров» [2, с. 1]. Однако автора данного повествования нельзя назвать человеком, оторвавшимся от корней. Например, во Флоренции путешественники встречаются и разговаривают только с русскими: «Наши флорентийские знакомства ограничились здешней русской колонией. Радушное семейство М., дом г-на С и князя Г. <…> наш консул; наш священник; живописцы Соколов и Пименов; пианист Пименов, сын известного скульптора; молодой скульптор Дахович; архитектор Ягн» [Там же, с. 129].

В связи с этим выводы о жителях Флоренции даны на основе самых поверхностных оценок: «Во Флоренции народ какой-то совсем особенный. Поймать средний тип очень трудно. Кровь капризничает и наряду с красавцем создает такое рыло, что хоть святых выноси» [Там же, с. 114].

Общение с иностранцами и характеристики, которыми они наделены, выявляют отличия автора от «чужих». Как отмечал М.М. Бахтин, «мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответы на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины» [1, с. 355]. Автор создает не только яркие пейзажи, раскрывает характеры и погружает в незнакомый мир, но также формирует представления о национальном сознании. Например: «Какие они печальные, эти северные итальянцы! Такие же печальные, как их глаза, которые поражают своим грустным выражением» [2, с. 54]; или: «Странные люди, эти северные итальянцы. Тихие, смирные, вежливые и уж слишком сдержанные. С ними можно говорить целые часы и ничего не добиться, кроме общих фраз, чрезвычайно гладких и чрезвычайно бессодержательных» [Там же, с. 60].

Чужое представляет опасность, а местные жители не заслуживают доверия: «Римлянин, как я уже сказал, скуп и непредприимчив, он большой циник в душе и

до крайности вежлив по наружности. На улице вас никто не толкнет, но легко могут ограбить» [Там же, с. 174]. Россия – это не просто пространство и присущие ему особенности; для автора это и различные русские живописцы, скульпторы, с которыми он встречается в Риме: «Между тем в Риме наша душа была в России больше, чем в настоящей России» [Там же, с. 149]. Россия – собирательный образ, и любое соприкосновение с составляющими элементами этого образа вызывает у путешественника теплые чувства.

Также контраст своего и чужого проявляется непосредственно в языковой картине, в сопоставлении коммуникации с иностранцами и русскими. Обнаруживаются ценности и культурные особенности различных национальных общностей, например, в разговоре с итальянцем из Неаполя: «Мы болтаем кое-как по-французски. Он говорит больше о том, что Италия ужасно великая страна. Я рассказываю ему, что такое двадцать градусов мороза, сугроб, метель, казак, поп, боярин. Он слушает с интересом, начинает понимать, но всё сбивается на старое: вдруг спросит, часто ли у нас волки врываются в императорские театры» [Там же, с. 321–322]. В данном случае примечательно, что язык выбран чужой для обоих, но разговор идет о национальных особенностях.

Приключения автора разделяют и его приятели, это придает своеобразную форму познания чужого. Например, замена «я» на «мы», когда не конкретизируется, кто дает оценки, разделяет участников диалога на гостей и хозяев, путешественников и местных жителей. Примечательным является следующий диалог в Сан-Марино с военным министром, министрами иностранных и внутренних дел, членом правительствующего совета Т.:

«– Как же поживает республика? Спросили мы.

– Слава Богу, хорошо. Ответил хор государственных мужей.

– В каком положении внутренняя политика?

Государственные мужи тревожно переглянулись, и один из них незаметно толкнул генерала. Он у них был речистый» [Там же, с. 95].

В большинстве случаев описания коммуникативных актов читателю неизвестно, на каком языке изъясняются собеседники, за исключением диалогов с русскими. Но также встречаются итальянцы, немцы, англичане, египтяне, турки и др. В основном диалог строится по принадлежности собеседников к определенной социальной или профессиональной группе. Успешным речевым актом можно считать тот, где путешественник получает максимально содержательный ответ, относящийся к другой культуре. Неудачный речевой акт создает предпосылки для негативной характеристики собеседника: «Болонский профессор В. был ни печален, ни раздражителен, а просто уныл» [Там же, с. 62].

Таким образом, хотя, по мнению Дедлова, «Заграничный турист обязан быть туристом, обязан забыть себя, отречься от отечества и быть за границей душой и телом» [Там же, с. 149], в травелоге сильно заметна «тоска по родине», а описание «другого» открывает возможность к более глубокому осознанию «своего».

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с.
2. Дедлов В. Л. (Кигн) Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции. СПб., 1888. 482 с.
3. Россиев П. А. Памяти В. Л. Кигна (Дедлова) // Русский архив. 1908. № 7. С. 419–424.

TRAVELLING OF V. L.DEDLOV (KIGN) AS A SELF-IDENTIFICATION EXPERIENCE

G. R. Atayants

Tver State University
the Department of History and Theory of Literature

The article is devoted to the travel essays “Adventures and Impressions in Italy and Egypt. Notes about Turkey” of V.L. Dedlov (Kign). V.L. Dedlov belongs to the second row writers. However, the analysis of travel essays is useful for the development of ideas about the genre of travel essay, the concepts of national identity and traveler’s ways of assimilation. The peculiar manner of perception of alien space and the categories of “own – alien” in the travelogue launch the mechanism of self-identification.
Keywords*: travel literature, travelogue, V.L. Dedlov (Kign), national identity, self-identification, assimilation.*

Об авторе:

АТАЯНЦ Гаяне Рафаеловна – аспирант кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: gayka7713@mail.ru.

About the author:

ATAYANTS Gayane Rafaelovna – Postgraduate Student at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str. 33), e-mail: gayka7713@mail.ru.

УДК 821.161.1-3

ФЕНОМЕН ЮРОДСТВА В НЕОРЕАЛИЗМЕ (на примере произведений А. Варламова и С. Шаргунова)

Е. Ю. Вихрова

Тверской государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В статье обозначена традиция воплощения юродской парадигмы в современном литературном процессе. Автор ставил цель проследить специфику воплощения феномена в художественных произведениях, реализующих различные векторы развития неореализма.

Ключевые слова: *традиция, современная литература, жанр, неореализм, юродская парадигма.*

Традиция изображения юродивых в литературе восходит к А. С. Пушкину, представившему в трагедии «Борис Годунов» наиболее каноничный образ юродивого, прототипом которого послужило реальное историческое лицо. В произведении обнаруживается последовательное и точное воплощение образа юродивого без внесения в образ авторского произвола и рефлексии (зрелищность, театральный жест, загадочная рифмованная речь, содержащая профетический смысл). Ф. М. Достоевский запечатлевает феномен «психологического» юродства. Писатель наделяет некоторыми чертами юродивых светских персонажей: князя Мышкина, Федора Опискина, Алешу Карамазова, которые реализуют юродскую модель поведения. В. В. Иванов отмечает использование юродского жеста и слова, перемещение феномена юродства из мира физического – в мир внутренний: «Если юродивого Христа ради могли бить и гнать в прямом смысле слова за его Правду, то насмешки над Мышкиным, на основе которых возникло прозвище Идиот, имеют ту же психологическую природу, что и насмешки над юродивым» [2, с. 98].

В литературе XXI столетия по-прежнему востребована юродская модель поведения для обозначения героев особого склада. В статье мы попытаемся выявить и обосновать отличия воплощения данной модели в произведениях неореалистов разных волн А. Варламова и С. Шаргунова. Как отмечает И. А. Казанцева, «основу концепции неореализма составляют запечатленные почвенниками ценности семьи, почвы, рода. <…> При этом не поколенческий критерий, но антропоцентризм объединяет разных авторов неореалистической направленности» [5, с. 48]. Название романа неореалиста первой волны А. Варламова «Лох» является аллюзией к «Идиоту» Ф. М. Достоевского. Можно проследить определенные смысловые параллели на персонажном уровне (Тезкин ─ князь Мышкин). А. Варламов подчеркивает «природное» юродство своего персонажа, его скрытый ум при внешней незадачливости, обращается к фольклорным формулам: «Он не унаследовал ни ума, ни житейской ловкости старших братьев, рос в их тени…» [1]; «Природа, верно, истратила весь свой запас на его братьев, а он ничем особо не интересовался <…> Учился он плохо» [Там же]. Е.Н. Трубецкой сформулировал тезис о внутреннем родстве сказочного «дурака» с образом юродивого, выделив характерную для обоих типов черту:

«…вещее безумие, отсутствие человеческого “здравого рассудка” и в то же время обладание иною чудесною мудростью. У дурака эта мудрость волшебная, а у юродивого “ум Христов”, но в сказке легко стирается грань <…> тогда в одном и том же лице смешиваются черты дурака и юродивого» [6]. Саня Тезкин представляет собой подобный тип. Реализуется в романе Варламова значение слова *юрод* — «безродный, чужой»: «Мальчик был задумчив и тих, не любил шумных игр и ярких игрушек и с младенчества отличался двумя странно связанными между собою особенностями: таинственным предощущением смерти и необыкновенной влюбчивостью во все женское» [1]. Героя характеризуют в романе так: «…Ну, ей-Богу, блаженненький какой-то!» [Там же]. По словам Алексия Кузнецова, второе наименование мирского юродивого – «праведный» или «блаженный» [4]. Перед лицом смерти герою открывается тайна о земле и небе: «И вдруг понял, что там, за звездами, обязательно есть иной мир. <…> …он окончательно потерял интерес ко всему, что происходило с ним здесь» [1]. Характеристика близка к сути юродского мировосприятия, они «взирали на себя как на странников и пришельцев на земле и на мир этот как на страну пришествия» [4, с. 108]. Аллюзии на юродский топос вызывает следующая сцена: «За неделю до Нового года рядовому Александру Тезкину, сбивавшему лопатой куски дерьма в бетонном сортире, сообщили, что к нему приехала невеста» [1]. Туалет – один из типичных топосов юродивого, а вымытая уборная – характерный его атрибут, как отмечает С. А. Иванов [3]. На модель поведения сказочного Иванушки-дурачка накладываются аллюзии из евангельской притчи о блудном сыне, своеобразно корректируя юродство героя. «…Тезкин неожиданно сказал родителям, что не желает быть никому обузой, а потому отправляется искать лучшей доли и когда вернется, да и вернется ли вообще, не знает сам» [1]. Способ передвижения советского бродяги совмещает в себе модель юродивого и хиппи. С одной стороны, герой, как юродивый, становится нищим, а с другой стороны, он предпочитает не пеший путь, он пробирается по России то зайцем в поездах, то автостопом. Несмотря на странствия, Саня испытывает огромную нежность к умирающему отцу: «И подумалось ему тогда, что где-то там, за гранью видимого мира <…> его отца, некрещеного, убежденного атеиста, встретит светлый ангел и как не познанную на земле радость покажет небесный свет и проведет в горний мир» [Там же]. Впоследствии Тезкин самовольно принимает на себя роль пророка, смущая окружающих речами о последних временах. Его поведение в этот период уподобляется юродскому: «Все лето он провел в малопонятных странствиях по Руси, собирая вокруг толпы зевак, которым проповедовал второе пришествие Христа, призывал пока не поздно покаяться, отказаться от стремления к наживе и обратиться к Богу. Он выступал на рынках и площадях, на вокзалах и в больших магазинах, везде, где собиралось много народа. Несколько раз его забирала милиция, случалось, били сами слушатели, но самостийный пророк не унывал и проповедовал даже в психдиспансере, поразив тамошний персонал редким здравомыслием» [Там же]. В поведении героя воплощена юродская модель поведения, на нее накладываются образы хиппи и сказочного дурачка.

Книга С. Шаргунова «Свои» по-своему преломляет традицию изображения юродства в литературе. Это сборник рассказов о «лишних» людях — о заболевшем человеке и платной американской медицине («Сахар на рану»), о непонятом современниками писателе («Валентин Петрович»), о людях, чувствующих отделенность от других благодаря своему рождению в семье священника («Поповичи», «Мой батюшка»). Жанр, избранный С. Шаргуновым, иной, нежели у А. Варламова,

отчасти это влияет на способы воплощения юродской парадигмы. Уже в названии книги акцент сделан на общности самых разных и в то же время самых обыкновенных людей. Отверженность как сущностная черта юродства объединяет их всех. С. Шаргунов подчеркивает значимость жизни маленького человека через юродскую парадигму. Так, герой рассказа «Полоса» Алексей Петрович Соков ухаживает за заброшенной взлетной полосой, совершая, на первый взгляд, никому не нужное, бессмысленное дело. Это его юродский топос – пограничье между небом и землей, жизнью и смертью. Тема кладбища сближает взлетную полосу с иным, недоступным пониманию живущих пространством. Отношение Сокова к «безжизненной» полосе почтительное, как к кладбищу, а его работа – не только физическая, но и духовная: «…за ней слежу, как за кладбищем. <…> Работаю, и о тех, кто помер, вспоминаю. <…> Я им… это… вечный покой обеспечиваю. И на всякий случай работаю – вдруг спасу кого-то» [7, с. 290]. Юродская модель поведения проявляется в профетизме Сокова: его деятельность однажды оказалась действительно спасением для потерпевшего аварию самолета. Однако предсказание его не предвестие последних времен и всеобщей погибели, как в «Лохе» Варламова, а спасение конкретных людей, дарование им жизни. Есть у Сокова и такие же «странные» помощники: «Только Антон Антоныч, коротышка, иногда помогал. Если сильно напивался – гордо и с песнями. А трезвый помогал тайком – или затемно, или ближе к сумеркам» [Там же, с. 291]. Можно рассматривать это как намёк на деление жизни юродивого на дневную и ночную и на наличие конфидента при юродивом. Окружающие испытывают недоверие и агрессию по отношению к Сокову. Дочь считает отца «чокнутым», жена «без конца называла Сокова сумасшедшим» [Там же, с. 292]. Алексея Петровича считают «психом», когда он, защищая свое детище от посторонних, угрожает грибникам. Мы видим частотность лексем, связанных с безумием героя. Точно так же окружающие называют Саню Тезкина «дураком» и «непутевым». Но героя С. Шаргунова нельзя назвать смиренным и безвольным: он готов сражаться за полосу и даже убить (недаром в его угрозах звучит слово «ружье»). Соков, таким образом, не только терпит насмешки и поругание, но и сам проявляет агрессию по отношению к миру, но только в том случае, если кто-то занимает его «волшебную» территорию. Герой сталкивается и с бандитами, ибо становится помехой на их пути к даровому обогащению. Однако его мистический танец-молитва навлекает на «сильных мира сего» гибель. Как юродский жест выглядит отказ героя от переезда. Автор акцентирует внимание на бездомности Сокова: «Дом разрушался, надо было менять крышу, ставить новое крыльцо, но Соков все отчаяннее отдавал себя делу – под открытым небом» [Там же, с. 291]. Этого героя, в отличие от варламовского, не держит ничто материальное. Противоположны они в плане кочевности-оседлости: Тезкин свободно передвигается по стране и зарубежью, Соков же намертво привязан к полосе, не отпускающей его даже в ближайший город.

А. Варламов и С. Шаргунов в своих произведениях стремятся отразить и понять жизненные реалии, переосмыслить временное и частное. Оба автора не останавливаются на простом описании действительности, но стремятся заглянуть за грань видимого, подчеркивают мистический характер жизни, наполненной таинственным смыслом. Юродская парадигма позволяет им реализовать на практике принцип неореалистического «двоемирия», а также возродить в литературе образ человека, ищущего истину и готового жертвовать своим благополучием и даже жизнью ради спасения других.

Список литературы

1. Варламов А. Лох [Электронный ресурс] // LIBKIN. URL: https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/183326-1-aleksey-varlamov-loh.html#book (дата обращения: 15.01.2019).
2. Иванов В. В. Юродивый герой в диалоге духовных типов [Электронный ресурс] // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 3. С. 96–101.
3. Иванов С. А. Блаженные похабы: культурная история юродства. [Электронный ресурс] // LIBKING. URL: https://libking.ru/books/religion/367328-s-a-ivanov-blazhennye-pohaby.html (дата обращения: 22.01.2019).
4. Иеромонах Алексий (Кузнецов). Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое, моральное и социальное исследование. М. : Изд-во Моск. подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2000. 416 с.
5. Казанцева И. А. Неореализм в современной русской прозе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 1. С. 45–49.
6. Трубецкой Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. [Электронный ресурс] // azbuka.ru. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Trubeckoj/inoe-tsarstvo-i-ego-iskateli-v-russkoj-narodnoj-skazke/ (дата обращения: 29.01.2019).
7. Шаргунов С. А. Свои. М. : АСТ, 2018. 345 с.

THE FOOL'S PHENOMENON IN NEOREALISM (ON THE EXAMPLE OF WORKS BY ALEXEY VARLAMOV AND SERGEY SHARGUNOV)

E. Y. Vikhrova

Tver State University
Department of Journalism, Advertising and Public Relations

The article describes the tradition of the implementation of the fool's paradigm in the modern literary process. The author aims to trace the specificity of the incarnation of the phenomenon in fiction, implementing a number of vectors of neorealism.
***Keywords*:** *tradition, modern literature, genre, neorealism, the fool's paradigm.*

Об авторе:

ВИХРОВА Екатерина Юрьевна – аспирант кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: katjalilija24@yandex.ru.

About the author:

VIKHROVA Ekaterina Yurievna – Postgraduate Student at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: katjalilija24@yandex.ru.

УДК 821.161.1-3

СВОЕОБРАЗИЕ ИСТОРИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ В. Я. ШИШКОВА И С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО (на материале романов «Емельян Пугачев» и «Севастопольская страда»)

Е. Е. Воронцова

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье рассматривается своеобразие историзма в художественной литературе на материале романов «Емельян Пугачев» В. Я. Шишкова и «Севастопольская страда» С. Н. Сергеева-Ценского. Раскрывается методика работы авторов над историческими произведениями, их общность и особенности.
Ключевые слова: *В. Я. Шишков, С. Н. Сергеев-Ценский, историзм, исторический роман, исторические документы, исторические личности, художественный вымысел.*

В настоящее время стали актуальными междисциплинарные исследования в гуманитарной сфере. Результатом таких поисков становится расширение исследовательской области в гуманитарных науках. К исследовательским интересам относится и вопрос о взаимовлиянии художественно-исторических текстов в литературе и истории как науке. По мнению А. Эткинда [15], в настоящее время граница между историей и филологией охраняется только с одной стороны, поскольку филологи любят её пересекать, а историки нет. А. Эткинд объясняет это тем, что для филолога между текстом и событием нет разницы, для него сам текст является событием, который может вызвать к жизни новые события. О событиях мы тоже узнаем через тексты, а сами события порой разворачиваются подобно текстам, имея свою лексику, грамматику и поэтику. Последнюю из перечисленных категорий А. Эткинд относит к новому историзму. В эту категорию он вкладывает понимание событий не как истории, а как взаимовлияния людей и текстов. В основу методологии нового историзма у А. Эткинда положен интертекстуальный анализ, который размыкает границы текста, связывая его с многообразием других текстов, его предшественников и последователей. Сюда же он относит дискурсивный анализ, размыкающий границы жанра и реконструирующий прошлое как единый многоструйный поток текстов, а также биографический анализ, расширяющий границы жизни, связывающий её с дискурсами и текстами, среди которых она проходит и которые она продуцирует. С точки зрения А. Эткинда, для историков тексты важны только тем, что они рассказывают о движении событий. По мере применения метода исторической критики к тексту-источнику устраняется сам текст, потому что и без текста можно переходить к рассказу о событиях, отраженных в тексте [Там же].

Традиционное определение историзма в литературе – это художественное освоение конкретно-исторического пространства и содержания той или иной эпохи, а также её неповторимого облика и колорита. В отличие от историзма в науке, художественный историзм нужен писателю не для формулировки закономерности исторического развития, а для того, чтобы запечатлеть тончайшее отражение обще-

го хода истории в поведении и сознании людей. По мнению А. Эткинда, именно новое понимание термина историзма даёт исследователю возможность наиболее полноценно изучить литературный художественный текст. «Чтение на фоне истории вновь погружает текст в контекст и переосмысляется исторический момент в свете литературного текста. Оптические метафоры – фон, свет – закономерны: целью всякого историзма является рассматривание в полутьме, поиск спрятанного, распутывание улик – и, в конечном итоге, демонстрация находок в ярком свете собственного нарратива» [Там же, с. 5].

В. Я. Малкина предлагает рассматривать историзм в художественной литературе с нескольких точек зрения. Так, она апеллирует к точке зрения В. В. Кожинова, который считал, что историзм есть везде, начиная от поэм Гомера до постмодернистских произведений, поскольку любое произведение искусства так или иначе воплощает эпоху. Одновременно В. В. Кожинов определял историзм в узком смысле, как признак исторического жанра, отмечая, что, хотя историзм и присутствует в любом подлинно художественном произведении, но он не вполне полноценный, потому что человечество не обладало историческим мышлением и знанием вплоть до эпохи Просвещения. Определение историзма мы находим у М. И. Стеблин-Каменского в его «гипотезе нетождества», где он рассматривает историзм как категорию, которая определяется не разницей в образе жизни, быте и т. п., а осознанием отличия человеческой психологии в разные исторические периоды (цит. по: [4, с. 16–17]). Отсутствие в настоящее время наиболее полно сформулированной категории историзма в художественной литературе, с одной стороны, позволяет исследователю выбрать оптимальный способ для работы над историко-художественным произведением, с другой стороны, мы отмечаем, как и Н. Разманова, недостаток внимания историков к художественным произведениям. Это обусловлено прежде всего распространенным мнением, что они (произведения) крайне субъективны и являются творческой фантазией писателя [6]. Она же отмечает, что, несмотря на различные приёмы и средства, в конечном итоге предмет исследования один и тот же – жизнь людей во всём её многообразии. Именно это и позволяет обнаружить точки соприкосновения в беллетристике и науке [Там же].

В литературе самыми известными формами романов, созданных с использованием документа, исторического факта при условии сохранения основной канвы событий, а также включения в художественное полотно вымышленных сюжетный линий и персонажей, являются исторический роман, роман-хроника, биографический и автобиографический роман, роман-дневник, роман-мемуары [11]. К основным чертам исторического романа можно отнести особую форму художественного вымысла. Но это не просто повествование о случившихся событиях, а повествование о прошлом, в котором стирается грань времени и читатель узнает вечное настоящее [Там же]. Также В.Я. Малкина выделяет и такую особенность исторического романа, как заимствование предшествующих литературных традиций: романа воспитания, семейно-биографического, авантюрного романа и т. д. [4, с. 17].

Мы рассмотрим своеобразие историзма двух исторических романов: «Емельян Пугачев» В. Я. Шишкова и «Севастопольская страда» С. Н. Сергеева-Ценского. Эти произведения были написаны в один период – 30–40-е годы XX века, когда, по мнению А. Толстого, литература обратилась к жанру исторического романа в поисках великого исторического наследства [5]. Тогда же были созданы произведения: «Одеты камнем» и трилогия из времен Екатерины II О. Д. Форш (1924–1925), «Степан Разин» А. П. Чаплыгина (1926), «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара» Ю. Н. Тынянова (1925, 1928), «Болотников» и «Труды и дни Ломоносова» Г. П. Шторма (1930, 1932),

«Цусима» А. С. Новикова-Прибоя (1920–1940), «Возмутитель спокойствия» Л.В. Соловьева (1940), «Чингиз-хан» и «Батый» В. Г. Яна (1939, 1942), «Дмитрий Донской» С. П. Бородина (1941), «Великий Моурави» А. А. Антоновской (1937–1958) и др.

Шишков определил форму своего романа «Емельян Пугачев» (1938–1945) как «историческое повествование», «историческая хроника», а «Севастопольская страда» (1937–1939), по словам Сергеева-Ценского, является эпопеей. Писатели значительно расширили форму исторического романа в соответствии со своими творческими замыслами.

В автобиографической записке о работе над романом В. Я. Шишков сообщал: «…историческое повествование “Емельян Пугачев” <…> общим объемом около 100 авторских листов. Здесь не только само пугачевское движение, но и довольно полный показ русской жизни XVIII века, различных сословий и социальных группировок с их борьбой за власть в обществе, за материальные ценности и т. д., а со стороны крепостных крестьян и людей работных – землю и волю» [13, с. 519]. Основными источниками для написания такого масштабного исторического полотна писателю-исследователю В. Я. Шишкову послужили авторитетные работы, такие как «История Пугачева» А. С. Пушкина, «Курс лекций по русской истории» В. О. Ключевского, «История государства Российского» Н. М. Карамзина, архив и следственное дело Пугачева, воспоминания очевидцев о пугачевском восстании, литературные произведения и документы об эпохе.

Как отмечает С. Н. Сергеев-Ценский в своих воспоминаниях, замысел его эпопеи начался «…с идеи написать историю Севастополя для детей в виде книжки небольшого объема; в ней описание защиты Севастополя должно было занять страниц пятьдесят». Однако в ходе работы произошли изменения: «… когда я начал читать материалы, то сам собою у меня сложился план эпопеи в 100 печатных листов. Я писал эпопею, что называется, запоем, отчасти потому, что я был покорен несказанным величием и красотой подвига рядовых русских солдат и матросов, самозабвенно защищавших в течение целого года то, что <невозможно было защищать>, по мнению обоих главнокомандующих всеми силами Крыма – и князя Меньшикова, и князя Горчакова» [5]. Основным источником вдохновения, послужившим для написания романа, у Сергеева-Ценского были воспоминания отца Николая Сергеевича Сергеева, унтер-офицера, участника Крымской войны 1853–1856 годов [Там же]. Писатель в статье «Эпопея “Севастопольская страда”» писал, что, когда настало время взяться за неё (эпопею), он скупил в букинистических магазинах Москвы всё, что нашлось на эту тему в исторических журналах «Русская старина», «Русский архив». Одновременно были куплены и знакомые ему с детства описания обороны Севастополя Тотлебена, книги Дубровина, Богдановича и других авторов [7, с. 257]. Была совершена поездка в Севастополь. Писателя влекли разрушенные бастионы и редуты легендарного города. Как отмечает личный секретарь Сергеева-Ценского И. М. Шевцов, он побывал на Малаховом кургане, на Корабельной, Северной стороне города, на Историческом бульваре и в соборе, где похоронены П. С. Нахимов, В. А. Корнилов, В. И. Истомин. Также он посетил библиотеку, основанную П. С. Нахимовым и В. А. Корниловым [13, с. 236].

Творческой лабораторией, предваряющей создание романа-эпопеи «Севастопольская страда», у Сергея Николаевича был роман «Зауряд-полк», сюжет которого разворачивается в Севастополе [9, с. 258]. У Шишкова пробой пера, раскрывающей стихийный протест народа против жестокого мира, стали его повести «Тайга» и «Ватага» [7; 8; 10]. Шишков писал об этом так: «Я хотел на эту тему написать рассказ, изобразив зверское буйство ватаги. В процессе же работы мне пришла мысль,

что “зыковщина” и “пугачевщина” – родные сестры, что мужик – каким был при Иване Грозном, царе Петре, Екатерине, таким в своей массе и остался до последнего времени… Словом, мне захотелось обе эпохи – “зыковщину” и “пугачевщину” – сблизить, сопоставить, дать читателю возможность сделать соответствующие выводы» [14, с. 256]. Несомненно, уже эти ранние произведения отличались определенной глубиной историзма, в частности «Ватага», так как, по словам С. Ю. Николаевой, В. Шишков здесь соединил злободневность и историзм, он высказал «приговор своей эпохе – приговор, который не мог устроить в 1920-е гг. критиков и идеологов всех лагерей, партий и направлений» [8, с. 70–71]. Прежде чем перейти к большой эпической форме, оба писателя отрабатывали свои художественные приёмы и принципы в произведениях менее масштабных, в жанре повести, рассказа, очерка.

Романам «Севастопольская страда» и «Емельян Пугачев» присущи такие общие черты, как строгое выстраивание авторами хронологически-событийной канвы романов и деление повествовательного полотна на два антагонистических параллельных мира, не существующих друг без друга. Мир простого люда у Сергеева-Ценского – это солдаты, матросы, обыватели – защитники Севастополя. У Шишкова – казаки, крепостные крестьяне, поддержавшие Пугачева. Второй мир – это мир привилегированных сословий, высоких чинов и званий.

К одной из особенностей историзма в этих романах можно отнести достоверность описания исторических событий и его подлинную документальность, подтверждаемую автором. В. А. Юдин отмечает, что при описании Шишковым сражения у местечка Кунерсдорф, где прусский король Фридрих во время бегства потерял свою шляпу с султаном, тут же автором дается уточнение, что эта шляпа хранится в Эрмитаже [16, с. 45]. Также можно считать особенностью историзма и детальность в описании бытовых вещей эпохи, в которую разворачивались события у Сергеева-Ценского. Например, в «Севастопольской страде» – это скрупулезное изображение обмундирования, вооружения армии и флота Российской империи, её противников. Более того, чтобы показать, насколько важно и нужно было нашей армии перевооружение, Сергеев-Ценский рассказывает о разработанной прогрессивной реформе и её идейном вдохновителе князе А. Меньшикове. С. Н. Сергеев-Ценский писал о том, что в исторических романах нужно войти в дух эпохи, чтобы её не модернизировать [9, с. 258].

Романы обоих писателей изобилуют портретами реальных исторических личностей – от Николая I до простого матроса в «Севастопольской страде», от императрицы Елизаветы Петровны до сподвижников Емельяна Пугачева в произведении Шишкова. С. А. Лысенко отмечает, что в историческом повествовании у Шишкова мало вымышленных лиц и ситуаций. Достоверно выписаны образы сподвижников и ближайших помощников Пугачева: А. Овчинникова, И. Челка, Зарубина, М. Шигаева; крепостных крестьян: И. Белобородова, А. Хлопуши, башкира Салавата Юлаева; ученых, писателей, зодчих: М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, В. И. Баженова [3, с. 58]. Для ввода в эпопею исторических личностей Сергеев-Ценский изучил материал о Николае I, Наполеоне III, английской королеве Виктории, лорде Пальмерстоне и других представителях английского правительства, являющихся яркими персонажами его эпопеи. Для описания состояния Турции в тот исторический период он изучил материалы о её экономическом положении, политике, познакомился с политикой западных держав, общественной жизнью Англии, Франции, сопоставив их с общественной жизнью Российской империи [9, с. 257–258]. Нужно отметить важную особенность описания героев: их достоверность обусловлена историческими документами, которые имелись в распоряжении писателей.

В произведениях В. Я. Шишкова и С. Н. Сергеева-Ценского широко используется фольклор. Он усиливает впечатление исторической достоверности. Колоритно, разнообразно фольклор народов Сибири и Алтая представлен в романе-эпопее «Емельян Пугачев» [2]. В. Н. Кочетов отмечает, что, знакомясь с фольклором о Пугачеве, Шишков тщательно производил отбор преданий, вводя в роман только те, которые реально выражали народное отношение к Пугачеву и его движению. В повествовании Шишкова ряд сцен перекликается с народными легендами и преданиями [Там же]. Речь персонажей в романах одновременно народная и авторская, что делает ткань произведений живой и исторически достоверной. Иначе говоря, обращение к фольклору становится одним из инструментов достижения художественного историзма.

Природа в романе-эпопее «Емельян Пугачев» играет важную роль. Она, по мнению Н. М. Дмитриевой, используется Шишковым для контраста в изображении человека и природы. Это прежде всего связано с социальной характеристикой верхов российского общества, с их мироощущением и мировоззрением. Чем дальше человек от мира природы, тем более нищ и убог его духовный мир; чем ближе и глубже связи человека с природой, тем он более богат как личность [1, с. 56]. Такую же функцию природа Крыма выполняет и в романе-эпопее «Севастопольская страда» С. Н. Сергеева-Ценского. Существенна такая особенность, как единство выражения непокорности, героизма, патриотизма защитников Севастополя и природы Крыма.

Таким образом, рассмотренные основные особенности историзма романов «Емельян Пугачев» В. Я. Шишкова и «Севастопольская страда» С. Н. Сергеева-Ценского позволяют говорить о близости творческих принципов двух писателей, о родстве их историзма.

Список литературы

1. Дмитриева Н. М. Изображение природы в историческом повествовании В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев» // Проблематика и поэтика творчества В. Я. Шишкова : Сб. научн. тр. Тверь : Тверской гос. ун-т, 1991. С. 44–56.
2. Кочетов В. Н. Фольклор в романе В. Я. Шишкова «Емельян Пугачев». [Электронный ресурс] // Уральский федеральный университет. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4976/2/fu2-1976-05.pdf (дата обращения: 15.09.2018).
3. Лысенко С. А. Концепция национальной истории в романе В. Шишкова «Емельян Пугачев» // Проблематика и поэтика творчества В. Я. Шишкова : Сб. научн. тр. Тверь : Тверской гос. ун-т, 1995. С. 57–64.
4. Малкина В. Я. Поэтика исторического романа: Проблема инварианта и типологии жанра // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. С. 140–146.
5. Михайлов О. Богатырь с реки Цна [Электронный ресурс] // Как наши деды воевали. URL: http://grandwar.kulichki.net/books/Sergeev_C/Sergeev_C00.html (дата обращения: 24.09.2018).
6. Разманова Н. На стыке двух континентов [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 2003. № 4. URL: magazines.vuss.ru/voplit/2003/4/razman-pr.html (дата обращения: 23.09.2018).
7. Николаева С. Ю. «Ватага» В. Я. Шишкова как нравственно-философский роман // Наследие В. Я. Шишкова: феноменология творчества. К 135-летию со дня рождения В. Я. Шишкова : колл. моногр. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2010. С. 148–167.

8. Николаева С. Ю. Традиции В. А. Жуковского и А. С. Пушкина в творческом сознании В. Я. Шишкова (по роману «Ватага») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2012. № 3. С. 63–72.
9. Сергеев-Ценский С. Н. Талант и гений. М. : Современник, 1981. 319 с.
10. Чалмаев В. Колокола истории (Эпический мир «Емельяна Пугачева» Вяч. Шишкова) // Шишков В. Я. Емельян Пугачев: Историческое повествование : в 3 кн. Кн. 1. М. : Сов. Россия, 1989. С. 5–20.
11. Шарифова С. Ш. Типы документально-художественного романа // Известия Пензенского гос. пед. ун-та. 2011. № 23. С. 271–277.
12. Шевцов И. М. Рассказы. «Севастопольская страда». «Синопский бой» // Орел смотрит на солнце. (О Сергееве-Ценском). М.: Мол. гвардия, 1963. 336 с.
13. Шишков В. Я. Автобиография // Пейпус-озеро : Роман, повести, рассказы, воспоминания, автобиография. М. : Современник, 1985. С. 518–520.
14. Шишков В. Я. Емельян Пугачев: Историческое повествование : в 3 кн. Кн. 1. М. : Сов. Россия, 1989.
15. Эткинд А. М. Новый историзм, русская версия [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html (дата обращения 23.09.2018).
16. Юдин В. А. В. Шишков – писатель-историк. К вопросу о жанре романа «Емельян Пугачев» // Проблематика и поэтика творчества В. Я. Шишкова : сб. научн. тр. Тверь, 1995. С. 42–57.

THE ORIGINALITY OF HISTORICISM IN THE WORKS BY V. YA. SHISHKOV AND S. N. SERGEEV-TSENSKY (Based on the Novels “Emelyan Pugachev” and “Sevastopolskaya Strada”)

E. E. Vorontsova

Tver State University
the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article deals with the originality of historicism in fiction on the material of novels “Yemelyan Pugachev” by V. Ya. Shishkov and “Sevastopol Strada” by S. N. Sergeyev-Tsensky. It reveals the methodology of work of authors of historical prose, the similarities and peculiarities of their works.
Keywords: *V. Ya. Shishkov, S. N. Sergeyev-Tsensky, historicism, historical novel, historical documents, historical personalities, fictionality.*

Об авторе:

ВОРОНЦОВА Евгения Евгеньевна – аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: evgenia69v@rambler.ru.

About the author:

VORONTSOVA Evgeniya Evgenevna – Postgraduate Student at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: evgenia69v@rambler.ru.

УДК 821.161.1-3(470.331)

ПРОБЛЕМА ЭКОЛОГИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. И. КРЮКОВА И В. Я. ШИШКОВА

Т. А. Громова

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье проводится анализ творчества В. Я. Шишкова и В. И. Крюкова с точки зрения экологических проблем современной им действительности. Рассматриваются общность и различие взглядов авторов на отношения человека и природы, проблемы формирования экологической личности и прогнозы грубого вмешательства человечества в природную среду.
***Ключевые слова**: В. И. Крюков, В. Я. Шишков, экология, человек и природа, индустриализация, Тверская область.*

Взаимоотношения человека и природы – это важная нравственно-философская проблема, которая не только не теряет своей актуальности, но и в связи с индустриализацией, урбанизацией и технологизацией современного общества становится все актуальнее. Художественная литература не остается в стороне от глобальных процессов, затрагивающих настоящую и будущую жизнь всех и каждого. Поднимая проблемы экологии, она подстраховывает и налаживает связи между человеком и природой. Ее основной задачей становится воспитание правильного отношения к природе как одному из важнейших условий нравственного и эстетического развития личности недалекого будущего.

Во времена Советского Союза, в течение переменчивого и богатого на потрясения XX века, вектор отношения «человек – природа» претерпел радикальные изменения. На раннем (довоенном) этапе мотив покорения природы господствовал в советской литературе. Освобожденный от социального гнета человек теперь сам стремился к покорению. Укрощая и порабощая природу, он самоутверждался и рос, – господствующим мотивом произведений того времени было противостояние борца и враждебной ему неукротимой опасной стихии. Такая позиция была вполне объяснима. Страна силилась вырваться из технической отсталости, строя электростанции и комбинаты. Это было необходимым условием выживания. Внутри такого подхода к природе начинали формироваться противоречия и проблемы, которые поначалу были незаметными и несущественными, но постепенно они приобретали статус самых важных. Возникло противоречие между сегодняшней нуждой, требующей потребительского отношения к природе, добычи необходимого любой ценой, и нуждой завтрашней, призывающей задуматься о будущем для грядущих поколений; противоречие между принципами сиюминутного выживания, отвергающими любые ограничения в экономике, технике, строительстве, природопользовании, и реальным существованием неких объективных сдерживающих факторов.

В послевоенные годы тематика отношений человека и природы меняется в противоположную сторону. Природа более не рассматривается как враг. Она воспринимается как жертва безжалостных и бесконтрольных процессов урбанизации

и индустриализации, которые сами теперь примеряют роль необузданной и плохо контролируемой стихии.

Отличительной чертой литературы этой поры становится понимание важности неразрывной связи экологических проблем с человеческой нравственностью, совестью и ответственностью. В обществе формируются новые, желательные и позитивные нормы экологического поведения, согласно которым человек должен выстраивать с природой дружеские отношения, и, конечно, это находит отражение в художественной литературе. Появляется целый спектр произведений, экологическая тематика которых варьирует от пассивного любования природой и воспевания ее красот до активной борьбы за ее сохранение. В последних человек не только друг, но и защитник природы.

Экологическая тема нашла отражение в повестях и романах многих советских писателей второй половины XX века. «Говорить сегодня об экологии – это значит говорить не об изменении жизни, как прежде, а о ее спасении», – сказал Валентин Распутин еще в 1989 году [1, с. 7].

В данной статье мы обращаемся к творчеству тверских писателей В. Я. Шишкова и В. И. Крюкова.

Проблематика взаимоотношений человека и природы нашла свое отражение в романе В. Я Шишкова «Угрюм-река», который был написан в первой половине XX века, и вектор отношений «человек – природа», заданный в нем, отличался от большинства произведений современников. Этот роман – своего рода итог многолетних пристальных наблюдений писателя за жизнью Сибири. Неповторимая по красоте и своеобразию сибирская природа выступает в романе отдельным и самостоятельным персонажем. Она смысловой противник главного героя – человека Прохора Громова.

В основе сюжета романа – отсутствие взаимопонимания между человеком и природой. Герой окружен природой, вынужден постоянно взаимодействовать с ней и в то же время от нее отчуждается. Прохор Громов живет и трудится в тайге и вроде бы должен быть частью ее, но гармонии и понимания нет. Проникновение в недра природы с целью обогащения ставит крест на возможном сотрудничестве, порождая вражду. «Угрюм-река! Здравствуй!.. Я – твой хозяин! Погоди, пароходы будут толочь твою воду. Я запрягу тебя, и ты начнешь крутить колеса моих машин» [9, с. 591]. Потери идут с обеих сторон: человек губит природу, а она отвечает ему опасными катаклизмами. Природа – не служанка человека, она встречает его как врага, и у нее достаточно сил, чтобы дать достойный отпор. Возможно, даже более чем достаточно. Как итог, Прохор Громов обретает глубокий конфликт внутри собственной души. В нем сталкиваются два начала: сильная личность, способная бороться с природой честно, на равных, и «жестокий хищник», что стремится добиться своего, нажиться за счет природы, не гнушаясь аморальности. В этом понимании человек выступает равнодушным грабителем, «дельцом», желающим любыми средствами получить свое: «Прохор Петрович – рвач, хищник, делец в свою пользу. Но вот зачинаются ветры, они крепнут, растут, наплывают на Прохора, шалят с огоньком, и вскоре жизнь Прохора будет в охвате пожара» [Там же, с. 595]. Он хочет поработить природу и возвыситься над ней. Однако природа тоже сильна. Она может дать человеку достойный отпор – и быть жестокой, неумолимой, мстительной. И то, что человек способен полностью природу покорить, – опасное заблуждение. Вот что говорит автор по этому поводу: «Человек никогда не покорит природы, что человек может, лишь изучив ее законы и поняв всю ее мудрость, жить с нею в дружбе» [8, с. 265].

В романе Шишкова, законченном в 30-е годы XX века, тема взаимоотношений человека и природы уже приобретает тревожные черты. Покорение природы не подается более как триумфальная победа. Автор задумывается о последствиях воздействия на природу, которые могут быть необратимыми и вредными для самого человека. Шишков затрагивает духовно-нравственные аспекты этой проблемы, осмысливает ее с позиций «духовного реализма» [2, с. 36–82], то есть такого творческого метода, который является наиболее перспективным в литературе новейшего времени, а сам термин *духовный реализм*, под которым понимается облечение христианских идеалов в художественную форму, оказался наиболее продуктивным для описания подобных литературных феноменов [3, с. 71].

Виктор Иванович Крюков, советский писатель второй половины XX века, обращался в своем творчестве преимущественно к производственной тематике. Критический взгляд автора на индустриализацию и развитие производства не мог обойти и вопросы экологии. По словам В. А. Редькина, «книги В. И. Крюкова сочетают в себе информативность, основанную на народной правде, утверждение высоких нравственных идеалов и подлинное художественное мастерство. Автора более всего волнует мысль о назначении человека на земле, о нелегком поиске своего места в жизни, а значит – и пути к самому себе. Произведения В. Крюкова стали ярким литературным явлением Верхневолжья. Творчество В. И. Крюкова никогда не было конъюнктурным, оно отвечает запросам нашего времени и имеет большое воспитательное значение» [4, с. 89].

Роман «Возраст мудрости» открывает эту тему в творчестве писателя – он посвящен экологии родного края. В героях романа Михаиле Воронове и Вадиме Жерихове воплощена забота народа о судьбе Волги, которой грозит загрязнение стоками заводов и фабрик города. В центре романа – борьба за ввод качественно новых очистных сооружений, в нем Крюков соединил в себе темперамент публициста и обстоятельность художника-повествователя [7].

Роман «У истоков судьбы» продолжает тему экологии, также в нем достигает своего пика проблематика семьи, а именно – отношений отцов и детей. Однако основная сюжетная завязка романа – борьба тверичей, направленная против строительства Ржевского гидроузла, происходила в процессе написания книги. Автор был активным участником этой борьбы, и книга стала ее достоверным отражением, об этом говорят и описываемые события, и реальные фамилии, фигурирующие в романе.

Ржевский гидроузел – неосуществлённый строительный проект, который предполагал строительство плотины и организацию Ржевского водохранилища для водоснабжения Москвы. Проектом предполагалось поднять уровень воды около плотины на 34 метра. Это позволило бы организовать водохранилище длиной 100 километров (до посёлка Селижарово) и площадью в 131 кв. км со средней глубиной в 11 метров и наибольшей шириной в 5 км. Реализация Ржевского проекта могла иметь катастрофические последствия. Начиная с природных – таких, как замедление течения реки на затопленном участке, что ухудшило бы качество воды и вызвало заболачивание. Под затопление попали бы 17,5 тысяч гектаров сельскохозяйственных земель: пашни, сенокосы, леса и пастбища. Помимо этого, было необходимо затопить 33 населенных пункта, переселить 520 семей, перенести 440 домовладений и около 80 животноводческих ферм и прочих производственных объектов. От Ржевского водохранилища под водой рисковали оказаться 270 памятников архитектуры, памятник природы «Бенские пороги», а также памятные места сражений Великой

Отечественной войны. Создание водохранилища нанесло бы природе Тверской области непоправимый ущерб [5, с. 328]. «В зону затопления попадает семь с половиной тысяч гектаров высоко оцененных боров, которые всегда строго охранялись ради высоких исходных качеств воды в Волге. Замокнут и погибнут леса, и тогда неизбежно разовьется болотная растительность. Отмирая каждый год, чего не происходит с лесами, она будет оседать на дне плесов и заливов и вызовет активизацию процессов гниения и сбраживания, что крайне вредоносно для водоемов питьевого назначения», – подчеркивает в споре с инициаторами строительства профессор биологии [6, с. 134].

Как следствие – борьба против Ржевского гидроузла была выиграна тверичами.

«У истоков судьбы» – роман философский и многоплановый. Одной из главных его проблем становится противопоставление интересов государства и регионов, отдельной личности и общества в целом. «Мы пятнадцать лет, начиная с постановления по бассейнам Волги и Урала, водоохранную целину пашем. Организуем двухсменную работу… Государство за две пятилетки вложило в полосу Волги от истоков до канала на Москву не меньше полумиллиарда рубликов на очистные системы предприятий и городов, а для него это «значения не имеет»… <…> Запри у Селигера весенний сток, и в нашем регионе Волга превратится весной в жалкую речонку», – возмущен один из героев книги [Там же, с. 188].

Особенностью романов Крюкова является то, что автор не пытается противопоставить город и деревню, человека и природу. Автор пытается донести до читателей идею, что и в природе и в человеческой жизни все взаимосвязано, и трагедия деревенской глубинки непременно отразится на столице. «От размытых берегов, из подтопленных низких мест потечет по Волге торфяная рапа, сверхкислая вода дойдет до входа в Мосводопровод, и тогда заказчик проекта побежит в ЦК и в Совмин: “Подкиньте, подкиньте деньжат поскорее, нельзя же травить москвичей”. Вот что получится» [Там же, с. 201]. Город и деревня, природа и человек должны наконец достигнуть понимания. Иного пути не дано. Поэтому показывать их врагами не в задачах писателя. Индустриализация в произведениях Крюкова не демонизируется, напротив, автор ратует за ответственное развитие производства. Он понимает необходимость строительства гидроузлов и неизбежность затопления территорий. Но также он понимает, что в любой области жизни прогресс знаменует не только обретения, но и потери – такова диалектика истории. Поэтому крайне важно взвешивать решения и следить за тем, чтобы потери не перевесили приобретения.

Написанное как итоговый роман уходящего века, роман-борьба и роман-предупреждение, это произведение очень многопланово соединяет в себе художественное повествование, публицистический отчет, исторический трактат и философские рассуждения, пронизанные одной общей идеей.

В заключение отметим, что в романах В. Я. Шишкова и В. И. Крюкова в силу тенденций времени конфликт природы и человека освещается несколько по-разному. Для Шишкова природа все еще остается сильным противником человека, борьба с ней может быть чревата опасностями из-за ее мощи и непредсказуемости. Для Крюкова, напротив, наиболее опасным и разрушительным противником в таком противостоянии является сам человек. Авторы сходятся в одном (и в главном): взаимодействие цивилизации и природы должно быть дружественным, ответственным и аккуратным. Человек должен понимать и предугадывать последствия своего вторжения в природную среду, минимизировать вред и сдерживать собственный эгоизм

в пользу баланса и добрососедства. Оба автора приходят к выводу, что человек – не хозяин природы, а ее часть, поэтому достигнуть взаимопонимания необходимо.

Список литературы

1. Агеев А. Распутин новый и старый // Знамя. 1999. № 6. С. 7–11.
2. Редькин В. А. Вячеслав Шишков: новый взгляд. Очерк творчества В. Я. Шишкова. Тверь : ТОКЖИ, 1999. 152 с.
3. Редькин В. А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 71–78.
4. Редькин В. А. Художественный мир прозы Виктора Крюкова (1926–2015) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 3. С. 82–89.
5. Тверская область: Энциклопедический справочник. Тверь: ТОКЖИ, 1994. С. 328.
6. Крюков В. И. У истоков судьбы: Роман. М.: Сов. писатель, 1990. 352 с.
7. Помозов Ю. Ф. Защитники природы (рецензия на роман В. Крюкова «Возраст мудрости») // Литературная Россия. 1982. 24 сентября. С. 20.
8. Шишков В. Я. Неопубликованные произведения. Воспоминания о В. Я. Шишкове. Письма. Л. : Ленингр. газетно-журн. кн. изд-во, 1956. 395 с.
9. Шишков В. Я. Угрюм-река : в 2 т. М. : Обновление, 1993.

THE THEME OF ECOLOGY IN THE WORKS OF V. I. KRYUKOV AND V. Y. SHISHKOV

T. A. Gromova

Tver State University
the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article analyses the creativity of the V. Y. Shishkov and V. I. Kryukov from the angle of the environmental problems of the contemporary reality. The commonality and difference of views of the authors on the relationship between man and nature, the problems of formation of ecological personality and forecasts of gross human intervention into the natural environment are considered.

Keywords: *V. I. Kryukov, V. Y. Shishkov, ecology, man and nature, industrialization, Tver region.*

Об авторе:

ГРОМОВА Татьяна Алексеевна – аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: zzz3335@yandex.ru.

About the author:

GROMOVA Tatyana Alekseevna – Postgraduate Student at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: zzz3335@yandex.ru.

УДК 821.161.1-3(470.331)

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В РАССКАЗЕ М.Г. ПЕТРОВА «ГУСИ»

Е.А. Дивакова

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье анализируется рассказ известного тверского писателя М.Г. Петрова с точки зрения использования автором фольклорных мотивов. Показано, как фольклорные мотивы влияют на раскрытие проблематики авторского текста. Рассказ включается в широкий культурологический контекст, даются новые ключи для его интерпретации.

Ключевые слова: *М.Г. Петров, культурологические контекст, мотив двоемирия, фольклорный мотив, реминисценция, прямое цитирование, философская притча, народная сказка «Гуси-лебеди».*

Культурологический контекст является одним из ключевых аспектов литературоведческого анализа произведения художественной литературы. Важно оценить, какие культурные и литературные пласты заложены автором в произведение, и верно их интерпретировать. Только в этом случае можно говорить об адекватном анализе проблематики и поэтики авторского текста. Большинство произведений М.Г. Петрова по ряду признаков можно отнести к реалистическому типу творчества. Но при детальном рассмотрении становится очевидным наличие признаков символизма. К произведениям, заметно тяготеющим к символистской традиции, относятся рассказы «Смёртные ключи», «Колка сахара на двоих», «Гуси», «Протест», повести «Люди с ветра», «Последний дозор» и др. Именно через символику М.Г. Петров выводит тексты на новый смысловой уровень, даёт возможность раскрытия нового культурологического контекста.

Рассказ «Гуси», впервые опубликованный в авторском сборнике «Сны золотые» (1985) и несколько раз переиздававшийся с незначительными авторскими правками в сборниках «На осеннем ветру» (1991), «Ярчук» (2016), неоднократно транслировавшийся по радио, является одним из программных произведений автора. Показателен он и в отношении культурологического контекста. Основной темой рассказа являются взаимоотношения мальчика Алёши с семьёй: его любовь к брату, нелюбовь к отцу. Проблематика строится на попытке осмыслить сложные взаимоотношения «человек – семья» и «человек – мир». Для решения Петров использует различные художественный приёмы, в их числе – включение фольклорных мотивов. Остановимся на них подробнее.

Рассказ «Гуси» строится на множественных реминисценциях из народной сказки «Гуси-лебеди». Данная сказка известна современному читателю в двух вариантах: в обработке А.Н. Толстого и А.Н. Афанасьева. Сюжет сказки в различных вариантах схож, за исключением некоторых моментов: родители уезжают, наказывают сестре присмотреть за младшим братом. Сестра забывает о родительском наказе, брата уносят гуси-лебеди. Сестра ищет брата, обращаясь за помощью к печке, реке и яблоне (в варианте А.Н. Афанасьева ей помогает ёжик), находит брата у бабы-яги. Она спасает брата, но баба-яга отправляет гусей-лебедей в погоню за детьми. Дети,

скрываясь поочерёдно у яблони, реки и печки, благополучно возвращаются домой, гуси возвращаются к бабе-яге.

Сходство рассказа М.Г. Петрова с данной сказкой проявляется уже на уровне сюжетики. Так, завязка основного конфликта народной сказки и рассказа «Гуси» строится на неповиновении детей родительской воле:

«– Э! Друзья! А где гуси?!

“Гуси! – пронзило Алёшку. – Ёлки-палки-щи-моталки, я ж про гусей забыл! Когда я их последний раз видел?” И сразу вспомнил – после школы, в обед.

Время стояло голодное, послевоенное. Коза коровой считалась, молоко, как говорится, шилом хлебали, а всякую живность берегли до убоя пуще себя. Тут ещё по деревне стали пропадать гуси, и отец, уходя на работу утром, велел сегодня пораньше загнать гусей в сарай. Не найдя их сейчас, отец рассердился» [4, с. 65].

Ключевым для обоих произведений является мотив двоемирия, проявляющийся как на уровне сюжета, так и на уровне отдельных деталей. Так, в народной сказке он представлен прежде всего через образ бабы-яги (представительницы мира мёртвых) и символ тёмного леса. В рассказе Петрова этот мотив также реализуется, например, через символ сна. Сон считается пограничным состоянием между жизнью и смертью. В рассказе «Гуси», как и в народной сказке, старший ребёнок спасает младшего от гибели: «Сначала он мечтает, как они с Петькой лягут на завалинке, прижмутся друг к другу, уснут и замёрзнут. Потом ему становится жалко губить невиновного Петьку, и он решает умереть один. Это же не страшно, успокаивает он себя, задрёмывая. Умрёшь и станешь кем-нибудь, потому что люди должны в кого-то умирать, иначе куда они тогда деваются? А когда Петька вырастет большим и переедет в город, он придёт к нему однажды и скажет: “Здорово, Пётр Иванович, это ведь я, Алёшка. Я ведь не умер, только ты никому не говори…” <…>

– Лёха! Лё-ё-ха-аа! – слышит Алёшка сквозь сон Петькин голос, но открыть глаза, встать, откликнуться у него нет сил, и только когда Петька начинает тормошить его за плечи, он приходит в себя. Он долго не понимает, где он и почему кругом снег, и нет печки, и рядом не бабушка, а Петька.

– Лёшенька, миленький, поднимайся! – кричит ему Петька».

С миром мёртвых героя связывает и образ бабушки, который важен для разработки одной из основных проблем произведения, отношений «человек – семья». Именно о бабушке вспоминает Алёша во сне: о том, какая она была хорошая, как кормила их и «сказки сказывала». С воспоминаниями о бабушке связано прямое цитирование сказки «Гуси-лебеди»: «Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика и понесли…» [Там же, с. 74], что ещё раз подтверждает связь рассказа с народной сказкой.

Помимо прямых отсылок к теме двоемирия, в рассказе «Гуси» присутствует и метафорическое противопоставление живой души неравнодушного и сопереживающего Алёши «омертвевшим» душам многих окружающих его людей, потерявших способность к состраданию и сопереживанию: «Он много знал такого, что не имело названий. Вот когда мальчишки сидят на брёвнах возле молокозавода и у безногого молоковоза дядьки Игната Артиллериста падает с телеги в грязь пустой бидон и тот просит, обращаясь ко всем, подать бидон, то Алёшке становится тоже без названия, а так, словно все могут не помогать пьяному калеке – и им за это ничего не будет, а он один не может. Или когда мальчишки над побирушкой смеются, ему тоже делается без названия» [3, с. 142].

Отметим и частичное совпадение названий рассказа и сказки. Именно образ гусей вынесен в заглавие, хотя этот образ, по сути, центральным не является ни в одном, ни в другом тексте.

Символ гусей в данном случае используется автором рассказа в традиционном фольклорном значении. «В волочёбных песнях (Цикл славянских поздравительно-величальных песен, сопровождающих волочёбный обряд в первые дни Пасхи. – Прим. автора), имевших также ритуальное значение и считавшихся способом магического подчинения человеку сил природы, довольно часто фигурируют гуси-лебеди. Так, в одной из песен, записанных Павлом Васильевичем Шейном в Псковской губернии, есть исключительно интересное противопоставление:

Не гуси летят, не лебеди,

Христос воскрес на весь свет!

Имеет смысл в этой связи вспомнить, что и колядовщики, и волочёбники воспринимались в народной традиции как воплощение душ предков, которым подавалось ритуальное подаяние, и связь их с гусями-лебедями, судя по всему, была не случайной» [1]. На связь с фольклорной традицией волочёбной песни указывают заключительные предложения рассказа: «Поужинав, Алёшка полез на печь спать. Укрылся перелатанным разноцветными лоскутами одеялом, дождался Петьку и, когда тот стал засыпать, благодарно обнял его, как в раннем детстве, как в ночь перед Пасхой, когда была жива бабушка…» [4, с. 75].

Прочтение символа гусей как образа духа предков согласуется с проблематикой рассказа. К мотивам взаимоотношения человека с его корнями относятся и нелюбовь Алёши к своему отцу, и любовь к брату, и воспоминания о бабушке, и его размышления о том, «куда люди умирают». Постоянные размышления мальчика и его предположение о перерождении также согласуются с мотивом воскрешения, продиктованным в том числе образом гусей. Важен в этом отношении и белый цвет гусей, противопоставляющийся тёмным, грязным, мрачным пейзажам. Тем ярче на фоне серости и мглы выделяются гуси и внезапно начавшийся снег. Снег, хотя и не согласуется со сказочными мотивами, является одним из самых сильных образов рассказа и одним из самых ярких символов, несущих свет, чистоту. Покрывая тёмную сырую землю, он несёт обновление и бессознательную веру в любовь и добро: «И вдруг пошёл снег. Алёшка даже сразу не понял, что случилось, когда перед ним дрогнуло и зашевелилось что-то большое, живое, тёплое и белое, стало расти, шириться, и вдруг чётко обозначились чёрные борозды. Посветлело, повеселело, потянуло далью и, как ни было Алёшке тревожно и одиноко, он обрадовался снегу. В ту же минуту он услышал гусиный вскрик. Одинокий, он пронзил внезапно побелевшее поле, и было в нём что-то такое согласное, родное, такое затаённо общее с этой гусиной белизной и неторопливым, вперевалочку, снегом, что Алёшка чуть не заплакал от нежданной радости» [Там же, с. 71–72].

Гуси, появляющиеся в эпизоде со снегом, – дикие, не те, которых ищут мальчики. Они, громко крича, пронеслись над самой головой Алёши. Образ диких гусей – очередная реминисценция из сказки «Гуси-лебеди», где гуси часто изображаются в полёте, сопровождаемом криками.

По словам В. А. Редькина, «угол преломления фольклорной традиции» находится в прямой зависимости от принадлежности автора «к конкретно-реалистическому или романтическому стилевому течению, к постмодернизму… Для одних самое важное в фольклоре – духовное начало, его нравственные богатства… Других привлекают яркие, броские фольклорные образы, ценные своей подлинностью и жизненной силой. Но во всех случаях элементы фольклора становятся стилеобразующим и жанрообразующим фактором в творчестве» [5, с. 52] современных писателей. Фольклорное начало является значимой чертой идиостиля М. Петрова, и преломляется оно в художественной ткани его произведений как средство раскрытия какого-то глу-

бинного нравственного смысла. Тем самым М. Петров примыкает к такой тенденции «русского общественного сознания последних десятилетий XX – начала XXI века», как «актуализация религиозно-философской мысли», «обращение многих писателей к традициям древнерусской словесности, культуры, эстетики» [2, с. 41].

В рассказе М. Петрова «Гуси» фольклорные мотивы выполняют функцию раскрытия проблематики рассказа на символическом уровне. Реалистическое психологическое описание обретает метафизическую глубину. Символика образа гусей прорастает в фольклорную традицию, а та в свою очередь добавляет рассказу значимый со смысловой точки зрения идейно-эстетический контекст. В итоге небольшая зарисовка из жизни двух деревенских мальчиков прочитывается как философская притча о преодолении смерти силой любви. И в этом совпадает с главной пасхальной вестью, что позволяет определить этот рассказ как пасхальный.

Список литературы

1. Жарникова С. В. Образы водоплавающих птиц в русской народной традиции [Электронный ресурс] // Комиссия научного туризма Русского Географического общества. URL: https://www.knt.org.ru/Jarnikova%20Obrazu%20Vodoplavayushih%20Ptici%201.htm (дата обращения: 21.02.2019).
2. Николаева С. Ю. Жанровое своеобразие рассказа Ф. А. Абрамова «Из колена Аввакумова» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 41–48.
3. Петров М. Г. Сны золотые: повести и рассказы. М. : Современник, 1985. 272 с.
4. Петров М. Г. Ярчук. Рассказы, повесть. Тверь : Волга, 2016. 228 с.
5. Редькин В. А. Стилевое своеобразие поэзии Гайды Лагздынь // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 49–55.

FOLKLORE MOTIVES IN MICHAEL PETROV'S STORY "GEESE"

E. A. Divakova

Tver State University
the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article analyzes the story of the famous Tver writer Michael Petrov from the point of view of the author's use of folklore motives. It is shown how folklore motives influence the disclosure of the problems presented in the author's text. The story is included in a wide cultural context. The new keys for its interpretation are given.
Keywords: *Michael Petrov, cultural context, motif of dual world, folklore motif, reminiscence, direct citation, philosophical parable, folk tale "Geese-swans".*

Об авторе:

ДИВАКОВА Евгения Алексеевна – аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: eadivakova@mail.ru.

About the author:

DIVAKOVA Yevgeniya Alekseevna – Postgraduate Student at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: eadivakova@mail.ru.

УДК 070: 342.7

РОЛЬ ТОЛЕРАНТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ОСУЖДЕННЫМ В РАМКАХ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

Е. С. Жукова

Тверской государственный университет
кафедра международных отношений

В статье рассматривается необходимость совершенствования мероприятий по формированию толерантного отношения к осужденным со стороны общества. При исследовании данного вопроса была определена сущность толерантности и необходимость модернизации системы социальной реабилитации осужденного как в рамках исправительного учреждения, так и вне его, а также подчеркнута необходимость исследования роли СМИ в процессе формирования толерантного отношения к осужденным. Результаты исследования имеют теоретическую значимость для анализа работы как пенитенциарных учреждений, так и реабилитационных центров, основной деятельностью которых является помощь освобожденным в адаптации к жизнедеятельности вне исправительного учреждения.
Ключевые слова: *толерантность, социальная реабилитация осужденных, рецидивное преступление, уголовно-исполнительная система, СМИ.*

Уменьшение уровня рецидивной преступности в России является одним из самых приоритетных направлений как в научных кругах, так и на уровне практического решения данной проблемы в рамках работы пенитенциарной системы. Отмечаемый уровень роста рецидивной преступности актуализирует необходимость исследования данного вопроса. Определение причин роста, а также возможных путей предупреждения совершения повторных преступлений занимает важное место в проводимых исследованиях. Данная статья посвящена рассмотрению и анализу толерантности как меры предупреждения рецидивных преступлений.

Согласно статистике, опубликованной на портале *World Prison Brief* при поддержке Института исследования уголовной политики, Российская Федерация по общему количеству заключенных на 2018 год находится на четвертом месте в рамках общемировых показателей [4]. Лидирующие позиции в данном рейтинге не первый год занимают Соединенные Штаты Америки, что можно наглядно увидеть на основе представленной статистики (табл. 1).

Табл. 1. Статистика по осужденным (тыс. чел) в мире за первую половину 2018 г.

Рейтинг	Страна	Общее количество заключенных
1.	США	2 121 600
2.	Китай	1 649 804
3.	Бразилия	682 901
4.	РФ	590 635
5.	Индия	419 623

6.	Таиланд	355 543
7.	Индонезия	249 419
8.	Турция	232 179
9.	Иран	230 000
10	Мексика	204 422

Однако, несмотря на то, что система УИС и СМИ отмечают снижение общего количества осужденных, которое, согласно информации, представленной ФСИН России на официальном сайте, составило на момент 01.08.2018 всего 587 111 чел. [3], необходимо отметить, что если по общемировым показателям количества заключенных в стране РФ занимает четвертое место, то европейские показатели ставят РФ на первое место (табл. 2).

Табл. 2. Статистика по осужденным (тыс. чел) в Европе за первую половину 2018 г.

Рейтинг	Страна	Общее количество заключенных
1.	РФ	590 635
2.	Турция	232 179
3.	Великобритания	82 867
4.	Польша	74 094
5.	Франция	68 974
6.	Германия	64 351
7.	Испания	59 757
8.	Италия	58 759
9.	Украина	56 638
10	Республика Беларусь	34 600

Несмотря на результаты исследований, проводимых Институтом исследования уголовной политики, необходимо отметить позитивные данные, свидетельствующие о снижении количества заключенных в РФ за последнее десятилетие. Например, на начало 2008 года количество заключенных в России составляло 887 тысяч человек, таким образом, количество заключенных за последние десять лет уменьшилось почти на 1/3. На основании этого следует отметить положительный результат проводимой политики в РФ, позволившей снизить уровень преступности, что повлияло на количество заключенных в тюрьмах.

На основании статистики, опубликованной ФСИН России [Там же], следует отметить, что из общего количества заключенных около 60 % отбывают наказание не в первый раз.

Уровень рецидивной преступности, согласно данным, публикуемым на официальном портале ФСИН, не имеет положительной динамики снижения. Уменьшение количества заключенных, содержащихся в исправительных учреждениях, происходит во многом из-за уменьшения уровня совершаемых преступлений в первый раз, а также из-за социальной реабилитации осужденных, которая показывает наибольшую эффективность на практике работы с осужденными впервые. Д. С. Тата-

ренкова отмечает, что эффективность социальной реабилитации осужденных зависит не только от программы работы с заключенными и с отбывшими наказание, но и от роли СМИ в формировании толерантного отношения к осужденным со стороны общества [6].

Исследуя природу причин совершения рецидивных преступлений, можно выделить достаточное количество важных факторов, таких как возвращение в криминогенную обстановку, установление связей с личностями, отличающимися антиобщественным образом жизни, однако одной из самых важных причин является сложность социальной адаптации. Ключевым моментом в данном случае является низкий уровень толерантного отношения со стороны общества к лицу, отбывшему наказание.

Для определения необходимости формирования толерантного отношения к осужденным со стороны населения необходимо рассмотреть сущность толерантности, а также идейные истоки данного понятия. Термин «толерантность» в современном понимании сформировался в середине XX века и объединил в себе такие понятия, как терпимость, милосердие. Осознание толерантности как важной категории социальной науки произошло одновременно с формированием понимания важности принятия «другого» человека, религии как осознанного выбора, культуры как объективной данности.

Декларация принципов толерантности, утвержденная резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО, определяет толерантность «не как уступку, снисхождение или потворство, а как, прежде всего, активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служит оправданием посягательств на эти основные ценности, толерантность должны проявлять отдельные люди, группы и государства» [1].

При определении роли толерантности в рамках социальной реабилитации осужденного необходимо исследовать вопрос воспитания толерантного отношения к осужденным не только со стороны населения для предупреждения совершения повторных преступлений, но и со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы, которые отвечают за «перевоспитание личности» в условиях существования в местах лишения свободы.

В рамках социальной реабилитации осужденных вопрос толерантного отношения принято делить на уровни. Выделяют следующие уровни влияния толерантного отношения на отдельную личность, отбывающую или отбывшую наказание:

1. Отношения между осужденными. Данный уровень характеризуется необходимостью толерантно-правового воспитания, регламентирующего отношения между осужденными в исправительных учреждениях для создания благоприятных условий отбывания наказаний.

2. Отношения между сотрудниками УИС и осужденными. Важно понимать, что «толерантность как свойство личности позволяет сотруднику оставаться устойчивым при воздействии негативных факторов, достигать взаимного понимания и согласования разного рода интересов и точек зрения без применения давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения, а также воздерживаться от причинения вреда другим и самому себе» [5]. Следует понимать, что данный уровень характеризуется не только влиянием отношения сотрудника УИС к осужденному, но и во многом определяет дальнейшую эффективность социальной реабилитации осужденных.

3. Отношения общества и осужденного. На данном уровне важным является наличие условий для социальной реабилитации осужденного вне исправительного учреждения. Эффективная реабилитация возможна при наличии соответствующих институтов, сопровождающих процесс адаптации, а также при условии толерантного отношения со стороны общества к личности, отбывшей наказание [7].

Толерантное отношение со стороны общества и государства к лицам, отбывающим и отбывшим наказание, является необходимой базой для снижения уровня совершения рецидивных преступлений. Пример западных стран показывает, что понимающее отношение со стороны населения позволит не только оказать поддержку реабилитационным и кризисным центрам, но и со временем создать специальные рабочие места. Великобритания отличается своим опытом в рамках модернизации работы центров помощи осужденным. Создание и развитие организаций, ответственных за помощь в адаптации бывших заключенных к условиям существования вне исправительных учреждений, повлекло за собой формирование многих волонтерских движений, оказывающих различную помощь заключенным. Модернизация некоторых социальных программ, а также отдельных положений, регламентирующих работу уголовно-исполнительной системы Великобритании, позволило эффективно снизить уровень рецидивной преступности, а также сформировать устойчивую базу моральных и нравственных установок, отвечающих за толерантное отношение к осужденным.

Толерантное отношение к осужденным после отбывания наказания существенно влияет на дальнейший образ жизни данного индивида и является профилактической базой, предупреждающей совершение повторного преступления. СМИ представляют собой наиболее эффективный инструмент формирования толерантного отношения к осужденным со стороны общества. СМИ являются универсальным посредником между государством и уголовно-исполнительной системой, с одной стороны, и индивидом, с другой. Этот посредник способен влиять на сознание и установки не только отдельной личности, но и общества в целом. Имея возможность воздействовать на восприятие человеком определенной информации, СМИ формируют некую базу стандартов поведения, которая впоследствии модернизируется в определенные ценностные ориентиры [2].

Практика привлечения СМИ в рамках работы по повышению уровня толерантности к осужденным со стороны общества является популярным направлением в стратегии модернизации процесса социализации осужденных. Толерантное отношение к личностям, отбывшим наказание, позволяет повысить степень эффективности адаптации индивида к существованию вне исправительного учреждения, а также является одной из профилактических мер по предупреждению совершения рецидивных преступлений.

Список литературы

1. Декларация принципов терпимости [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 13.01 2019).
2. Зеркаль Д. А. Средства массовой информации как инструмент государственной информационной политики: модели взаимодействия власти и СМИ // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 94–104.

3. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS (дата обращения: 13.01 2019).
4. Общемировая статистика по количеству заключенных в исправительных учреждениях [Электронный ресурс] // World Prison Brief. URL: http://www.prisonstudies.org/ (дата обращения: 13.01 2019).
5. Сотрудники ГУФСИН России по Нижегородской области совершенствуют навыки толерантного поведения [Электронный ресурс] // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=183936&sphrase_id=1126536 (дата обращения: 04.07.2018).
6. Татаренкова Д. С. СМИ для осужденных как субъект социальной реабилитации в новой информационной среде // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360). С. 176 –182.
7. Темаев Т. В. Исправление осужденного: ресоциализация или неосоциализация? [Электронный ресурс] // Современный исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 12(20). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispravlenie-osuzhdennogo-resotsializatsiya-ili-neosotsializatsiya (дата обращения: 07.07.2018).

THE ROLE OF TOLERANT RELATIONS TO CONDEMNED WITHIN THE FRAMEWORK OF SOCIAL REHABILITATION

E. S. Zhukova

Tver State University
Department of International Relations

This article considers the need to improve measures for the formation of a tolerant attitude towards convicts on the part of the society. In studying this issue, the essence of tolerance and the need to modernize the social rehabilitation system of the convict, both within and outside the correctional institution, was determined, and the need to study the role of the media in the process of forming a tolerant attitude towards convicts was emphasized. The results of the study are of theoretical significance for the analysis of the work of both penitentiary institutions and rehabilitation centers, whose main activity is helping those released from prison to adapt to life outside the correctional institution.

Keywords: *tolerance, social rehabilitation of convicts, recurrent crime, the penitentiary system, the media.*

Об авторе:

ЖУКОВА Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры международных отношений Тверского государственного университета (Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: nomilovskaya@gmail.com.

About the author:

ZHUKOVA Ekaterina Sergeevna – Postgraduate Student at the Department of International Relations, Tver State University (Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: nomilovskaya@gmail.com.

УДК 659.4(470.331)

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ БРЕНДА ТВЕРСКОГО РЕГИОНА

Д. В. Лаврикова

Тверской государственный университет»
кафедра международных отношений

В статье предлагается трактовка терминов *коммуникация, стратегия, коммуникативная стратегия* применительно к брендингу региона. Рассматриваются виды коммуникативных стратегий, применяемых при формировании устойчивого бренда региона: стратегии сотрудничества и конфронтации; открытые, закрытые, полузакрытые коммуникативные стратегии. Эффективность сформированного бренда территории в современном обществе зависит от развития информационного поля и лояльности целевой аудитории, коммуникативные стратегии при этом играют существенную роль.

Ключевые слова: *коммуникация, стратегия, коммуникативная стратегия, бренд, целевая аудитория.*

Тенденции глобализации, проявившиеся в самых различных областях жизни общества, затронули такую сферу, как коммуникация, в результате чего сегодня принято говорить о глобализации коммуникационных процессов. Новое коммуникационное пространство еще находится в стадии формирования, и не до конца ясны возможные последствия этого процесса. Вместе с тем несомненно, что элементы нового мира коммуникации представляют собой концептуальный сдвиг парадигмы не только восприятия, но и понимания мира [7].

План развития Тверского региона, как и любого другого региона России, включен в общую концепцию развития Российской Федерации и основан на Указах Президента Российской Федерации. На очередном заседании Правительства Тверской области (в рамках обсуждения корректив стратегии социально-экономического развития региона) в числе потенциальных направлений для роста экономики были рассмотрены сельское хозяйство, обрабатывающие производства, глубокая переработка леса, туризм, инновационные отрасли, строительство [8].

Развитие этих направлений служит элементами выстраивания бренда региона и требует эффективной коммуникативной стратегии. Актуальность данной научно-исследовательской работы, предметом изучения которой является коммуникативная стратегия создания бренда Тверского региона, определяется обозначенными на уровне Правительства области задачами. Материалом исследования в данной работе послужила комплексная оценка активности Регионального информационного агентства «Верхневолжье», соучредителем которого является Правительство Тверской области.

Для современных коммуникационных процессов характерны такие черты, как широкий охват целевой аудитории и нерегулируемость коммуникационных потоков. Подобные качества позволяют говорить о необходимости управления коммуникационным процессом или же о коммуникационном менеджменте. Можно

говорить о коммуникационных сетях, где есть некий коммуникатор (источник информации), реципиент (тот, кто воспринимает информацию через призму своего сознания) и канал коммуникации (то, благодаря чему происходит трансляция информации во внешнюю среду).

Под коммуникационным менеджментом в сфере территориального брендинга понимают целенаправленную деятельность по обеспечению надежного функционирования коммуникационных процессов, связанных с построением регионального бренда (например, трансляция имиджа бренда региона во внешнюю среду, построение системы коммуникации о бренде региона и т. д.).

Построение бренда региона является комплексной процедурой, находящейся в ведении правительства и сводящейся к активации шести основных сфер, описанных в шестиугольнике Анхольта: туризм, экспорт, люди, управление страной, культура и культурное наследие, инвестиции и эмиграция [1].

Корректно разработанная и успешно реализованная кампания по территориальному брендингу может стать локомотивом продвижения положительного образа региона, обеспечивающего лояльность инвесторов, туристов и других целевых групп. Считается, что национальный брендинг – это стратегическая самопрезентация страны с целью создания капитала репутации посредством продвижения экономических, политических и социальных интересов дома и за рубежом [Там же]. Это определение применимо и к территориальному брендингу.

Основу любого бренда составляют три ключевые позиции: идентичность, имидж, коммуникации. Идентичность бренда – желаемое восприятие бренда, то, как владелец бренда хочет, чтобы его бренд воспринимали. Имидж бренда – то, как бренд воспринимается в действительности. Коммуникации о бренде – способ создать позитивное восприятие бренда.

Региональный бренд можно считать удачным, если он живет в сердцах местного населения, которое является не только реципиентом коммуникаций о национальном бренде, но и послами или представителями национального бренда. Именно поэтому основной уклон в работе по формированию информационного поля регионального бренда идет в пользу новостей из районов.

Как правило, население идентифицирует себя с территорией, и чем дальше от областного центра находится основное место жизнедеятельности объекта, тем больше круг интересов сконцентрирован вокруг района, а не всей области. Для того чтобы сформировать высокий уровень лояльности и интереса к жизни в областном центре, РИА «Верхневолжье», в состав которого входят два сайта областного значения и один федерального, проводит программу работы с районными информационными ресурсами, а именно: с определенной периодичностью на названных ресурсах публикуется событийная информация о жизни в районах Тверской области, описываются конкурсы, праздники, местные достижения, которые напрямую не связаны с главой региона.

Определение коммуникативной стратегии можно дать в двух плоскостях – философско-социальной и прагматической. С позиции философско-социальной, коммуникативная стратегия – это система порождения смысла, в которой каждый вновь порожденный смысл порождает новое событие, а следовательно, и новую цель, ограниченную рамками культуры, в которую вписана данная организация [2].

С точки зрения прагматической или маркетинговой, коммуникативная стратегия – программа коммуникаций компании, бренда (продукта, услуги) с целевой аудиторией, или иначе: стратегия представляет собой детальный всесторонний ком-

плексный план, предназначенный для того, чтобы обеспечить осуществление миссии организации и достижение ее целей.

В основе коммуникативной стратегии региона всегда лежит ключевая идея – концепция позиционирования. Она определяет главную мысль, которую необходимо оптимально донести до целевой аудитории, то, что должно остаться в голове потребителя после того, как он соприкоснётся с коммуникацией бренда.

Видовое разнообразие коммуникаций определяет и различные подходы к выявлению типов коммуникационных стратегий. Так, О. В. Крутушкина, определяя коммуникационную стратегию как «концептуально положенное в технологии мировоззренческое намерение и его действенное осуществление в рамках коммуникационного процесса», обосновывает три основных типа коммуникационных стратегий: презентация, манипуляция, конвенция. Разница между этими типами коммуникативной стратегии проявляется в целях, характере и основных средствах [6].

Ученые выделяют три составляющие, на которых строится коммуникативная стратегия: маркетинговая, креативная и медийная [7]. Основа любой коммуникативной стратегии – это маркетинг. Маркетинговая стратегия или стратегия построения бренда базируется на тщательном анализе, который даёт знание о потенциальных потребителях, конкурентах и самом продукте. На этапе создания креативной стратегии происходит формирование образа бренда, разрабатываются модели восприятия и элементы наполнения бренда. Другими словами, рождается и развивается ключевая креативная идея, которая будет привлекательна и близка целевой аудитории и станет основой диалога бренда с потребителем [3].

В рамках медийной стратегии происходит выбор коммуникационных носителей, при помощи которых коммуникативное послание будет донесено до целевой аудитории, разрабатывается стратегия использования СМИ и оптимизируется бюджет рекламной кампании. Затем осуществляется выбор рекламных носителей по каждому СМИ (каналы, станции, издания и др.) и происходит определение роли каждого носителя [4]. Далее следует производственно-подготовительный этап, на котором проводится подготовка рекламных материалов к производству, доработка сценария и изготовление рекламного ролика и т. д., в зависимости от утверждённого медиамикса [5].

Площадкой, обладающей основным набором каналов коммуникации в выстраивании коммуникационной стратегии Тверского региона, является РИА «Верхневолжье». Исходя из плана развития региона, утвержденного Правительством Тверской области, строится и коммуникативная стратегия создания бренда региона. В данном случае коммуникативная стратегия опирается на достижения в промышленных сферах и сферах туризма. Освещение результатов в СМИ дает повышение уровня лояльности целевой аудитории.

Таким образом, говоря о коммуникативной стратегии, мы говорим о принципах освещения внешних и внутренних взаимодействий в сфере управления регионом, о выставках и презентациях, а также о позитивном рейтинге губернатора в существующих рейтинговых системах.

Внешняя коммуникация с массовым потребителем осуществляется посредством презентационных площадок на крупных форумах. Площадки Тверской области были представлены на международных выставках MITT 2018, Интурмаркет-2018, тверская делегация внесла свои предложения по развитию льняного комплекса на инвестиционном форуме в Сочи, а также регион был представлен на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге. Освещение эффективности работы этих площадок в региональных СМИ дает информацию об успеш-

ности Тверской области на всероссийском уровне, формирует лояльность населения к создаваемому бренду.

В региональных СМИ освещаются и рейтинги губернатора Тверской области по версии компании «Медиалогия» и фонда «Петербургская политика» на федеральном уровне [9; 10]. Открытость власти и проведение прямых линий с губернатором Тверской области тоже является одним из направлений коммуникативной стратегии, влияющим на лояльность внутренней целевой аудитории и формирование позитивного образа первого лица в глазах внешней аудитории.

Несмотря на высокий уровень внешней коммуникации, существующая коммуникационная стратегия создания бренда региона выполняет механическую функцию, в основном поддерживая индекс цитируемости в поисковых системах. Данная система негативно сказывается на развитии бренда внутри региона, так как для формирования лояльности к бренду среди жителей региона требуется массированное освещение интересных населению вопросов, касающихся не только опорных моментов жизнедеятельности, но и событийной сферы. Действующая на текущий момент коммуникативная стратегия требует доработки именно в сфере подачи более приземленной информации. В противном случае механическое цитирование сведет на нет работу по формированию бренда в целом.

Исходя из анализа целевой аудитории, региональное информационное агентство выстраивает политику работы в социальных сетях, предоставляя населению возможность получать не только забюрократизированную информацию, но и субъективные экспертные оценки существующей политической и социально-экономической жизни Тверской области.

В заключение стоит отметить, что работа по формированию коммуникационной стратегии при создании бренда региона должна строиться комплексно и опираться на стратегию социально-экономического развития региона. Коммуникационная стратегия позволяет вовремя скорректировать общественное мнение, направив интерес к наиболее выигрышным позициям.

Формирование бренда региона необходимо рассматривать в рамках маркетингового подхода к созданию имиджа продукта, лояльности целевой аудитории и продающих характеристик. В процессе создания коммуникативной стратегии необходимо учитывать интересы аудитории, слабые и сильные места продукта, которыми могут служить исторические достопримечательности, уникальная выпускаемая регионом продукция. Общий бренд региона может строиться из выявленных и растиражированных особенностей каждого района, как, например, «Пожарские котлеты» в Торжке или «Фестиваль каши» в Кашине. Тем не менее, поддерживая уникальность каждого района, необходимо делать отсылку к единому бренду.

Список литературы

1. Анхольт С., Хильдрет Д. Бренд Америка: мать всех брендов. М. : Добрая книга, 2010. 231 с.
2. Делёз Ж. Логика смысла. М. : Акад. проект, 2011. 471 с.
3. Дагаева Е. А. Внутренние *Public Relations* вуза // Высшее образование в России. 2009. № 10. С. 157–159.
4. Истамов В. К. Маркетинговые стратегии в предпринимательстве: монография. СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т сервиса и экономики, 2002. 309 с.
5. Коммуникативные стратегии XXI века: сборник материалов научно-практической конференции. СПб. : Санкт-Петерб. гос. ун-т сервиса и экономики, 2009. 99 с.

6. Крутушкина О.В. Сущность и типы коммуникационных стратегий [Электронный ресурс] // Publishing house Education and Science s.r.o. URL: http://www.rusnauka.com/26__SSN_2008/Economics/34703.doc.htm (дата обращения: 23.01.2019).
7. Ольшанская А.В. Коммуникативный процесс в условиях глобализации: социально-философский анализ : дис. … канд. филос. н. : 09.00.11 / А.В. Ольшанская; Мос. пед. гос. ун-т. М., 2005. 146 с.
8. Сайт Правительства Тверской области [Электронный ресурс]. URL: https://xn--80aaccp4ajwpkgbl4lpb.xn--p1ai/novosti/ (дата обращения: 23.01.2019).
9. Сайт газеты «Тверская жизнь» [Электронный ресурс]. URL: ttps://tverlife.ru (дата обращения: 23.01.2019).
10. Сайт газеты «Тверские Ведомости» [Электронный ресурс]. URL: https://vedtver.ru (дата обращения: 23.01.2019).

COMMUNICATION STRATEGY IN THE PROCESS OF CREATING A BRAND OF THE TVER REGION

D. V. Lavrikova

Tver State University
Department of International Relations

The article unveils such terms as *communication*, *strategy*, and *communication strategy* in relation to regions' branding. Some types of communication strategies used in forming the sustainable regions' brand are being discussed, such as strategies of cooperation and confrontation, as well as open, semi-open, closed and semi-closed communicative strategies. Effectiveness of the formed area-based brand in modern society depends on the development of information field and target audiences' loyalty, the communication strategies playing an important role in the process.
Key words: *communication; strategy; communication strategy; brand, target audience.*

Об авторе:

ЛАВРИКОВА Дарья Валентиновна – аспирант кафедры международных отношений Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Dlavrikova@yandex.ru.

About the author:

LAVRIKOVA Daria Valentinovna – Postgraduate Student at the Department of International Relations, Tver State University (Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: Dlavrikova@yandex.ru.

УДК 821.161.1-3

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА В РОМАНЕ Е. НИКИТИНОЙ «А ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ ОТ БАБЫ-ЯГИ»

Я. С. Николаева

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье дается общее представление о сложности переработки фольклорных текстов в художественной литературе XX–XXI вв. Рассматривается проблема потери устойчивых принципов фольклора на примере романа Е. Никитиной «А что Вы хотели от Бабы-яги».

Ключевые слова: *Д. С. Лихачев, Баба-яга, фольклор, Е. Никитина, В. Я. Пропп.*

Литература и фольклор являются неотъемлемой частью духовной жизни народа. С появлением индивидуально-авторских текстов фольклор не был вытеснен из культурного сознания, а, напротив, стал активно внедряться в литературу. Использование фольклора в авторских произведениях не только напоминает о национальных, народных традициях, но и имеет философско-эстетическую ценность. Фольклор дает наглядное представление о важнейших ценностях народа: о семье, любви, труде, добре, зле и пр., – при этом используется современная лексика, убираются лишние детали и т. д.

В разное время фольклор по-разному оказывал влияние на литературу и перерабатывался. А.С. Пушкин, М. Горький, А. Н. Толстой, А. М. Ремизов и другие писатели отмечали, что литературные произведения являются выражением взглядов народа, писатели лишь адаптируют эти взгляды к современной ситуации. Горький утверждал, что включение фольклора в авторский текст позволяет усилить звучание авторской мысли. Использование фольклорного опыта писателями начала XX века носит более осознанный и последовательный характер, чем в позднейшие литературные эпохи. Например, сборник А. М. Ремизова «Посолонь» (1906) построен на следующем принципе: задача автора – восстановить скрытый под поздними наслоениями миф, воплощающий народный взгляд на мир. Основой сюжетов сказок служат детские игры, песенки, сны и пр. Через них автор показывает глазами ребенка, как устроен мир. Поэтический сборник А. Н. Толстого «За синими реками» (1909) включает опоэтизированные представления народа о природе, солнце, о лесах и их таинственных обитателях – леших, русалках, ведьмах, рисует картины земледельческих работ с их обрядовыми песнями, хороводами, гаданиями и пр. Сам А.Н. Толстой писал: «…это результат моего первого знакомства с русским фольклором» [11, с. 84].

Многие известные ученые (В. Я. Пропп, Д. С. Лихачев, Б. В. Томашевский, Е. М. Мелетинский, И. В. Силантьев и др.), рассматривая проблему взаимосвязи авторских и народно-поэтических текстов, сходились во мнении, что авторская литература изначально не могла существовать без опоры на фольклор, а в дальнейшем стала использовать его темы, жанры, приемы, соответствовавшие той или иной эпохе.

Д. С. Лихачев в «Поэтике древнерусской литературе» подчеркивает важность фольклора, называет его полностью самостоятельным в жанровом отноше-

нии, цельным и законченным, чего нельзя сказать о древнерусской литературе, жанровая система которой не могла существовать самостоятельно, черпала свои формы и приемы в фольклоре. В средние века ситуация обстоит иначе: «…фольклор не только по-другому противостоит литературе, но и дополняет ее» [4, с. 69]. «В средневековье же обе системы (фольклора и литературы) несамостоятельны друг относительно друга. Особенно эта несамостоятельность выражается в литературе. Система жанров литературы дополняется рядом фольклорных жанров. Литература целиком не может еще удовлетворить всех потребностей в художественном слове» [Там же, с. 70]. По Д. С. Лихачеву, цели использования фольклора в художественной литературе следующие: 1) для «оживления» литературы; 2) для придания ей своеобразного народного колорита; 3) для выражения идей народности; 4) при необходимости выразить сочувствие народу. Иными словами, «даже и при своем привлечении в литературу фольклор воспринимается как в известной мере чужеродный, посторонний литературе элемент, но тесно связанный со своей, народной средой. Ощущение особого характера тех или иных элементов фольклора в литературе – необходимый компонент его использования писателем. Обращение к фольклору в литературе нового времени всегда носит более или менее сознательный характер, оно входит в художественный замысел произведения. Это использование инородного художественного материала, при котором сознание чужеродности, особого происхождения этого материала не утрачивается. Таким образом, в новое время фольклор и литература в некоторой степени противостоят друг другу – даже тогда, когда литература использует фольклор» [Там же, с. 68].

В литературе новейшего времени фольклор также воспринимается как обособленный элемент, но эта чужеродность в значительной мере сглаживается адаптацией к современной реальности. Опираясь на работы И. В. Силантьева, С. Ю. Неклюдова, Н. М. Ведерниковой, В. Я. Проппа, А. Н. Веселовского [2; 3; 5; 8; 10], можно выделить несколько типов фольклорных заимствований в литературе:

1) структурное заимствование – автор использует ту или иную структурную модель фольклорных текстов;

2) мотивное – использование мотивов фольклора, например, мотив загадки, разгадав которую, герой подтверждает свое право на получение потаенных знаний, доступных избранным;

3) образное – заимствование фольклорного образа, например, образа Бабы-яги. Это заимствование в литературе Новейшего времени проявляется в двух формах: первая – перенесение фольклорного образа в художественную литературу, вторая – созданный автором образ имеет ассоциативную связь с народно-поэтическим;

4) лексическое – использование средств художественной изобразительности.

Писатели используют ту или иную модель заимствования, которая становится органичной составляющей художественного мира произведения. Каждая модель с течением времени упрощается, утрачивает основные фольклорные мотивы. Так, детские литературные сказки начала XXI в. можно разделить на два типа: схожие по сюжету с народными и сказки-повести с оригинальным сюжетом. Авторы сказок первого типа (например, «Сказка о Бабе-Яге» Ю. Столяровой, «Про бабу Ягу и бобра» А. Тихонова, «Последняя сказка про Бабу Ягу» С. Скрябиной, «Баба Яга и Иван-царевич» В. Степанова) пытаются подражать народным, используют структурные, мотивные, лексические заимствования, но эти заимствования не являются в полной мере осмысленными, поэтому фольклор здесь во многом воспринимается чужеродным. Авторы сказок второго типа (Э. Успенский, А. Усачев, Д. Угрешич и

др.) используют образные заимствования, которые полностью перерабатываются. В этом случае не всегда сохраняется даже минимальный ряд ассоциаций с народными образами, отмечается устойчивая потеря связей с фольклорными источниками.

Социокультурная жизнь общества не стоит на месте. Массовая культура проникает в каждый пласт традиционной, вытесняя или изменяя старые традиции. Влияния просматриваются в искажении и переработке фольклорных текстов современными писателями, в итоге появляется новый художественный феномен, новые темы, модели, образы. Сравнивая переработки фольклорных текстов писателями XVIII – начала XX вв. (Горький, Пушкин, Л. Н. Толстой, А. Н. Толстой, Некрасов, Ремизов) и писателями второй половины XX и XXI вв., можно констатировать, что фольклор с его обычаями, традициями и обрядами перестает интересовать публику, остаются лишь некоторые образы, которые зачастую осовременниваются.

Рассмотрим данное явление на примере одного из самых ярких концептов фольклора – концепта Бабы-яги. В русском фольклоре немало значимых образов, которые нашли свое отражение в современной литературе и культуре в целом, в частности, образы Домового, Бабы-яги, Кащея Бессмертного и др. Образу Домового посвящена работа И. В. Бобяковой [1]. Не менее значим и образ Бабы-яги. На сегодня нет всеобъемлющего исследования, посвященного данному концепту.

Вспомним, как представлен образ Бабы-яги в народных сказках и литературе XVIII–XIX веков. Абстрагируясь от его многогранности, выделим общие черты. Прежде всего, внешность. Неважно, добрая Яга или злая в том или ином произведении, образ косматой, хромой, горбатой старухи с крючковатым носом остается неизменным. Неизвестно, сколько Бабе-яге лет. В каких-то источниках говорится, что ей уже за тысячу, в других – около 700 лет. В любом случае ясно, что Баба-яга уже не первый век живет на свете. Помимо внешности, похожим остается и поведение: Баба-яга не любит гостей, грозится их съесть, чует ненавистный ей «русский дух», но может отступать от правил и помогать героям, посвящая их в тайны.

Неизменно проживание Бабы-яги на опушке леса, олицетворяющей собой, согласно одной из теорий происхождения образа, границу между миром живых и мертвых. Ее дом стоит на курьих ногах, умеет перемещаться. В доме есть магические атрибуты: черный кот, ступа, метла и пр. О каких-либо родственных связях Бабы-яги упоминается мало и крайне редко: иногда мы узнаем, что у Бабы-яги есть дочери, иногда – сестры. О других родственных связях речи нет.

Обратимся к роману Никитиной «А что Вы хотели от Бабы-яги» [6] и посмотрим, как автор представляет читателю Бабу-ягу XXI века.

Е. Никитина – уже не начинающий автор. Родилась в 1981 г., печатается с 2007 г. Пишет в жанре юмористического фэнтези. Книги Никитиной – это облегченное фэнтези, напоминающее народные сказки. Они пропитаны легким, интригующим, незамысловатым юмором, рассчитаны на массового читателя.

Е. Никитина в романе «А что Вы хотели от Бабы-яги» ломает все стереотипы изображения героини. Перед читателем возникает в высшей степени странный образ, называемый Бабой-ягой.

Алена Хренова, главная героиня романа, является потомственной Бабой-ягой, правда, недоучкой. Скверный характер и острый язычок – наиболее очевидные ее достоинства. Алена Хренова – ведьмочка двадцати лет, жаждущая приключений. Учеба в Высшей академии мировой магии ей скучна, зубрить заклинания она не приучена. Отсюда неприятности. По мнению героини, к любому магическому заклинанию нужно подходить творчески, с пониманием. Такой подход не оценили по до-

стоинству. Изгнанной из академии Алене пришлось поселиться в Богом забытом местечке с говорящим названием «Забытки», в лесу, в домике, доставшемся по наследству от настоящей Бабы-яги, дальней родственницы Алены. Показательно, что домик не имеет куриных ножек, как описывают жилище Бабы-яги народные сказки.

Автор романа сообщает, что родители Алены умерли, когда та была совсем маленькой, поэтому воспитывала девочку бабка по материнской линии. Но и та умерла, когда Алена училась в академии магии. Как Баба-яга, Алена стала хранительницей погибающего леса и всех его обитателей, называемых местными жителями «нечистью». Алена тоже получила гордый статус нечисти – Бабы-яги. Получила она его не за проживание на опушке леса, а в силу своего социального и этического положения.

Воспитывалась маленькая Баба-яга бабкой-ведуньей, которая хорошо разбиралась в травах, отварах и целительстве, и уроки медицины Алена освоила на отлично. Как и настоящая Баба-яга, Алена имела кота (говорящего), по традиции имевшего однотонный окрас, но белый. Кот Сенька был единственным опытным образцом говорящего животного. Считалось, что теоретически заставить животное говорить и рационально мыслить – возможно, но ранее это никому не удавалось. Характер достался Алене тоже в наследство. Она не любит путников, посещающих ее дом, считает, что времена изменились, поэтому ее жилище – не проходной дом и не ночлежка, а ужином кормить гостя и баньку топить – не барское дело.

Действие романа происходит в наши дни (в вымышленной стране Петравии и двух прилегающих странах), однако привычные блага цивилизации (электричество, машины, телефоны) отсутствуют, хотя современные шикарные наряды упоминаются не раз. Лексические фольклорные заимствования в романе отсутствуют. Автор намеренно не использует фольклорные клише, в языке героев нет диалектизмов, устаревшей лексики, что указывает: время в романе близко к настоящему.

Повествование строится на фольклорном мотиве помощи. Как и настоящая Баба-яга, Алена не может отказать в помощи путнику, забредшему к ней, тем более что этот путник оказывается королевичем Елисеем. Незадолго до свадьбы пропала невеста Елисея Василиса. Виновником похищения, по мнению королевича, является сам Кащей Бессмертный. Поисками невесты уже несколько месяцев занимаются все придворные маги, однако к положительному результату это не привело. У королевича осталась единственная надежда – Баба-яга.

Своей задачей Е. Никитина ставит принципиальное отдаление от фольклорных сказочных традиций. Во-первых, это проявляется в диалогах главной героини, в том числе с путниками, посещающими ее дом:

«– А мне бы Бабу-ягу…

– Я вместо нее. Чего тебе?

– А ты сначала накорми, напои да спать уложи, а потом уже спрашивай, – придерживался парень традиционного стиля поведения.

– Вот еще, – фыркнула я. – Слишком много чести. Нашли гостиницу. Топай давай отсюда. <…>

– А расплачиваться за ночлег чем будешь? – строго спросила я.

– То есть?

– А ты думал, я тебя бесплатно пущу?

– А разве Бабе-яге не положено просто так пустить странника, а потом еще наутро и клубочком путеводным одарить?

Святая наивность, книжек начитался. Я закатила глаза.

– Я благотворительностью не занимаюсь. Не хочешь платить, проваливай отсюда. <…>

– У меня сало есть, сыр, ветчины немного… – Парень не сдавался.

– Ну ладно, – согласилась я, отпуская дверную ручку, и парень кубарем полетел вниз со ступенек. – Проходи, разберемся» [Там же, с. 47].

Во-вторых, в народных сказках Баба-яга помогала сказочному герою при помощи магических атрибутов, загадывания загадок, мудрых советов. В романе Никитиной Алена сама отправляется вместе с Елисеем на поиски его невесты в соседнее королевство, правит которым Кащей Бессмертный.

Отдельное, пожалуй, главное место в романе отводится отношениям между Бабой-ягой и Кащеем Бессмертным. Из народных сказок известен устоявшийся стереотип Кащея, который «над златом чахнет», живет уже не первую тысячу лет, а смерть его – на конце иглы. Образ Кащея всегда ассоциировался со злыми силами, чего нельзя сказать о Бабе-яге, однако Никитина ломает и его. Кто он, Кащей XXI века?

Это молодой, амбициозный король Александр, который любит свой народ, защищает его и не отделяется от него. Александр – потомок настоящего Кащея Бессмертного из народных сказок, того, кто владел черной магией. А еще он жених Бабы-яги и будущий отец их детей.

Учитывая эту характеристику Кащея, читатель понимает, что тот не имеет никакого отношения к похищению невесты королевича. Все герои отправляются в далекое путешествие, помогают Елисею отыскать Василису.

Таким образом, Е. Никитина в корне изменила традиционные образы Бабы-яги и Кащея Бессмертного. Яга XXI века – современная молодая девушка с отличным чувством юмора, жаждущая новых открытий, но при этом не забывающая про свои обязанности быть хранительницей леса. Переложены на новый лад отношения заклятых врагов – Кащея и Яги, в корне переработаны фольклорные стереотипы, переосмыслены атрибуты образа Бабы-яги. Автор отказывается от сказочных мотивов, деталей, образов, перестраивая их на новый лад, тем самым добиваясь психологической убедительности, достоверности, иронического модуса повествования.

По верному определению В. А. Редькина, «угол преломления фольклорной традиции» находится в прямой зависимости от принадлежности автора «к конкретно-реалистическому или романтическому стилевому течению, к постмодернизму и т. п. Фольклор может восприниматься автором как живое народное искусство слова, имеющее непреходящее значение, или же как символ прошлого, патриархального или экзотического, или же как объект литературной игры, пародирования, переворачивания… Для одних самое важное в фольклоре – духовное начало, его нравственные богатства… Других привлекают яркие, броские фольклорные образы, ценные своей подлинностью и жизненной силой. Но во всех случаях элементы фольклора становятся стилеобразующим и жанрообразующим фактором в творчестве» [9, с. 52] современных писателей.

Фольклорное начало в романе Е. Никитиной скорее воспринимается как основа для пародии, иронии, как способ литературной игры, травестирования. Вместе с тем оно помогает раскрыть некий нравственный смысл и психологию персонажей, органично вписывается в контекст современного повествования «о героях и героинях нашего времени». Тем самым Е. Никитина поддерживает – оригинально, по-своему – такую «тенденцию русской литературы последних десятилетий XX – начала XXI века», как актуализация фольклорных источников, «обращение многих писателей к традициям древнерусской словесности, культуры, эстетики» [7, с. 41].

Однако целостная и объективная эстетическая оценка романа Е. Никитиной, так же как и ее творческого метода, еще впереди.

Список литературы

1. Бобякова И. В. Домовой как персонаж русской литературы: генезис, структура, функции : автореф. дис. … канд. филол. н. : 10.01.01 / И. В. Бобякова ; Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т. Волгоград, 2017. 19 с.
2. Ведерникова Н. М. Мотив и сюжет волшебной сказки // Филологические науки. 1970. № 2. С. 57–65.
3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М. ; Л. : Худож. лит., 1940. 648 с.
4. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Л. : Наука, 1973. 254 с.
5. Неклюдов С. Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л. : Наука, 1984. С. 221–229.
6. Никитина Е. В. А что Вы хотели от Бабы-яги. М. : Альфа-книга, 2007. 384 с.
7. Николаева С. Ю. Жанровое своеобразие рассказа Ф. А. Абрамова «Из колена Аввакумова» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 41–48.
8. Пропп В. Я. Поэтика фольклора. М. : Лабиринт, 1998. 352 с.
9. Редькин В. А. Стилевое своеобразие поэзии Гайды Лагздынь // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 49–55.
10. Силантьев И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: Очерк историографии. Новосибирск, 1999. 69 с.
11. Толстой А. Н. Собр. соч. : в 10 т. Т. 1. М. : Гослитиздат, 1951. 676 с.

INTERACTION OF LITERATURE AND FOLKLORE IN THE NOVEL BY E.NIKITINA “WHAT DID YOU WANT FROM BABA YAGA”

Ya. S. Nikolaeva

Tver State University
the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

The article gives an overview of the complexity of the recasting of folklore texts in the literature of XX–XXI centuries. There is considered the problem of the loss of the sustainable principles of folklore on the example of the novel by E. Nikitina “What Did You Want From Baba-Yaga”.
Keywords*: D. S. Lihachev, Baba-yaga, V. Ya. Propp, folklore, E. Nikitina.*

Об авторе:

НИКОЛАЕВА Яна Сергеевна – аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: nikoyan4ik@yandex.ru.

About the author:

NIKOLAEVA Yana Sergeevna – Postgraduate Student at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: nikoyan4ik@yandex.ru.

УДК 821.111-3

ФУНКЦИЯ ИНТЕРТЕКСТА В РОМАНЕ-АНТИУТОПИИ ДЖ. БАРНСА «АНГЛИЯ, АНГЛИЯ»

О. С. Ратникова

Тверской государственный университет
кафедры истории и теории литературы

Интертекстуальность романа-антиутопии Дж. Барнса «Англия, Англия» определяет его читательское восприятие и подходы к литературоведческому анализу. В статье рассматриваются межтекстовые взаимодействия разных типов. Устойчивые жанровые структуры наполняются новыми смыслами в антиутопии постмодерна.

Ключевые слова: *антиутопия, постмодернизм, «Англия, Англия», Дж. Барнс, интертекстуальность, аллюзия.*

Исследователи отмечают, что «высокая интертекстуальная плотность» [4, с. 4], характерная для романа-антиутопии, является одной из жанровых доминант. Роман Дж. Барнса «Англия, Англия», опубликованный в 1998 году, репрезентативен для исследования интертекстуальности как ключевой категории литературы постмодернизма, с одной стороны, и жанра антиутопии – с другой. Вне диалогических отношений с культурной и жанровой традицией «Англия, Англия» не читается, эти связи – основа смыслообразования романа.

Межтекстовые связи в «Англии, Англии» представлены разными типами взаимодействия: цитаты, реминисценции к конкретным текстам, «архитекстуальные» антиутопические элементы, аллюзии [5, с. 346] к значимым явлениям культуры конца XX века. Роман является неким палимпсестом из внутрижанровых заимствований и художественного переосмысления таких значимых текстов, как работы Жака Бодрийяра (см.: [2; 3]).

Сама идея проекта идеального острова – пародия на «Утопию» Томаса Мора. Это территория, где нет частной собственности и денег, открытая для чужеземцев, особенно обладающих какими-то талантами. «Англия, Англия» же является частной собственностью Джека Питмена, успешным коммерческим проектом, привлекающим очень состоятельных туристов и нескончаемые потоки долларов и иен. Сюжетная основа романа как антиутопии – осуществление тематического проекта, некая консьюмеристская утопия, которая должна сосредоточить в себе все истинно английское – разумеется, не в подлиннике, а в форме идеально продуманной копии для привлечения туристов.

В качестве площадки для Проекта выбран остров Уайт, реально существующий у берегов Англии. Описывая остров Уайт с помощью шекспировской цитаты: «Дивный сей алмаз в серебряной оправе океана», – создатель и благодетель Джек Питмен подменяет подлинное означаемое – Англию – на ее будущую копию, запуская механизм постепенного замещения оригинала симулякром.

Многократны отсылки к «Острову» Олдоса Хаксли: это и частотное наименования проекта – «Остров», и прямое цитирование философского принципа Палы

«здесь и сейчас», но уже не как принципа отношения субъекта к действительности, а как наиболее совершенного метода ее воссоздания в качестве популярного продукта для массового потребления.

Для антиутопии характерны два основных конфликта, повторяющиеся в той или иной форме во всех текстах данного жанра: это конфликты цивилизации и культуры, личности и государства. В «Англии, Англии» они трансформируются в конфликт копии и оригинала и внутренний конфликт главной героини, находящейся в поисках самоидентичности, мультиплицированный в образах второстепенных героев. Таким образом, на этом уровне текста реализуются одновременно внутрижанровый диалог и отсылки к актуальной проблематике современной культуры.

Замена настоящей Англии ее репрезентацией явно отсылает нас к теории симуляции Жана Бодрийяра. Механизм замещения и «смерти» оригинала легко можно проследить по паратексту – названию романа и его частей. Первая часть называется «Англия» и посвящена жизни главной героини Марты и старой Англии до проекта, вторая – «Англия, Англия» рассказывает о становлении острова как независимого от своего оригинала симулякра, в третьей – настоящая Англия исчезает, вместо нее появляется Ингленд, закрытая отсталая аграрная страна, ничего общего не имеющая с «метрополией» – оригиналом, зато копирующая симулятивную природу «Англии, Англии». Ее жители, имеющие вполне реальные постиндустриальные жизни в прошлом, охваченные «паническим производством подлинного» [3, с. 265], постепенно вживаются в свои вынужденно принятые роли простых фермеров и ремесленников и постепенно воссоздают Англию, какой она была в начале XX века.

В то же время использование слов с пространственной семантикой в названии соответствует жанровой традиции утопической литературы, заложенной еще Томасом Мором. «Утопия» – это нереальное идеализированное пространство, противопоставленное реальной и подчеркнуто несовершенной Англии. «Англия, Англия» амбивалентна как с точки зрения реальности (расположенный на существующем острове Уайт слепок с реальной Англии, выдуманный от и до), так и с позиции «идеальности»: лучшие элементы английской культуры становятся её зловещим двойником, вытеснившим оригинал.

Еще одна «архитекстуальная» проблема романа-антиутопии, проблема личности, трансформируется в вопрос о реальности личности и истории, связанный соответственно с личной и культурной памятью. Главная героиня «в поисках себя» постоянно обращается к детским воспоминаниям – и признает их потенциальную неподлинность, ведь наша память постоянно подвергается «обновлению» и ретуши, в создании своего образа или автомифа. Также ретушируется, заменяется и конструируется культурная память нации: подлинное и фальсифицированное смешиваются до неразличимости, и вопрос о реальности того или иного представления часто зависит от того, «сколько человек в это верят» [1, с. 319].

Отклонением от жанровой традиции можно назвать то, что становление «проекта» показано в динамике, прием эксплицированы не только внешние и физические процессы (постройка объектов, достижение независимости, организация работы), но и идеология: пятьдесят «самых английских» символов выбираются в результате обширного социологического опроса. В процессе создания «реплик» на острове оказывается, что большинство «исконно английских традиций» – всего лишь мифы, поэтому их копии отсылают к искусственным конструктам, из которых и состоит Англия, да и, по мнению современных исследователей постмодерна, любая «национальная культура». Именно эти составляющие, перенесенные

«на другой уровень реальности» в виде совершенно выполненных копий, создают новую Англию, или, как называет ее автор проекта, фиксируя превосходство над оригиналом, «Англию, Англию». Символическим обменом, знаком превосходства Новой Англии над старой можно считать переезд монаршей четы из Лондона в Букингемский дворец-2.

Пародирует жанровую традицию образ «большого брата» – автора и реализатора проекта – Мистера Джека Питмена. Эпитет «большой» здесь получает буквальное, несколько даже раблезианское воплощение в виде необъятного тела антагониста. Мотив «слежения» и контроля за личной жизнью сотрудников получает довольно пикантную окраску, сочетаясь с мотивом сексуальных девиаций. Интерпретация этого сюжетного компонента видится возможной только в контексте работы Эриха Фромма «Анатомия человеческой деструктивности», которая связывает властность и искаженную сексуальность, а склонный к нарциссизму и «доброжелательному садизму» (подчинению) Питмен обнаруживает сходство с описанным Фроммом Генрихом Гимлером [9, с. 448]; в тексте такая связь подчеркивается «анально-накопительной» природой питменовских тайных удовольствий.

Противостояние цивилизации и культуры, превосходство первой и гибель последней – *locus communis* антиутопий XX века – также раскрывается через оппозицию подлинника и копии, причем копия оказывается более успешной в коммерческом смысле: цивилизация подделок – идеальный продукт для потреблении, в то время как настоящая культура «неудобная и пугающая».

Человек в таком контексте имеет ценность, основанную лишь на его коммерческих талантах, в данном случае – на умении воссоздавать и конструировать идеальную Англию. Любого сотрудника можно быстро «заменить симулякрами» [1, с. 190], а профессиональные обязанности вытесняют индивидуальность: так, например, всех референтов Джека Питмена называют Сюзи и воспринимают как одну личность.

Элемент перверсированного карнавала, отмеченный как жанровая детерминанта антиутопии Борисом Ланиным [8], в «Англии, Англии» реализуется в тексте непосредственно в трех пространствах. Во-первых, это воспоминания Марты об увиденном ею в детстве празднике, конкурсе урожая (самые яркие и «достоверные» ее воспоминания), во-вторых, сам тематический парк как топос бесконечного праздника, в-третьих, финал романа – вновь придуманный праздник в Ингленде, который должен был воссоздать Майский день, но проводится в июне, теряет свои традиционные черты и свои связи с оригиналом. Мотив фальсификации и разрыва между означающим и означаемым подчеркивается травестией (королева Виктория и Эдна Галлей в изображении местных жителей-мужчин) и иллюзорностью восприятия: песня пеночки оказывается трелями велосипедного звонка в руках пьяного в стельку «офицера» полиции. В то же время это становление новой традиции и окончательное вхождение жителей деревни в выбранные ими роли.

Кроме того, обращаясь к дискурсу Бахтин-Кристева [7, с. 437], можно рассматривать черты мениппеи в антиутопии: такие, как соположение комического и трагического, целостная реализация карнавального начала (государство = парк развлечений), отчетливая пародийная направленность и интертекстуальность.

Чтобы подчеркнуть художественные особенности текста, уместно использовать понятие гипертекстуальности, где гипертекст – «проявленная интертекстуальность, сделанная зримой и общедоступной» [6, с. 35] – стремится к эксплицированию связей, вне которых он не существует. Барнс как раз и обнажает эти связи, текст

изобилует цитатами и аллюзиями к романам утопической традиции, а философские концепции постмодернизма, прежде всего идеи Бодрийяра, эксплицированы в «Англии, Англии» на уровне сюжета, топонимики, лексики. Более того, «французская теория» персонифицирована в романе в образе интеллектуала-француза, в котором при желании можно найти некое портретное сходство с самим Бодрийяром и который Бодрийяра же и цитирует: «Все, что когда-то переживалось непосредственно – стало всего лишь репрезентацией» [1, с. 111] – и продолжает эту мысль, словно показывая, как контекст может исказить смысл высказывания [Там же, с. 112].

Теперь имеется репрезентация – позвольте расчленить это слово: «ре-презентация», повторная презентация – мира. Это не заменитель неказистого первобытного мира, но его улучшенный и обогащенный, иронизированный и суммированный вариант. Вот где мы отныне живем… Мы должны требовать копий, ибо реальность, истина, аутентичность копии – это то, что мы можем присваивать, колонизировать, реструктурировать, использовать как источник *jouissance*.

Симуляция реальности и потребление видятся с этой точки зрения утопическим идеалом – все зависит от контекста и языковых манипуляций. Вообще же в рамках постмодернистского развития утопического мышления границы между утопией и антиутопией размываются, что проявляется уже у Хаксли в «Острове» или в «Галапагосах» Курта Воннегута.

Мы можем заключить, что для антиутопии постмодернизма характерна открытая, даже подчеркнутая интертекстуальность на всех уровнях, жанровые доминанты обыгрываются в пародийном ключе, а текстовая реализация таких идей, как симуляция и потребление, высвечивает «социальную мысль» как важную внехудожественную составляющую жанра. Жанровые структуры, заложенные еще Томасом Мором, наполняются содержанием, обусловленным текущим состоянием культуры. Диалог с культурой и интертекстуальность обуславливают жизнеспособность и востребованность жанра антиутопии.

Список литературы

1. Барнс Дж. Англия, Англия. М.: АСТ, 2003. 349 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть М.: Добросвет, 2015. 387 с.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // Современная литературная теория: Антология / сост. И. В. Кабанова. М.: Флинта, 2003. С. 258–270.
4. Гаврикова Ю. С. Интертекстуальность англоязычных антиутопий: автореф. дис. … канд. филол. н. : 10.02.04 / Ю. С. Гаврикова; Ворон. гос. ун-т. Воронеж, 2012. 20 с.
5. Женетт Ж. Фигуры: Работы по поэтике: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 472 с.
6. Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодернизма: Интернет как место обитания литературы // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С. 29–47.
7. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.
8. Ланин Б. Анатомия литературной антиутопии. [Электронный ресурс]// Федеральный образовательный портал. Экономика. Социология. Менеджмент. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/120/386/1217/017_LANIN.pdf (дата обращения: 21.02.2019).
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2004. 635 с.

INTERTEXTUALITY IN THE NOVEL "ENGLAND, ENGLAND" BY J. BARNES

O. S. Ratnikova

Tver State University
the Department of History and Theory of Literature

The novel "England, England" by J. Barnes is analyzed by highlighting intertextual links on multifarious textual levels. Intertextuality of the novel gives keys for reading and researching as well. Permanent genre structures of dystopia are filled with contemporary postmodern contents.
Keywords*: dystopia, intertextuality, simulation, allusion, J. Barnes, transformation, postmodernism.*

Об авторе:

РАТНИКОВА Ольга Сергеевна – аспирант кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: darkesteyes@yandex.ru.

About the author:

RATNIKOVA Olga Sergeevna – Postgraduate Student at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: darkesteyes@yandex.ru.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

УДК 821.161.1(048)

IN MEMORIAM. ВАЛЕНТИНА ГЕОРГИЕВНА ШОМИНА (НАЗАРОВА)

А. А. Петров

Тверской государственный университет
кафедра истории и теории литературы

В публикации представлен список научных статей и фольклорных публикаций В. Г. Шоминой – ученого-фольклориста и литературоведа, собирателя устного народного творчества. Валентина Георгиевна долгое время преподавала на кафедре русской и советской литературы, затем кафедре русской литературы в Калининском государственном университете (Тверском государственном университете).
Ключевые слова*: фольклор, этнография, традиционная культура, экспедиции, история науки.*

Валентина Георгиевна Шомина (в девичестве – Назарова) родилась 17 февраля 1930 г. в с. Чинявино Татарского района Новосибирской области (по современному административно-территориальному делению). В 1949–1953 гг. училась в Омском педагогическом институте им. А. М. Горького. В 1953–1959 гг. работала в школе г. Улан-Удэ. В 1959 г. поступила в аспирантуру Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, где в 1966 г. под руководством Н. И. Кравцова защитила диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук «Поэзия тюрьмы, каторги и ссылки (Народные песни и стихи второй половины XIX – начала XX вв.). После защиты была направлена в Калининский государственный университет им. М. И. Калинина, где работала на кафедре русской и советской литературы, с 1976 г. – на кафедре русской литературы.

Валентина Георгиевна занималась изучением проблем фольклора и литературы, их взаимодействия. В. Г. Шомина руководила экспедициями и студенческими фольклорными практиками с 1971, 1974 по 1994 гг. Под ее руководством были выполнены такие дипломные работы, как «Свадебная лирика Верхневолжского края» (Н. А. Мельничук, 1975), «Жанрово-поэтические особенности песенной лирики сборника П. В. Шейна “Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.”» (О. И. Сухова, 1976), «Современное состояние песенного фольклора в Кашинском районе Калининской области (по материалам фольклорных экспедиций 1974–1976 гг.)» (Н. А. Кравчук, 1980), «А. А. Дельвиг и народная песня» (Е. Г. Горшкова, 1986), «Фольклор в творчестве И. З. Сурикова» (М. А. Максимова, 1986), «Идейно-художественное своеобразие солдатских песен XVIII–XIX вв.» (Н. Н. Карягина, 1987), «Поэтика социально-бытовых песен (на примере тюремных и разбойничьих песен» (С. Н. Гаврилова, 1989), «Сказки А. С. Пушкина в их отношении к фольклорным сказкам» (О. И. Дроздова, 1990), «Специфика преданий как жанра» (Т. Л. Боронина, 1993).

Скончалась Валентина Георгиевна 19 января 2018 г., похоронена в с. Красном Торжокского района Тверской области. В память о В. Г. Шоминой 28 февраля

2018 г. на филологическом факультете прошла научная конференция, где в том числе выступали ее дочь А. А. Шомина, ученики (С. Н. Лебедева – в девичестве Гаврилова), протоирей Александр Шабанов,), друзья (С. А. Капранова, Л. М. Концедайло).

В настоящее время в Государственном архиве Тверской области хранится часть документов В. Г. Шоминой в личном фонде (ГАТО. Р-2401. Оп. 2), а также часть лабораторных работ (фольклорных практик), выполненных под ее руководством (ГАТО. Р-1872. Оп. 2).

Список трудов В.Г. Шоминой

1. Шомина В. Г. Тюремная песня «Ты воспой, воспой, жавороночек» // Фольклор как искусство слова / ред. Н. И. Кравцов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1966. С. 95–111.
2. Шомина В. Г. Поэзия тюрьмы, каторги и ссылки (Народные песни и стихи второй половины XIX – начала XX вв.) : автореф. дис. … канд. филол. н. : 10.01.09 / В. Г. Шомина ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1966. 14 с.
3. Назарова (Шомина) В. Г. [Тексты] // Народные песни Прииртышья / Сост. Т. Г. Леонова. Новосибирск : Западно-Сибирск. кн. изд-во, 1969. – С. 34–33, 37, 41–43, 45–46, 48–49, 60–61, 63–64, 69, 73–74, 78–80, 105–107, 109–110, 125, 128–133, 140–144, 146, 154–156, 158–162, 164.
4. Шомина В. Г. Фольклорно-литературные взаимосвязи в жанре русской романтической баллады начала XIX в. // Проблемы фольклористики, истории литературы и методики ее преподавания : материалы XI научн. конф. литературоведов Поволжья / Отв. ред. И. В. Попов. Куйбышев : Куйбыш. гос. пед. ин-т, 1972. С. 30–33.
5. Шомина В. Г. Как в городе Торжке… // Смена (Калинин). 1973. 2 июня. № 66 (3396). С. 2–3.
6. Шомина В. Г. Русская романтическая баллада начала XIX века и фольклор // Из истории русской и зарубежной литературы XIX – XX вв. / Ред. А. М. Микешин. Кемерово : Кемер. гос. пед. ин-т, 1973. С. 30–41.
7. Русское народное поэтическое творчество : методические указания для студентов-заочников 1 курса филологического факультета / Сост. Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1975. 24 с.
8. Астафьева Л. А., Шомина В. Г. Н. И. Кравцов (к 70-летию со дня рождения). Список основных работ Н. И. Кравцова в области фольклора и литературы // Русский фольклор. Т. 16. Л. : Наука, 1976. С. 297–303.
9. Шомина В. Г. Фольклор на родине В. И. Симакова сегодня // Фольклор народов РСФСР / Ред. Т. М. Акимова, Л. Г. Бараг. Вып. 1. Уфа : Башкир. гос. ун-т, 1974. С. 200–204.
10. Шомина В. Г. Искусство психологического изображения человека в думе «Иван Сусанин» К. Ф. Рылеева // Вопросы романтизма : межвуз. сб. / ред. Н. А. Гуляев. Вып. 2. Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1975. С. 15–26.
11. Брадис Л. В., Шомина В. Г. Русская литература XVIII в. : метод. указания для студентов-заочников 2 курса филол. фак. Калинин : Калин. гос. ун-т, 1977. 36 с.
12. В. И. Симаков и народное творчество : межвуз. темат. сб. / ред. В. Г. Шомина. Калинин : Калин. гос. ун-т, 1977. 146 с.
13. Шомина В. Г. Современное состояние фольклора на родине В. И. Симакова (по материалам фольклорной экспедиции 1971 г.) // В. И. Симаков и народное творчество : межвуз. темат. сб. / ред. В. Г. Шомина. Калинин : Калин. гос. ун-т, 1977. С. 45–61.

14. Частушки. Публикация Л. А. Астафьевой, В. Г. Шоминой // В. И. Симаков и народное творчество : межвуз. темат. сб. / ред. В. Г. Шомина. Калинин : Калин. гос. ун-т 1977. С. 73–119.
15. Песни. Публикация Н. В. Потявиной, В. Г. Шоминой // В. И. Симаков и народное творчество : межвуз. темат. сб. / Ред. В. Г. Шомина. Калинин : Калин. гос. ун-т 1977. С. 120–131.
16. Детский фольклор. Публикация В. А. Василенко, В. Г. Шоминой // В. И. Симаков и народное творчество : межвуз. темат. сб. / Ред. В. Г. Шомина. Калинин : Калин. гос. ун-т 1977. С. 132–140.
17. Шомина В. Г. Жанры русской поэзии первой половины XIX в. и фольклор : учеб. пособ. / Ред. И. В. Карташова. Калинин : Калин. гос. ун-т, 1980. 80 с.
18. Шомина В. Г. Истоки народного творчества // Калининец (Калинин). 1981. 3 апреля. № 13 (836). С. 2.
19. Методические указания по фольклорной практике : для студентов филологического факультета / Сост. Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. Калинин : Калин. гос. ун-т, 1982. 26 с.
20. В. И. Симаков и народное творчество : межвуз. темат. сб. научн. трудов / Ред. В. Г. Шомина. Калинин : Калин. гос. ун-т 1987. 144 с.
21. Шомина В. Г. Традиционный фольклор Кашинского района // В. И. Симаков и народное творчество : межвуз. темат. сб. научн. трудов / Ред. В. Г. Шомина. Калинин : Калин. гос. ун-т, 1987. С. 31–48.
22. Частушки. Публикация В. Г. Шоминой // В. И. Симаков и народное творчество: межвуз. темат. сб. научн. трудов / Ред. В. Г. Шомина. Калинин : Калин. гос. ун-т, 1987. С. 49–107.
23. Частушки. Публикация В. Г. Шоминой // В. И. Симаков и народное творчество : межвуз. темат. сб. научн. трудов / Ред. В. Г. Шомина. Калинин : Калин. гос. ун-т, 1987. С. 108–116.
24. Песни. Публикация В. Г. Шоминой // В. И. Симаков и народное творчество : межвуз. темат. сб. научн. трудов / Ред. В. Г. Шомина. Калинин : Калин. гос. ун-т, 1987. С. 116–123.
25. Детский фольклор. Публикация В. Г. Шоминой // В. И. Симаков и народное творчество : межвуз. темат. сб. научн. трудов / Ред. В. Г. Шомина. Калинин : Калин. гос. ун-т, 1987. С. 124–137.
26. Шомина В. Г. Народная эстетика и восприятие фольклора // Художественное творчество и проблемы восприятия / Отв. ред. В. В. Прозоров. Калинин : Калин. гос. ун-т, 1990. С. 134–140.
27. Тверские частушки / Сост. Ф. М. Селиванов, Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. М. : Моск. рабочий, 1990. 192 с.
28. Шомина В. Г. Роль исполнительского начала в фольклоре // История литературы и художественное восприятие : мб. научн. тр. / Отв. ред. М. М. Кедрова. Тверь : [б. и.], 1991. С. 88–93.
29. Брадис Л. В., Шомина В. Г. Восприятие в синтетических искусствах // Художественное восприятие. Основные термины и понятия : словарь-справочник / Ред.-сост. М. В. Строганов. Тверь : [б. и.], 1991. С. 15–18.
30. Шомина В. Г. Современное социально-эстетическое функционирование фольклорных жанров // Русский фольклор: проблемы изучения и преподавания : материалы Межрегион. научно-практ. конф. Ч. 3. Тамбов : Тамбов. гос. пед. ин-т, 1991. С. 47–49.

31. Методические рекомендации по фольклорной практике : для студентов I курса филологического факультета / Сост. Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. Тверь : Тверской гос. ун-т, 1993. 24 с.
32. Тверские пословицы и поговорки / Сост. Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. Тверь : [б. и.], 1993. 60 с. (Серия «Тверской фольклор»).
33. Тверские загадки / Сост. Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. Тверь : Тверская обл. тип., 1995. 112 с. (Серия «Тверской фольклор»).
34. Тверской детский фольклор / Сост. Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. Тверь : Тверская обл. тип., 2001. 180 с. (Серия «Тверской фольклор»).

Публикации о В. Г. Шоминой

35. Иезуитова Р. В. Баллада в эпоху романтизма // Русский романтизм / Ред. К. Н. Григорьян. Л. : Наука, 1978. С. 161.
36. Скабицкая Н. Песни на века // Калининская правда (Калинин). 1986. 12 ноября. № 259 (20.961). С. 4.
37. Российские фольклористы : справочник / Сост. Л. В. Рыбакова. М. : Индрик, 1994. С. 147.
38. Концедайло Л. Хранитель древней мудрости // Вече Твери сегодня (Тверь). 2000. № 32 (2313). 19 февраля. С. 5.
39. Петренко Е. Новая изба на старый лад: В Твери появился фольклорно-этнографический музей // Тверская жизнь (Тверь). 2002. 28 декабря. № 235–236 (25.129). С. 1.
40. Лебедева С. Н. Фольклорно-этнографический музей ТвГУ // Тверская филология: Прошлое, настоящее, будущее: К 85-летию филологического факультета Тверского государственного университета / Ред. С. Ю. Николаева. Тверь : Золотая буква, 2002. С. 96–98.
41. Молчановский В. В. Межкультурное взаимодействие: диалог внутри национальной культуры (по поводу книги: Гончарова А. В., Скаковская Л. Н. У истока: Фольклорные традиции в русской литературе 1970–1990-х годов. Тверь, 2001. 240 с.) // Мир русского слова. 2003. № 1. С. 121.
42. Петренко Е. А песня русская жива // Тверская жизнь (Тверь). 2007. 28 декабря. № 239 (26.330). С. 5.
43. 80 лет назад (1930) // Календарь памятных дат Тверского государственного университета на 2010 г. / Сост. Е. И. Власова, Л. Е. Козловская. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2010. С. 26.
44. Маркова Т., Петренко Е., Юрьева Ю. Наши традиции // Тверская жизнь (Тверь). 2012. 5 июля. № 123 (27.415). С. 5.
45. «Хранить вечно!» // Тверские ведомости (Тверь). 2013. 9–15 августа. № 32 (1972). С. 1, 4.
46. Заострожная Ю. С. Кашинский свадебный обряд по материалам личного фонда В. Г. Шоминой в ГАТО // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Памяти Н. П. Кудряшова (1924–1998): Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская, Э. Ф. Шафранская ; сост. Л. М. Концедайло, М. Л. Логунов, С. В. Моряков, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская, Э. Ф. Шафранская. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2014. С. 55–70.
47. Песня как наука // Тверская жизнь (Тверь). 2016. 27 декабря. № 152 (28.347). С. 1.
48. Петренко Е. Полвека с русской песней // Тверская жизнь (Тверь). 2018. 11 января. № 1 (28.476). С. 13.

49. Бушев А. Памяти тверского фольклориста Валентины Шоминой // Вся Тверь (Тверь). 2018. 16 марта. № 21 (991). С. 17.

IN MEMORIAM. VALENTINA GEORGIEVNA SHOMINA (NAZAROVA)

A. A. Petrov

Tver State University
the Department of History and Theory of Literature

The publication presents the list of scientific articles by V.G. Shomina – a scientist-specialist in folklore and literature, a speaking folk arts gatherer. Valentina Georgievna lectured for a long period at the Department of Russian and Soviet Literature, then at the Department of Russian Literature at Kalinin State University (Tver State University).
Keywords: *folklore, ethnography, traditional culture, ceremonies, expeditions, history of science.*

Об авторе:

ПЕТРОВ Алексей Андреевич – старший преподаватель кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: aapetrov-kraeved@mail.ru; Petrov.AA@tversu.ru.

About the author:

PETROV Alexey Andreevich – Senior Lecturer at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: aapetrov-kraeved@mail.ru; Petrov.AA@tversu.ru.

Сведения для авторов

Требования к направляемым материалам

СОДЕРЖАНИЕ статей должно отвечать установленным ВАК РФ требованиям к актуальности, научной новизне, теоретической и практической значимости публикуемых материалов. Авторы статей несут ответственность за точность цитации, наличие должных ссылок на источники и за достоверность приводимых фактов и результатов.

ОФОРМЛЕНИЕ статей должно строго соответствовать шаблону ТвГУ. Текст статьи набирается в текстовом редакторе *MS Word* (версия *Word* 2003) без использования стилей. Требуется указать УДК статьи.

Аннотации (не более 7 строк) и ключевые слова (не более 6) приводятся на русском и английском языках (обязательно указать название статьи и Ф. И. О. автора на обоих языках), располагаются с двусторонней отбивкой в 5 мм без красной строки.

Параметры страницы: зеркальное расположение страниц; верхнее поле 25 мм, нижнее – 57 мм, внутри – 23 мм, снаружи – 55 мм; от верхнего колонтитула – 20 мм, до нижнего колонтитула – 45 мм. Шрифт: *Times New Roman*, кегль 12 пунктов для основного текста, 11 пт. – для аннотаций, списка литературы, а также для таблиц, рисунков, выделенных в отдельный абзац цитат и примеров. Примеры в тексте выделяются курсивом, значение слова обозначается английскими одиночными кавычками (например, ‘слово’). Межстрочный интервал одинарный. Абзацный отступ 12,5 мм устанавливается для всего текста; отступ снимается для расположенных по центру заголовка и подзаголовков, для таблиц и рисунков и подписей под ними.

Ссылки на источники – в квадратных скобках по номеру источника в списке литературы с указанием номера цитируемой страницы: [12, с. 56]. Ссылки на ряд работ разделяются точкой с запятой [12; 15].

Список литературы нумерованный алфавитный (сначала на русском языке); описание источников полное с указанием издательства, количества страниц для монографий и других книг, страниц «от» и «до» для статей. Не допускается замена тире дефисом при указании диапазона страниц и лет «от» и «до». При описании автореферата указываются номер специальности и название организации, в которой проходила защита.

Сведения об авторе (фамилия заглавными буквами, имя и отчество полностью строчными буквами, ученая степень, ученое звание, место работы, должность с указанием названия кафедры) сопровождаются адресом электронной почты.

Электронный вариант статьи (фамилия автора_название файла) направляется по электронной почте на адрес ответственного за соответствующий выпуск журнала; распечатка статьи и лицензионный договор направляются простым письмом на адрес, указанный в контактных данных. Аспирант высылает также заверенную рецензию научного руководителя. Публикация статьи аспиранта является бесплатной.

Редколлегия

Журнал «Вестник Тверского государственного университета, Серия: Филология» решением Президиума ВАК включен включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (в редакции 2015 года).

Контактные данные редакционной коллегии
ВЕСТНИК ТвГУ. Серия: ФИЛОЛОГИЯ
170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33, каб. 207
Тверской госуниверситет, телефоны: (4822) 34-46-56
Главный редактор – Залевская Александра Александровна,
e-mail: aazalev@mail.ru

Ответственный за выпуски № 1 и № 3 – заместитель главного редактора Гладилина Ирина Владимировна, e-mail: Gladilina.IV@tversu.ru. Тематика: литературоведение, лингвистика, журналистика. Адрес для отправки печатных материалов: 170002, Тверь, пр-т Чайковского, д. 70, ТвГУ, филологический ф-т, Гладилиной И. В.

Ответственный за выпуски № 2 и № 4 – ответственный секретарь Оборина Марина Владимировна, e-mail: mobor@mail.ru. Тематика: лингвистика, межкультурная коммуникация, перевод, двуязычие. Адрес для отправки печатных материалов: 170100, Тверь, ул. Желябова, 33, ТвГУ, ф-т ИЯиМК, Обориной М. В.

Адреса страницы на сайте, где размещены правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, включая шаблон, лицензионный договор, примеры оформления библиографического списка: http://rgf.tversu.ru/node/408; http://filologia.tversu.ru/pages/287.

Вестник Тверского государственного университета
Серия: Филология № 1 (60), 2019

Подписной индекс: 80208 (каталог российской прессы «Почта России»)

Подписано в печать 6.03.2019. Выход в свет 20.03.2019.
Формат 70×108/16. Бумага типографская № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,8.
Тираж 500 экз. Заказ № 84.
Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет».
Отпечатано в редакционно-издательском управлении Тверского государственного университета.
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корп. Б.
Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.
Цена свободная.